

Юлия Набокова Осторожно: добрая фея!

://www.fenzin.org

«Набокова Ю. В. Осторожно: добрая фея!»: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.; 2007
ISBN 978-5-93556-955-6

Аннотация

Бойтесь фею, добро замышляющую! Она не остановится ни перед чем, чтобы осчастливить свою крестницу. Повезло родиться принцессой? Жить во дворце? Носить корону? Иметь в женихах самых завидных холостяков королевства? Не стоит радоваться раньше времени – добрая фея уже спешит на помощь! Держись, принцесса, – скучать не придется!

Юлия Набокова Осторожно: добрая фея!

- Вы кто?
- Я? Добрая фея!
- А почему с топором?
- Вот видите, как мало вы знаете о добрых феях!

Анекдот

ПРОЛОГ

Пол застилал пестрый ковер, под ногами хрустела шелуха, спина ныла от напряжения. При тусклом пламени свечи сложно было различать зернышки, приходилось ориентироваться на ощупь.

– Овес, гречка, просо, гречка, просо, овес, овес, просо, – сосредоточенно шептала девочка, осторожно ползая на коленках и разбирая крупинки. Просо – в карман, гречку – в чепчик, овес – в деревянный башмачок. Когда они наполнятся, она ссыплет зерна в большие емкости и начнет по новой.

Просто удивительно, как это нянюшка Рина умудрилась опрокинуть мешок с просом, бочку с гречкой и корыто с овсом – и все это одновременно! Ведь не великан какой-нибудь, а

тщедушная старушка, в которой еле жизнь теплится. А злыдня Сюзанна ее еще наказывать хотела – Рина такого бы точно не пережила. Хорошо еще, что мачеха кричала так громко, что и папа, с некоторых пор имевший привычку запирается на чердаке и вздыхать на луну (у него это называлось «изучать звезды»), ее бы услышал, если бы с утра не уехал по делам. А уж она-то была всего этажом выше и быстро примчалась на выручку своей старой нянюшке. Сюзанна Рину с первого дня невзлюбила, когда, обходя дом на правах новой хозяйки, положила глаз на комнату падчерицы и вздумала поселить в ней свою собственную дочурку Ядвигу, по вредности не уступающую мамаше. Рина тогда вступилась за воспитанницу и отца на свою сторону перетянула, так что Белинда осталась жить в своей комнате с видом на городскую площадь с фонтаном, а мелкой вреднуге досталась равноценная комната, но с окнами на скотный двор.

С тех пор началась в доме настоящая война. Сюзанна, не решаясь открыто нападать на падчерицу, изводила трудными поручениями старенькую нянюшку, а стоило Рине заикнуться о возрасте и здоровье, как грозились уволить «никчемную старуху». У отца Белинда поддержки не нашла – тот после женитьбы сделался вялым, безынициативным, во многом слушался Сюзанну и соглашался с ней в том, что Рина уже стара, слаба и к службе не годна, а Белинда достаточно взрослая девочка и не нуждается в услугах няньки. Как было объяснить папе, что с появлением мачехи Рина осталась для нее единственным близким человеком, который искренне о ней заботился и поддерживал? Самого отца и всех остальных слуг Сюзанна как будто околдовала, и те всегда принимали ее сторону. Вот и приходилось помогать нянюшке с работой, которую взваливала на старушку мачеха.

– Вот ведь, – кручинилась Рина, – молодухой была, отродясь полы не мыла и котлы не чистила, только за детишками присматривала и всегда уважением пользовалась. А на старости лет хуже последней чернавки сделалась.

Белинда утешала нянюшку, отбирала швабру и щетки и принималась за самую грязную работу. Благо других занятий у нее теперь не было – Сюзанна разогнала всех ее учителей после того, как они дружно объявили, что Ядвига, которую мачеха всучила им в нагрузку, к учебе не пригодна, а мудрый философ к тому же добавил, что глупость неизлечима. Тогда Сюзанна быстро убедила мужа в том, что науки вредят воспитанию, и образование Белинды на этом закончилось. Девочка тайком продолжала читать книги в свободное время, но его оставалось не так много, учитывая тот объем работ, который взвалила на нянюшку новая хозяйка. Мачеха, конечно, быстро поняла, кто помогает Рине разбираться с делами, и совсем разошлась.

Понятное дело, думала Белинда, разбирая зернышки, что няня здесь ни при чем. Куда уж сухонькой старушке перевернуть тяжелую бочку и опрокинуть полное корыто и мешок, набитый под завязку! На это способна только разъяренная мегера Сюзанна, которая целыми днями палец о палец не ударит: силы копит, чтобы потом окружающим очередную свинью подложить. Но спорить с гневной мачехой – себе дороже. Уж проще разобрать весь этот бедлам по крупинкам. Девочка в изнеможении присела на пол и подвела неутешительные итоги. В чепчике – от силы горсть, в кармане и того нет, а в башмачке...

– Ядрена фига, – с чувством выругалась она, заметив, что овес в башмаке наполовину перемешан с просом. Задумавшись о каверзах мачехи, девочка по рассеянности смешала зерна. Вот почему в кармане их оказалось так мало.

От обиды засвербело в носу. Белинда схватила башмачок и со всей силы швырнула его об стену, рассыпав зернышки, которые с таким трудом собирала по всему полу. Башмак отлетел в угол, где темной грудой были свалены мешки с зерном, и Белинде показалось, что оттуда раздался сдавленный писк. Но сейчас ей некогда было жалеть придавленную мышь. Каждый раз, когда мачеха доводила ее до такого состояния, у девочки начинало щипать в носу, а с кончиков пальцев срывались золотистые искорки. Если в такой момент загадать желание и щелкнуть пальцами, рассыпав в воздухе шепотку искр, то оно обязательно исполнится – правда, с некоторыми погрешностями, но это уже мелочи. Увы, как ни мечтала Белинда превратить мачеху и ее дочку в лягушек или заслать их на край света, этим мечтам

не суждено было сбыться; зато, если пожелать что-то доброе, результат не заставлял себя ждать. Вот и сейчас искорки, слетевшие с пальцев, были как нельзя кстати.

Щелчок пальцами – и ниточка зерен проса взлетает вверх, нанизывая на невидимый стерженек все новые и новые зернышки и поднимая их с пола в воздух. Еще щелчок – и крупички гречки собираются в другую цепочку, свиваясь в коричневую спираль под потолком. От третьего щелчка, последнего, овес, оставшийся на полу, собирается в кучу.

– По местам, – шепчет девочка, и длинная нитка проса змейкой ныряет в большой холщовый мешок, на глазах наполняя его. Не отстает и гречневая цепочка, тонкой струйкой засыпая до верха пузатый деревянный бочонок. Запрыгивает в дощатое корыто овсяный ком и, ударяясь о его бока, рассыпается на отдельные зернышки.

«Мачеха будет довольна», – устало думает Белинда. «Довольна? – язвит в голове тоненький голосок. – Да она лопнет со злости!» «Не лопнет», – возражает девочка. «Не лопнет, – ехидно соглашается голосок, – а придумает новую каверзу, еще более затейливую».

– Ведьма! – злорадно вопит Ядвига, вылезая из-за мешков, сваленных в углу, и, не дав сводной сестре опомниться, уже мчится по лестнице вверх, захлебываясь от восторга и повторяя: – Ведьма, мама, ведьма! Я все видела!

До возвращения отца Белинду продержали под замком в подвале.

– Дорогой, ты же понимаешь, – услышала девочка, когда хмурый слуга привел ее в гостиную, – это просто недопустимо!

Мачеха, стоя к ней спиной, заламывала руки, втолковывая что-то серьезному отцу. Ее густые волосы, свитые жгутами, как черные гадюки змеились по спине.

– Мы не можем жить под одной крышей с ведьмой. – Голос Сюзанны звенел от едва скрываемого злорадства. – А если завтра она вздумает превратить нас в жаб?

– Если бы я могла это, ты давно бы месила тину в ближайшем болоте, – запальчиво бросила Белинда, подходя ближе.

Мачеха, отшатнувшись от нее, бросилась на шею отцу.

– Дорогой, ты слышал, что она сказала? Какие еще доказательства тебе нужны? Твоя дочь – настоящая ведьма!

– Она всего лишь сказала, что будь она ведьмой, то сделала бы это, – с усмешкой поправил ее отец, потирая виски, ставшие седыми после смерти первой жены. На его некогда подвижном и улыбчивом лице словно застыла ледяная маска безучастности и равнодушия. Иногда Белинде казалось, что мачеха заменила горячее сердце отца на ледышку, поэтому он стал таким равнодушным к собственной дочери.

– Я не ведьма, – вспыхнула девочка.

– Я знаю, – мягко улыбнулся отец, и сквозь ледяную маску проступило тепло морщинок в уголках рта и глаз, на мгновение возвращая ему прежний, уже почти забытый Белиндой облик. – Ты не ведьма. Ты – волшебница...

– Как ни назови, а все равно – ведьма! – встряла мачеха.

– Как и твоя мать, – словно не слыша ее, добавил мужчина с седыми висками.

– Что? – ошеломленно воскликнула Белинда.

– Что?! – завизжала Сюзанна. – Ее мать была ведьмой? И ты молчал?

– Не кричи! – оборвал ее отец. – И не смей называть Этель ведьмой. Она была величайшей волшебницей. До тех пор пока не стала матерью.

– Но почему я не знала об этом? – пылливо спросила Белинда, не обращая внимания на стенания мачехи («Бедная я, бедная! Попала в гнездо черной магии! Это ведьмино отродье меня до гроба доведет!»).

– Твоя мама отказалась от волшебства после твоего рождения, – поколебавшись, объяснил отец. – Она считала тебя самым большим своим чудом и не хотела подвергать ребенка опасности, с которой часто бывает сопряжено применение магии. Она никогда не демонстрировала при тебе свои способности: не хотела, чтобы ты знала об этом.

– Но почему?

– Она опасалась, что ты захочешь стать волшебницей, как и она, и будешь просить научить тебя магии.

– Но разве это так плохо? – смешалась Белинда.

– Я не знаю, что заставило ее отказаться от своего дара, но уверен, что причина была очень и очень серьезной. Она не хотела, чтобы ты была волшебницей. Но, видимо, ее дар передался и тебе.

– Я сегодня же собираю вещи! – повысив голос, объявила Сюзанна.

– Скатертью дорожка, – обрадовалась Белинда.

– Я собираю твои вещи, – с противной ухмылочкой уточнила мачеха. – Завтра же тебя здесь не будет!

– И где же она будет? – угрожающе произнес отец.

– У чародейки конечно же! – медовым голосом пропела Сюзанна, адресуя супругу самую сладкую свою улыбку. – Девочке нужно научиться управлять своими способностями, а для этого ее следует отдать в ученицы к волшебнице. В соседнем королевстве как раз живет одна такая...

Белинда умоляюще обратилась к отцу:

– Я не хочу уезжать!

– Сюзанна права, – избегая ее взгляда, ответил он. – Ты должна...

– Ничего я не должна! Мама не хотела, чтобы я была волшебницей, значит, я ею не буду! – топнула ногой Белинда.

Отец задумался.

– Но, дорогой! – повысила голос мачеха. – Она колдовала в подвале, Ядвига видела!

– Может быть, напомнить, как я там очутилась? – вежливо предложила Белинда.

– Да, кстати, – озадачился отец, – а что ты там делала? Вы с Ядвигой играли в прятки?

– Скорее, Ядвига играла в шпиона, а я...

– А-а-а! – страшным голосом вскричала мачеха и юлой завертелась на месте. – А-а-а!

– Что случилось? – всполошился отец.

– А-а-а! – продолжила вопить Сюзанна, взмахивая руками и ожесточенно почесываясь. – Она наслала на меня порчу, я вся чешусь!

– Белинда! – Отец сурово сдвинул брови.

– Но, папа, – возмутилась девочка, – я не...

– Не желаю ничего слушать, – возразил отец. Закатав рукав Сюзанны до локтя, он обнаружил на лилейной коже супруги зреющие на глазах нарывы и в бешенстве повернулся к дочери.

– Но это не я! – смешалась та.

Не переставая стенать, Сюзанна за спиной отца злорадно улыбнулась и показала девочке язык. У Белинды от гнева защипало в носу, а с пальцев посыпались золотые искры.

– Ну что я говорила! Это все она! Она смерти моей хочет! – взвизгнула Сюзанна, прячась за спину мужа.

– Вон отсюда! – рявкнул отец на дочь и, отвернувшись, принялся утешать стонущую супругу.

Белинда сорвалась с места и понеслась прочь. От отца, ставшего ей совсем чужим, от дома, переставшего принадлежать ей, от мачехи, показавшей свое истинное лицо.

Лицо ведьмы.

Глава 1 СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ ПРАЧКИ АННЕТ

Не было бы счастья, да королева родила!

Аннет

Если бы в королевстве Эльдорра вздумали выбрать самую бедную, обездоленную, униженную и оскорбленную жительницу, ею вне всякой конкуренции стала бы дворцовая прачка Аннет.

Но в первый весенний день пятого года правления короля Кристиана сама Аннет чувствовала себя счастливейшей женщиной не только в Эльдоре, но и в целом мире. Причиной тому был сверток из застиранной и пестрой от заплаток ткани, который прачка с благоговением держала в руках.

– Я назову тебя Анжеликой в честь любимицы королевы, – с нежностью прошептала она, и сверток заворочался в ее красных, огрубевших от тяжелой работы ладонях, впился в лицо Аннет взглядом круглых темно-голубых, как вода в январской проруби, глаз и протестующе пискнул.

– Не нравится? – простодушно удивилась прачка и принялась перебирать в памяти имена своих постоянных клиенток – дам из королевской свиты. Аннет была уверена, что с таким именем ее дочурку ждет куда более красивая жизнь, нежели ее собственная. – Что, если Гортензия? – с надеждой произнесла она, вспомнив изящную брюнетку-графиню, служанка которой, забирая ворох чистой одежды, всегда оставляла прачке серебряную монетку – невиданная щедрость! Но малышка лишь нахмурила бровки и недовольно уставилась на мать. – Вот ведь незадача, – огорчилась та. – А как тебе Каролина? Нет? Ладно, ладно... А Матильда? Тоже не нравится? Тогда – Виктория? Опять нет? А вот какое красивое имя – Габриэлла, – перечислила она имена самых богатых леди королевства, сделавших удачную партию. – Тоже нет? Тогда, может, Виолетта? – с придыханием спросила Аннет, огласив имя самой прекрасной придворной дамы, и неуверенно добавила: – Ты даже на нее чем-то похожа...

Девчушка недовольно завозилась в ее руках, и мать с облегчением вздохнула:

– Ну и хорошо, задавака она, эта Виолетта, слуг за людей не считает, то ли дело – Элеонора, та хоть и не такая красавица, зато нос от нас не воротит.

Но Элеонорой новорожденная зваться тоже не пожелала.

– Как жаль, что твой отец не дожил до твоего рождения, – вздохнула Аннет. – Уж он бы смог разрешить мои сомнения. И крестных фей у таких, как мы, увы, не бывает. Волшебница-то всегда подсказала бы счастливое имя для своей крестницы.

Дочь в ответ только угукнула и наклонила голову: мол, сама справляйся.

Запас имен уже подходил к концу.

– Натаниэлла? Флоренсия? Сесилия? – с надеждой перечисляла прачка, но ответом ей было недовольное сопение и ворчание. – Ну не Мари же тебя называть! – с досадой сказала под конец молодая мать, и малышка заинтересованно причмокнула губами. – Нет-нет-нет! – взволнованно возразила Аннет. – Половину дворцовой прислуги зовут Мари. Мари – это бедность, Мари – это тяготы и лишения, Мари – это крест на счастливой жизни. Мари – это когда гнешь спину от зари до зари за медную монетку, выслушиваешь одни оскорбления и выходишь замуж за последнего бедняка или непросыхающего пьяницу, который тебя к тому же и бьет. Не такой жизни хочу я для тебя, моя сладкая!

Но в ответ на эти убедительные доводы девочка только радостно агукала и безмятежно улыбалась.

– Хуже Мари может быть только Аннет! – горько всхлипнула мать и решительно заявила: – Нет, Каролина, даже не уговаривай меня!

На что дочь разразилась такой убедительной истерикой, что у прачки заложило уши и успокоить разбушевавшуюся малышку смогли только слова:

– Тише, моя Мари, тише.

Отстоявшая свое право новорожденная расслабленно обмякла в руках матери.

– Что ж, Мари так Мари, – вздохнула та и чуть слышно добавила: – Буду звать тебя так, но полным именем будет Марта – в честь весны, когда ты родилась. Может, весна возьмет тебя под свое покровительство и подарит хоть чуточку своего процветания.

С рождением дочери и без того тяжелая жизнь прачки сделалась еще тягостней. Работы не убавилось, напротив, измотанной и обессиленной женщине казалось, что ее стало еще больше. Уже на следующий день после родов она вновь стояла у лохани с бельем и отстирывала в чуть теплой воде пятна от вина и новомодного лакомства – шоколада – на тончайшей ткани изысканных нарядов свиты и самой королевской семьи. Слуги помогали ей, как могли: кучер таскал тяжелые ведра с водой, две другие прачки старались взять на себя больше стирки, но и они не справлялись с объемом работы. Аннет не жаловалась на свою участь – после гибели мужа, который зимой сорвался с крыши дворца во время починки кровли, дочь стала ее единственной отрадой и смыслом жизни. Она с негодованием отвергла предложение управляющей, прозванной Злюкой, сдать девочку в приют и поклялась ей, что рождение ребенка никак не скажется на качестве ее работы.

Выполнять клятву было невероятно трудно. Казалось, злобная баба специально нагружает ее стиркой, чтобы вынудить сдаться, поймать на невыполнении обязанностей и поставить перед выбором – или работа за медный грош, или дочь. По ночам Аннет плакала в свою соломенную подушку, а днем трудилась на пределе своих возможностей. Так не могло продолжаться долго, и все шло к тому, что прачка потеряет свою работу... Через две недели это произошло. Рождение дочери у королевы Гвендолин положило конец восьмилетней карьере прачки Аннет.

За несколько дней до этого события придворный лекарь объявил, что королева вот-вот разрешится от бремени. Эта весть мигом облетела дворец, и в прачечную доставили двенадцать корзин с грязным бельем. Его следовало немедленно привести в порядок к праздничному балу, который даст король в честь рождения первенца.

Коллеги Аннет засучили рукава, а Аннет схватилась за пищащую дочь, требующую очередной порции молока. За этим занятием и застала ее Злюка, нагрянувшая с очередной проверкой. Тон вредной бабы, с садистским наслаждением отчитывающей ее мать, так не понравился юной Марте, что та возопила во всю силу своих младенческих легких и, увлекшись сольным исполнением, не смогла остановиться и после ухода Злюки. Терпение Аннет убывало, а вот белья в корзине не убавлялось, а то, чтокисло в лохани, не спешило стираться само собой. Прачка безуспешно пыталась унять голосающую дочь, но та замолкала лишь на ее руках – стоило положить девочку в колыбельку, которая стояла тут же, рядом с корзинами и лоханью, на мокром от воды и скользком от мыльной пены полу, как та заходила в плаче. Обеспокоенная Аннет решила пренебречь своим основным принципом: «Никогда не замачивай на завтра то, что можно выстирать сегодня» – и собралась на следующий день совершить невозможное и перестирать три корзины белья – ее сердобольные товарки взяли на себя по четыре с половиной корзины каждая, забрав часть ее работы. Это решение стало для прачки роковым.

Королева разродилась раньше времени, той же ночью. Бал был перенесен на вечер того же дня. Одежда, которую перестирали другие прачки, едва успела высохнуть, а леди и джентльмены, не дождавшиеся своих нарядов к балу, обрушили шквал негодования на голову управляющей. Та не замедлила перенести их гнев на несчастную Аннет и поспешила дать ей расчет.

– Куда же я пойду? – рыдала прачка, прижимая к груди плачущий сверток. – У меня никого нет!

– Раньше надо было думать, милочка, – прошипела Злюка, сунув ей в руку горсть медных монет. – Нечего плодить нищету.

– Раньше у меня был муж! – пронзительно всхлипнула Аннет. – Он был мне поддержкой и опорой.

– А потом я предлагала тебе приют, – злорадно припомнила управительница. – Ты отвергла мою милосердную помощь. Так что счастливо оставаться – тебе и твоей горемыке.

– Не говорите так! – возмутилась молодая мать.

– А что я сказала не так? – язвительно поинтересовалась Злюка. – Или ты думаешь, что твоя оборванка счастливицей уродилась? Какая мать, – она окинула презрительным взглядом

вытертую и заплатанную одежду прачки, – такая и дочь будет.

– Да что вы понимаете! – вскинулась на защиту малышки Аннет.

– Или ты думаешь, высшие силы приставят к ней добрую тетушку-фею, которая ее жизнь в сказку превратит? – продолжала издеваться управительница.

– А почему бы и нет? – вспыхнула прачка.

– Тогда ты еще глупее, чем я думала, – фыркнула Злюка. – Что ж, отправляйся искать ее за дверями этого замка. Чтобы духу твоего здесь к вечеру не было.

И вредная баба резко развернулась на каблучках и собиралась величественно выплыть из убогой комнатухи, когда судьба подставила ей подножку: дама поскользнулась на мыльном полу, замахала руками, пытаясь удержать равновесие, но вместо этого проехала по доскам к лохани и приземлилась прямо в холодную грязную воду, которая осталась после вчерашней стирки. Смачно чавкнула вода, переливаясь через край, полетели в стороны брызги, заверещала управительница, прыснула, спрятав лицо, прачка. Юбки Злюки мгновенно напитались водой и придавили свою хозяйку к дну лохани. Она беспомощно барахталась в посудине и сыпала ругательствами, не в силах подняться.

– Вам помочь? – преувеличенно любезно поинтересовалась Аннет.

Вместо ответа управительница с силой дернула ногами, пытаясь принять хотя бы полусидячее положение, и вовсе перевернула лохань так, что ее дно оказалось у нее за спиной, а край – под пятой точкой. Мыльная вода хлынула на доски, тут же превратив пол каморки в палубу тонущего корабля. Злюка дернулась всем телом, силясь подняться, но вместо этого распласталась на полу лицом вниз. Сверху на нее рухнула лохань.

Аннет округлившимися глазами посмотрела на оборки юбок, расплывшиеся из-под краев посуды, и коротенькими шажками, стараясь не поскользнуться, крепко прижимая к себе затихшую дочку, ринулась к двери. Надо было спастись бегством, пока старая ведьма не очнулась. Теперь путь во дворец ей был навеки закрыт. Злюка никогда не простит ей того, что жалкая прачка стала свидетельницей ее позора, и уж наверняка сживет со свету. Только куда же теперь идти? Аннет беспомощно оглянулась и робко шагнула к двери в самом конце коридора.

В тот же день волшебницы Эльдорры собрались на чрезвычайное заседание. Повод для встречи был серьезный – рождение принцессы. Помимо основных своих занятий, чародейки брали на себя опеку над самыми родовитыми и богатыми наследницами королевства, проще говоря подрабатывали крестными феями. Иметь в крестных волшебницу считалось хорошим тоном и было модно среди аристократических семейств. Были времена, когда виконты и герцоги устраивали целые аукционы, чтобы заполучить для своих дочек самую искусную представительницу магической профессии. Но затем менее востребованные чародейки взбунтовались, создали Общество защиты крестных фей (ОЗФ) и выработали целый кодекс правил в отношении распределения крестниц и собственных обязанностей. Согласно кодексу, при рождении каждой именитой девочки¹ волшебницы собирались на совещание, на котором общим голосованием и выбиралась будущая опекунша. Из числа претенденток исключались те, у кого уже имелись крестницы. Таким образом, на право стать крестной феей для принцессы сегодня претендовали семь волшебниц. Четверо – с солидным послужным списком счастливо выданных замуж крестниц (благополучное замужество подопечной считалось высшей задачей феи, с ним прекращалось участие волшебницы в судьбе девушки), две подающие надежды молодые чародейки и одна юная неумеха, пропустившая собрание из-за очередного неудачного колдовства.

– Кто бы сомневался, – пренебрежительно хмыкнула Патриция, одна из семи кандидаток в крестные принцессы, когда глава ОЗФ Лукреция зачитывала пергамент от

¹ Мальчиками ведали маги, но почему-то институт крестных магов в королевстве не прижился, и крестный фей был большой редкостью. – *Здесь и далее примеч. авт.*

отсутствующей Белинды, полученный с полуденными голубями.

– Итак, – обратилась она к притихшим коллегам, – надеюсь, все понимают, что реальных претенденток на это место семь?

– Зря ты так о девочке, – укорила ее убеленная сединами соседка Агнесс, крестная шестнадцатилетней дочери герцога. – Между прочим, я бы не стала списывать ее со счетов. Это место просто создано для нее.

По рядам собравшихся пронесся ропот.

– А почему нет? – продолжила свою мысль уважаемая волшебница. – Подумайте сами. Сама судьба уготовила новорожденной девочке счастливую жизнь. Ее родители красивы и умны, значит, и дочку красотой и умом природа не обделила. Они богаты и наделены властью – значит, она никогда не будет знать нужды ни в деньгах, ни в женихах. У принцессы есть все для счастья. В ее случае наличие крестной феи – скорее дань моде, нежели необходимость. Крестной и трудиться-то особо не придется – с ее обязанностями справится и волшебница-недоучка. Это работа для лентяйки, а не для трудолюбивой чародейки.

В зале повисла настороженная тишина. Никому из кандидаток не хотелось признавать себя лентяйкой или недоучкой, но в то же время каждая мечтала заполучить себе в крестницы саму принцессу и утереть нос остальным. Не так уж часто в Эльдоре появляются на свет девочки королевских кровей, за последние пятьдесят лет это всего второй случай.

– Ты права, Агнесс, эта девочка родилась с золотой ложкой во рту, и ей нет большой нужды в крестной фее, – признала Лукреция. – И ты права, что ее крестной не придется особенно утруждать себя, устраивая судьбу подопечной. Достаточно будет не мешать ее жизни идти своим чередом. Но ты можешь поручиться, что Белинда будет стоять в стороне и не разовьет бурную деятельность по осчастливливанию своей первой крестницы? Вспомни, как она мечтает попробовать себя в этом качестве, сколько прошений она подавала за год членства в ОЗФ. Неужели ты думаешь, что, если мы дадим ей такой шанс, она им не воспользуется – в свойственной ей манере?

Среди собравшихся пробежал короткий смешок.

– Ты знаешь мое отношение к Белинде, – продолжила Лукреция, – я уверена, что девочка еще проявит себя с лучшей стороны. Но, как глава фей, я должна в первую очередь заботиться о благополучии принцессы. Зная Белинду, можно ожидать чего угодно: и что королевская казна истощится, и что принц, предназначенный ей, влюбится в другую, а сама принцесса подурнеет лицом и поглупеет до состояния винной пробки, – закончила свою речь фея.

– Как скажешь, – махнула рукой ее оппонентка. – Я всего лишь предположила, что большого вреда не будет...

– Крестная фея должна приносить пользу, а не вред! – строго сказала Лукреция. – И тем более мы не можем рисковать благополучием королевской семьи.

– Но ты же знаешь Белинду, – возразила Агнесс. – Она не успокоится, пока не добьется своего.

– Да уж, упрямая, как ослица! – пробурчала Лукреция.

– Что, если мы поручим ей опеку над какой-нибудь новорожденной девочкой из бедной семьи? – предложила Агнесс. – Хуже-то не будет.

– Хуже быть не может только в том случае, если ее родители – самые бедные и несчастные люди в королевстве, – язвительно встала Патриция.

– А что, это мысль, – оживилась Лукреция и обернулась к блюдцу, висящему у нее за спиной. – Ну-ка, покажи нам самую несчастную молодую мать в Эльдоре!

Матовую темно-синюю поверхность словно заволокло дымкой, а когда она развеялась, блюдец отразило плачущую молодую женщину в сером чепчике и заплатанном бесформенном платье, сидевшую на скамье в темной камере и державшую на руках младенца.

– Ближе, – требовательно запросила Лукреция.

Блюдце, повинаясь ее властному голосу, приблизило изображение ребенка: большие голубые глаза, губки бантиком, вздернутый носик. До слуха собравшихся донесся приглушенный голос матери: «Куда же нам теперь идти, Мари? На что теперь жить?»

– Вот и подходящая девчушка! Похоже, ее мать в отчаянии, и положение более бедственное трудно себе вообразить. Вряд ли помощь Белинды сможет им повредить, – рассудила Агнесс.

– Вы недооцениваете Белинду, – хмыкнула Патриция, но запнулась, поймав укоризненный взгляд соседки.

– Хотя бы из уважения к ее матери, – добавила Агнесс, обращаясь к Лукреции, – дай девочке шанс проявить себя.

– Что ж, раз ты настаиваешь и если никто не против... – глава фей обвела взглядом собравшихся чародеек, но возражений не последовало, – тогда поручим Белинде опеку над этой девочкой. А теперь, я надеюсь, мы можем перейти к главной теме нашего собрания?

Волшебницы оживились и приготовились выслушать предвыборные речи кандидатов на роль крестной для принцессы.

– Аннет, просыпайся! Просыпайся скорей! Тебя ищут!

– Кто? – перепугалась прачка, вскакивая со скамьи, на которой провела ночь. Впрочем, почему провела? Аннет бросила недоуменный взгляд на темное окно. Значит, ночь еще продолжается, кому же она понадобилась в такое время? – Злюка узнала, что я здесь?

– Нет, не волнуйся, я ей ничего не сказала, – успокоила ее судомойка Одиллия, приютившая подругу до утра в своей камерке. Другие слуги по несколько человек жили в более просторных комнатах, а Одиллия жила одна по той простой причине, что в бывший чулан, который ей отвели для жилья, помещался всего один лежак, да и тот пришлось изрядно укоротить. – Хотя она преувеличенно внимательно тобой интересовалась и просила передать тебе, что хочет извиниться...

– Что?! Оди, ты шутишь?

– Нет, – протянула служанка. – Ты знаешь, кажется, она не в себе после того, как твоя лохань ей на макушку брякнулась.

– Еще бы, я ее понимаю, – прыснула Аннет. – Поди, свирепствует, рвет и мечет.

– Наоборот, – со смешком поведала Одиллия. – Ходит как шелковая, не ругается, не скандалит, меня сегодня похвалила за усердную работу – представляешь? Наша Злюка сделалась сама доброта. Давно надо было ее в лохань уронить.

– Оди, – поторопила ее Аннет, – так кто же меня ищет, если не она?

– Не поверишь – придворный лекарь! – взволнованно сообщила судомойка. – Он на кухне уже побывал, сейчас сюда спустится.

– О боже! – непонимающе вскрикнула прачка. – Я-то ему зачем, Оди? Или он мне хочет предъявить счет за исцеление Злюкиной макушки?

– Не знаю, чего он хочет, но я бы на твоём месте не высывалась, – посоветовала Одиллия. – Сиди тихо. А лучше спрячься в углу под тряпками, – она указала взглядом на ворох подстилок и одежек, которыми прислуга спасалась от холода в своих нетопленных комнатусах.

Аннет послушно скользнула к тряпичной куче, прижимая малышку к груди, и тут Марта, потревоженная ото сна, раскрыла рот, намереваясь спеть свою самую громкую песню.

– Нет-нет-нет, только не это, Мари! – испуганно зашептала мать. – Нет, Мари, моя малышка Мари, моя славная Мари. Тихо-тихо, не выдавай свою мамочку!

Девочка заворожено внимала словам матери и, словно прислушавшись к ним, закрыла ротик, а за ним и глазки. Аннет облегченно вздохнула и юркнула в мягкий ворох тряпья. Да как раз вовремя – в коридоре раздался шум, сквозь дверную щель мелькнули отблески огня.

– Сиди, как мышка! – шепотом предостерегла Одиллия, накинула сверху тряпку, замаскировав беглянку, и на цыпочках подкралась к двери, прислушиваясь к шуму. Ее

комнатушка находилась в самом конце коридора, и судомойка слышала, как содрогаются от требовательного стука двери ее соседей, как дрожат от волнения голоса заспанных слуг и как звучит имя прачки в устах строгого лекаря. Шум приближался все ближе, вот стукнула дверь ее ближайших соседок, поломоек. Одиллия затаила дыхание и бросила взволнованный взгляд на ворох тряпок, под которыми укрылась Аннет. Все было тихо: прачка замерла в своем убежище, ее дочка тихонько спала. Только бы она не проснулась! Решив не дожидаться, пока кулак лекаря обрушится на дверь ее каморки, судомойка высунула нос в коридор. И как раз вовремя: процессия в лице лекаря и горничной, держащей фонарь над головой, уже потеряла интерес к поломойкам и двинулась к последней двери.

– А что, если мы ее не найдем, господин Жюльен? – тоненько пискнула горничная.

– Молись, чтобы нашли, – взволнованно ответил лекарь. – Иначе нам несдобровать.

– Но ведь есть же другие! – возразила служанка.

– Других мы сможем найти только завтра, – огрызнулся лекарь. – А к тому времени королева из нас душу вытрясет!

– Не нашли? – поинтересовалась Одиллия, выскальзывая из-за двери и прикрывая ее за собой.

– Это вы? – Разочарование лекаря было так велико, словно он был осужденным на казнь, которому только что отказали в помиловании.

– Я, – смущенно призналась судомойка.

– Дьявол! – не сдержавшись, воскликнул придворный лекарь и обернулся к хорошенькой горничной: – Эту девушку я уже допрашивал на кухне. Она ничего не знает. Боюсь, не сносить нам с тобой головы. – Жюльен с досадой ударил своим могучим кулаком по стене.

Одиллия вздрогнула, с опаской покосившись на дверь, и в этот момент из ее каморки раздался залиvistый плач младенца. Оттолкнув судомойку в сторону, лекарь бросился в комнату.

Так Мари, вовремя подав голос, круто повернула жизнь матери и свою собственную.

Глава 2

БЕЗУМНЫЙ ДЕНЬ, ИЛИ ДЕБЮТ БЕЛИНДЫ

Нет на свете такого заклинания, которое не под силу испортить нашей крестной фее.

Аннет

Аннет ликовала. Кто бы мог подумать, что ее дочка станет для нее билетом в высшую лигу слуг! Прачка в самых дерзких мечтах и помыслить не могла о том, что станет кормилицей новорожденной принцессы. Однако ж – нате! – стала. К счастью для Аннет, у королевы не было молока, а она оказалась единственной служанкой во дворце, которая смогла компенсировать эту недостачу. Лекарь чуть ей руки тогда не целовал, когда нашел в каморке Одиллии, и дурашливо причитал, что, если бы не она, королева Гвендолин это молоко из него бы самого сцедила.

Конечно, не будь на дворе ночь и не зайдись новорожденная принцесса плачем от голода, вполне возможно, Аннет бы так не повезло, и кормилицу нашли бы на следующий день путем придирчивого отбора среди дородных горожанок. Но удача улыбнулась бедной разжалованной прачке: на дворе была ночь, дородные горожанки сладко спали, а принцесса, возжелавшая свою порцию молока, со свойственной королевской нетерпеливостью не захотела ждать до утра.

Горничная, пришедшая с лекарем, срочно подобрала Аннет новое форменное платье и кипенно-белый передничек, какие носила королевская прислуга. Из-за белизны передничков чернорабочие называли эту прислугу «белой» и считали их задаваками, втайне мечтая

однажды очутиться на их месте. И буквально через десять минут после того как лекарь выудил сопротивляющуюся Аннет из вороха тряпья, она, умытая, причесанная, приодетая и преображенная до неузнаваемости, уже стояла у дверей королевской опочивальни. Даже статный и привлекательный Жюльен взглянул на нее с интересом и отвесил дежурный комплимент, чем поверг прачку в страшное смущение.

– Ты ее нашел, Жюльен? – обратилась к нему бледная и усталая женщина, в которой прачка с трудом признала блистательную королеву. Гвендолин она видела только однажды, когда Одиллия сильно простудилась и не смогла вымыть посуду во время пира, а Аннет вызвалась выручить ее. Вся кухонная прислуга тогда украдкой бегала смотреть на королевскую чету и их гостей. Не удержалась и Аннет: она смогла заглянуть в щелочку за портьерой, отгораживающей зал от хозяйственных помещений, на целых десять секунд...

Теперь не она, а уже королева разглядывала ее во все очи, как будто Аннет была какой-нибудь важной особой.

– А она мила, – с облегчением улыбнулась Гвендолин, обращаясь к лекарю. – Я боялась, что ты приведешь мне какую-нибудь чумающую страшилу.

– Она прачка, ваше величество, – любезно сообщил тот, как будто работа Аннет могла послужить ей рекомендацией.

– Прачка? – нахмурилась было королева, но тут же захлопала в ладоши. – Да это же просто восхитительно! Значит, она чистоплотная, раз имеет дело с водой. Что ж, милочка, – обратилась она к Аннет, – если вы понравитесь моей дорогой дочурке, о стирке можете забыть.

Дочурка, словно услышав, что о ней речь, тут же залилась оглушительным ревом. Аннет нерешительно глянула на детскую кроватку, утопающую в розовых кружевах.

– Что же ты стоишь? – поторопила ее королева. – Накорми ее скорей. Надеюсь, у тебя достаточно молока?

– Да-да, ваше величество, – пробормотала прачка, бросаясь к кроватке, – не извольте волноваться, его у меня даже больше, чем нужно.

У кроватки Аннет на мгновение замерла – ей показалось кощунством запускать свои огрубевшие красные руки в эти воздушные кружева, брать мозолистыми трудовыми ладонями это нежное, хрупкое дитя. Но дитя так трогательно причмокнуло губами и потянулось к ней ручонками, что прачка порывисто подхватила его на руки и, стыдливо отвернувшись к стене, расстегнула пуговички на платье.

Изголодавшаяся принцесса с наслаждением припала к разбухшей от молока груди и, втянув в себя половину ее содержимого, безмятежно уснула прямо на руках кормилицы.

Измотанная бессонной ночью королева с облегчением откинулась на подушки.

– Жюльен, – велела она, – распорядись, чтобы девушке приготовили ее новую комнату.

– А как же моя дочь? – испуганно шепнула Аннет, когда лекарь вывел ее в коридор.

– Не волнуйся, она переезжает вместе с тобой, – тепло улыбнулся он.

С той самой ночи жизнь прачки круто перевернулась. Она переехала наверх и поселилась на одном этаже с «белой» прислугой. От принцессы и королевской семьи ее теперь отделял только один этаж – таким образом, Аннет всегда была рядом, когда могла понадобиться, и в то же время ее голосистая дочурка не доставляла неудобств коронованным особам. Лекарь Жюльен стал все дольше задерживаться с ней наедине, ссылаясь на то, что должен наблюдать за здоровьем принцессы, но наблюдал он все больше за молоденькой кормилицей, не сводя с нее добрых карих глаз. Помимо поклонника, у недавней прачки появились новые наряды, теплый плед, удобная мебель и самая вкусная еда с королевского стола, ведь теперь от ее питания зависел вкус молока для юной принцессы. Ее новая комната была вчетверо больше прежней каморки – и все же в десяток раз меньше, чем детская ее подопечной.

На третий день своего пребывания в новой должности Аннет сидела в спальне принцессы, держала малышку на руках и кормила ее грудью, с любопытством разглядывая драгоценные подарки, которые прислали принцессе короли соседних государств и местные

аристократы. Подарки громоздились на узком столике напротив камина и переливались всеми цветами радуги в лучах утреннего солнца. Здесь был большой золотой конь с глазами-сапфирами; золотой ангелочек с очами-изумрудами, на крылышках которого сияли алмазы; виноградная гроздь из янтаря и изумрудное яблочко; похожая на редкий цветок бабочка из серебра с россыпями драгоценных камней и бутон золотистой розы, на лепестках которого застыли капельки бриллиантовой росы...

Аннет увлеченно наклонила голову, завороченно глядя, как мерцают искорки света, отражаясь от красивых стекляшек, как вдруг в комнату ворвался ураган и, пронесшись перед глазами перепуганной кормилицы, врезался в столик с подарками, опрокинув половину из них. С мелодичным звоном упала на пол роза, покатилося по паркету изумрудное яблочко, опасно накренился ангелок, и пустился вскачь стоящий на самом краю конь, подпрыгнув со стола и приземлившись прямоком на голубую туфлю нежданной гостьи, появившейся из эпицентра урагана, который развеялся так же быстро, как и возник.

– Ядрена фи́га! – завопила та, выдергивая носок туфли из-под копыт коня. – По мне как будто единорог проскакал!

Аннет круглыми глазами смотрела на незнакомку, которую непонятно каким ветром занесло на королевскую половину дворца. Это была невысокая худенькая девушка, ее ровесница, не старше двадцати лет. Ее прямые темные волосы были затянуты на затылке в узел, из которого торчала деревянная палочка, а губы перепачканы шоколадом. Одета она была в голубое платье с облегающим лифом и струящейся юбкой, а в руках держала остроконечный колпак с вуалью. От созерцания гостьи Аннет отвлек звук бьющегося стекла – это изумрудное яблоко, прокатившись через всю комнату, врезалось в чугунные ножки напольного подсвечника и раскололось на части.

– Ой! – пискнула Аннет, отнимая от груди насытившуюся принцессу. – Что теперь будет!

– Спокойствие! – с улыбкой осадил ее девушка. Затем быстрым движением выдернула из волос палочку, водрузила на голову колпак задом наперед, так что вуаль накрыла ей лицо, и ткнула палочкой в угол комнаты. Из кончика деревяшки вырвался голубой огонек, который опустился мерцающей сеточкой на осколки, собирая их воедино, и вот уже целый фрукт, поднявшись в воздух, пролетел по детской и осторожно приземлился на изрядно опустевший столик. – Ну, что я говорила? – Девушка торжествующе обернулась к ошарашенной кормилице, сдувая мешающую вуаль с лица. – Вам, мамаша, повезло с крестной феей!

– Это было яблоко, – сдавленно произнесла Аннет.

– Что? – нахмурилась девушка.

– До того как оно разбилось, это было яблоко, – повторила кормилица, глядя на изумрудные очертания фрукта, теперь больше напоминавшего обкусанную с одного бока грушу.

– Да? – озадаченно спросила незнакомка. – Ничего страшного, я немного близорука. – Она обезоруживающе улыбнулась и ткнула палочкой в драгоценную грушу, которая тут же раздулась на глазах и превратилась... в тыкву. – Так лучше, правда? – с надеждой обернулась она к Аннет.

– Э-э-э... – протянула та, прижимая к груди уснувшую принцессу, – а вы не могли бы ее уменьшить? Вот до такого размера? – Она пальцами показала размер прежнего яблока.

– Вам не нравится? – искренне огорчилась девушка. – Что же... – Она взмахнула палочкой, и тыква сдулась до размеров яблока.

Аннет вздохнула с облегчением, надеясь, что король и его супруга не заметят большой разницы между мини-тыквой и яблоком. Гостья тем временем, путаясь в платье, подняла с пола розу и коня, вернула их на столик и изучающе уставилась на кормилицу. Вуаль, лезшая в глаза, явно мешала процессу знакомства.

– Шляпка, – тактично намекнула Аннет, – вы надели ее задом наперед.

– Ядрена фи́га! – Девушка сконфуженно улыбнулась и исправила свою оплошность. – О,

так куда лучше! – просияла она, избавившись от дурацкой вуали.

– В самом деле, – согласно кивнула кормилица.

– Вы уж меня извините, первый день в роли крестной феи, – доверительно сообщила незнакомка, – еще толком не освоилась с униформой.

– В роли кого? – удивленно переспросила Аннет.

– В роли крестной феи, – расплылась в белозубой улыбке гостья. – Меня зовут Белинда.

А вы Аннет?

– Да, это я, – выдавила потрясенная кормилица.

– Вы ведь прачка? – уточнила она.

– Да, я... – выдавила Аннет. – Только...

– И у вас есть маленькая дочь? – Глаза Белинды зажглись азартным огнем.

– Да, но...

– Тогда я – к вам! – радостно перебила ее девица и, заметив округлившиеся глаза Аннет, спросила: – Что-то не так?

– Просто я представляла крестных фей другими, – смущенно ответила та.

– Вы тоже считаете, что я слишком молода? – огорченно спросила волшебница.

– Да нет, не в этом дело, – тщательно подбирая слова, начала Аннет, но тут ее речь прервал пронзительный крик принцессы. – Тише, тише, моя крошечка, – взволнованно зашептала она, баюкая девочку на руках, – тише, тише, хорошая.

В ответ на это принцесса продемонстрировала свой вздорный нрав, и детскую потряс раздирающий душу вопль. Даже Белинда вздрогнула и выронила свою палочку, которая укатилась под ноги кормилице. Пока фея ползала по полу, поднимая свой профессиональный инструмент, Аннет успокаивала плачущую девчушку – но тщетно, та лишь сильнее закатилась в приступе рыданий.

– Сейчас-сейчас, – морщась от ее воплей, пообещала Белинда, поднимаясь на ноги, и взмахнула палочкой, ткнув ею в вопящий сверток. В ту же секунду голубой огонек коснулся губ малышки, и в комнате воцарилась тишина. Аннет, замерев, глядела на незакрывающийся ротик принцессы, на ее подрагивающее в истерике тельце и не слышала ни звука. Она в недоумении тряхнула головой, решив, что оглохла, и тут раздался голос довольной собой Белинды:

– Ну вот, что я говорила? Так гораздо лучше!

– Что вы с ней сделали? – ужаснулась кормилица.

– Успокоила ее, – благодушно сказала фея. – Она же больше не плачет?

– Да вы только посмотрите на нее! – Аннет подошла к гостье и ткнула сверток ей в лицо.

– Да... – протянула озадаченная чародейка.

– Вы сделали ее немой! – в панике вскричала кормилица.

– Разумеется нет! – с негодованием возразила Белинда. – Но если вам больше нравится, как она вопит, – пожалуйста! – Она демонстративно пожала плечами и махнула палочкой. Голубой огонек ударился о губы малышки, и с них слетело коровье мычание.

– Му-у-у!!! – надрывалась принцесса. – Му-у-у-у-у!

– Ах! – вскрикнула Аннет, чувствуя, как ее колени подгибаются, а ее карьера королевской кормилицы летит в тартарары. Откуда она только свалилась на ее бедную голову, эта горе-волшебница? И как теперь оправдываться перед королевой? Да о какой карьере речь, ее на костер отправят, как злую ведьму, которая навела на принцессу страшное заклятие!

Пока кормилица в панике мычала, вторя гласу своей молочной дочери, Белинда сосредоточенно бормотала себе под нос странные слова и тыкала палочкой в пеленки. После каждого такого тычка тональность детского ора кардинально менялась. Протяжное «му-му» сменилось дребезжащим «ме-е-е», «ме» переросло в «мяу» и «кукареку», петушинная песнь перетекла в собачий лай и, наконец, завершилась волчьим воем. Близкая к обмороку Аннет отскочила к окну и взирала на удрученную волшебницу, словно на чудовище.

– Я думала, ты – добрая фея, а ты – злая ведьма, – проскулила она, готовая защищать принцессу до последнего вздоха.

– Да что ты говоришь, – горестно воскликнула Белинда и всплеснула руками.

– Даже не думай! – вскрикнула Аннет, проследив за взмахом волшебной палочки в руках чародейки. – Не смей больше колдовать!

– У-у-у-у, – по-волчьи провыла принцесса, соглашаясь с кормилицей.

– Да я просто растерялась, – с несчастным видом оправдывалась Белинда. – Я же первый день, я об этом столько лет мечтала... Да что ж это такое-то?! – Она шлепнулась на пол пятой точкой, сорвала с головы колпак, прижала его к груди и протяжно зарыдала.

Аннет ошарашенно переводила взгляд с воющей принцессы на безутешно плачущую фею, утиравшую нос вуалью. Как-то не вязалась ее истерика с образом злой ведьмы.

– Ну, не реви, слышишь, не реви, – осадила ее кормилица. – Лучше думай давай, как дело исправить!

– Кажется, придумала, – радостно всхлипнула Белинда, неуклюже поднимаясь с пола и размахивая палочкой.

– Уверена, что это правильно сработает? – с опаской уточнила Аннет. – И что девочка после этого не заревет белугой и не закаркает вороной?

Фея быстро-быстро закивала головой.

– Да-да, уверена, зуб даю! Это я прежде напутала, а теперь я точно вспомнила.

– Ну хорошо, я тебе верю, – вздохнула кормилица и с замиранием сердца уставилась на волшебную палочку, очертившую зюю в воздухе, и на голубой огонек, слетевший с ее кончика и коснувшийся губ принцессы. Девочка на мгновение задохнулась, потом закашлялась и тоненько, по-младенчески, захныкала. Аннет с облегчением вздохнула и прижала ее к себе.

– Ты не думай, – шмыгнула носом Белинда, водружая на голову мятый колпак с мокрой вуалью, – я не дура. У меня просто опыта маловато. Я вообще очень способная.

Аннет недоверчиво хмыкнула, баюкая принцессу на руках.

– У меня просто необычный подход к волшебству, – призналась фея. – Вот и случаются иногда конфузы.

«Лучше бы эти конфузы случались вдали от меня и принцессы», – подумала про себя кормилица, с тоской предчувствуя, что отвязаться от чародейки будет непросто.

– Итак, – Белинда поправила колпак и, воспользовавшись замешательством Аннет, торжествующе опустила кончик волшебной палочки на лоб принцессы. – Нарекаю тебя... Как ее зовут? – озадаченно поинтересовалась она у кормилицы.

– Изабелла, – машинально ответила та.

– Нарекаю тебя, Изабелла, – провозгласила чародейка, – своей крестницей и обязуюсь быть твоей крестной феей, твоим ангелом-хранителем и твоей доброй волшебницей до дня твоей свадьбы, оберегать тебя от неприятностей и злых людей... Э-э-э, что же там еще? – запнулась Белинда. – Ага! Сделать твою жизнь счастливой и полной радости и найти тебе превосходного жениха. – С кончика палочки слетел голубой огонек, который закружил вокруг малышки и волшебницы, окутав их голубым мерцающим облачком и ароматом полевых цветов. – Ура! – воскликнула фея и выжидающе уставилась на Аннет.

– Ура, – тоскливо подхватила та. «Какая-то эта Белинда все-таки странная фея, – думала она. – Мне всегда казалось, что подобные обряды должны проводиться в присутствии родителей. Надеюсь, что обряд, проведенный не по правилам, считается недействительным, и судьба убережет принцессу от такой крестной».

– Кстати, – с любопытством спросила волшебница. – А почему ты назвала свою дочь, как принцессу?

– Что? – недоуменно хлопнула ресницами Аннет и потрясенно замолчала. Перед ее глазами заплясали золотистые искорки, закружились в хороводе, образовали кокон высотой в человеческий рост, а когда они рассыпались звездочками по полу, в комнате появилась еще одна гостья. Миловидная, чуть полноватая блондинка лет тридцати в розовом платье и с уже

знакомым Аннет колпаком на голове, не оставляющим сомнений в ее профессиональной деятельности, с достоинством ступила вперед, лучезарно улыбнулась и торжественно провозгласила:

– Приветствую мою дорогую крестницу Изабеллу, родившуюся под счастливой звездой и...

Но стоило ей увидеть Белинду, застывшую над принцессой со своей палочкой, как тщательно спланированная речь оборвалась, а улыбка померкла.

– Что ты здесь делаешь? – прошипела она, подскочив к фее.

– Пришла познакомиться со своей крестницей, – растерянно ответила та, инстинктивно отступая назад.

– Вон отсюда! – рявкнула блондинка, и ее хорошенькое личико перекосила гримаса презрения. – Вон, пока не натворила глупостей! Не смей приближаться к принцессе!

– К принцессе? – рассеянно переспросила та. – Это же дочь прачки!

– Прачки? – взвизгнула белокурая волшебница. – Глаза разуй, тетеха! Где ты здесь видишь прачку?

– Да вот же она! – Белинда ткнула пальцем в замершую на месте Аннет.

– Вы прачка? – строго переспросила незнакомка.

– Б-бывшая, – пролепетала девушка. – А теперь кормилица.

– Чья? – наседала блондинка.

– Принцессы Изабеллы.

– Это она? – Волшебница жестом указала на малышку.

– Да, – подтвердила Аннет.

– Не может быть... – ошеломленно прошептала Белинда.

– Тебе грамоту повитухи показать? – вконец рассердилась блондинка. – Это принцесса, а это, – она выудила из-за пояса свиток с гербовой печатью, – приказ о моем назначении ее крестной феей. Так что кыш отсюда, не мешайся под ногами. Топай к своей крестнице. Проводите ее к вашей дочери, – велела она онемевшей Аннет.

– Э-э... – потупилась Белинда. – Боюсь, это и есть моя крестница.

– Что? – Блондинка побагровела и задохнулась от ужасной догадки. – Ты взяла ее под опеку?!

– Боюсь, что так, – осторожно призналась фея.

– Ну я этого так не оставлю! – взревела блондинка и крутнулась вокруг своей оси, рассыпав в воздухе сотни розовых блесков. Когда они опали на пол, в комнате остались только Белинда, кормилица и юная принцесса.

– Куда это она? – тихо спросила Аннет.

– Похоже, что побежала жаловаться в ОЗФ, – пригорюнилась незадачливая чародейка.

– Куда?

– В Общество защиты фей.

– А это поможет? – с надеждой поинтересовалась кормилица.

Белинда задумчиво почесала палочкой затылок, отчего ее волосы из темно-каштановых сделались сливово-синими, и многозначительно изрекла:

– Вряд ли. При посвящении между феей и крестницей устанавливается особая магическая связь, и расторгнуть ее может только свадьба подопечной.

– Что же это значит? – дрогнула Аннет, глядя на метаморфозы с волосами волшебницы и гадая, чем может обернуться для малышки-принцессы покровительство такой чародейки.

– Это значит, что у меня теперь две крестницы, – довольно улыбнулась Белинда.

– Как две? – в панике протянула кормилица, догадываясь, к чему клонит фея.

– Принцесса Изабелла и твоя дочь. Как ее, кстати, зовут?

– Мари, – прошептала Аннет, – Марта.

– Красивое имя, – деликатно отозвалась Белинда и добавила: – Вообще-то, согласно кодексу фей, каждой из нас позволительно иметь только одну крестницу.

– Правда? – с надеждой подалась вперед Аннет.

– Клянусь своей палочкой, – подтвердила чародейка. – Но есть и исключения. Фея может взять под свою опеку и молочную сестру своей крестницы, если такая есть. Правда, такие случаи очень редки, потому что волшебницы предпочитают заботиться только о девочках благородного происхождения, а дочери их кормилиц – низшего сословия. Признаться, – она вновь почесала палочкой затылок, и синие волосы сделались огненно-красными, – таких примеров в истории не было, так что я буду первой феей, которая взвалит на себя подобную ответственность.

– Ну что ты, – поспешно заверила ее Аннет, – в этом нет необходимости. Таким, как мы, крестные феи не положены. Так что даже не беспокойся – мы с дочкой ни в коем случае не претендуем на твое покровительство и не хотим быть обузой.

– Да что ты! Какая обуза! – горячо возразила Белинда. – Это мне только в радость! Я почти два года ждала этой возможности, и теперь у меня сразу две крестницы. Вот счастье-то! – Она взволнованно взмахнула рукой, и палочка, выскользнув из ее пальцев, пролетела над столом с подарками, ударившись о фигурки ангела и коня и щедро рассыпав голубые искры.

– Ой! – потрясенно вскрикнула Аннет, глядя на голову ангела, которая теперь вырастала из шеи коня, и лошадиную морду, красующуюся на месте ангельского личика.

Палочка тем временем, с треском выплескивая искорки, рухнула на пол, в мгновение ока прожгла в нем ровный круг размером с таз для полоскания белья и упала этажом ниже, вызвав переполох среди слуг.

– Ничего страшного, – ободряюще улыбнулась Белинда, – у меня дома есть еще десять запасных палочек. Все время у меня с ними что-то случается, – смущенно призналась она.

Аннет осторожно подкралась к краю образовавшейся дыры и заглянула вниз.

– Что здесь происходит? – раздался властный голос королевы у нее за спиной, и Аннет от неожиданности чуть не улетела в отверстие. – Что это такое? – Брови Гвендолин поползли вверх, когда она увидела громадную дыру посреди превосходного невелианского паркета из красного дерева. – Кто это? – Она грозно глянула на Белинду, присевшую в реверансе. – Почему посторонние в спальне принцессы? Я спрашиваю, что за безобразие тут творится?

– В самом деле – безобразие, – подала голос ангельская голова на шее золотой лошадки и плаксиво потребовала: – Верните мне мою изящную фигуру!

– А мне нравится! – радостно заявила лошадиная морда, разминая ангельские крылышки и взмывая в воздух. – Иго-го, иго-го! Кто сказал, что лошади не летают? – довольно заржала она, делая круг по залу на глазах у ошеломленной публики.

Впечатлительная королева красиво, словно срезанный цветок, опала на пол в обмороке. Менее впечатлительная кормилица на ватных ногах сумела добраться до диванчика и плюхнуться на него, крепко прижимая к груди принцессу. Озадаченная Белинда переводила взгляд с бесчувственной королевы на очумелую кормилицу, в отчаянии мяла в руках колпак и была готова разрыдаться.

– Я сейчас вернусь, – пообещала она. – Только сбегая за новой палочкой и все исправлю!

И, едва не снеся дверь с петель, она ринулась из детской.

Мгновением позже в комнате возникли две сияющие воронки, розовая и лиловая. Из одной появилась уже знакомая Аннет блондинка в розовом; из другой, со словами «Надеюсь, еще не поздно все исправить», шагнула статная русоволосая дама лет пятидесяти в лиловом платье. При виде летающей под потолком и дико ржущей крылатой фигурки, энергично скачущей по полу золотой лошадки с человеческой головой, бездыханной королевы и перепуганной служанки с младенцем на руках вновь прибывшие испытали настоящее потрясение.

– Боюсь, мы опоздали, – вздрогнув, признала Лукреция (а это была именно она), лихорадочно соображая, как выпутываться из этой абсурдной ситуации.

– Надо что-то делать! – с досадой запричитала блондиночка. – Действия Белинды – позор на всю нашу профессию!

– Увы, тебе не хуже меня известно, что против волшебства Белинды противодействия нет, – прошептала глава ОЗФ, уворачиваясь от летящего прямо на нее существа с лошадиной мордой.

– У-ю-юй! – проверещала белокурая чародейка, по туфелькам которой только что проскакал тяжелый золотой конь с лицом ангела.

– Значит, ты говоришь, она успела приложиться своей палочкой к челу принцессы? – безнадежно уточнила Лукреция.

– Не удивлюсь, если она ее от души хрястнула, – процедила несостоявшаяся крестная Изабеллы и пытливо уставилась на жмущуюся в углу кормилицу.

– Ну, если только самую малость, – слукавила та.

– Значит, вы подтверждаете, что обряд состоялся? – с горестным видом осведомилась дама в лиловом.

– Никогда не присутствовала при этом раньше, – призналась Аннет, – но если вы имеете в виду, что она, ткнув в малышку палочкой, клялась защищать и опекать ее до самого замужества, а потом их обеих охватило голубое сияние, то все это было именно так.

– Ужасно! – хором воскликнули феи и удрученно переглянулись.

– А кстати, где она сама? – Лукреция обернулась к кормилице.

– Ушла за новой волшебной палочкой, – сообщила та. – Обещала вернуться и все исправить.

Лица волшебниц дрогнули, при этом брови старшей драматически взметнулись вверх, а с личика младшей сошла вся краска. Судя по их реакции, ничего хорошего обитателям замка возвращение феи не сулило.

– Пожалуй, нам лучше уйти, – возвестила Лукреция, отступая назад, и потянула за собой блондинку.

– А как же мы? – умоляюще воскликнула Аннет.

– Да пребудет с вами удача, – с чувством пожелала старшая волшебница, обводя вокруг себя палочкой и исчезая в дождике сиреневых искр.

– И сила духа! – торопливо выпалила блондиночка и сделала шаг назад, собираясь последовать примеру своей коллеги, но наступила на край дыры в полу и, беспомощно замахав руками, с душераздирающим воплем свалилась вниз.

Крик волшебницы привел в чувство королеву, и она со слабым стоном приподнялась на полу, внимательно оглядела детскую, проследила взглядом за порхающей статуэткой, ошеломленно уставилась на несущуюся прямоком на нее золотую лошадку с женским личиком и не придумала ничего лучше, чем снова упасть в обморок. Лошадь, с радостным улюлюканьем перескочив через королеву, по инерции проехала через весь зал и свалилась в люк с воплем и последовавшим за ним диким грохотом. Аннет искренне надеялась, что приземлилась она не на лоб несчастной блондинки. Спустя мгновение в воздухе над дырой вспыхнуло знакомое голубое сияние.

– Только не это, – сдавленно прошептала кормилица.

– А вот и я! – радостно махнула рукой Белинда, разгоняя мерцающие искорки и, не нащупав ногами пола и лишившись поддержки волшебного свечения, рухнула в яму, прожженную своими же руками.

Ангелок с лошадиной мордой озадаченно повис в воздухе над люком, наблюдая за кучей малой, которая образовалась внизу.

– Что здесь происходит? – раздался громкий голос короля, и вошедший Кристиан ошарашенным взглядом обвел покои своей дочери.

– Здравствуйте, я ваша крестная фея! – торжествующе провозгласила Белинда, медленно выплывая из дыры в полу.

После эффектного явления Белинды королевскому семейству прошло три недели. Родители Изабеллы направили жалобу в союз магов и строго-настрого запретили страже пускать чудаковатую волшебницу на порог дворца. Однако настырная фея упрямо

просачивалась в замок и ревностно рвалась исполнять свои обязанности крестной. К счастью, король и королева, будучи заняты более важными делами, нежели забота о дочери, не видели всех результатов этой опеки и вскоре смирились с присутствием Белинды.

Свидетельницей шокирующих метаморфоз и ужасающих заклинаний частенько была одна Аннет. За первую же неделю молодая мамаша заработала пучок седых волос, закалила нервы и научилась осторожно обращаться со словами, ведь теперь от ее осмотрительности зависело благополучие обеих девочек. Ибо стоило ей обмолвиться, что Мари сегодня что-то бледна, как Белинда хваталась за палочку, и личико малышки становилось черным, как уголь. Аннет стоило немалых усилий без паники наблюдать за тем, как чародейка торопится исправить свою ошибку, размахивая палочкой, и кожа Марты меняет свой цвет с черного на зеленый, с зеленого на жгуче-красный и уже с красного на естественный нежно-розовый. А если кормилица волновалась, что девочки плохо кушают, на малышей нападал такой жор, что они залпом выпивали все молоко и потом мучались коликами. Однажды Аннет чуть не лишилась работы, когда Белинда, посокрушавшись, что бедным малышам целыми днями приходится пить одно и то же, заменила молоко в ее груди на вишневый компот! А поскольку волшебница не могла отменить свои заклинания с первой же попытки, бедной девушке пришлось пережить немало неприятных минут, сцеживая из груди красное вино, яблочный сидр и простоквашу.

Свидетелями ее мучений были еще две жертвы феиных проделок – ожившие статуэтки, головы которых поменялись местами. Белинда так и не смогла вернуть их на место и вынуть из фигурок жизнь. Король и королева снисходительно отнеслись к ожившим скульптурам, тем более что у ангела с лошадиной мордой обнаружился талант к рассказыванию анекдотов, и он стал желанным гостем на королевских приемах, потеснив из любимцев карлика-шута. А лошадка с головой ангела стала незаменимой помощницей для Аннет. Она с удовольствием приглядывала за маленькой Мартой, пока кормилица пропадала в покоях принцессы, и, как только малышка подавала голос, галопом неслась по лестнице вверх, чтобы привести Аннет. Слуги и постоянные обитатели замка быстро привыкли к порхающему над головами конеангелу и скачущей под ногами лошадке. Вскоре все придворные уже знали их по именам – ангелочек с копытами взяла себе имя Грациэлла, а хохмач с лошадиной мордой величал себя Фергюсом. И лишь гости в первые дни своего пребывания во дворце в ужасе шарахались от непонятных существ, а потом с удовольствием слушали анекдоты Фергюса и с почтением уступали дорогу Грациэлле.

Аннет за эти дни уже смирилась с постоянным присутствием Белинды и даже подружилась с ней. «В конце концов, она же неопытная крестная, – оптимистично утешала себя кормилица, – со временем научится и перестанет делать глупости». А пока глупостям чародейки не было ни конца, ни края, ни счета.

Лукреция, наблюдавшая за действиями Белинды в волшебное блюдце, за три недели выпила годовой запас успокоительного зелья и, наверное, поседела бы целиком, если бы ее роскошные волосы не были бы заговорены от седины, перхоти, выпадения и блох. С того самого момента, когда негодующая Друзилла появилась в ее садике, где Лукреция предавалась мечтам о молодом садовнике, волшебница не знала покоя. Разгневанная фея жестоко вырвала ее из плена грез и помешала довести до конца приворотное заклинание. Из-за этого все волшебство пошло прахом, и бедняга-садовник влюбился в рябую молочницу, как раз проходившую мимо.

Надо же было такому случиться, что за те три дня, пока Белинда лечила шишки после неудачного полета на метле, прачка сумела взлететь в королевские кормилицы и прописаться в покоях принцессы! Лукреция отчасти sluкавила, когда поручала Белинде заботы о дочери прачки. Она описала ее мать как женщину, происходящую из благородного семейства, но по прихоти злого рока в одночасье лишившуюся всего и вынужденную зарабатывать себе на жизнь тяжелым трудом. Сердобольная Белинда чуть от жалости не разрыдалась и торжественно поклялась беречь малютку как зеницу ока и вырастить из нее настоящую принцессу. На этом моменте Лукреция, помнится, вздрогнула, вспомнив Друзиллу, которой в

результате голосования и досталась честь стать крестной королевской дочки. Но глава фей легкомысленно рассудила, что Белинда, при всей ее рассеянности, не сможет перепутать прачку с королевой, а каморку прислуги – с королевской опочивальней. Было бы, конечно, куда спокойнее, если бы прачка жила на расстоянии пушечного выстрела от дворца, а не в его подвале, но и в этом случае промашки быть не могло. И потом, Друзилла должна была вот-вот очутиться во дворце и взять принцессу под свою опеку, так что У Белинды просто не было шанса наломать дров. Как показали дальнейшие события, Лукреция ее недооценила.

Белинда, покинув ее кабинет, в тот же миг рванула во дворец и переместилась «туда, где прислуга». Формулировка была такой расплывчатой, что палочка закинула ее не в жилую половину, а на кухню, где фея едва не угодила в котел с шоколадом, но все же умудрилась вылакать половник лакомства на глазах у опешивших поварят. После чего волшебница вновь взмахнула палочкой и выразилась точнее, велев доставить ее к прачке Аннет, и очутилась в спальне принцессы. Если Белинда и удивилась роскоши обстановки комнаты прачки, то не подала виду: ей так не терпелось приступить к роли крестной феи, что все остальное было неважно. Главное, что девушка, сидящая перед ней, и впрямь оказалась прачкой по имени Аннет, а на руках она держала младенца, которого называла «моя малышка»...

Друзилла явилась слишком поздно – Белинда уже успела дотронуться до принцессы своей палочкой, и теперь ни одна волшебная сила в мире не могла разрушить возникшей между ними связи. А о том, чтобы дать Белинде напарницу, которая будет сглаживать последствия ее заклинаний, не могло быть и речи. Во-первых, это строго противоречило правилам, которые исполнялись уже две сотни лет, а во-вторых, такой самоубийцы, которая рискнула бы обречь себя почти на двадцать лет жизни бок о бок с неумехой Белиндой, среди фей просто бы не нашлось. Поэтому Лукреция, убедившись в том, что «случилось страшное», малодушно сбежала из спальни принцессы и, получив негодующее послание от королевской четы, написала любезный ответ, в котором не было ни слова правды, кроме того, что Белинда – дочь знаменитой волшебницы Эстель.

Услышав из уст главной феи королевства, что Белинда – дочь самой чародейки Эстель, лучшая из подчиненных Лукреции и невероятно талантливая, опережающая свое время волшебница и что ее странности – отражение уникального дара, перешедшего ей от матери, король и королева смирились с причудами феи. Теперь они с нетерпением ждали дня, когда Изабелле исполнится один месяц, чтобы впервые представить принцессе придворных и удивить гостей талантами ее крестной. Забегая вперед, следует сказать, что надежды Кристиана и Гвендолин оправдались с лихвой, а слух о талантах Белинды прогремел на все королевство...

Глава 3

ЧУДЕСА БЕЗ ТОРМОЗОВ

Заставь Белинду чудо сотворить, она тебе лоб расшибет.
Фергюс – Грациэле

Бал в честь месяца со дня рождения принцессы Изабеллы обещал быть роскошным. Портные и прачки работали днями и ночами, первые шили наряды для богатейших придворных, которые никогда не появлялись на праздничных приемах дважды в одном наряде, вторые – приводили в божеский вид платья менее привередливых персон. Главный повар колдовал над меню, охотники носились по лесам и полям, заготавливая дичь. Во дворце царило радостное возбуждение и предвкушение праздника. И лишь Аннет с ужасом ожидала его наступления, ведь в числе прочих развлечений предполагалось представление публике необыкновенной крестной, по слухам, искусно распространенной королевой, прославившейся своими талантами на всю Эльдорру. Одно было хорошо в этой ситуации: Белинда большую часть времени пропадала за пределами дворца, репетируя волшебные

фокусы к балу. По ее собственным словам, она готовила «большой сюрприз для гостей и королевской семьи».

Грациэлла и Фергюс с увлечением делали ставки, устоит ли дворец после подобных фокусов и какой способ изберет непутевая волшебница для демонстрации своих разрушительных талантов – пожар, потоп или землетрясение. Грациэлла, со свойственным ей ангельским добродушием, настаивала на том, что все обойдется незначительным пожаром без особых последствий. А Фергюс, с присущим ему цинизмом, убеждал товарку по несчастью и близкую к обмороку Аннет в том, что фея устроит потоп, а для ликвидации потопы прибегнет к землетрясению, которое, в свою очередь, вызовет ураган и полное обрушение замка. И настоятельно советовал заблаговременно покинуть дворец и подыскать себе уединенное жилище в глухом лесу, где их никогда не найдет расторопная Белинда. Кончались эти шуточные перепалки обычно с появлением самой феи, которая искренне недоумевала, почему так веселятся конь и ангел и отчего так смущается кормилица.

Вот и на этот раз Фергюс с залихватским ржанием улетел под потолок и уселся на люстре, болтая человеческими ножками. Грациэлла, тоненько хихикая, усакала к камину, а Аннет с преувеличенной заботой склонилась над принцессиной колыбелькой.

– Как хорошо, что вы все здесь! – обрадовалась Белинда, поправляя колпак, в процессе транспортировки съехавший набок. – Послезавтра уже праздник, и я так волнуюсь, так волнуюсь!

Она в возбуждении взмахнула палочкой, и голубая молния, сорвавшись с ее кончика, ударила прямоком в сидящего на люстре Фергюса. Тот с оглушительным ржанием свалился вниз, на мягкий ворсистый ковер, прикрывающий залатанную дыру в полу и, потирая ушибленные бока, проворчал:

– А мы-то как волнуемся!

– Извини, – сконфуженно пролепетала волшебница. – Никак не приручу эту упрямую палочку.

Фергюс многозначительно посмотрел на нее, словно говоря: плохой маг во всем винит подручные средства, и с несвойственной ему деликатностью перевел разговор на другую тему:

– Так о чем ты там, душа моя, переживаешь?

– Как это о чем? – поразились Белинда. – Смогу ли я удивить всех своими волшебными умениями!

– Уверен, ты удивишь всех без исключения, и все королевство только и будет говорить о твоих... э-э-э... фокусах, – с чувством сказал Фергюс.

– Это точно, – протянула Аннет, не сводя глаз с люстры, на которой распускались белые цветы.

– Что это? – любопытствовала Грациэлла, закинув голову и нервно перебирая копытами.

Достигнув расцвета, лепестки белым снегом опали на ковер, а на люстре аппетитно заалели вишни.

– Поздравляю с урожаем, – хохотнул лошадиноголовый, воспаряя к потолку и придирчиво разглядывая ягоды.

– Я сейчас все исправлю! – удрученная Белинда поправила колпак и взмахнула палочкой.

– Нет-нет, – торопливо остановила ее Аннет, – не стоит! Лучше я позову горничных, и они соберут такую прекрасную вишню. Чего добру зря пропадать?

– Правда? – просияла фея и горделиво подбоченилась, бросив торжествующий взгляд на парящего под потолком Фергюса. Мол, видишь, какая от меня польза! Тот пролетел мимо нее и опустился на край колыбельки, у которой стояла Аннет.

– Только скажи им, чтобы сами не ели и скоту не скормили, – тихо посоветовал он ей, широко улыбаясь фее. – А то не хватало нам, чтобы во дворце мор начался или накануне приема служанки обернулись козочками.

– А что, если мне этот фокус и на пиру повторить? – с воодушевлением предложила Белинда, приняв ухмылку коня за искреннее одобрение. – Кстати, я уже наведальсь в зал торжеств и насчитала там семь люстр. Я тогда не придумала, как задействовать их в своем представлении, а тут они как раз кстати придутся. Только представьте себе – на одной люстре зреют вишни, на другой – апельсины, на третьей – яблоки, на четвертой – виноград... – разошлась волшебница.

– Виноград – это банально, – преувеличенно равнодушно заявил Фергюс. – Сейчас в моде нурийские бананы и ливенские кивы. То-то диво!

– Вот как? – огорчилась Белинда. – Видно, отстала я от жизни. Не пробовала еще ни бананов, ни кив.

– Лучше расскажи, что у тебя в праздничной программе запланировано, – подала голос Грациэлла.

– Да я вам лучше покажу! – обрадованно откликнулась фея. – Мне же надо провести генеральную репетицию!

– Здесь? – подавленно простонала Аннет.

– Сейчас? – испуганно затряс гривой Фергюс.

– Перед нами? – взволнованно встала на дыбы Грациэлла.

– А вы не хотите? – обиженно спросила Белинда.

– Да что ты! – замахал руками Фергюс. – Мы только об этом и судачим целыми днями, да гадаем, что за сюрпризы ты приготовила гостям.

– Правда? – просияла волшебница. – То-то я думаю, чего вы на меня так странно смотрите, когда я появляюсь.

– Да уж, истомились совсем, – тихонечко фыркнул Фергюс.

– Итак, – взволнованно зашептала Белинда, выкатывая на середину зала низкий столик и убирая с него вазу с фруктами, – поскольку мероприятия у меня заготовлены с размахом, оценить весь их масштаб вы не сможете. Ведь это сюрприз, и я не могу показать его раньше времени всем остальным! Поэтому я покажу вам его миниатюрную версию. – Фея сосредоточенно уставилась на невидимую точку перед собой и взмахнула палочкой, обрисовывая контуры замка. С архитектурой у Белинды дела обстояли так же худо, как с магией, поэтому строение, которое возникло на столике, моделью королевского дворца можно было назвать с большой натяжкой, изрядно покривив душой. – Дворец! – с гордостью провозгласила фея, дорисовав палочкой последнюю покосившуюся башенку, и, придиричливо обзрев творение рук своих, добавила последний штрих – бело-голубые флажки на верхушках.

– Как настоящий! – «восторженно» воскликнула Грациэлла и лягнула Фергюса, уставшего парить в воздухе и присевшего рядом с ней.

– Ого-го! – непроизвольно заржал тот, и волшебница довольно улыбнулась.

Аннет, уложив спящую принцессу в колыбельку, подошла к столику и теперь с любопытством разглядывала дворец размером с табуретку, склонив голову набок. Ибо только под таким углом стены замка выглядели прямыми.

– Прелесть! – оценила она, чувствуя, как Белинда сверлит ее взглядом, ожидая положительной оценки.

– Что ж! – радостно потерла руки фея. – А теперь начнем наше представление. Перемещайтесь поближе. – Она приглашающе махнула рукой, и неведомая сила подхватила живые статуэтки и перенесла их на край стола. – Торжества начнутся в тронном зале. – Сверившись с бумажкой, на которой был записан план праздника, Белинда прикоснулась палочкой к крыше дворца, и она стала прозрачной, открыв взору многочисленные комнаты и коридоры. – Вот здесь, – чародейка указала на нужное помещение. Фергюс взлетел над столом, чтобы лучше видеть происходящее, а Грациэлле взяла на руки Аннет. – Я появлюсь перед гостями в вихре голубых искр и добавлю в него аромат белых роз. Как думаете, хорошо? – Она вопросительно обвела взглядом зрителей.

– Хорошо, – осторожно отозвалась Аннет, пока не видевшая в планах волшебницы

ничего разрушительного.

– Только не забудь точно рассчитать траекторию своего приземления. Чтобы не сбить с ног кого-нибудь из гостей. Народу-то в зале много будет, – насмешливо предостерег Фергюс, за что тут же получил ощутимый тычок от Грациэллы. Та, извернувшись в руках Аннет, умудрилась достать до конеангела, зависшего в шаге от них.

– Точно, об этом я и не подумала, – удрученно призналась Белинда. – Значит, торжественный круг по залу придется отменить. – Она с огорчением вычеркнула строчку из списка, воспользовавшись палочкой, как карандашом.

Фергюс торжествующе взглянул на смутившуюся Грациэллу: мол, что я говорил? А ты драться! Аннет с трудом подавила смех, представив, как волшебница сногшибающим вихрем промчалась бы по залу, наведя беспорядок среди стройных рядов почтительно застывших гостей и нагнав на них панику.

– Что же делать? – озадаченно нахмурилась тем временем Белинда, уткнувшись в список. – Во время круга я собиралась украсить зал цветочными венками и букетами роз – представляете, как красиво будет, когда цветы по мановению волшебной палочки возникнут на столах и на стенах?

– О-о-о, – глухо простонал Фергюс, озвучив чувства всех троих и представив себе эту картину. Зная Белинду, картина могла быть только одна: венки вместо стен оказываются на головах у собравшихся, впившись в кожу и безнадежно испортив прически дам, а букеты, разлетаясь по залу, повергают гостей в бегство. И хорошо еще, если этот колючий дождь не накроет колыбельку принцессы!

– Сейчас в моде фиалки, – торопливо сказала Аннет.

– И ландыши, – поспешно добавила Грациэлла.

– Правда? – расстроилась фея. – Но ведь белая роза – это символ королевской семьи.

– Вот именно поэтому недостатка в цветах в зале не будет. Я слышал, что для торжества уже заказали тысячу роз, которые доставят во дворец в день праздника, – авторитетно заметил Фергюс, наказав себе обязательно уточнить этот пункт при встрече с королем и, в случае чего, настоятельно посоветовать заняться этим вопросом.

– Ладно, – легко согласилась Белинда. – Тогда я лишь слегка разбавлю их фиалками. Что ж, с появлением разобрались. Для начала я собираюсь показать собравшимся глазунью...

– Ты хочешь предложить гостям яичницу? – непонимающе переспросила Аннет. – Но насколько я знаю, недостатка в еде не будет...

– И в какой еде, – тоном знатока заметил Фергюс, – сплошные деликатесы. Так что яичницей, даже гигантской, из тысячи яиц, ты их, дорогуша, не удивишь!

– Да не буду я готовить яичницу, – перебила его фея и смущенно пояснила: – Глазуньей я зову искусство двигать предметы одним взглядом. Другие волшебницы называют это как-то по-заморски, тилигинес, что ли, а я окрестила его по-своему.

– Интересно, как ты называешь искусство двигать телом под музыку, то есть пляски, – насмешливо протянул Фергюс.

– Тряски, – простодушно призналась волшебница, вызвав приступ ржания у Фергюса и смех у Грациэллы с Аннет.

– Так что там с глазуньей? – оторжавшись, спросил конеангел.

– О, это будет потрясающее зрелище! – с мечтательным видом объявила фея.

– Не сомневаюсь, – вполголоса вставил Фергюс, – точно так же, как и все твои фокусы.

– Я подумала, что раз на всех собравшихся будут надеты украшения, было бы глупо не воспользоваться такой роскошной возможностью и не устроить полет драгоценностей! – продолжила Белинда.

– В каком смысле? – насторожилась Аннет.

– Я одним взглядом сниму с гостей кольца, серьги, колые, броши и диадемы и заставлю их кружиться в воздухе. Только представьте себе, как будут переливаться порхающие в воздухе алмазы, сапфиры, изумруды, – мечтательно закатила глаза волшебница.

Грациэлла округлила глаза, Аннет схватилась за сердце, Фергюс уронил челюсть. Мысленному взору троицы предстала картина: аристократы, лишившиеся своих фамильных драгоценностей, мечутся по залу, сбивая с ног соседей и пытаясь поймать неуловимые браслеты, кольца и серьги, порхающие над их головами. А кто половчее, тот и свои отловит, и чужие присвоит. Поди потом разбери в этой всеобщей панике, кто свое вернул, а кто чужое заграбастал.

– С ума сойти! – сдавленно пискнула Грациэлла.

– Кошмар! – ужаснулась Аннет.

– Катастрофа! – простонал Фергюс.

– Правда, отлично я придумала? – зарделась Белинда, приняв слова Грациэллы за комплимент и не расслышав реплик ее товарищей.

– Катастрофа! – срываясь на крик, рывкнул конеангел. – Это же будет массовое побоище! Да в погоне за драгоценностями они не только друг друга передавят, но и на короля с королевой не посмотрят. А ведь могут еще и колыбельку с принцессой смести! С такой фантазией тебе не праздники устраивать, а массовые побоища организовывать.

Белинда расстроено поникла.

– Но я же хотела как лучше, как красивее, – захлопала носом она.

– Ну-ну, не расстраивайся, – ободряюще потрепала ее по плечу Аннет.

– Я все по-о-о-орчу! – зашлась в истерике фея. – Я всем меша-а-а-аю! У меня ничего не получа-а-а-ается!

– Ну зачем ты так? – мягко утешила ее Грациэлла. – Ты просто еще молодая фея, у тебя опыта мало, научись еще.

– Ты правда так думаешь? – с надеждой всхлипнула Белинда.

– Надеюсь, – пробормотала Грациэлла себе под нос, а громко сказала: – Я в этом уверена!

– Спасибо тебе! – Белинда смела лошадку в охапку и порывисто прижала к груди. – Ты прости меня, что я вас с Фергюсом головами поменяла... – повинулась она.

– Да ничего, – соврала та, – нам так даже больше нравится.

– Говори за себя! – возмущенно заржал Фергюс, уперев руки в бока и выставив вперед округлую грудь. – Нам, приличным жеребцам, такие финтифлюшки иметь не положено!

– Финтифлюшки?! – оскорбленно заморгала Грациэлла.

– Ребятки, не ссорьтесь, – примирительно сказала Аннет.

– Вот именно! – согласно кивнул конеангел и заговорщически прошептал вполголоса: – Родина в опасности, и мы должны сплотиться, чтобы встать на ее защиту.

К счастью, Белинда этих слов не слышала и с увлечением кружила вокруг кривой модели дворца, что-то задумчиво бормоча себе под нос.

– Так что там дальше в твоей программе? – вопросительно кашлянул Фергюс.

– Ну, раз полет драгоценностей отменяется, – удрученно вздохнула фея, – может, перенести во дворец лесных эльфов? Представляете, как красиво они будут кружить под потолком?

– Белинда, вообще-то я слышала, что лесные эльфы – самые шаловливые создания на свете, – подала голос Аннет. – Они хоть и ростом с палец, но даже на наших могучих лесорубов страху наводят. Те предпочитают встретить медведя, нежели парочку эльфов. Так что не думаю, что это хорошая идея.

– Ну ладно, ладно, – проворчала вконец расстроенная волшебница. – Тогда просто поколдую над люстрами, чтобы на них выросли фрукты, и пущу стайку красивых бабочек, чтобы покружили над колыбелькой Изабеллы. А самое интересное перенесу в сад на конец праздника. Когда гости выйдут из дворца, закончится все большим праздничным фейерверком, – торжественно провозгласила Белинда и по очереди прикоснулась палочкой к верхушкам башенок, так что из них фонтаном выстрелили разноцветные искорки, соединившись в воздухе и создав разнообразные иллюзии. Над одной башней порхала бабочка, над другой кружила диковинная птица, над третьей завис дракон, над четвертой

подпрыгивала белка.

Несмотря на то что иллюзии были размером с кулак и Белинда не переставала повторять, что на самом празднике они будут размером с два человеческих роста, зрители пребывали в искреннем восхищении. Аннет, радостно смеясь, хлопала в ладоши, Грациэлла потрясенно замерла, и в ее глазах отражались отблески огней. Даже Фергюс одобрительно заржал, выражая свою высокую оценку увиденного. Польщенная волшебница провела палочкой по краю стены, и по ней цепочкой побежали красивые огоньки.

– Постой-ка, – с подозрением спросил Фергюс, – а как ты собираешься осуществить это на празднике?

– Я буду летать на метелке и зажигать иллюзии на лету, – с гордостью сообщила фея.

Аннет и Грациэлла с опаской переглянулись. В их памяти еще был жив полет Белинды на метле по двору замка, во время которого она перебила половину дворовых фонарей, зацепилась юбкой за шпиль самой высокой башни и выронила помело. Так что пришлось вызывать трубочиста, чтобы возвращал крестную с небес на землю, и всем скопом ловить неуправляемую метлу, которая пустилась в пляс по двору, ворвалась в курятник и навела там шороха. К счастью, тогда конфуз удалось замять, и свидетелями феиных проделок стали только слуги. А теперь Белинда собиралась навернуться с метлы на глазах у сотни благородных лордов и всей королевской семьи.

– Да не волнуйтесь вы так! – надулась волшебница, заметив вытянувшиеся лица троицы. – Я уже неделю тренируюсь летать в лесу и почти в совершенстве овладела полетами.

– Теперь понятно происхождение твоих шишек и царапин, – фыркнул Фергюс.

– На шишках учатся! – гордо объявила Белинда, насупилась и махнула палочкой, собираясь положить конец представлению. Но иллюзии, вместо того чтобы погаснуть, сорвались с мест и заметались по комнате. При этом бабочка врезалась в высокую прическу волшебницы, да так в ней и запуталась, птица закружилась над колыбелькой принцессы, дракон обратил в бегство Фергюса, а белка по пятам скакала за перепуганной Грациэллой. Аннет бросилась отгонять искрящуюся птицу от Изабеллы и поминутно охала, когда та касалась ее хвостом или крыльями. Прыткая белка оседлала Грациэллу, и та скакала по комнате, словно под ней была раскаленная сковородка, при этом высоко подбрасывая копыта и пытаясь сбросить нахальную наездницу. Фергюс решил спрятаться от преследующего его дракона в камине, но тот достал его и там, и конеангел, черный как трубочист, свалился на пол и ожесточенно отбивался от противника. Белинда носилась по детской, истерично размахивая палочкой и что-то торопливо выкрикивая. Волосы ее стояли дыбом, а по ним сияющей заколкой скользила бабочка.

Наконец фее удалось найти необходимое заклинание и развеять иллюзии. С треском они растаяли в воздухе, и ошеломленные жертвы поспешили привести себя в порядок. Аннет поправляла чепчик и дула на обожженные пальцы, пострадавшие при схватке с огненной птицей. Грациэлла приглаживала хвост, наэлектризовавшийся после поездки с чумовой белкой и теперь торчавший во все стороны. Фергюс вооружился салфеткой, пыхтя, наклонил вазу с цветами и, смочив ткань водой, протирал чумазую морду. А сама Белинда провела палочкой по волосам, которые сплелись в причудливую башню, и одним махом разрушила это произведение парикмахерского искусства, создав художественный беспорядок из упавших на плечи каштановых прядей.

– Кажется, мне надо еще немного потренироваться, – удрученно сообщила она, пятась к двери.

Когда горе-фея исчезла за дверью, трое зрителей испуганно переглянулись между собой.

– Представляете, что бы произошло, если бы эти зверушки были размером с два человеческих роста? – тихо спросила Аннет.

– Боже, храни королевскую семью! – закатила глаза Грациэлла.

– И нас, грешных, – со скорбным видом добавил Фергюс.

Утро праздничного дня выдалось дождливым и пасмурным. Несмотря на то что накануне ничто не предвещало непогоды, на рассвете небо заволокло тучами и по крыше застучали звонкие крупные капли. К обеду дороги так развезло, что на мощеном тракте за стенами дворца образовалось скопление блистательных экипажей. Нечего было даже и думать о том, чтобы съехать с покрытой булыжником дороги на жадно чавкающую землю, а сама мостовая оказалась чересчур узкой для такого количества карет.

Все слуги были брошены на помощь гостям, сумевшим таки добраться до дворца. Плотники наскоро соорудили деревянный помост, призванный уберечь приглашенных от топтания по лужам. Горничные оттирали замызганные полы одежды баронесс и герцогов. Прачки, согнувшись в три погибели, полировали их туфельки. Единственный во дворце парикмахер был брошен на борьбу с последствиями влажности, которая распрямила тщательно завитые кудри блистательных аристократок и, напротив, закрутила ровные пряди в немыслимые завитушки. Служителя красоты просто раздирали на части в прямом смысле этого слова, и шум и гам, стоявший в приемных и гостиных, едва вместивших в себя всех приглашенных, досадливым гвалтом долетал даже до королевских покоев.

– Что за неприятность! – сокрушалась королева, покачивая головой, так что мягкие локоны из ее высокой прически подпрыгивали пружинками, гипнотизируя ее мужа. – Ведь вчера был такой погожий день! Откуда только взялся этот дождь?! Это все для того, чтобы испортить нам праздник!

– Дорогая, – ласково возражал супруг, поправляя кружевные манжеты, – неужели ты думаешь, что непогода – это происки злых сил?

– Разумеется, – надула губки Гвендолин. – Как же иначе? У нас так много завистников! И куда смотрит крестная фея нашей девочки? Неужели так сложно проследить за тем, чтобы в день рождения крестницы на небе светило солнце?

– Любимая, она крестная нашей дочери, а не ответственная за погоду в королевстве, – мягко улыбнулся Кристиан.

В дверь тихонько постучали, и в покои заглянула кормилица, принесшая виновницу торжества. Малышка Изабелла утопала в кружевах, как в морской пене, и Аннет с трепетом держала ее на руках, словно это была не девочка тридцати дней от роду, а произведение искусства. Королева придирчиво осмотрела тончайшее покрывало, в которое была закутана дочь, и только после этого улыбнулась ей. Впрочем, это было лишнее – принцесса сладко спала и не видела обращенной к ней умильной улыбки.

– Вы возьмете ее, ваше величество? – чуть слышно прошептала Аннет, протягивая белоснежный кулек Гвендолин.

– Конечно нет! – изумленно вскинула брови та. – А если она испортит мое платье? – Королева красноречиво провела рукой по светлой парче цвета шампанского. – К началу праздника ты отнесешь ее в колыбельку, которую установили в зале торжеств, и все это время будешь рядом, чтобы в случае чего успокоить ее.

Аннет с трудом подавила вздох. С принцессой приходилось проводить куда больше времени, чем она предполагала, и часто ее собственная дочь оказывалась брошенной. Нет, Мари никогда не оставалась одна – за ней постоянно приглядывали Грациэлла и Одиллия. Королева не разрешила приносить Марту в спальню принцессы, но согласилась нанять судомойку в качестве помощницы для кормилицы. Так Одиллия распрощалась с грязной посудой и фактически поселилась в новой комнате Аннет, став Марте дежурной мамой. Девочка была тихой и не доставляла хлопот – привыкла кушать по расписанию и спать в то время, когда матери не было рядом, но Аннет все равно чувствовала себя виноватой, что не уделяет дочке достаточно внимания. Вот и сегодня Марту придется поручить чужим заботам и почти целый день провести с принцессой.

– Ты не видела нашу крестную, Аннет? – обратилась к ней королева, не замечая расстроенного вида кормилицы.

– Нет-нет, ваше величество, – поспешно ответила та, – Белинда сегодня не появлялась.

– Да и мой любимый конек куда-то запропастился, – промолвил Кристиан.

– Это немудрено, ваше величество, – кротко заметила Аннет, – во дворце такая суеда, что затеряться несложно.

– Действительно, – согласился король и улыбнулся кормилице. В отличие от своей супруги, происходившей из обедневшего дворянского семейства и после свадьбы в одночасье взлетевшей на королевский трон, урожденный принц относился к прислуге с отеческой теплотой и никогда не позволял себе резкости в обращении. В то время как новоявленная королева поспешила порвать все связи со своим непрезентабельным прошлым и не упускала случая продемонстрировать свое превосходство над слугами и указать им на их место.

Кристиан подхватил жену под руку, и королевская чета выплыла из своих покоев. До начала праздника оставалось пять минут. Аннет вышла следом и прикрыла дверь, тихонько улыбаясь себе под нос. Она солгала родителям Изабеллы: местонахождение Белинды ей было прекрасно известно. Ведь план по нейтрализации крестной феи на время торжества они разрабатывали вместе – Аннет, Фергюс и Грациэлла.

Фергюс вернулся во дворец с рассветом и удовлетворенно хмыкнул, глядя на стремительно сгущавшиеся на небе тучи. Для того чтобы попасть в дом главы общества фей, ему пришлось покинуть замок на закате и лететь до самой темноты. Еще полночи ушло на то, чтобы ввести Лукрецию в курс дела и уговорить ее вмешаться в ход событий и внести коррективы в план праздничного пира. Язык у конеангела был подвешен хорошо, так что, когда он во всех ужасах расписал перспективы разрушений и человеческих жертв, которые могут нанести фокусы Белинды, Лукреция не стала долго думать. Тем более Фергюс деликатно намекнул, что это будет страшный удар по репутации всех фей королевства. А поскольку Лукреция была обязана соблюдать интересы членов ОЗФ и была прекрасно осведомлена о возможностях своей непутевой подопечной, она ответила согласием.

Посоветовавшись с посланником, Лукреция решила, что лучшим и самым не вызывающим подозрений вариантом будет дождь. Ливень размочит дорогу и, возможно, отобьет охоту некоторых гостей появиться на празднике. Кроме того, после того потопа, который собиралась устроить волшебница, ни о каком продолжении банкета в саду не может быть и речи, а значит, самый опасный фокус Белинды с трехметровыми, враждебно настроенными иллюзиями точно отменится.

На предложение Фергюса вовсе изолировать горе-крестную на время торжества каким-нибудь магическим способом Лукреция поначалу ответила категорическим отказом. Но после того как конеангел резонно возразил, что с Белинды станется наколдовать свои ужасные иллюзии и внутри дворца, а тогда вряд ли обитель королей устоит на месте и станет усыпальницей для сотен гостей и слуг, волшебница дрогнула и пошла на попятную.

Договорились, что Фергюс вернется во дворец, встретит Белинду и отведет ее в подвал, по дороге рассказав о странных звуках, которые слышали слуги. Лукреция заранее настроит волшебный провал, который выбросит лошадиноголового и фею за пару-тройку сотен километров от замка. Для волшебницы ее уровня организовать провал на расстоянии – не проблема, и во дворец не придется наведываться. Как только Фергюс и Белинда попадут в пространственную ловушку и очутятся на другом конце королевства, ушлый конеангел убедит безутешную фею в том, что это происки злых сил, отведя подозрение от себя и Лукреции. На то, чтобы вернуться во дворец, понадобится целый день езды, а значит, гости и королевская чета смогут повеселиться безо всяких проблем, которые собирается подкинуть им крестная фея. Организовать обратный провал своими силами Белинде не удастся – слишком сложно, ее появления в вихре искр во дворце, как объяснила Лукреция, сплошное позерство. Белинда перемещается в покои принцессы и комнату Марты из пределов дворца, одолеть большие расстояния ей не по плечу. Конечно, будь у нее на этот раз метла, ручной дракон или волшебный ковер, дорога обратно займет не больше пары часов. Но о том, чтобы фея не захватила с собой метлу в подвал, позаботится Фергюс; ручных драконов во всей

Эльдорре не сыскать – все в соседнюю Таврию мигрировали, там гор больше и воздух чище. А единственный в королевстве волшебный ковер принадлежал Лукреции, был спрятан в сундуке и тщательно запечатан тремя охранными заклинаниями, так что за его сохранность можно было быть абсолютно спокойными.

Первая часть плана сработала без сучка и задоринки: Белинда живо откликнулась на предложение Фергюса прогуляться до подвала. Ей страсть как хотелось извести стонущее в подземелье чудище-страшилище и стать героиней дня, продемонстрировав собравшимся гостям голову монстра. Тем самым доказать родителям крестницы, что за свою дочку они могут не волноваться и подобная страшная участь ждет каждого, кто покусится на безопасность принцессы. Но вот со второй частью заминка вышла...

– Что-то я ничего не слышу, – недоверчиво произнесла Белинда, прислушиваясь к звукам за дверью. Звуки полностью отсутствовали, и предвкушение подвига на лице феи сменилось разочарованием.

– Так затаился! Испугался! – поспешно заверил ее Фергюс, в душе ругая себя за то, что не позаботился заранее о душераздирающих столах и ледящих сердце воплях, заручившись поддержкой Грациэллы – голосок-то у нее ого-го!

– Ну давай проверим, – с сомнением молвила волшебница и толкнула потемневшую от времени деревянную створку.

Фергюс юркнул следом и помог закрывающейся двери скорей захлопнуться. Они с феей очутились в крошечной тьме.

– Кто здесь? – нервно спросила Белинда.

– Я тут, – глухо доложил конеангел, врезаясь в спину феи и втолкнув ее напрямик в провал.

– Ядрена фи́га! – громко выругалась та, замахав руками с палочкой, и вывалилась на поляну, кишмя кишашую вооруженными до зубов гномами.

Фергюс, последовавший за ней, нервно сглотнул и завис в воздухе, гадая, куда они попали и как, собственно, тут очутились? Лукреция гарантировала, что они окажутся на тихой лужайке неподалеку от Малахитовых гор, а никак не в центре военного лагеря бородатых бандитов, лицом к лицу с тощей усатой коротышкой, с триумфальным видом взирающей на окружающий хаос. При виде феи и порхающего над ней на слабых крыльях конеангела коротышка смертельно побледнела и выпучила глаза.

– Белинда?! – выдавила из себя она.

– Ядвига? – растерянно моргнула волшебница. – Так вот ты куда пропала... – Она обвела взором гномов, замерших на месте и воинственно наставивших на них пики копий и острия мечей. – Так это ты собиралась пробраться в королевский дворец? – Белинда гневно сузила глаза и осуждающе ткнула в коротышку волшебной палочкой.

Ядвига с ужасом покосилась на орудие магического труда и благоразумно отскочила на шаг назад, спрятавшись за спины гномов.

– Что вы стоите, олухи! – визгливо заголосила она, обращаясь к своей армии. – Взять ее!

– Живой или мертвой? – деловито уточнил рыжий гном в двурогом шлеме с красными кисточками.

– Неваж... – начала Ядвига, поспешно расталкивая воинов и пятясь назад.

– Что? – взревела Белинда и воздела палочку над головой так, словно это был легендарный меч.

– Спасайся кто может! – истерично выкрикнула Ядвига откуда-то из задних рядов.

Но гномы, незнакомые с магией крестной феи, лишь презрительно загоготали и стали обступать Белинду и кружащее над ней существо плотным кругом.

– Что мы будем делать? – испуганно поинтересовался Фергюс.

– Устроим им хорошенькую головомойку и полный улет, – злорадно пообещала Белинда, продолжая держать палочку в вытянутой руке над головой, и что-то забормотала себе под нос.

Подуло прохладным ветерком, на землю упала тень, а над головой волшебницы сгустилась грозовая туча.

– Гномы дождя не боятся, – загоготали воины, и тут фея быстро-быстро закрутила палочкой, и туча над ней с неистовым воем стала превращаться в воронку.

– Что это? – зароптала армия.

– Полный улет, – выкрикнула Белинда в завершение своего заклинания, и тут же вокруг нее и Фергюса поднялся ураганный ветер. Гномы, словно невесомые куклы, стали отрываться от земли и с дикими воплями улетать в эпицентр воронки. Та засасывала их и бешено раскручивала вокруг своей оси. Наконец, последний из наемников улетучился с полянки в неведомую науке природную аномалию, и взмахом палочки Белинда отправила воронку куда-то на север. Та стремительно унеслась в небо и вскоре пропала из виду.

– Что с ними станет? – нервно сглотнул Фергюс, все это время изо всех сил цеплявшийся за воротник Белинды, чтобы его не сдуло ветром.

– Прольются вместе с дождем где-нибудь над пустынями Игапии, – охотно пояснила волшебница.

– А с этими что делать? – Фергюс нервно покосился на драконов, разлегшихся по краям поляны.

Фея настороженно глянула на крылатых гигантов, не проявляющих ни капли воинственности.

– И не надо на нас так хитро смотреть, с нами такие штучки не пройдут, – спокойно предупредил изумрудный дракон, видимо бывший здесь за главного.

– Я ничего такого и не думала, – порозовела от смущения Белинда и, осмелев, добавила: – А чего вы тогда здесь делаете? Почему не улетаєте?

– Отдыхаем, – бесстрастно ответил изумрудный и демонстративно прикрыл веки.

– Отдыхают! – недоверчиво шепнула Белинда Фергюсу, округлив глаза, и поманила Ядвигу, лежащую навзничь на земле и пытавшуюся слиться с травой. – А ну-ка пойді сюда. Это моя сводная сестрица, – небрежно пояснила она спутнику, – все время мне гадости делала в детстве. Но вот уж не думала, что у нее ума хватит столько гномов навербовать.

– Тут ума много не надо, – заметил конееангел, – главное, чтобы золото было.

– О, этого добра у нее – целые закрома! – заверила волшебница. – Ядвига у нас богатая наследница моего отца.

– А ты? – недоуменно спросил Фергюс.

– А я – досадное приложение к отцу, владельцу виноградников и торговцу вином; падчерица, после смерти отца лишившаяся всех прав. Ее мамочка постаралась, все к рукам прибрала, – мрачно поведала Белинда.

Услышав про мать, Ядвига приободрилась и вскочила с земли. Видимо, упоминание о деятельной родительнице прибавило пигалице уверенности в себе, и теперь она взирала на сводную сестру с надменностью королевы.

– Ну, и что ты мне теперь сделаешь? – с вызовом поинтересовалась она.

– Сначала ты мне объяснишь, что ты здесь делаешь, – потребовала Белинда.

– Собираюсь напасть на дворец! – хорохорилась коротышка.

– Собиралась, – поправила ее волшебница. – Вот ядрена фи́га! – Одно дело – подозревать непутевую сестрицу в заговоре, а другое – услышать от нее чистосердечное признание. – Совсем последний разум потеряла!

– Перестань ругаться моим именем, поганая ведьма! – взвилась Ядвига.

– Да из тебя душу вытрясти мало! – Одним прыжком Белинда подскочила к сестричке и схватила ее за шею, как цыпленка. – Зачем тебе это надо?

– Отпусти! Я все маме расскажу! – плаксиво запричитала та.

– Какая же ты дрянь, кочерыжка, – с чувством сказала фея, разжав пальцы, и демонстративно вытерла их о подол платья. – Все успокоиться не можешь, что я волшебницей уродилась, а в тебе магии – ни на ломаный грош? А уж когда я крестной принцессы стала, тебя вообще от зависти перекосило, только и думала, как бы мне подлянку

подстроить и в лужу меня посадить, да?

– Я все так хорошо придумала, – злобно зыркнула на нее коротышка. – Драконов пригласила, гномов наняла. Их и уговаривать особенно не пришлось: как узнали, что все богачи королевства в одном месте соберутся, да при лучших цацках, так и рады были во дворец наведаться да их от лишних побрякушек избавить. И как только ты про это прознала, а? Видимо, я тебя недооценила.

– Значит, ограбить королевскую семью и их гостей хотела? – сузила глаза Белинда. – В день рождения принцессы? Дурочкой меня выставить задумала?

– А то это не так, – окрысилась Ядвига. – Такую непутевую волшебницу еще во всем королевстве поискать надо.

– Ну, о моем профессионализме не тебе судить, – оборвала ее задетая фея.

– Так блестяще раскрыть заговор против королевской семьи – дорогого стоит! – ввернул Фергюс.

– А ты молчал бы, уродец, – вызверилась Ядвига, – поди, по вине моей сестрицы лошадиной мордой обзавелся?

– А вот морды попрошу не касаться, – оскорбился конеангел.

– Не тронь моего друга, – осадил нахалку волшебница. – А лучше подумай о своем поведении, пока домой возвращаться будешь. – Она многозначительно скосила глаза на нарядные шелковые туфельки Ядвиги. – Да, к пешей прогулке ты плохо подготовилась. Так уж и быть – жалую тебе башмаки с барского плеча.

Чародейка взмахнула палочкой, и на голову коротышке свалились два тяжелых деревянных ботинка. Один угодил прямиком в темечко, заставив девицу пошатнуться и брякнуться на траву. Второй добил ее уже на земле. Судя по ошумелому взору Ядвиги, ей требовалось не меньше десяти минут, чтобы прийти в себя и отогнать тех разноцветных птичек, что стайками сновали перед ее глазами.

– Что ты задумала? – хмыкнул Фергюс.

– Мы отправляемся во дворец. Надеюсь, успеем к самому разгару веселья, – объявила Белинда. – Господа, – обратилась она к драконам, с интересом наблюдавшим за происходящим на полянке, – как я понимаю, вам уже уплачено вперед. Нам нужно срочно попасть во дворец. Кто из вас сообразовал стать нашим перевозчиком?

– Я отвезу, – вызвался иссиня-черный дракон с золотистым узором на шее и крыльях.

– Отлично! – просияла Белинда и легко взбежала по его крылу, сопровождаемая конеангелом.

– А с этой что? – Изумрудный кивнул на считавшую птичек Ядвигу.

– Сама дойдет, – ухмыльнулась волшебница. – И одних башмаков не сносит. Это ведь предгорье Острых Пик? – уточнила она, испытующе оглядев верхушки деревьев, над которыми высились покрытые снегом горные вершины.

Фергюс удивленно моргнул: ничего себе, куда их закинуло! Любопытный конеангел с интересом изучал карту королевства, висевшую в приемном зале Кристиана, и, хотя сам второй раз в своей жизни очутился за пределами дворца, знал, что Острые Пики находятся в противоположном конце королевства, далеко от Малахитовых гор, куда их должен был перенести провал. Что же произошло и почему они очутились здесь? Неужели Белинда своим знаменитым ругательством, как оказалось обыгрывавшим имя ее нелюбимой сестрицы, скорректировала направление провала, и тот перенес их прямиком к обладательнице подлинного имени?

– Вы правы, – признал изумрудный дракон.

– Тогда Ядвиге хватит пяти суток, чтобы добраться до дома, – удовлетворенно хмыкнула волшебница и велела: – Трогай!

Погода во всем королевстве была солнечной и погожей, и только при полете к дворцу засверкали молнии и сбились в стаю грозовые тучи.

– Странно, – пробормотала себе под нос Белинда, раскрывая над драконом

водонепроницаемый щит. – Не могла же Ядвига и с погодой намудрить? Если только у нее был сообщник...

Фергюс сделал вид, что увлечен изучением ближайшей к ним тучи и слов спутницы не расслышал.

Белинда пожелала, чтобы ее доставили прямиком к парадной лестнице. Ей, безусловно, хотелось покрасоваться перед гостями. Не каждая крестная фея может себе позволить прилететь на день рождения подопечной на драконе, а не на помеле. Тут она даже Лукрецию с ее ковром-самолетом за пояс заткнула, самодовольно заметила волшебница про себя, спрыгивая на ступеньки дворца и с ликованием отмечая, как гости прилипли к стеклам парадного зала на первом этаже.

Ее уже ждали, но отнюдь не с фанфарами. В зале торжеств повисла траурная тишина, и причиной тому была черная метка, повисшая в воздухе над колыбелью принцессы. Белинда явилась в тот момент, когда Кристиан безуспешно рассекал кулаками воздух, пытаясь уничтожить роковой знак, а бледная королева прижимала кружевной платочек к глазам.

– Явилась – не замочилась, – прошипела она, когда обеспокоенная волшебница подбежала к колыбели девочки. – Где ты была? – Рука сжалась в кулак, скомкав платок. – Как ты могла допустить, чтобы это, – палец с острым ноготком обвиняюще ткнул в метку, – могло омрачить наш праздник?

– Белинда, ведь это ничего не значит, правда? – отрывисто спросил король. – Нашей дочери не угрожает опасность?

– Нет, нет, конечно нет! – фальшиво заверила его фея и, разглядев инициалы в центре метки, изменилась в лице. – Ядрена фи́га! – выдавила она.

– Что? – вскинулся король. – Вы знаете ту, кто сотворила этот знак?

– Ну разумеется знаю! – справившись с собой, воскликнула фея. – Вам совершенно не о чем беспокоиться. Это знак одной никудышной волшебницы, которую выгнали из общества фей за непригодность к магии. Единственное, на что хватает ее сил, так это на то, чтобы делать мелкие пакости вроде такой метки и портить настроение другим.

– Так она не сможет причинить вред нашей дочери? – встревоженно уточнил Кристиан, слышавший о подобных метках леденящие душу истории.

– Никогда, – не моргнув глазом, соврала Белинда. – Тем более она под моей защитой.

И в доказательство своих слов ткнула волшебной палочкой в центр метки, отчего та исчезла, а на ее месте возникло несколько золотистых бабочек, которые сорвались с места и закружили по залу, вызвав восхищение гостей.

– А теперь начинаем наше представление, – бодро объявила фея, помахивая палочкой и управляя полетом бабочек, отчего они то взлетали к потолку, то сияющим листопадом падали на стол, то драгоценными брошками прилипали к стенам.

Гости восторженно хлопали, волшебница удовлетворенно улыбалась, а Фергюс с кормилицей тревожно переглядывались, ожидая продолжения фокусов, которые, как они уже убедились накануне, не всегда безопасны. Однако, вопреки их опасениям, ничего страшного не произошло. Волшебница развлекла собравшихся безобидными и весьма красочными иллюзиями, а в заключение предложила гостям захватить свои кубки и пригласила их во двор замка, а затем наполнила стоявший там фонтан лучшим шампанским. После того как двое смельчаков сняли пробу и высказали свое восхищение напитком, гости рванули к фонтану и устроили кучу малу, подставляя свои кубки под струю шампанского. Шампанское так разгорячило собравшихся, что некоторые из них даже рискнули искупаться в бассейне, полном пузырьков и пены. В результате купания две дамы лишились своих роскошных нарядов и стыда, шестеро кавалеров были вызваны на дуэль, и только вмешательство высших сил в лице Белинды, заменившей шампанское ледяной колодезной водицей, положило конец этому безобразию и вернуло купальщикам разум.

Вечер завершился балом. Аннет валилась с ног, и счастьем ее не было предела, когда с началом танцев ее с малюткой Изабеллой отправили наверх. Притомившаяся фея вызвалась проводить ее. Пока кормилица укладывала принцессу, Фергюс и Грациэлла оттеснили

Белинду к окошку и с пристрастием допросили. Предметом их любопытства и беспокойства была так некстати появившаяся над колыбелькой принцессы черная метка. Фея, успевшая неоднократно приложиться к фонтану с шампанским, отнекиваться не стала и выложила все как на духу.

– Бедная малютка! – всхлипнула она.

– Тихо ты! – Ангелочек покосилась на кормилицу. – Не стоит пугать Аннет раньше времени.

– Что, Марте тоже досталась черная метка? – испуганно спросила фея.

– Нет, – убежденно покачала головой Грациэлла. – Я все время была рядом и никакой метки не видела.

– Слава небесам! – обрадовалась Белинда и тут же, вспомнив про принцессу, затянула: – Бедная Иза!

– Так это правда? – требовательно спросил Фергюс. – Плохо дело?

– Дело труба, – мрачно поведала фея. – Последний раз, когда над малышкой появлялась такая метка, ее замок сгорел, родители сошли с ума, а саму бедняжку убило грозой.

– Ты хочешь сказать, что это была метка Барбариссы? – испуганно прошептала Аннет, незаметно подошедшая к ним.

– Что ты, конечно нет! – поспешно возразила крестная.

– Но ты ведь только что говорила про дочку графа Тарубару. Это их замок сгорел, граф с графиней двинулись умом, а дочку отправили к родственникам, и по пути в ее карету ударила молния, – перечислила кормилица. – Не ври мне, Белинда.

– А ты не подслушивай, а то молоко в груди скиснет, – огрызнулась волшебница, признавая ее правоту.

– Что же теперь будет! – всплеснула руками Аннет. – Нужно спасти девочку, нужно бежать отсюда, спрятать там, где до нее никто не доберется.

– Не мели чепуху, – осадил ее Белинда. – От Барбариссы не сбежишь.

– Незачем бежать, – кивнул Фергюс и кровожадно ухмыльнулся. – Лучше найдем эту старую кошелку и устроим ей полный улет, а, Бэль?

– Боюсь, не устроим, – огорчила его фея.

– Испугалась? – поддел ее конеангел.

– Никто не знает, кто такая Барбарисса, как она выглядит и где живет, – огорошила его Белинда. – Барбариссой может оказаться кто угодно. Все, что мы можем, – только отбивать ее удары.

– А вообще что значит эта метка? – пылливо поинтересовалась Грациэлла.

– Это значит, что помимо крестной феи, которая будет превращать жизнь подопечной в мед с пряниками, у малышки появилась и персональная злая колдунья, которая будет отвечать за поставки дегтя и изъятие пряников, – уныло пояснила Белинда.

– И часто такое бывает?

– Не часто. Но бывает.

– И что, нет никакого способа избавиться от пакостей этой Барбариссы? – сокрушенно спросил Фергюс, поглядывая на безмятежно посапывающую малышку.

– Почему же нет? Есть, – обнадежила его Белинда.

– И какой же? – поторопила ее Грациэлла.

– Свадьба, – кисло поведала фея. – Замужество Изабеллы разрушит не только мою с ней связь, но и чары Барбариссы.

– Свадьба, – уныло протянул Фергюс.

– Но ведь это еще, как минимум, семнадцать лет! – в отчаянии сказала Аннета.

– Не волнуйтесь, малютка ведь под моей защитой! – ободряюще напомнила Белинда.

Служанки, взбивавшие перины в смежной с детской королевской опочивальне, отлипли от замочной скважины и переглянулись.

– Бедная принцесса! – прошептала одна.

– Будет чудом, если она доживет и до пяти лет, – поддакнула другая.

- С такой-то меткой! – покачала головой первая.
- С такой-то феей! – сокрушенно закончили они хором.

Глава 4 КРАСАВИЦА С ЧУДОВИЩНЫМ ХАРАКТЕРОМ

Не так страшна королева Гвендолин, как ее малютка.
Портниха Клара – от лица всей дворцовой прислуги

К семнадцатилетию принцессы Изабеллы в королевстве подготовились основательно. Подвалы были полны вина, Фруктов и разнообразного угощения, а гостиные – роз. За всеми приготовлениями внимательно следила Аннет, вот уже четыре года сменившая на посту управляющей Злюку. (Кстати говоря, Злюкой ее звала только сама Аннет по старой памяти. После падения в лохань дама, на радость прислуге, сделалась столь отзывчивой и доброй, что к ней прочно прилепилось новое прозвище – Душка.)

Сотня приглашений на бумаге с золотым тиснением была отослана самым благородным семьям Эльдорры, и те не смогли сдержать восхищения, когда читали их. Дело было отнюдь не в риторическом слоге, к которому приложил свое перо придворный поэт, и не в насыщенной программе праздника, рассчитанного на три дня торжеств, а в дюжине прелестных бабочек, которые срывались со страниц приглашения, стоило дочитать его до конца. За семнадцать лет в роли крестной Белинда заметно поднаторела в волшебстве и достигла совершенства в создании иллюзий, подобных этим (что, впрочем, не исключало ежедневных конфузов). Так что союз риторики и магии, воплощенный в бумаге, не мог не пленить сердца получателей конвертов из королевского дворца.

Вопреки предсказаниям служанок, опасениям родителей и кормилицы и заботе крестной феи, Изабелла готовилась отпраздновать свой семнадцатый день рождения. И встречала она его восхитительной голубоглазой красавицей с золотистыми локонами – в отца и невыносимым характером – в мать. Так что прислуга при появлении на горизонте белокурого ангела предпочитала делать ноги и не попадаться принцессе под руку. Впрочем, накануне дня рождения Изабеллы прислуга могла передвигаться по замку совершенно спокойно: виновница торжества была занята другой жертвой. Жертвой не повезло стать болезненной длинницей даме, редкие волосы которой были завиты в крутые букли и спрятаны под кокетливый лиловый берет. В данный момент принцесса была в ударе, а дама – близка к нему.

– Что это? – скривив губы, вопрошала Изабелла, прохаживаясь вокруг манекена и перебирая пальцами нити самоцветов, сверкающими ручейками спадающих с пояса восхитительного лазоревого платья на пышную юбку.

– Украшения, лучшие кристаллы из самой Сваровии, – сдавленно пролепетала портниха.

– Вот именно, – фыркнула привередливая заказчица. – Этим безвкусным гирляндам место на елке, а не на моем бальном платье.

– Но королева одобрила, – робко вставила дама. – На каждой нити – семнадцать камней, по числу лет, которые вам исполнятся.

– Меня не волнует то, что одобрила моя мать, – топнула ногой капризница. – Если ей так нравится, пусть носит их сама. – Тонкие пальчики натянули нить, горстка камней брызнула на пол, заставив портниху зажмуриться от подобного вандализма. – Убрать! – безапелляционно заявила принцесса, указав на остальные нити.

Дама послушно закивала головой. Изабелла продолжила критику ее работы.

– А это что за пошлость? – Она с брезгливой гримасой ткнула пальцем в восхитительную пену кружев на рукавах.

– Ручная работа, сто золотых за метр, в Йельске заказывали, специально к торжеству, –

прошптала близкая к обмороку портниха.

– Да хоть двести, – раздраженно парировала принцесса и возвела глаза к потолку. – Ну и безвкусица!

– Ваша мама выбирала, – промямлила дама.

– Клара, давно пора бы понять, что моя мать для меня не авторитет в моде! – отчитала ее Изабелла. – Вы же уже не первый год для меня платья шьете.

Седые волосы, в изобилии поселившиеся в кудряшках портнихи, были тому красноречивым подтверждением.

– Итак, кружево убрать, – скомандовала принцесса.

Дама с буклями в ужасе втянула голову в шею, но спорить не посмела. Во дворце можно было найти от силы семь обитателей, которые могли безнаказанно перечить принцессе, из них двое были ее родителями, а еще двое отнюдь не являлись людьми.

– Теперь декольте, – нахмурилась несовершеннолетняя модница, пристально изучая сказочного вида корсаж, расшитый крошечными кристаллами и серебром.

– Убрать? – в панике пролепетала портниха, вспоминая шесть бессонных ночей, проведенных за работой над этой деталью наряда.

– Убрать? – озадаченно переспросила Изабелла. – Смелое решение! – Она откинула голову, на мгновение залюбовавшись игрой света на поверхности кристаллов и сложным узором вышивки. – Ладно, – напустив на себя недовольный вид, смилостивилась она, – пусть будет.

Портниха с облегчением обмякла. Как оказалось, рано, ибо взгляд именитой клиентки добрался до юбки.

– Какой кошмар! – ужаснулась она, взявшись двумя пальцами за оборочку юбки так, словно это была дохлая мышь. – Алмазное напыление! Нет, вы определенно принимаете меня за елку!

Побелевшая от напряжения портниха едва держалась на ногах.

– Но, ваше высоко... – рискнула возразить она.

– В топку! – велела принцесса.

– Что? – пролепетала портниха.

– Вот что! – рявкнул белокурый ангел, с силой дернув за край материи. Раздался треск ткани, Изабелла ураганом пронеслась вокруг платья, надетого на манекен, избавив юбку от верхнего мерцающего слоя, и бросила материю в камин. Но, не долетев до него пары метров, та взмыла вверх и пронзительно заржала:

– Знатный плащ мне выйдет из алмазной ткани!

Из-под лоскута высунулась лошадиная голова (это Фергюс перехватил ткань в полете и уберег от неминуемой гибели) и с укоризной сказала:

– Иза, не дури! Отличный наряд, тетенька так старалась.

– А мне прикажешь надевать этот безвкусный мешок? – разозлилась принцесса.

Конеангел с удивлением перевел взгляд на изумительное лазоревое платье со шлейфом, занимающим полкомнаты, и постучал рукой по лошадиному лбу.

– Ку-ку, красotka! Да каждая модница Эльдорры родную мать продаст, лишь бы появиться на балу в таком великолепии.

Портниха передумала падать в обморок и зарделась от похвалы, принцесса с сомнением покосилась на платье. В дверь негромко постучали и, не дожидаясь разрешения войти, на пороге возникла изящная темноволосая девушка в бирюзовом платье.

– Иза, ты еще не одета? – изумилась она, входя в комнату, и восхищенно воскликнула при виде платья: – Какое чудо!

– Это твое платье? – замерла принцесса, впившись в нее взглядом. – Для бала?

– Да, – радостно улыбнулась та, поздоровавшись с портнихой. – Тебе нравится?

– Нравится? Марта, да это платье моей мечты! – простонала Изабелла.

Портниха в недоумении перевела взгляд с дорогого и пышного лазоревое наряда на безыскусное бирюзовое платье девушки: простой силуэт, похожий на перевернутый розовый

бутон, состоял из облегающего корсажа с открытыми плечами и узкой, чуть расширяющейся книзу юбки. Простейший крой, минимум украшений, красивая, но недорогая ткань. На изготовление этого платья ее коллега потратила не больше половины дня, тогда как платье принцессы начали шить за полгода до праздника. Видимо, те же мысли посетили и девушку в бирюзовом. Она с трудом оторвала восхищенный взгляд от наряда принцессы и напрямик спросила:

– Иза, ты с ума сошла? Оно просто великолепно!

Портниха в ужасе зажмурилась, ожидая, что на дерзкую шатенку тут же обрушится принцессин гнев. Но Изабелла только горестно вздохнула и запричитала:

– Бедная я, несчастная! Все за меня решают: какие платья носить, за кого замуж выходить. Как же мне надоели эти расшитые рубинами и изумрудами наряды, эти пышные юбки, под которыми может спрятаться дюжина гномов, эти громоздкие шлейфы, каждым из которых можно выстелить лестницу от парадного входа до башни, эти тяжелые кольца, под которыми сгибается шея, эти алмазные диадемы, в которых вечно путаются волосы. Ну почему, почему мне нельзя хотя бы раз, хотя бы в честь моего семнадцатилетия надеть такое платье, которое нравится мне, а не то, которое мне полагается по статусу, а? – Она часто захлопала ресницами и уставилась на девушку в ожидании сочувствия.

– Иза, бедняжка, – с чувством сказала та, – я и не догадывалась, как ты страдаешь!

Фергюс, не сдержавшись, громко заржал, девушка, заразившись его смехом, тоненько прыснула. Принцесса обиженно надулась. Портниха с ужасом взирала на творившееся безобразие.

– Вот что, Иза, – скомандовала шатенка в бирюзовом, – сейчас же переодевайся и дай нам на тебя полюбоваться!

После чего поманила за собой Фергюса и вышла за дверь, оставив принцессу и портниху наедине.

– Чего застыла? – прикрикнула на трепещущую даму Изабелла. – Действуй, Клара!

Марта прохаживалась по коридору, глядя, как переливается при ходьбе ткань ее платья. Это, конечно, не сказочный наряд принцессы, но для нее ее платье было самым прекрасным на свете. Потому что это – ее платье, сшитое по ее фигуре, пожалуй, впервые в жизни. Обычно ей приходилось донашивать одежду за Изабеллой. Марта не жаловалась: наряды у принцессы были хоть куда и доставались ей почти новыми. Речь, конечно, не шла о парадных платьях, украшенных драгоценностями и сшитых из тканей, которые ценились на вес золота. Но, помимо нарядов для особых торжеств, вроде дня рождения короля или годовщины коронации, в гардеробе Изабеллы имелась целая уйма вещей: для прогулок в саду, для верховой езды, для неофициальных приемов, для дома, для уроков, для променада, для лимонада. Шкафы принцессы ломились от нарядов на все случаи жизни, а их содержимое регулярно обновлялось. Так что Изабелла с радостью избавлялась от ненужных вещей, вручая Марте целый ворох разноцветных тряпок.

«Похоже, Иза так привыкла к тому, что я донашиваю ее одежду, – рассудила Марта, размышляя над странным поведением принцессы, – что, когда я появилась в незнакомом ей платье, у нее в голове что-то переклинило и ей тоже захотелось такое». Она еще раз полюбовалась нежным оттенком ткани, подчеркивающим редкий цвет ее глаз – цвета бирюзы.

– Ну что, Тень принцессы, – шутливо поддел ее Фергюс, пролетая в полуметре над головой, – сегодня ты затмила свою хозяйку?

Марта улыбнулась. Из-за того что она была всегда рядом с Изабеллой и донашивала ее одежду, во дворце к ней прилепилась устойчивая кличка Тень принцессы, однако сама Марта себя таковой не считала и была рада своему положению. А положение было, мягко говоря, весьма странным. Не фрейлина (из-за отсутствия благородного происхождения) и не служанка, но при этом молочная сестра, лучшая подруга и незаменимая компаньонка по всем каверзам – в одном лице. С самого детства Мари жила во дворце и привыкла к роскоши и

комfortу, хотя то, что доставалось ей, было лишь частичкой блистательной жизни принцессы. Наряды – с королевского плеча, еда – с королевского стола, комната (правда, на половине прислуги) обставлена лучше, чем у фрейлин. Да что ей комната? Только переночевать, а целые дни она проводила на королевской половине дворца, составляя компанию принцессе в забавах и науках. По образованию Марта не уступала Изабелле, а в чем-то даже и превосходила. Учились они вместе – присутствие Марты скрашивало скуку уроков и создавало дух соперничества, заставляя ленивую принцессу тянуться за своей смышленной подружкой. Так что даже надменная королева со временем смирилась с постоянным присутствием Марты на половине дочери и перестала донимать своего демократичного супруга, поощрявшего дружбу с «нищенкой».

Дочка прачки схватывала все на лету, учителям внимала с интересом, к урокам и заданиям относилась со всей серьезностью – не в пример капризнице Изабелле. Оно и понятно: принцессе эти науки ни к чему, так, вроде приложения к ее короне, красоте и богатству, а вот у Марты, помимо собственной прелести, иных капиталов нет, приходится рассчитывать только на свои силы. Так что любая наука на пути к мечте может сгодиться.

А мечта у нее была самая обыкновенная: выйти замуж за любимого да путевого, поселиться в домике на берегу тихой речки, воспитывать детишек да заботиться о родителях. Зря королева волновалась, что дочка няньки, все время находясь в тени принцессы, вырастет завистливой, злой и только и будет думу думать, как принцессу со света сжить и ее место занять. «Ха-ха-ха», – сказал на это король. «Больно надо!» – ответила бы сама Марта, мечтавшая о тихой жизни вдали от шумного и суетного дворца.

Вот только мечта эта была пока невыполнима: выбор женихов был небогат, а те, что имелись в наличии, придирчивую невесту совсем не устраивали. К тому же ее приемный отец был нужен при дворе и был не вправе распоряжаться собой до тех пор, пока не подготовит себе достойную смену. А шутка ли это – выучить лекаря для королевского семейства! Три ученика за десять лет было у Жюльена. Один на четвертом году учебы повредился в уме от переизбытка премудрости и теперь лечит лягушек в пруду, считая их заколдованными принцессами. Другой, отучившись половину шестилетнего срока, возгордился и решил, что все на свете знает. Не пожелав тратить еще три года на изучение целительских наук, он открыл собственный кабинет в городе и табличку на нем повесил: мол, ученик самого Жюльена. К этому неучу теперь запись за месяц вперед ведется, да только отцу Марты от этого не легче. Третий ученик всем был хорош – и умен, и прилежен, и благовоспитан, и пригож; Жюльен серьезно прочил его в свои преемники. Да только однажды поутру король обнаружил, а точнее говоря застиг пригожего ученика лекаря, прогуливающимся поутру в районе спален королевы и принцессы... С тех пор красавчик, на обучение которого Жюльен угробил два года жизни, прогуливался в десяти пушечных выстрелах от дворца. И вот уже два месяца лекарь подыскивал нового кандидата в преемники, расспрашивал всех знакомых, развешивал объявления по всему городу, сулил непомерную стипендию и жизнь на полном обеспечении во дворце. Желающих заграбастать стипендию и поселиться бок о бок с королевским семейством нашлось немало. Но из них серьезно мечтающих связать свою жизнь с медициной можно было пересчитать по пальцам, и те не подходили для роли придворного лекаря по ряду причин. И дня не проходило, чтобы в замок не наведался очередной проходимец.

Появление кандидатов в ученики стало для Марты и Изабеллы настоящим развлечением (единственным стоящим после того, как принцесса разогнала очередь из всех своих женихов). Пока Жюльен беседовал с потенциальным лекарем в своем кабинете, девушки с интересом наблюдали за ними, мышками проскользнув в смежную комнату и прильнув к проделанным специально для этого случая щелкам. Поэтому происходящее за кованой дверью и тяжелым засовом не было секретом для двух подружек. Они могли вспомнить каждого посетителя и причину, по которой он не задержался во дворце. Один был горбат – где уж ему шустро носиться по всему дворцу – исцеляя хвори! Другой женат – а какая жена выдержит, чтобы муж день-деньской проводил в королевском дворце в

окружении фрейлин? Конечно, жена попросится во дворец, а с ней – и пяток ребятишек, а на такую ораву бюджет, выделяемый на лекаря, не рассчитан. Третий так откровенно и недвусмысленно прожигал учителя взглядом, что седовласый эскулап покрылся испариной и едва не выскочил в окно, когда красавчик с щедро намасленными волосами с придыханием произнес, что он «будет счастлив проводить с маэстро дни и ночи, обучаясь премудростям древнейшей профессии, в которой маэстро, несомненно, знает толк». Четвертый притащил с собой кошку, сшитую из частей нескольких различных мурок и при этом, к ужасу Марты и ликования Изабеллы, весьма живую и игривую. Кошка должна была послужить рекомендацией колдовского таланта соискателя. Тот искренне полагал, что за чернокнижием и некромантией – будущее Эльдорры, что придворный лекарь – один из лучших чернокнижников. И страшно изумился, когда Жюльен, стиснув зубы, выставил вон и его, и кошку. Всего соискателей было около полусотни, так что если бы неразлучные подружки вздумали рассказать анекдоты про каждого из них, их выступление растянулось бы с утра до самого вечера. Если не принимать во внимание всяких психов, большинство кандидатов отсеялось из-за возрастного ценза, ибо преемник никак не мог быть ровесником самого лекаря или даже старше него. Остальные по разным причинам не понравились самому учителю или показали полную профнепригодность, упав в обморок от одного запаха согревара – фирменной мази Жюльена, которую следовало долго и основательно втирать королю и королеве при боли в суставах, а заниматься этим было позволительно только придворному лекарю.

Другой на месте Жюльена уже потерял бы всякую надежду найти преемника, однако старый эскулап не сдавался, был полон энтузиазма и ждал появления того уникального юноши, которому он передаст весь свой опыт и наконец-то сможет уйти на заслуженный отдых. Сегодня как раз ожидался приход очередного кандидата. Разумеется, Изабелла и Марта не могли пропустить такого события и собирались отправиться на свой тайный наблюдательный пункт сразу же после примерки.

– Марта! – раздался требовательный голос принцессы, и девушка поспешила к двери, проговаривая про себя стандартные комплименты: «Ах, Иза! Ты прекрасна, Иза! Это платье так идет к твоим глазам, Иза!» Изабелла требовала постоянных признаний своей красоты, и Марте вечно приходилось разливаться соловьем, чтобы поднять настроение своей взбалмошной подружке.

Но все заготовленные фразы застыли на устах, когда она увидела принцессу. В комнате воцарилась такая тишина, что был слышен шелест крыльев влетевшего следом Фергюса – тоже на удивление онемевшего. Принцесса молчала, застыв в эффектной позе и дожидаясь комплиментов. Портниха замерла, дожидаясь отзыва зрителей, словно приговора суда. Фергюс завис в воздухе, сраженный видом принцессы. А Марта...

– Марта, – устав стоять столбом в наиболее выигрышной позе, вспылила Изабелла. – Ты что, язык проглотила?

– Иза, – только и смогла вымолвить та. – Оно... необыкновенное!

– Так я и знала! – взревела принцесса, скомкав в кулаке ткань юбки и затопав ногами. – Это просто кошмар какой-то! Я похожа в нем на разряженную гномиху! Ты! – Она сузила глаза и обвиняюще ткнула пальцем в побелевшую от ужаса портниху. – Ты – позор своей профессии, а это платье – самое безвкусное из всех платьев!

– Иза, – опешила Марта. – Что на тебя нашло? Платье чудесное! Я от восхищения даже слов не могла найти.

– Ах чудесное? – не на шутку завелась принцесса. – Оно настолько чудовищное, что у тебя даже язык не повернулся соврать мне и сказать, что я в нем прекрасна. – Она в бешенстве дернула за одну из нитей, удерживающих прозрачные камни, и те радужными брызгами посыпались на пол.

Портниха вжала голову в плечи, а разъяренная принцесса двинулась прямо на нее. И далеко не за тем, чтобы обнять!

– Изабелла, ты с ума сошла? – преградила ей путь Марта. – Что за сумасбродные

выходки? Ты ее пугаешь!

При этих словах в комнату впорхнула Белинда с громким возгласом: «Изабелла, что за чудное платье!» Но принцесса вошла в раж и не обратила внимания на такую мелочь, как появление крестной.

– Да кто ты такая, чтобы мне указывать? – взбеленилась она, обращаясь к Марте. – Дочь прачки, бедная приживалка, моя бледная тень!

– Изабелла! – оборвал ее звенящий от негодования голос феи.

– А, здравствуй-здравствуй, моя непутевая тетушка, – усмехнулась принцесса.

Белинда стремительно покраснела, Марта еще мгновением раньше вздрогнула, как от пощечины, и тихо сказала:

– Простите мне мою дерзость, ваше высочество. И спасибо, что указали мне на мое место.

После чего быстро развернулась и зашагала к двери.

– Мари! – бросилась за ней фея. – Изабелла, да что с тобой такое?

– Ты обидела Марту, – укоризненно заметил Фергюс и последовал за девушкой, едва не налетев на замершую в дверях Белинду.

– Лети-лети, лоб не разбей, – зло крикнула Изабелла ему вслед и набросилась на волшебницу: – Ну, а ты что застыла? Беги, утешай свою любимицу. Я же знаю, ты ее больше любишь!

– Боюсь, Иза, что в такой ситуации я, как твоя крестная, желающая тебе добра, просто обязана вмешаться, – сообщила фея, вытаскивая палочку.

– Что это ты выдумала?! – переполошилась принцесса. – Не вздумай!

Но Белинда уже принялась выводить палочкой затейливый узор.

– На помощь! – перепугалась Изабелла, прячась за спиной портнихи, которая все это время стояла ни жива ни мертва. Портниха испуганно пискнула, когда из конца палочки вырвалась молния и полетела прямо на нее. Писк перерос в жалобное кваканье, истощный визг принцессы и досадливое криканье. Визжала Изабелла, пытаясь вытряхнуть лягушку в лиловом берете, застрявшую в складках ее роскошного бального платья.

Крякала Белинда, очевидно ожидавшая получить совсем иной эффект от своего волшебства. После того как перепуганная лягушка шлепнулась на пол, потеряв в полете берет, а на крик Изабеллы прибежала обеспокоенная Марта, фея с третьей попытки все-таки вернула несчастной Кларе привычный вид.

– Да вас и на минуту нельзя оставить одних, – пробурчал Фергюс.

Пока Марта обмахивала платком позеленевшую от пережитого ужаса портниху, избегая взглядом принцессы, Изабелла с притворной тщательностью разглаживала подол платья, оценивая нанесенный ему урон (все нити со стразами были оборваны, так как лягушка до последнего цеплялась за них, как утопающий за соломинку). Напряженную обстановку невольно разрядила фея: она неуклюже поскользнулась на рассыпавшихся по полу прозрачных цветных камушках и едва не угодила носом в камин. Крестницы одновременно прыснули со смеху и бросились поднимать Белинду с пола.

– Мари, ты прости меня, – пробормотала Изабелла. – Сама не знаю, что на меня нашло. Так переволновалась перед балом...

– Да ладно, – улыбнулась Марта, – понимаю...

– А тут еще мама на меня все время насаждает со своими намеками на свадьбу. Говорит, что к семнадцати годам уже все нормальные принцессы замужем, и только я отличилась, – добавила в свое оправдание Изабелла. – Вот нервы и сдали, сорвалась на тебя...

– Ничего, я привыкла, – не без ехидства отозвалась Марта.

Портниха, пользуясь заминкой, тихонько шмыгнула к двери.

– Куда? – остановил ее властный голос Изабеллы.

Внутренне трепеща, несчастная швея повернулась к королевской дочке.

– Зайди в казну. Пусть тебе заплатят... сто золотых.

– Благодарю, ваше высочество, – не веря своим ушам, пискнула потрясенная двойной

оплатой портниха и несмело добавила: – А как же стразы?

– Без них лучше, – махнула рукой принцесса.

Портниха неловко поклонилась и выкатилась в коридор.

– А платье-то действительно ничего, – уныло признала Изабелла, разглядывая свое отражение.

– Порой мне кажется, что в Изабеллу вселяется сам дьявол, – проворчал Фергюс, когда они, оставив принцессу переодеваться, спустились в комнату Марты.

– Ты тоже это заметил? – помрачнела волшебница.

– Дорогая Бэль, уверяю тебя, это заметили все во дворце! – заржал конь.

– Бэль, что не так? – Марта встряхнула за локоть поникшую фею.

– Мне кажется, это все из-за черной метки, – призналась Белинда.

– Да ну! – присвистнул Фергюс.

– Не может быть, – убежденно возразила Марта. – Черная метка приносит несчастья, а не портит характер.

– И много несчастий было в жизни Изабеллы? – намекнула фея.

– Ну, один раз она упала с лошади и подвернула лодыжку, – припомнила Марта.

– Один раз опалила волосы настенным факелом, – добавила Грациэлла. – Визгу было! Хорошо еще, что ты ей быстро утраченную шевелюру вернула.

– Правда, черную, а не белую, – ехидно вставил Фергюс.

Фея смущенно покраснела. После того как она поколдовала над волосами Изабеллы, они вновь обрели прежнюю длину. Только вместо светло-золотистых сделались смоляными. Чтобы вернуть прежний цвет, пришлось идти на поклон к начальству. Лукреция тогда полдня возилась с локонами принцессы, прежде чем с них сошла чернота. Изабелла на свою крестную еще неделю дулась. И до сих пор иногда ей это припоминает.

– Больше вспомнить нечего? – пробурчала фея.

Марта с Фергюсом и Грациэллой недоуменно переглянулись.

– Пожаров в замке не было, ограблений – тоже, принцесса жива и невредима, ее родственники – тоже, – перечислила Белинда. – В то время как на обладателей черных меток Барбариссы и их семьи неприятности сыплются как из рога изобилия, и бедные детишки редко доживают до совершеннолетия.

– Погоди, Бэль! – вмешался Фергюс. – Когда у Изабеллы появилась черная метка, ты нас всех заверила, что опасаться нечего, и ты сделаешь все возможное и невозможное, чтобы уберечь принцессу.

– Так-то оно так... – протянула фея. – Только за все это время никаких магических покушений на принцессу не было, понятно? И это очень странно. Потому что черные метки просто так не ставят. Черная метка – это несчастье на всю жизнь. А какое самое большое несчастье Изабеллы?

– Ее характер! – хором воскликнули Марта, Грациэлла и Фергюс.

– То-то и оно! Она мне однажды призналась – я применила заклинание откровенности, – что она порой и сама не рада своим поступкам и словам, а ничего с собой поделать не может.

– Но зачем ведьме, которая поставила черную метку, портить характер Изы? – оторопело спросила Марта.

– Ну, во-первых, дурной характер – это приговор на всю жизнь. А во-вторых... – Белинда замялась.

– Что во-вторых? – поторопили ее Марта и Грациэлла.

– Возможно, это все глупости, но слушайте, – решила фея. – Из-за своего характера Изабелла поругалась со всеми женихами. Я даже ума не приложу, кто ее захочет замуж взять! А ведь обеспечить своей крестнице хорошую партию – задача каждой крестной. Нет мужа – позор фее!

– Ты хочешь сказать, черную метку поставил тот, кто хочет досадить тебе и выставить тебя неудачницей? – не скрывая своего скептицизма, протянул Фергюс.

– Я уж не знаю, что и думать, – вздохнула Белинда.
– Но ты же тогда говорила, что это метка Барбариссы, которую никто не знает в лицо, – напомнила Грациэлла.

– Если ее не знаю в лицо я, это совсем не значит, что она не знает меня, – удрученно сказала фея.

– Но кто это может быть?

– Да кто угодно! Моя мачеха – она меня ненавидит. Моя сводная сестрица, ее дочка, – она, еще когда Изабелле месяц исполнился, хотела насладиться вооруженных гномов на дворец во время бала, чтобы меня полной душой выставить. Только у этой вряд ли силенок хватит, не тянет она на злодейку Барбариссу. Да и половина фей против меня. Я ведь стала крестной Изабеллы по ошибке, перепутала ее с Мартой. А в нашем ОЗФ многие думают, что я специально так сделала, взяла Изу под опеку самовольно, в обход решения совета.

– Получается, злая ведьма Барбарисса состоит в обществе добрых фей? – усмехнулся Фергюс. – Просто оборотень в колпаке какой-то!

– Не знаю. Только очень уж хорошо эта Барбарисса осведомлена о наших внутренних делах...

– Так что же теперь Изабелле всю жизнь в девках ходить? – заволновалась Грациэлла.

– Что-нибудь придумаем! – ободряюще улыбнулась Белинда. – Если я права в своих предположениях, после свадьбы черная метка потеряет свою силу и Изабелла избавится от ее рокового дара.

– А если нет? Если ей гадкий характер от матери достался? – резонно возразил конеангел. – Королева-то наша тоже не подарок!

– Чуть не забыла про подарок! – воскликнула фея. – Я для Изабеллы такой сюрприз приготовила!

Марта с Фергюсом обменялись едва заметными ухмылками. Подарки Белинды во дворце уже стали притчей во языцех, а сама фея носила неофициальное звание чемпиона по дурацким подаркам. Правда, она об этом не подозревала.

Так, когда девочкам исполнилось пять лет, Изабелле достался в подарок набор поющих ложек, которые привели в полный восторг именинницу и за пару дней свели с ума ее няню Аннет и служанок. Марта тогда получила в подарок отличный вместительный сундук, занявший половину комнаты ее матери. В этот сундук неразлучные подружки умудрились залезть вдвоем, случайно задев хитроумный замок и попав в плен ларца. Девочек искали полдня, пока, наконец, не догадались заглянуть в сундук. У Мари и Изы к тому моменту уже голоса сели – как выяснилось, подарок Белинды отчего-то оказался звуконепроницаемым. Как потом смущенно поведала фея, изначально он предназначался для хранения поющей посуды. Но после того как она подарила крестнице последний набор из своих гигантских (судя по размеру сундука) запасов, то сундук сделался ненужным, и фея поспешила от него избавиться, сделав незабываемый подарок другой крестнице.

В следующие одиннадцать лет Марта получила:

– будильный колокольчик, который помогает просыпаться по утрам. Все бы ничего, да колокольчик не стоял на месте, а взмывал в воздух и носился по комнате до тех пор, пока полусонная девочка гонялась за ним и не умудрялась его поймать, к тому времени окончательно проснувшись;

– вечно полный кувшин для умывания, вода в котором постоянно меняла запах – то на цветочный аромат, то на душок несвежих портянок, и выяснить это можно было, только умывшись;

– ботинки-скороходы, примерив которые в первый раз, девочка с полудня до заката носилась по дворцу и прилегающему двору, сбивая с ног всех, кто попадался на пути, и остановилась только тогда, когда подошвы прочно застряли в глине;

– волшебный платочек для определения съедобных грибов, который в качестве съедобных указывал исключительно поганки и мухоморы, а лисички и белые грибы упрямо относил к разряду ядовитых. Впрочем, гуляя с Жюльеном по лесу, Марта быстро

приноровилась слушаться платочка в точности до наоборот, и скоро уже сама прекрасно разбиралась в грибах;

– и еще много подобных вещичек, которые доставили ее родителям немало волнений за жизнь и здоровье дочурки.

Изабелле повезло больше: ей подарки доставались шаловливые, но хотя бы относительно безопасные. Например, она стала обладательницей самопишущего пера, которое переносило на бумагу все, что ему диктовали. Принцесса, страшно не любившая чистописание, сперва обрадовалась и надиктовала ему три листа литературного доклада. Однако когда на следующее утро она передала пергаменты учителю, тот в удивлении вскинул брови – листы были девственно чистыми, все написанное волшебным пером без следа испарилось. Огорченная Белинда, выслушав претензии крестницы, покрутила перо в руках и сообщила, что отныне оно будет решать арифметические задачки, и не обманула. Задачки перо решало, цифры на бумаге выводило, только правильные ответы давало один раз из десяти.

А уж сколько таких богатств досталось слугам, имевшим несчастье заслужить расположение Белинды, и не сосчитать. Кухарке как-то был вручен волшебный горшочек, который сам варил кашу и значительно экономил провизию. Бросив в него горсть крупы, она накормила вкусной, наваристой овсянкой всю прислугу – без малого сотню человек. От души радуясь подарку феи, женщина раздавала добавку и представляла, насколько чудесный горшочек облегчит ей жизнь. Да вот незадача – и после сотой наполненной тарелки остановить горшочек никак не удалось, он все варил и варил! Бедная кухарка сбилась с ног, предлагая добавку, забила кашей всю имеющуюся на кухне посуду и была вынуждена переместиться на скотный двор, доверху наполнив овсянкой корыта свиней. К счастью, под конец дня во дворце объявилась Белинда, и горшочек удалось-таки уговорить, но о подарке феи судачили еще долго, а несчастная кухарка менялась в лице, когда слышала слово «овсянка». Не легче приходилось и другим слугам. Горничные получали в подарок притирки против веснушек, от которых конопушки расцветали буйным цветом даже у самых белокожих. Трубочист, неосторожно пожаловавшийся на скучную работу и одиночество, когда словом не с кем перемолвиться, обрел в качестве постоянного собеседника щетку и впоследствии не знал, как заткнуть болтушку. Одинокому плотнику, посетовавшему на отсутствие детей, Белинда вручила волшебное полено, из которого изумленный мужик вытесал ожившего деревянного мальчонку. Мальчишка вскоре сбежал из дворца, и молва до сих пор приносила самые невероятные новости о его приключениях. Дочке сапожника, вынужденной играть с сапогами и подошвами, фея преподнесла соломенную куклу. Все бы ничего, да кукла неожиданно ожила и стала бегать по зданию, приставая к людям с вопросами, где ей взять мозги? Угомонилось это чучело только после того, как сердобольная кухарка отдала ей мозги курицы, а поваренок запихал их в соломенную голову. С тех пор чучело поселилось на птичьем дворе, сидит на жердочке, то и дело падая вниз; с завидным упорством карабкается обратно, прилежно квохчет и строит глазки петухам.

Оставалось только догадываться, какой презент ждет Изабеллу на этот раз. Вероятно, перед ним померкнет и недавний подарок феи на день рождения Марты – приворотные духи с ароматом тараканьей морилки.

– Что же ты придумала ей в подарок, тетушка? – с преувеличенным энтузиазмом и с замершим сердцем поинтересовалась девушка.

– Кое-что абсолютно невероятное! – Белинда сияла так, словно собиралась подарить крестнице луну и солнце в придачу. – Это то, чего так не хватает нашей Изабелле! Сегодня я лишний раз убедилась в его целесообразности!

Фергюс за спиной феи закатил глаза, Марта была вынуждена подавить рвущийся с губ смех. Волшебница всегда искренне полагала, что именно ее подарка не хватает человеку для полного счастья.

– Вот! – Фея выудила из-за пояса бархатный мешочек и вытряхнула на стол тонюсенький золотой браслет, украшенный рубинами.

– Какой милый! – вежливо восхитилась Марта, убежденная в том, что Изабелла никогда в жизни не наденет простенькое украшение. – Какая изысканная огранка и чистые камни!

– Это не простой браслет, – раздуваясь от гордости, сообщила Белинда. – А кусачий!

– Какой? – хором воскликнули ее собеседники.

– Кусачий!

– Он что, кусается? – заржал Фергюс.

– Еще как! – заверила Белинда. – Он заговорен особым образом и реагирует на злословие и вспыльчивость. Как только Изабелла начнет горячиться и вздумает поскандалить, браслет тут же выпустит шипы и напугает ее о хороших манерах.

– Точно, только этого Изабелле и не хватало, – протянула ошарашенная Грациэлла.

– Мне пришлось облететь полкоролевства, чтобы найти его, – с гордостью поведала фея.

– Осталось только заставить Изу надеть браслет, – фыркнул Фергюс.

– Думаете, ей не понравится? – расстроилась фея. – Если что, я навешу пару иллюзий, и он будет как бриллиантовый.

– Изабелла будет без ума, – не стала огорчать крестную Марта.

– Пусть лучше она будет с умом, – встрял Фергюс. – Только полоумной Изу нам не хватало для полного счастья!

Новый ученик явился ближе к вечеру, когда Марта с Изабеллой уже измаялись от скуки. Впрочем, одного взгляда в замочную скважину на кандидата было достаточно, чтобы понять – ждали они не зря. Черноглазый, улыбчивый, статный, Сэм с первого взгляда покорила сердце Марты, и даже Изабелла нехотя признала, что он весьма недурен. Красавчик уважительно разговаривал с лекарем, проявлял горячую заинтересованность в учебе и достойную осведомленность в предмете обучения. Однако Жюльен, вопреки ожиданиям Марты, не спешил схватиться за кандидата, а напротив, дал ему такое сложное задание для проверки на пригодность, что парень повесил нос. Марта сразу сообразила: дело гиблое, отец зачем-то хочет завалить черноглазого красавчика. Должно быть, причина была достаточно веской, но Марта ее понять не могла. Поэтому после собеседования она с невинным видом окликнула отца в коридоре и спросила:

– У тебя новый ученик, папа?

– Нет, – досадливо поморщился Жюльен.

– Опять не подошел? – изобразила удивление Марта. – Чем на этот раз?

– Да всем хорош, – замялся отец. – Но не нравится он мне!

Вот глупости, возмутилась Марта про себя, так отец никогда себе преемника не найдет, и прощай мечта о тихом домике на берегу речки! Паренька она догнала уже у ворот: тот спешил к себе домой, варить зелье, заданное Жюльеном. Простейшее зелье, если знать один маленький секрет... А если не знать, зелье никогда не достигнет нужного цвета и подходящей кондиции, так и останется бесполезной водянистой жижей. Марта тайну знала – за столько лет наблюдений за отцом она выучила и не такое, и с Сэмом секретом поделилась. Обрадованный паренек умчался домой и наутро явился с готовым зельем. Жюльен был поражен, но дал другое невыполнимое задание. Марта помогла и с ним. Лекарь придумал для юноши очередное заковыристое испытание... После пяти блестяще выполненных поручений Жюльен сдался. Накануне бала Сэм перевез свои немногочисленные пожитки и поселился в замке на правах ученика.

– Довольна? – подшучивала над Мартой Изабелла, бывшая в курсе событий. – Похоже, парень теперь считает тебя своей доброй феей? Замуж еще не зовет?

– Только после тебя, Иза, – ехидно парировала Марта.

Принцесса нахмурилась: подруга затронула болезненную тему. На балу не будет ни одного принца, так, пара юных герцогов и графов, которые терпят ее только из уважения к ее родителям или в надежде урвать лакомый кусочек из королевской казны. Но это разве женихи? Так, нахлебники. К своим семнадцати годам она умудрилась разогнать всех

потенциальных женихов, поссориться даже с самым добродушным и терпеливым принцем Эриком и снискать себе славу самой вздорной и невыносимой принцессы на всем белом свете. Ну разве она виновата, что такой уродилась? Сколько себя помнит, столько и кричит, ругается, капризничает, ноет. Сама себе порой противна. А поделаться ничего не может – как будто находит на нее что! Знала бы Марта, как она порой завидует ее уравновешенности и спокойствию. В самой-то Изабелле как будто чертик какой живет, который так и норовит рассорить ее с окружающими, букой выставить...

– Ты же знаешь, – нарочито небрежно бросила она, – не родился еще такой принц, чтобы мне угодить!

– Не появился еще такой принц, чтобы тебя укротить, – насмешливо поправила ее Марта. – Но, может быть, завтрашний бал все исправит?

Глава 5

БАЛ ДО ВСЕОБЩЕГО УПАДА

Белинда во дворце – не к добру.
Дворцовая примета

Бал, к которому готовились с такой тщательностью, Изабеллу разочаровал. Подарки заняли целую комнату, зал торжеств утопал в цветах, музыканты превзошли себя, исполнив восхитительный ноктюрн, написанный специально к празднику, повара расстарались на славу, уставив столы изысканными блюдами – но ничто не радовало именинницу. Гости все прибывали и прибывали, экипажи уже с трудом помещались на территории вокруг дворца, а на душе у Изабеллы скребли кошки.

– Изабель, дорогая! Да что с тобой! – квохтала вокруг нее мать. – Улыбнись, оглянись – вокруг столько интересных мужчин! Все они просто очарованы тобой! Как тебе сын герцога Страливалли?

Принцесса с раздражением глянула на мать. Ну как ей объяснишь, что ей не нужен никто! Никто, кроме...

– Ай! – вскрикнула она, ощутив покалывание металла на запястье.

– Что, моя дорогая? – всполошилась мать.

– Ничего, – поморщилась Изабелла, передвинув браслет, подаренный крестной. Крупные бриллианты засверкали на солнце, заставив принцессу в который раз восхититься величиной камней. Надо же, в кои-то веки фея подарила подарок без подвоха! Интересно, где сейчас тетушка? Без ее фокусов и бал не бал. Наверное, готовит очередной номер, о котором потом еще месяц будут судачить по всему королевству. Размышляя так, принцесса и не подозревала, насколько близка была к истине...

Торжество уже достигло кульминации – кушанья были съедены, вино выпито, гости переместились в центр зала и, боясь потревожить набитые желудки, вяло двигали руками и ногами под заунывную музыку, которой разродился оркестр.

– С ума можно сойти от скуки, – с кислой миной пожаловалась принцесса. – Это не танцы, а какое-то сборище инвалидов, которые лишний раз боятся шевельнуть рукой или ногой.

– Девочка моя, нет ничего невозможного для магии, – обрадованно воскликнула Белинда, поспешив предложить свои волшебные услуги. – Сейчас устроим танцы до упаду!

– Может, не надо? – слабо запротестовала Изабелла, с опаской переглянувшись с Мартой, которую тоже насторожила формулировка крестной.

– Не обязательно до упаду, – поспешно добавила Марта, увидев, как волшебница уже выписывает палочкой диковинный узор, сплетая заклинание.

– Не волнуйтесь, мои девочки, я знаю толк в танцах! – горделиво провозгласила Белинда и выстрелила заклинанием в толпу. Стая бабочек, сорвавшаяся с кончика палочки,

закружилась над гостями разноцветным облаком, и насекомые яркими цветами упали на головы и плечи собравшихся. Как только их волшебные крылышки касались шляп кавалеров и декольте прекрасных дам, гости пускались в безудержный пляс, и к ним присоединялись все новые и новые танцующие. И скоро по залу понеслись разноцветные вихри, в которых невозможно было различить ни юбок, ни фраков, ни лиц, ни рук.

Принцесса и ее молочная сестра с ужасом взирали на это стихийное бедствие, образовавшееся в пределах бального зала.

– Тетушка, – сдавленно проговорила Изабелла, – немедленно пре... – Но в этот момент одна из бабочек врезалась в плечо именинницы, и та задергалась, словно в нее ударила молния.

– Иза, что с тобой? – в ужасе воскликнула Марта, но принцесса уже превратилась в очередной разноцветный вихрь и унеслась вместе с остальными.

Заметив стаю повисших над люстрой бабочек, высматривающих очередную жертву, Марта в панике поняла, что они с волшебницей единственные люди в зале, не примкнувшие к всеобщему безумию. Бабочки, похоже, тоже осознали это и сине-желто-красной рекой хлынули к ним. Марта ойкнула, схватила за локоть растерянную Белинду, мнущую в руках праздничный колпак, и нырнула под стол, увлекая за собой крестную. Скатерть, свисающая до самого пола, загородила их от крылатых негодниц, а ее тяжелая ткань не позволила им настичь беглянок. Бабочки в бессилии побились о складки белоснежного льна и потеряли интерес к неприступной добыче. Еще пару минут Марта и Белинда боялись дышать. Музыка превратилась в стремительный надрывный крик флейт и скрипок – видимо, музыканты тоже работали на грани своих возможностей и терзали инструменты с утроенной силой. Зловещая мелодия оборвалась так стремительно, что у Марты зазвенело в ушах от тишины, внезапно обрушившейся на зал. Не было слышно ни топота ног, ни стука каблучков, ни криков разгоряченной плясками толпы – как будто в зале мигом все вымерли. Лишь в открытые окна долетало далекое мычание коров и ржание лошадей со скотного двора.

– Как ты думаешь, они улетели? – с дрожью поинтересовалась Марта у крестной, имея в виду бабочек.

Та рывком откинула скатерть и выбралась наружу.

– Улетели, – раздался мгновением позже ее сдавленный голос. – Вот только...

Выражение, с которым это было сказано, не обещало ничего хорошего, и Марта быстро выползла из-под стола, спеша своими глазами увидеть то, что повергло в шок ее неробкую крестную. И было от чего впасть в ужас! Весь паркет был усыпан телами гостей. Блистательные дамы и благородные господа вповалку лежали на полу, так что Марте на мгновение показалось, что это не люди, а куклы.

В следующую минуту девушка уже бросилась к Изабелле, перепрыгивая через распростертые тела. Следом за ней неслась крестная фея.

– Жива! – с облегчением выдохнула Марта, глядя в лицо принцессы, с которого постепенно сходила багряная краска, вызванная бешеным ритмом танца.

– Она спит? – неуверенно спросила Белинда.

– Это тебе лучше знать, – резко ответила крестница и обвела взглядом зал. Невероятно, но люди, которые показались ей мертвыми, и в самом деле спали. И с осознанием этого факта до слуха Марты донеслись звуки, красноречиво подтверждающие ее догадку. Глубоко вздохнула во сне Изабелла; тихонько посапывала младшая дочка графа Виттона, миловидная Луиза, лежавшая бок о бок с принцессой; раздался раскатистый храп неизвестного Марте чернобородого здоровяка, чье обширное пузо горой возвышалось над телами товарищей по танцам.

Белинда продолжала в растерянности мять колпак, переступая через спящих гостей и взволнованно вглядываясь в их лица. Марта тоже с беспокойством подняла голову и прислушалась: со двора сквозь раскрытые окна долетали топот и крики.

– Что там происходит? – занервничала девушка, осторожно, чтобы не наступить на спящих, пробираясь к окнам. Она выглянула во двор, свесившись до пояса, и тут же

отпрянула назад, поспешив закрыть высокие створки. – Белинда! – страшным голосом вскричала она. – Помоги мне закрыть их!

По двору меж тем пронесся разноцветный ветерок из бабочек, заражая всех людей и животных, попавшихся ему на пути, дикой скоростью. Служанки, таскавшие воду, еле-еле плелись по двору, волоча полные ведра. Но стоило бабочкам присесть им на плечи, как женщины похватали тяжелые сосуды с такой легкостью, словно они были пусты, и умчались в дом так быстро, будто за ними гналась свора голодных вервольфов. Кучер, лениво прислонившийся к сараю, ни с того ни с сего пустился в безудержный пляс. Кони, запряженные в карету и лениво перебиравшие копытами у крыльца, ожидая своих пассажиров, взвились на дыбы и с оглушительным ржанием понеслись по двору. Собака, спавшая в конуре, вылетела оттуда как ошпаренная и заметалась вокруг будки. Голуби, сидевшие на крыше, брызнули в стороны стремительными бумерангами. Бабочки повернули к скотному двору, сея по дороге сначала необыкновенное ускорение, а потом сон. Доярка, неторопливо доившая меланхоличную рыжую корову, за полминуты наполнила ведро молоком, а взбесившаяся буренка едва не подняла работницу на рога, да не успела. Заметались в загонах кони, свиньи, козы...

Этих подробностей Марта уже видеть не могла: ей хватило и того, что она заметила бабочек, летающих по двору и заколдовывающих все новые и новые жертвы. Испугавшись, как бы сквозь раскрытые окна они не метнулись в зал и не зачаровали и ее с Белиндой, она позвала фею на помощь. Та не придумала ничего лучшего, как взмахнуть палочкой... В то же мгновение зал погрузился в крошечную тьму. Белинда сработала на славу: посчитав стекло недостаточной защитой от коварных бабочек, она превратила его в камень. Теперь оконные проемы надежно защищала каменная кладка, а волшебница с крестницей шурились в чернильной темноте, пока первая не догадалась наколдовать свечи.

– Вот это да! – фыркнула Марта, поводя свечой над кладкой, и, тоненько пискнув, выронила ее из рук, дуя на обожженные пальцы. Наколдовать вдобавок к свече подсвечник Белинда конечно же не догадалась. Крестная поспешно исправила свою оплошность и посветила над головой.

– А что, так даже лучше, – осторожно сказала она, глядя на спящих вповалку людей. – Дневной свет мешал бы им поживать столь сладко.

– Надеюсь, как только они проснутся, ты вернешь стекла? – безнадежно вздохнула Марта, заранее представляя, сколько труда придется положить рабочим на то, чтобы разрушить кладку и вновь вставить стекла, которые ценились в Эльдоре на вес золота.

– Конечно-конечно! – уверенно отозвалась Белинда.

– Ты мне хоть можешь объяснить, что произошло?

– Э-э-э, – замялась фея. – Похоже, я переборщила с заклинанием.

– Это я вижу, – хмуро встала Марта.

– Я лишь хотела задействовать возможности их тела по полной программе, – сконфуженно призналась крестная. – Чтобы они веселились от души, танцевали в полную силу. Я же не представляла, что это их так вымотает!

– Да уж, бедняги просто свалились с ног. Их можно понять – им пришлось двигаться чуть ли не с десятикратным ускорением. Ой! – спохватилась Марта, увлекая фею к выходу. – Пошли срочно искать маму и Жюльена!

Бывшая кормилица, а ныне управляющая дворцом и ее супруг присутствовали в зале лишь во время пира, предвещающего бал. Танцы они считали забавой молодых, поэтому среди жертв плясок до упада их не было. Марта воспрянула духом, ожидая увидеть родителей в сознании, но эта надежда испарялась с каждым шагом, пока она и крестная двигались по коридору. За дверьми зала сонное царство отнюдь не заканчивалось: в коридоре лежали вповалку служанки, не донесшие господам вино и фрукты. Во всем дворце не было слышно ни звука, из чего можно было сделать вывод, что бабочки успели облететь все покои и комнаты. При виде спящих служанок Марта забеспокоилась, повела носом и вернулась назад, к помещению, ведущему в кухню. Белинда отбросила ставший ненужным

подсвечник и последовала за ней.

Марта волновалась не зря: комната, соединявшая кухню и зал, была полна спящих поварят и опрокинутых подносов. В кухне тоже не осталось ни одной бодрствующей души, а в воздухе витал дымок и пахло горелым. Марта схватила со стола кувшин с водой и вылила ее в огонь, на котором обуглились куски мяса. После танцев планировалась новая подача блюд, чтобы утолить аппетит проголодавшихся плясунов, и работа в кухне кипела вовсю. Судя по тому, что на столах высились гигантские горы мелко порезанного мяса, овощей и башни из наскоро слепленных хлебцев, труженики кухни после соприкосновения с бабочками отнюдь не танцевали, а впали в раж и выполнили фантастический объем работы, после чего свалились без сил.

– Получается, что твое заклинание распространяется не только на танцы, а на любую деятельность, которой был занят человек в момент появления бабочки, – прокричала Марта, разгоняя рукой клубы дыма.

На этот раз Белинда быстро развеяла гарь точной формулой.

– Хорошо, хоть никто не упал головой в котел, – пробормотала Марта, плеснув воды и потушив огонь, весело трещающий под большой чугунной посудиною, в которой громко булькало непонятное варево – похоже, в него побросали все, что оказалось под рукой в момент заклинания.

Порыв свежего ветра ворвался в кухню, и Марта поежилась, оглянувшись на открытое окно. Вот откуда проникли бабочки – двери-то, соединявшие зал и проходное помещение между ним и кухней, были закрыты.

– Закрой скорей! – вскрикнула она, обращаясь к Белинде.

– Не волнуйся, – пряча глаза, пробормотала волшебница, – их тут уже нет.

– А где они? – почуяв неладное, поинтересовалась Марта.

– За воротами замка, – нехотя призналась фея.

– Где? – простонала Марта, представив себе последствия этого полета.

В это время в нескольких милях от дворца главная фея Эльдорры Лукреция вошла в свой кабинет. В лучах заходящего солнца волшебница степенно прошествовала к столу, опустила в кресло, стоявшее в его главе, предварительно неуловимым движением бровей развернув его к стене, и пытливо уставилась в волшебное блюдце, висевшее прямо напротив. Следуя желанию хозяйки, блюдце отобразило вид дворца с высоты птичьего полета и стало медленно приближать его изображение. Как главная фея королевства, Лукреция, несомненно, была приглашена на бал в честь совершеннолетия принцессы. Так же как и все остальные волшебницы – король Кристиан и королева Гвендолин таким образом выразили почтение всем чародейкам, а те, как обычно, проигнорировали приглашение. Каждый год в Эльдорре проходило около сотни балов, из них двадцать устраивались в королевском дворце – дважды в месяц. И каждый устроитель бала не забывал присылать приглашения всем уважаемым местным кудесницам. Не сказать, чтобы волшебницы были так нелюдими или считали выше своего достоинства посещать подобные мероприятия, но лишь самые молодые из них, только недавно вступившие в профессиональный союз фей, отзывались на приглашения. Более опытные знали: на балу им не дадут ни расслабиться, ни повеселиться. Придется целый вечер выслушивать от соседей по столу жалобы на здоровье, равнодушные супруга, непослушание детей, тающее на глазах состояние и терпеть их заискивающие взгляды. Волшебница – профессия круглосуточная, и попробуй не помоги этим назойливым франтам – столько помоев на твою добрую репутацию потом выльют, что не отчистишься. Нет, Лукреция на подобные мероприятия давно не ходок. Несмотря на то что праздник в честь совершеннолетия принцессы – событие выдающееся, лучше наблюдать за ним со стороны. Волшебница нетерпеливо щелкнула пальцами, и блюдце стремительно приблизило изображение двора, на котором то тут, то там валялись груды мусора.

– Что за ерунда? – удивилась Лукреция, подавшись вперед. Изображение становилось все ближе, и заслуженная фея с нарастающим ужасом увидела, что это вовсе не мусор, а

лежащие вповалку слуги, господа, собаки, лошади. – Покажи принцессу, – похолодев, велела она. Блюдце заволокло темнотой. – Могила? – дрогнула она и потребовала: – Подсвети!

Тьма стала развеиваться, и фея увидела принцессу, лежащую на полу среди множества гостей. Красиво очерченные брови Лукреции взлетели вверх.

– Есть кто живой? – взволнованно спросила она у блюда, и оно послушно сменило картинку. Волшебница впиалась глазами в две фигурки, бредущие по дворцу и осторожно перешагивающие через распростертые на полу тела. Спокойствие, с которым неизвестные шествовали по зданию, заставило Лукрецию покрыться мокрым потом. – Кто? – в бешенстве спросила она.

Блюдце отобразило лицо Белинды, заставив фею заскрипеть зубами, и Марты, приведя ее в полнейшее замешательство. Чтобы добрая, отзывчивая Марта так бесстрастно перешагивала через тела погибших – этого просто не может быть! Да и то, что Белинда в результате очередного сумасшедшего заклинания смогла угробить всех гостей в замке, тоже в голове не укладывалось.

– Да что там произошло? – раздосадованно воскликнула волшебница.

Горе-фея и ее крестница, отображавшиеся в блюде, вошли в очередную комнату замка. Марта бросилась к мужчине, упавшему грудью на стол, а затем к женщине, лежащей на полу, и принялась тормошить ее. Затем она взволнованно повернулась к Белинде и что-то спросила.

– Звук! – запросила Лукреция, и блюдо исполнило ее волю, наполнив комнату голосами.

– Почему они не просыпаются? – беспокоилась девушка.

Фея в блюде неуверенно пожала плечами.

– Им надо восстановить силы.

– Слава небесам, живы, – выдохнула Лукреция.

– Когда это произойдет? – требовательно спросила Марта.

– Не знаю, – призналась крестная. – Может, через день, может, через два.

– Помоги мне перенести их в спальню, – попросила девушка. – У папы затечет спина лежать так целую ночь, да и мама может простыть на полу.

Белинда выудила из складок платья палочку.

– Нет-нет, – испуганно остановила ее крестница. – Никакой магии. Мы понесем их на руках.

Фея повесила голову и обхватила мужчину за плечи...

– Кажется, мне пора навеститься во дворец, – сказала Лукреция, решительно поднимаясь с места, и тут в комнату через открытое окно влетел гвалт с улицы. – Что еще за напасть? – Волшебница выглянула во двор и, быстро отшатнувшись, захлопнула раму. И как раз вовремя: золотистая бабочка, сотканная из искр, забилась о стекло, силясь проникнуть сквозь незримую преграду. Фея поежилась. Хорошо, что она открыла только одно окошко. Но ведь есть еще дверь!

Подпрыгнув от этой мысли, Лукреция бросилась к двери, сквозь которую уже доносились шум и грохот, и стремительно захлопнула ее, припечатав для верности противозломным заклинанием и заговорив все щели от проникновения. Волшебница припала к двери и обратилась в слух; прошло несколько минут, и шум стих. Она прислонилась к двери спиной и подняла озадаченный взгляд на окно. Сейчас в сгущающейся темноте за ним кружили уже три бабочки: к золотой присоединились красная и голубая.

Волшебница пересекла комнату и остановилась напротив стекла. Бабочки, похоже, настигли всех жителей ее уединенного дома и теперь горели желанием добраться и до нее. Они слетались к окну так, словно за ним горел огонь, в то время как комнату постепенно захватывали сумерки. Пять, десять, пятнадцать, двадцать... Насчитав полсотни бабочек, Лукреция сбилась со счета и так и не придумала, как быть. Она испробовала все известные ей заклинания, но так и не смогла заставить бабочек исчезнуть. По телу бывалой волшебницы пробежали мурашки. Она, опытная и мудрая чародейка, стала заложницей

заклинания непутевой Белинды. За дверью и окном ее ждут эти мерзкие создания, заставившие ее слуг сперва крутиться, как волчки, а потом повалиться без сил. Сопоставив увиденное в блюде с происшедшим во дворе ее собственного замка, Лукреция сделала закономерный вывод, что это звенья одной цепи и заварила эту кашу не кто иная, как Белинда, разрушить чары которой ей не под силу.

Противные юркие бабочки уже заполонили собой все пространство за окном, от всполохов их розовых, желтых, зеленых крылышек слепило глаза. Казалось, за стеклом бушует пожар, в то время как другие окна отражали лишь подступающую все ближе темноту.

– Что же мне делать? – в отчаянии пробормотала главная фея королевства. – Остается только ждать.

Лукреция повела бровью, развернув кресло спинкой к блюду, и опустилась на сиденье, не сводя глаз с окна, за которым трепетала живая радуга, сотканная из сотен крылышек. Сумерки сгущались все больше, бабочки мерцали все ярче, настойчиво колотясь о стекло. В доме не было слышно ни звука.

– Не надо было жалеть Белинду семнадцать лет назад, – раздраженно бросила Лукреция, чтобы разорвать эту мертвую тишину.

Темнота за окнами сделалась непроглядно-черной, и вдруг бабочки взорвались искрами фейерверков на тысячи мерцающих блесков, которые стали медленно таять на фоне черного неба.

Фея вскочила с места и недоверчиво прижалась носом к стеклу. Когда последний из волшебных всполохов растаял в ночи, она выждала некоторое время и осторожно толкнула раму. В комнату ворвался прохладный ветер, принес с собой ароматы трав и луговых цветов. Кошмарные бабочки исчезли.

– Видимо, заклинание действовало только до наступления ночи, – догадалась Лукреция. – Так может, оно развеется с наступлением утра?

Она с неохотой покосилась на тайник, в котором лежал летучий коврик, прикидывая, что в сумерках лететь небезопасно, да и приятного мало, и решила подождать рассвета.

Затем проверила слуг – те сладко посапывали и заливисто храпели, развалившись на полу и на лестницах. Успокоившись, волшебница решила последовать их примеру, пожелав себе, чтобы утром ее разбудил аромат парного молока и свежей выпечки и негромкий разговор служанок.

Глава 6

УЧЕТ ЖЕНИХОВ

Вы все еще не женаты? Тогда мы летим к вам!

Белинда

Чуда не случилось. Лукреция проснулась в полной тишине, позавтракала черствой булочкой и колодезной водой, а затем направила летучий коврик к королевскому дворцу.

– Ну и кто мне объяснит, что здесь происходит? – сварливо поинтересовалась она у Марты и Белинды, сидевших на ступенях дворца.

– Живая душа! – радостно заржал уже знакомый ей конь с крыльями ангела, паривший над перилами.

– Доброе утро! – вежливо поздоровалось другое диковинное создание – с золотой женской головкой и лошадиным туловищем.

Марта быстро вскочила на ноги. Белинда виновато понурила голову.

– Вижу, вы тут хорошо повеселились, – строго сказала фея, приземляясь во дворе и сворачивая коврик. – Белинда, ты хоть понимаешь, что натворила? Все королевство – сплошное сонное царство. Спят деревни, спят замки, спят животные, спят люди. Даже все

волшебницы спят! По дороге я заглянула в пару мест – везде одно и то же. В лесу – и то все звери дрыхнут! К счастью, заклинание было применено вечером, поэтому крестьяне успели вернуться с полей домой и пригнать животных в стойла, иначе ночевка на сырой земле обернулась бы для них вечным сном.

– Но вы ведь можете? – с надеждой спросила Марта.

– Я попробовала применить несколько контрзаклинаний, но тщетно, – уныло признала свое поражение Лукреция. – Магия Белинды особенная, и ее не так просто отменить. Боюсь, что волшебство тут бессильно...

Белинда и Марта поникли головой.

– ...Надежда только на чудо, – невозмутимо продолжила Лукреция.

– Чудо? – встрепенулась Марта. – Но какое?

– Любовь, только любовь. Некто, кто обладает добрым сердцем и чистыми помыслами, должен сильно пожелать, чтобы человек, которого он любит и который подвергся воздействию чар, расколдовался. И этот человек...

– Марта! – воскликнула Белинда.

Девушка покачала головой, собираясь сказать, что она весь вечер и всю ночь только того и желала, но ничего не произошло.

– Нет, – оборвала ее глава фей. – Это должна быть не сестринская любовь и не любовь к родителям. А самая сильная – любовь мужчины к женщине, скрепленная магией поцелуя. К женщине, с которой все началось, подлинной виновнице торжества и косвенной виновнице заклęcia. Эта женщина – принцесса Изабелла.

Марта с Белиндой потрясение молчали.

– О! – только и смогла вымолвить Марта.

– Но это невозможно, – уныло сказала крестная. – Изабелла разругалась со всеми возможными женихами.

– А их у нее было без малого полсотни, включая трех принцев, шесть герцогов и восемь маркизов! – с тоской напомнила Марта. – И при этом пятеро из них, невзирая на нанесенные обиды, приехали поздравить ее с днем рождения и сейчас спят зачарованным сном в бальном зале.

– Что ж, тогда ваша задача усложняется, – невозмутимо констатировала Лукреция. – Но не вижу повода для уныния! Остается еще четыре с половиной десятка кавалеров, не присутствовавших на балу. Огромный выбор!

– Двенадцать из них проживают на территории Эльдорры, – подсчитала фея, – и в данный момент спят в своих замках.

– Тридцать с лишним кандидатов из трех соседних королевств – тоже хорошо, – обнадежила Лукреция. – Наверняка среди них найдется тот, который до сих пор любит Изабеллу и будет счастлив помочь ей.

– Может быть, принц Винсент? – неуверенно предположила Белинда, после того как они с Мартой остались наедине и принялись подбирать кандидата на роль спасителя принцессы и всего королевства.

Принц Винсент был почти идеальным вариантом. Образованный, умный, воспитанный, он обладал приятной внешностью, добрым сердцем, большим терпением и огромным замком в соседней Невеции. Светловолосый ангел взирал на Изабеллу с немим обожанием, и Иза почти ответила ему тем же. Но только до того момента, как он решился раскрыть рот и намертво застрял на первом слоге второго слова.

– После того, как Иза публично высмеяла его дефект речи? – скептически отозвалась Марта. – Забудь! Вряд ли он до сих пор питает к Изе нежные чувства. К тому же, насколько я понимаю, юноша, который ее поцелует, становится ее женихом?

– Естественно. После публичного поцелуя он просто обязан жениться на бедной девочке, иначе она будет опозорена.

– Тогда как ты себе представляешь Изу замужем за заикой?

– А что? – не смутилась Белинда. – Иза у нас девочка говорливая, она и за двоих может поговорить, а супруг пусть поддакивает, от него большого красноречия и не требуется. А стихи пусть на пергаментях пишет, Иза, девушка образованная, сама в состоянии прочитать.

– Исключено, – отрезала Марта. – Изабелла и самого блестящего оратора своими выходками зайкой сделает, бедный принц Винсент такой жены не перенесет. Он заслуживает лучшей участи.

– Хорошего же ты мнения о своей молочной сестре, – укорила ее фея.

– Я хорошего мнения о принце Винсенте, – парировала Марта. – Пусть ему в этой жизни повезет больше, чем мужу Изы.

– А что, если виконт Лео Вульф? – предложила Белинда, воскрешая в памяти образ коренастого и напористого бородача с пронзительным взглядом умных серых глаз. – Уж этот-то сумеет поставить на место нашу Изу.

– Ты не забыла, как наша Изабелла заявила ему, что никогда не выйдет замуж за гнома?

– Да, он тогда вылетел из бального зала быстрее лани, – припомнила волшебница. – Бедняжка очень страдает из-за своего небольшого роста. Говорят, это результат заклятия злой колдуньи. Конечно, он немного ниже Изабеллы, – удрученно признала она, – почти на голову...

– На две, – поправила Марта.

– Но Изабелла была на каблуках! – возразила фея.

– Изабелла всегда на каблуках во время важных приемов. Как ей прикажешь появляться с таким мужем на публике?

– Она могла бы сидеть на троне, – не сдавалась Белинда.

– У Изабеллы шило в седалище, – резонно ответила Марта. – Разве она усидит?

– Ну так пусть сидит он! – гнула свое фея.

– Бэль, Лео ей не простит насмешки, – устав спорить, вздохнула Марта. – Свидетелями его позора были сто пятьдесят человек гостей.

– Тогда, наверное, не стоит и вспоминать про герцога? – закручинилась чародейка, вспомнив, как Изабелла высмеяла лысеющую макушку молодого аристократа перед тремя сотнями гостей. – Изабелла почти каждого из своих женихов умудрилась публично обидеть или унижить. Кто же тогда остается?

– Давай считать. Принцы – Винсент, Эрик и Арчибальд. Винсент отпадает. Принцу Эрику от Изабеллы досталось больше всех – думаю, ты не станешь спорить с тем, что он последний из всех, кто испытывает к Изе теплые чувства.

– А жаль, – опечалилась Белинда. – Такой чудесный юноша, он так радовался моим фокусам! И как только Изе в голову взбрело надеть ему на голову ведро с пуншем и обозвать его ослом – и это при всех гостях! Какая ее муха укусила?

– Однозначно – бешеная, – хмуро заметила Марта и продолжила учет принцев: – Остается Арчибальд. С ним Изабелла была наиболее милостива, даже, вроде бы, до скандала не дошло...

– О, это верный знак того, что он запал ей в душу! – авторитетно заявила фея.

– Кто знает, – усомнилась Марта. – Получается, это наш самый верный кандидат в мужа. Далее – герцоги Пиф, Нуво, Чарутти...

До полудня фея с крестницей перебрали всех возможных кандидатов, вычеркнув из списка еще с дюжину тех, кто после обид, нанесенных Изабеллой, покинул дворец со скандалом.

– Значит, остаются эти двадцать кавалеров, – подвела итог Марта. – И если кто-то из них не окажется пылким влюбленным, это конец.

– Молодцы, – похвалила их Лукреция, с озабоченным видом бродившая по замку. – Отправляйтесь в путь. Начните с ближайшего к нам Триза и его принца Арчибальда, а потом посетите остальные королевства и графства.

– Но, – запнулась Марта, – как же мы достигнем Триза, если все лошади спят?

– Эльдорру вам придется пройти пешком, – признала Лукреция. – А там, где действие заклинания закончится, купите лошадей.

Марта удрученно замолчала, прикидывая в уме, что их поход рискует растянуться на месяц, а то и больше.

– Разве ты не дашь нам свой летучий коврик? – заискивающе спросила Белинда.

– Коврик рассчитан только на одного человека и не вынесет двоих, – недовольно сказала Лукреция. – И потом, должно же у меня остаться средство передвижения! После того как вы отправитесь в путь, я останусь единственной на все королевство живой душой. Мне надо будет следить за порядком!

– Ой! – ужаснулась Марта, а Белинда побледнела. – Что же будет, если в королевство забредут чужаки? А если про это прознают разбойники или гномы?

– Не волнуйтесь, об этом я и позабочусь, создам магическую границу.

– А как же мы обратно попадем? – спохватилась Марта.

– На вас и ваших спутников она действовать не будет, – успокоила Лукреция.

– Вы полагаете, они приведут целую делегацию женихов? – насмешливо заржал Фергюс, с интересом прислушивающийся к разговору.

– Даже если жених будет один, лучше бы ему захватить с собой пару-тройку воинов. Путь-то предстоит дальний, – возразила глава фей.

– Может, ты заодно доставишь нас за границу Эльдорры и организуешь нам провал? – заискивающе попросила Белинда.

– Нет, – отрезала Лукреция. – Это слишком трудоемкий процесс, а мне еще за порядком следить во время вашего отсутствия. И сама не вздумай экспериментировать, – заметив озорной блеск в глазах феи, строго наказала она. – Слышишь, Белинда? Как глава ОЗФ я тебе запрещаю! Не смей рисковать жизнью Марты.

Белинда с явным сожалением распрощалась со своей гениальной идеей, а Марта с облегчением вздохнула.

– Неужели ты думала, что мы пройдем всю Эльдорру пешком? – ухмыльнулась фея, когда они с Мартой вышли за ворота. – Да мы стопчем все туфли и умрем голодной смертью, потому что к тому моменту, когда мы доберемся до границы, все хлебцы в домах спящих крестьян успеют покрыться плесенью. А у нас не будет времени, чтобы еще и тесто месить, да пироги печь.

– И что же ты придумала? – с опаской поинтересовалась крестница.

– Мы полетим на метле! – торжествующе провозгласила Белинда. Так, словно предлагала не малоприятный полет на строптивой метелке, которая все время норовила сбросить хозяйку на землю, а комфортабельную поездку в роскошной королевской карете. – Конечно, на ней прямо до ворот дворцов не полетим, не будем привлекать к себе лишнее внимание. Но станем приземляться неподалеку от места, метелку замаскируем в лесочке, а до замка уже пешком дотопаем.

Фея нырнула в неприметные кусты у дороги, где накануне припрятала метелку, и выплыла из них уже в полете. Марта вздохнула и нехотя уселась позади. Сверившись с картой, где уже были отмечены нужные замки и дворцы, путешественницы наметили примерный маршрут и направили метлу к первому пункту назначения – дворцу принца Арчибальда.

На удивление, во время пути метла себя вела вполне пристойно и не думала брыкаться. Однако стоило путницам преодолеть границу королевства и приземлиться на цветочной лужайке неподалеку от королевских владений, как метла взяла свое. Только Марта, благодарно погладив ее по черенку и шепнув пару ласковых слов, спрыгнула на травку, как метла штопором рванула в небо, от души покрутила там вопящую от ужаса Белинду, то подбрасывая ее высоко вверх, то роняя на бешеной скорости до самой земли, так что Марта всерьез переволновалась за жизнь своей непутевой тетушки. Наконец шаловливую метлу удалось призвать к порядку, и она стряхнула Белинду на лужайку – с высоты всего каких-

нибудь полутора метров, да напрямик в муравейник.

Не сказать, чтобы муравьи обрадовались, когда на их общину, как снег на голову, свалилась визжащая дурным голосом тетка, и мгновенно сбежались, чтобы выразить свое недовольство. За пару мгновений пасторальная лужайка превратилась в настоящий дурдом, и Марте с Белиндой пришлось срочно уносить ноги, потому что против вышедших на баррикады муравьев бессильна даже крестная фея. Метелка летела следом и помогала Белинде не сбавлять темпа, придавая нужное ускорение своими нежными прикосновениями. Рассвирепевшая фея, на бегу махнув рукой, отправила метлу в кусты – только ветки затрещали, – и выскочила на дорогу, едва не угодив под роскошный экипаж.

– Что ж ты творишь, негодная? – рявкнул на нее кучер, придерживая лошадей. – Волки, что ли, за тобой гонятся?

– А хотя бы и так! – огрызнулась Белинда.

– Посторонись, – прикрикнул кучер, – ишь, перегородила дорогу!

– А вы во дворец едете? – полюбопытствовала фея, глядя на видневшийся вдалеке замок. Спасаясь от метелки, она улепетывала в противоположную сторону, и теперь топать до дворца было далековато. – Подбросите?

– Чего придумала!

– Да ты хоть знаешь, кто я? – закипятилась фея.

– Пит, кто там? – раздался из кареты нежный девичий голос, и в окошко выглянула миловидная белокожая брюнетка с родинкой на щеке.

– Белинда Облум, – с достоинством представилась волшебница. – Крестная фея принцессы Изабеллы из Эльдорры. Не довезете до дворца?

– Вы тоже на помолвку едете? – удивленно моргнула девушка.

– На какую помолвку? – помрачнела от недоброго предчувствия Белинда.

– На нашу с Арчи, – просияла брюнетка и представилась: – Я Селентина, будущая королева Триза.

Марта, только-только выбежавшая из леса, как раз успела подхватить под локоть пошатнувшуюся крестную и пожелать счастливого пути невесте принца.

– Могли бы и приглашение нашему королю прислать, – ворчала безутешная фея, вынимая метлу из кустов.

– Бэль, помолвка – торжество семейное, – успокаивала ее Марта. – Вот соберутся жениться, тогда пригласят на свадьбу.

– Ты считаешь, Арчибальд еще может передумать? – с надеждой повернулась к ней крестная.

– Не думаю, – огорчила ее девушка. – Но ты не переживай, у нас еще восемнадцать женихов осталось!

– Кто у нас тут? – Фея деловито развернула карту, достала список кавалеров и сосредоточенно забормotala: – По-хорошему надо бы начать с герцога Малинара и графа де Этведа, но они живут в Эльфирии, а туда не меньше трех суток лету. Метла столько не выдержит...

– И что ты предлагаешь?

– Давай облетим женихов в порядке удаленности их замков от дворца. Вдруг суженый Изы живет поблизости?

– Лучше бы начать с наиболее вероятных кандидатов, – возразила Марта.

– Но мы же не можем моментально перемещаться из одного королевства в другое, – угрюмо напомнила фея. – А если распределить женихов в порядке вероятности их любви к Изабелле, то получится, что один живет в Тризе, другой – в Эльфирии, третий – в Невеции. А на метле нарезать круги чревато... – Белинда со значением покосилась назад, – э-э-э... неприятностями! Раз уж мы прибыли в Триз, давай сначала обойдем всех здешних женихов, потом переместимся в Невецию, а из нее – рукой подать до Эльфирии.

– Ну что ж, если ты считаешь, что так будет удобнее... Кто там ближе всего к нам?

Глава 7

УЗНИК ЗАМКА ПИФ

Девять месяцев тому назад. Осенний бал

– Кто этот красавчик? – Изабелла кивнула в сторону хрупкого юноши с льняными кудрями до плеч, робко топтавшегося в стороне от оживленной толпы.

– Герцог Пиф. Но ты о нем лучше забудь! – закатила глаза Марта. – У этого красавчика имеется один неизлечимый изъян, который с лихвой перекрывает все его достоинства.

– И что же это? – заинтересовалась принцесса. – Страсть к охоте, увлечение женщинами, скупость, глупость?

– Его мать, – хмыкнула Марта. – Видишь эту тучную особу рядом с ним?

Изабелла с любопытством глянула на широкоплечую мужеподобную даму и убежденно заявила:

– Она не может быть его матерью! Они совсем не похожи!

– Еще как может, – возразила Марта и пояснила: – Парень уродился в отца. В общем, я пока по залу проходила, видела, как она отчитывала сына на глазах у всех и отгоняла от него девиц. Будь уверена, пока мамаша жива, она ему жениться не даст.

– Марта! – подпрыгнула на троне Изабелла. – Да это же то, что мне нужно!

– Что? – удивленно моргнула девушка.

– Жених, которого хочу я и который не сможет жениться на мне, – возбужденно зашептала принцесса. – Мамочка уже замучила своим желанием выдать меня замуж. Она постоянно твердит, что на меня не угодишь. А теперь я нашла выход! Если я представлю этого мямлю как жениха, скажу, что влюблена в него без памяти и хочу выйти замуж только за него, мою мамашу удар хватит! Она никогда не допустит родства с этой мрачной дамочкой, а у меня появится отличная причина: мол, ты мне не дала выйти замуж за любимого, а теперь мое сердце разбито, и я замуж ни за кого другого не хочу!

– А если она согласится? – усомнилась Марта. – Парень-то не виноват, что у него такая мать. Судя по его виду, он богат и знатен. Вдруг королева одобрит его кандидатуру?

– Тогда буду шить подвенечное платье! – решительно заявила Изабелла.

– Что? – потрясенно уставилась на нее Марта.

– А что? Парень хорош собой, привык к тому, чтобы им командовали, о чем еще мечтать? – лукаво улыбнулась принцесса. – Пойду познакомлюсь с ним, хоть это и вопиющее нарушение королевского этикета...

– Когда же свадьба? – поинтересовалась Марта, когда Изабелла вернулась.

– Никогда!

– Он тебя обидел?

– Какой там! Клялся в любви, умолял стать его женой! – Досадливо поморщилась принцесса.

– И почему же ты отказала?

– Лучше не спрашивай!

– Ваше высочество, позвольте пригласить вас на танец? – обратился к принцессе молодой граф, и та умчалась с ним, оставив Марту сгорать от любопытства.

Больше Изабелла про герцога Пифа не вспоминала, да и у Марты то забавное происшествие на балу совершенно вылетело из головы до тех пор, пока не возник вопрос о поисках жениха, по-настоящему любящего принцессу...

Страшнее мамы зверя нет!

Герцог Пиф

На закате дня фея с крестницей остановились перед воротами крепости, которая выглядела так неприветливо, словно здесь готовились к обороне, а не жили мирной жизнью. Стены оцетинились острыми зубцами, смотровая башня грозно нависала над ними, высокие ворота были готовы выдержать многодневную осаду, плотно закрытое смотровое окошко на двери говорило о том, что гостям здесь не рады.

– Сдается мне, что мы явились сюда зря, – шепнула Марта.

– Но ты же сама говорила: он клялся Изе в любви! – напомнила крестная.

– Но Иза-то его любовь вместе с предложением руки и сердца отвергла, – не разделяя ее восторга, возразила девушка.

– Иза сама не знает, что творит! – беззаботно отозвалась фея.

– Но его мать! Она никого к нему не подпускала и вряд ли сейчас отдаст сыночка без боя.

– Но против танца с Изабеллой она же не возражала? Может, мадам спит и видит сына будущим королем!

– А если нет?

– Что-нибудь придумаем! – И фея забарабанила колотушкой в ворота.

– Кто там? – неприветливо рявкнули оттуда.

– Марта Ливьер и Белинда Облум, – с достоинством представилась волшебница и только собиралась перечислить все свои почетные регалии, как ее перебили.

– Бабы? – оживился привратник и радостно захохотал засовом.

– Дамы! – оскорбленно поправила Белинда, задрав нос, чтобы окатить обидчика волной презрения. Но на пути в замок возникло неожиданное препятствие.

– Кто там, Дин? – послышался из-за ворот тонкий писклявый голос.

– Дамы! – возбужденно поведал Дин, к удовольствию феи.

– Да ты совсем упился! – поразился его товарищ. – Уже бабы ему мерещатся на ночь глядя.

– Я не пил! – возмущенно пробасил привратник.

– Мы дамы! – обиженно повысила голос фея.

– Во, слышал! – торжествующе воскликнул несправедливо обвиненный. – Сам погляди.

Дверь наконец-то приоткрылась, и из-за нее осторожно высунулся тощий носатый субъект неопределенного возраста с крысиным личиком, редкой бороденкой и маленькими бегающими глазками.

– Женщины, – с омерзением произнес он, отпрянул назад и захлопнул дверь. – Вон отсюда!

– Да что вы себе позволяете? – опешила Белинда.

– Ты что?! – ужаснулся из-за ворот первый привратник и залебезил: – Не слушайте его, дамочки, я сейчас открою!

– Я тебе открою! – гаркнул крысенок. – Не велено!

– Так бабы же! – с отчаяньем взревел первый.

– Ты забыл, за что тебе платят? – визгливо осведомился крысенок.

– Послушайте, уважаемый, – забарабанила в дверь Белинда, устав слушать эти пререкания. – Немедленно пустите нас в замок! У нас важное дело к герцогу.

– А ну прочь, шлюхи бесстыжие! – рявкнул крысенок.

– Что-о?! – задохнулась от возмущения фея, хватаясь за волшебную палочку. – Да я... тебя... сейчас... в жабу!.. в пиявку!.. в таракана!!!

– Не надо, Бэль! – взмолилась Марта. – Вспомни, зачем мы здесь. Так дела не делаются.

Пока девушка унимала рвущуюся в бой крестную, за воротами тоже состоялся решающий поединок, в котором победу одержал любитель женского пола Дин.

– Милости прошу, – радостно ощерился он, широко распахивая дверь и потирая

зреющий на глазах синяк под глазом, которым успел его наградить поверженный и распростертый на земле без чувств женоненавистник.

Немудрено, что крысенок потерпел поражение: Дин оказался высоким и широкоплечим малым. Его простодушное приятное лицо слегка портила умильная идиотская улыбочка, с которой он взирал на путешественниц, застыв на месте и не делая никаких попыток проводить их в дом. Марта, как воспитанная девушка, старательно улыбалась в ответ и, как неисправимая оптимистка, радовалась, что этот растяпа – не потенциальный жених Изабеллы. Белинда, как женщина практичная, скептически думала, что от хозяина замка, который держит в привратниках таких чудачков, как Дин и крысенок, не стоит ждать ничего хорошего. Первой не выдержала фея.

– Ну так что, уважаемый, так и будем стоять, или как? – ласково поинтересовалась она.

– Или как! – радостно засуетился привратник.

– Ну, так ведите нас в дом, – поторопила Белинда.

– В дом нельзя, хозяйка заругает, – расстроился Дин.

– Вот те на! – удивилась волшебница. – А куда можно?

– Во-о-н туда, – привратник махнул рукой на сарай, жавшиеся к крепостным стенам.

– Вот это прием, – растерянно протянула Белинда.

– Насчет приема не беспокойтесь, – горячо заверил Дин. – В обиде не останетесь.

– Да уж надеюсь, что не обидите, – многозначительно сказала волшебница и разрешила: – Что ж, веди.

Дин бросил нерешительный взгляд на ворота.

– Или позови кого-нибудь, кто нас проводит, – подсказала фея.

– Нет-нет, – с готовностью вскричал парень. – Я сам, сам отведу. Идемте.

Сарай оказались хозяйственными постройками, а барак, в который привел их Дин, и вовсе – коровником.

– Вы что же, всех дорогих гостей в хлев приглашаете? – опешила Белинда, разглядывая рыжую корову, меланхолично жующую сено.

– А вы дорого берете? – растерялся Дин.

– Ты на что это намекаешь, парень? – прищурилась волшебница.

– Я разве намекаю? – простодушно удивился он. – Я прямо спрашиваю, какая у вас цена, чтобы впросак не попасть да ребят предупредить.

– Что-то я тебя, дружок, не понимаю, – нахмурилась фея.

– Да чего ж тут понимать-то? – поразился Дин, потирая ушибленный глаз. – Я ж вас сразу узнал, потому и интересуюсь, почему ваши услуги.

– Неужели признал? – не поверила Белинда, поразившись, как это простой привратник, к тому же из чужого королевства, умудрился разглядеть в ней волшебницу Эльдорры.

– Как не признать, по вам сразу видно! – шмыгнул носом Дин, оттесняя гостей к стогу сена. – Уж не чаяли, что заглянете. Так ждали, так ждали! Так как насчет цены?

– Смотря чего ты, милейший, хочешь, – растерялась Белинда. – Али с коровой какая хворь приключилась?

– Так известно чего, – раскраснелся привратник, ковыряя пикой землю.

– Да чего же? – уточнила фея.

– Любви! – осмелев, поднял глаза парень.

– Ах это! – обрадованно воскликнула Белинда. – Тогда ты обратился по адресу. Я в этой области специалистка!

– Бэ-э, не забывай, зачем мы здесь! – прошипела Марта, ткнув волшебницу в бок.

– Одно другому не мешает, – отрезала Белинда, безумно счастливая от того, что кто-то обратился к ней за помощью. – Это ведь не займет много времени.

– Сразу видно профессионала, – уважительно отозвался Дин и уставился на Белинду с немим обожанием.

– Вот чудак! – поразила та. – Чего ж ты стоишь-то?

– Да я что, я мигом, – тот подался вперед, словно намереваясь заключить фею в

объяты, но замер в шаге от нее. – Только мы же о цене так и не сговорились!

– Хороший ты парень, – широко улыбнулась Белинда. – С тебя денег не возьму!

– Вот счастье-то привалило! – обрадовался привратник, напрыгивая на волшебницу и сгребая ее в охапку.

– Видно, у бедняги каждая монетка на счету, – пискнула растроганная Белинда, обращаясь к крестнице. Марта, устав с дороги, присела на сено и блаженно вытянула ноги, наблюдая за чудачествами своей тетки.

– Какая ты крепенькая, ладненькая, женщина в самом соку, – горячо зашептал Дин, оттесняя ее к сеновалу. – Другие предпочитают молоденьких, как твоя подружка, но разве ж они сравнятся с женщинами с опытом?

– Марта мне не подружка, она моя крестница, – поправила Белинда.

– Крестница? – Дин отпрянул от волшебницы и чуть челюсть не уронил.

– А что тут такого? – удивленно моргнула фея.

– Да как же ты ее на промысел берешь? – осуждающе протянул парень.

С улицы донесся топот ног, и в сарай влетел другой привратник, запнулся о порог, упал на колени и, глядя снизу вверх на путешественниц, выдохнул:

– Не обманул... крысенок.

И простонал, протягивая руки к гостям:

– Принцессы!

– Да что вы, юноша, – зарделась от смущения Белинда. – Я всего лишь ее крестная фея, а Марта – молочная сестра.

– Кого? – обалдело вымолвил Дин.

– Принцессы Изабеллы конечно, – гордо распрямила плечи волшебница.

– Так вы... из благородных? – со стоном разочарования выдохнул его товарищ.

– Так ты волшебница? – с дрожью переспросил Дин.

– Ну разумеется, – с достоинством ответила Белинда его товарищу, а самому Дину бросила небрежно: – Вот чудак человек! Сам же меня только что о любовном привороте просил! Или забыл уже?

– Дин, я тебя убью! – сдавленно прорычал коленопреклоненный привратник, вскакивая на ноги и с кулаками бросаясь на товарища.

– Вот где они, эти девки продажные! – раздался ликующий писк крысенка, и в следующее мгновение в сарай ворвалась негодующая дама в пышном зеленом платье с оборками, похожая на кочан капусты. При виде путешественниц ее густые черные брови встали домиком, глаза сделались большими блюдцами, а ноздри гневно раздулись. Так что даже корова сочла за лучшее прижаться к стеночке, чтобы не попасться на пути этой разъяренной фурии.

– Видите, наши дурни из-за них уже разум потеряли и в драке сцепились, – прогундосил крысенок, провожая взглядом привратников, которые, не переставая дубасить друг друга, выскочили на улицу. – А эта бесстыжая, – он обличающе ткнул пальцем в сидящую на сене Марту, – уже приготавилась!

– Ты чего несешь, крысенок?! – Белинда сжала кулаки так, что из них посыпались багряные звездочки, и пошла на обидчика.

– Бэль, не надо! – хотела остановить ее крестница, но фея уже схватила несчастного одной рукой за горло, другой выхватила палочку и от души треснула ею по макушке обидчика. Тот захлебнулся собственным писком – и было от чего! Спустя мгновение неприятный тип с хищной мордочкой исчез, а в кулаке волшебницы беспомощно барахтался настоящий серый крысенок.

Дама в капустном платье с перекошенным лицом взирала на превращение своего верного слуги. Вблизи стали заметны густые темные усики над верхней губой.

– Вы кто? – отрывисто спросила она, неприязненно глядя на Белинду. Демонстрация магических способностей феи явно произвела на нее впечатление. Если прежде дама была готова растерзать незваных гостей, то теперь была согласна считаться с их мнением, чтобы

избегнуть участи крысенка.

Белинда швырнула новообращенного крыса в стог сена, подняла горсть соломы, вытерла руку, после чего протянула ее мадам.

– Белинда Облум, крестная фея принцессы Изабеллы, – с достоинством представилась она.

Дама, пересилив себя, коснулась ее руки и потрясла в знак приветствия.

– А это моя другая крестница, Марта, молочная сестра Изабеллы.

– Какая радость видеть вас в моем замке, – выдавила из себя хозяйка.

Белинда многозначительно покосилась на хлев:

– Увы, мы пока не имели возможности его видеть.

– Сожалею, – невозмутимо произнесла гостеприимная хозяйка, – но в замке эпидемия. Вам лучше немедленно покинуть эти владения.

– Но у нас дело к вашему сыну! – подала голос Марта.

Герцогиня вздрогнула и посмотрела на девушку так, что чуть не испепелила ее взглядом.

– Седрик болен. К сожалению, это невозможно, – категорическим тоном отрезала она.

– Но у нас дело королевской важности, – настаивала Марта.

– А что у вас за эпидемия? – с профессиональным интересом любопытствовала Белинда.

– Холера, – не моргнув глазом, соврала герцогиня.

– Именно поэтому в замок запрещено пускать женщин? – ехидно уточнила фея.

– В замок запрещено пускать всех. Женщины – не исключение, – напряглась хозяйка.

– Мы – посланцы королевской семьи. Нам можно, – объявила Белинда.

– Но вы заболаете, – запаниковала герцогиня, – покроетесь язвами... У вас выпадут волосы, – истерично выкрикнула она, тыча пальцем в Марту, – и зубы, и...

– И вырастут хвосты, рога и копыта, – с кривой ухмылкой продолжила за нее фея. – Какая необычная холера.

– Вы правы, – трагически понизив голос, «доверительно» поведала герцогиня. – Я обманула вас. Никакой эпидемии нет... На замок наслали страшнейшую порчу!

– Да что вы говорите! – всплеснула руками Белинда.

– Да, – возбужденно подтвердила хозяйка, – самую страшную из всех! Она безобразно уродует, заставляет жестоко страдать, замутняет разум... И эта порча действует только на женщин. За исключением меня, – поспешно оговорила она, поймав недоверчивый взгляд волшебницы.

– Марта, как ты считаешь, я не помутилась разумом? – обеспокоенно поинтересовалась фея у крестницы.

– Не больше, чем я, Бэль, – отозвалась та, едва скрывая улыбку, и преувеличенно взволнованно воскликнула: – А мое лицо? Оно не изуродовано?

– Дорогая, ты в полном порядке, – заверила Белинда и пытливо уставилась на крестницу. – А как ты себя чувствуешь? Тебя не терзают жестокие страдания?

– Разве только одно, – после короткой заминки признала Марта, – я страшно хочу есть.

– Что ж, в этом большой беды нет, – рассудила фея. – Скорее, это недогляд хозяйки. – Она со значением покосилась на растерянную герцогиню.

– Порча начинает действовать не сразу, а в течение дня, – торопливо заговорила та. – У вас еще есть возможность избежать ее! Покиньте замок как можно скорее!

– Мы должны видеть герцога Седрика, – напомнила Белинда.

– Я же сказала, он болен! – со злостью воскликнула хозяйка.

– Отчего же? – осведомилась фея. – Вы же сказали, что порча действует только на женщин.

– Вот именно, – ухватила за ее слова герцогиня. – Уезжайте скорее, пока не поздно!

– Я думаю, что мы из тех счастливиц, на которых она не действует, – легкомысленно возразила Белинда.

– Как вы можете так рисковать собственной жизнью? – заломила руки хозяйка. – Я никогда не прощу себе, что не уберегла вас от беды. А как я объясню это королю и королеве?

– Знаете что, – остановила ее фея, – вам совершенно не о чем волноваться.

– О, хвала небесам! – воскликнула обрадованная герцогиня. – Наконец-то вы опомнились и решили уехать.

– Никогда, – торжественно провозгласила Белинда. – Мы не покинем этот замок, пока не поговорим с Седриком. Но вам совершенно не о чем волноваться, потому что я разрушу злые чары и сниму заклинание.

– Что?! – Лицо герцогини перекошило от ужаса.

«Вероятно, бедняга вспомнила о печальной известности магии Белинды», – посочувствовала ей Марта.

– Это очень просто! – заверила фея. – Хоп, – она махнула палочкой, рассыпав в воздухе горсть голубых искорок, – и все! А теперь идемте. – Белинда подтолкнула обомлевшую герцогиню к выходу из хлева.

– Куда? – ужаснулась хозяйка замка.

– К вашему сыну. Будем его исцелять.

– Хорошо, – неожиданно легко сдалась герцогиня. – Но сперва верните моего слугу.

Фея нехотя махнула палочкой в сторону стога. Тонкий крысиный писк перешел в жалобные человеческие стенания, стог заходил ходуном, и из него выполз несчастный доносчик с пышной шапкой сена на макушке. При виде Белинды он вскрикнул от ужаса и забился обратно в стог. Фея торжествующе хмыкнула и вышла из сарая вслед за крестницей и хозяйкой. Да так и застыла на месте.

Двор превратился в поле сражения. Было похоже, что во время разговора в хлеву замок взял неприятель. На самом деле это слуги и стражники с чувством мутузили друг друга, присоединившись к Дину и его товарищу.

– А ну, прекратить бардак! – громогласно рявкнула герцогиня.

У Марты и Белинды, стоявших рядом, зазвенело в ушах. А ближайших к герцогине драчунов и вовсе будто вихрем отбросило на пару шагов назад. Равнодушных к такому рыку не осталось: драчуны опустили кулаки и освободили путь хозяйке и ее гостям. Женщины прошли между разгоряченными и разукрашенными синяками мужчинами, после чего герцогиня обернулась и строго велела:

– За работу!

Драчуны стали нехотя разбредаться по своим местам. Кто к воротам, кто к сараям, кто направился в замок. Герцогиня выудила из толпы взъерошенного бородатого мужичка с ярко выраженным косоглазием и велела ему отвести прибывших дам в комнату для гостей.

– А я пока распоряжусь насчет ужина, – сообщила она, ныряя за угол сторожевой башни.

Мужичок с умилением воззрился на не обремененные усами миловидные женские лица. Белинда недовольно сдвинула брови, поторапливая провожатого. Мужичонка спохватился, засуетился и побежал впереди, указывая путь к замку – темной громадине, высившейся в центре крепости. Марта с Белиндой с любопытством разглядывали крепость: в ее архитектуре не было ничего необычного, куда больше их внимание привлекали люди.

Недавние драчуны нехотя возвращались к своим обязанностям: кто-то подбирал брошенные ведра и спешил к колодцу, кто-то схватился за метлу и с ожесточением принялся гонять пыль по двору, кто-то собирал в корзину раскатившиеся по земле яблоки, кто-то полировал зловещую медную горгулью, восседающую у лестницы, ведущей в замок. При приближении гостей все они, словно по мановению волшебной палочки, замирали на своих местах и провожали дам жадным взглядом. Белинда от такого внимания вся порозовела – оно ей явно льстило, а Марта смутилась и опустила глаза, стараясь не встречаться взглядом с мужчинами. Вслед за провожатым девушка и ее крестная поднялись в замок, и первым, что они увидели внутри, был портрет герцогини, занимавший почти всю стену от пола до потолка. Художник польстил хозяйке, избавив ее от усиков и излишней кустистости бровей,

смягчив резкие черты лица, округлив тяжелый квадратный подбородок и наделив копной густых волос. Портрет был заключен в широкую позолоченную раму, и низенький, кругленький, как мяч, мужичок в данный момент с усердием полировал позолоту до блеска. В одной руке он держал лоскут ткани, в другой – два пузырька. Жидкостью из пузырька поменьше он пропитывал лоскут, а к содержимому большего сосуда щедро прикладывался сам, что-то радостно мурлыкая в пышные усы. Увлеченный процессом, он не сразу заметил гостей. А когда заметил, то на мгновение замер, потер глаза кулаками, озабоченно пролепетал: «Пить надо меньше, надо меньше пить» – и, даже не поздоровавшись, повернулся к ним спиной, с преувеличенным энтузиазмом принявшись натирать поверхность рамы.

– Не обращайтесь внимания, – шепнул провожатый, сворачивая в проходной зал, и загадочно добавил: – Томас в замке уже полгода, на вторую смену остался. Отвык-с!

Внутри замка кипела работа. Слуги постарше чинили мебель, работники помоложе натирали полы, носили ведра с водой и корзины с бельем. Те, кто был увлечен работой, не заметили появления путешественниц, другие же, застыв на месте, с благоговением взирали на Марту и Белинду, словно они были последними женщинами на Земле.

– Ты не замечаешь ничего странного? – шепнула Марта.

– Гобелены мрачноваты? – отозвалась фея, с интересом изучая настенное полотно, на котором зверского вида баба пронзала копьем тщедушного мужичонку.

– «Смерть изменнику», – с содроганием прокомментировал сюжет провожатый.

– Да нет же! – зашептала Марта. – Мы не встретили ни одной женщины. Может, оно все-таки существует?

– Что?

– Заклятие!

– И навела его эта ведьма! – Белинда со значением покосилась на очередной портрет герцогини, висевший над камином. – Глупости это все! – уверенно сказала она и окликнула провожатого: – Послушай, уважаемый, а почему нигде не видно женщин?

– Женщин? – вздрогнул тот. – Так откуда ж им взяться-то? Уже шесть лет, как в замке нет ни одной женщины, кроме ее сиятельства.

– Что же случилось шесть лет назад? – удивленно моргнула волшебница.

– В этот черный день, – провожатый трагически вздохнул, – ее сиятельство застала юного герцога в комнате со служанкой. Герцогу тогда только исполнилось шестнадцать.

– И что? – поторопила его заинтригованная Белинда.

– И все! – обреченно поведал слуга. – В ее сиятельство словно бес вселился, и она всех служанок выгнала – начиная от горничных и заканчивая прачками.

– Вот тебе и порча, – шепнула Марте потрясенная фея, а у провожатого спросила: – Как же ее супруг это допустил?

– Герцог умер за два года до этого, – скорбно поведал слуга. – Тогда герцогиня сосредоточила всю свою любовь на сыне. Кажется, в тот день, когда она застала его с девушкой, она впервые поняла, что мальчик вырос...

– И как же вы тогда жили, когда без женщин остались? – заинтересовалась Белинда.

– Суровые были времена, – вздрогнул провожатый. – Всем мужчинам, будь то охотник, столяр, кузнец или трубочист, пришлось засучить рукава и осваивать женскую работу – учиться готовить, шить, стирать, мыть и убирать. Конечно, половина слуг сразу сбежали, вместе со своими семьями, даже на вознаграждение, которое герцогиня сулила, не польстились. Холостяки еще первое время помучились, да тоже многие ушли. А те, кто остался, подолгу не выдерживают – на женской работе да совсем без женщин...

– Как же вы это терпите? – поразилась фея.

– Так платят здесь в три раза больше, чем в других замках, – охотно пояснил слуга. – Вот и живем – три полнолуния монахами, зато потом весь год в семье королями. Прислуга-то здесь меняется каждый сезон. Сейчас летняя смена, потом черед осенней, зимней и весенней. За летнюю дороже всего платят: почти же у всех работников семьи, земля, хозяйство – летом

там мужская работа в первую очередь нужна. Но у меня жена – умница, отпустила. Знает, что я здесь за лето на целый год безбедной жизни заработаю, а я ей в подмогу двух батраков вместо себя нанял. Со здешним-то заработком это не проблема.

– Значит, щедрая у вас хозяйка? – усмехнулась Белинда.

– Ще-э-драя, – протянул провожатый. – А чего ей золото – солить, что ли? Другие богачи на балы тратятся, на приемы, а здешний замок – словно на осадном положении. Никаких пиров, никаких гостей женского пола. Вот и не жалеет золотишка, чтобы ее душеньке спокойно было.

– В каком смысле? – уточнила с нехорошим подозрением Марта.

– Известно в каком, – хмыкнул в усы провожатый. – Чтобы ни одна девица ее ненаглядного сынка не окрутила. Я вообще удивляюсь, как это вас герцогиня пропустила. Уж почитай, как шесть лет ни одна женщина, кроме самой хозяйки, порог не переступала. Ребята, правда, тайком водят легкомысленных девиц, – смущенно признался он, – но не дальше хлева, да и редко они в наши края забредают, от силы раз за всю смену. Видели же – замок на отшибе стоит. А уж благородных с той самой поры, как герцогиня разбушевалась, не бывало. Как же вам это удалось-то, а? – жадно любопытствовал он.

– Мы – посланцы королевской семьи, – пояснила Марта. А Белинда скептически хмыкнула: имя короля, конечно, произвело впечатление на герцогиню, но решающим стало ее волшебство.

– Тогда понятно, – покивал головой провожатый. – Королю она не посмела отказать, когда приглашение на бал пришло. Первый и последний раз тогда Седрика вывезла из замка. Бедный мальчик, как жаль, что он принцессе не приглянулся! – сокрушенно добавил он. – Это был его единственный шанс на спасение. Бедняжка потом мне все уши прожужжал, какая принцесса Изабелла славная, добрая и милая.

Марта с Белиндой озадаченно переглянулись.

– Простите, а он здоров? – осторожно поинтересовалась фея.

– А почему вы спрашиваете? – удивился провожатый.

– Ну мало ли, вдруг умом повредился от такой жизни затворнической, – предположила Белинда.

– Да что вы! – всплеснул руками слуга. – Седрик очень умный юноша. Жаль только, безвольный очень, терпит все капризы своей матери... Жалко парня, – посочувствовал он. – У меня жена, детки, а бедняга так и помрет бобылем. Я-то монахом всего на лето становлюсь, а он, горемычный, им на всю жизнь с такой матерью сделался.

Мужичок толкнул дверь, пропуская женщин в просторную комнату с двумя кроватями и двумя деревянными бочками у стены.

– Располагайтесь. Вы, вероятно, устали. Сейчас вам принесут теплой воды, чтобы омыться с дороги.

– Какое блаженство, – захлопала в ладоши Марта.

– Это все, конечно, замечательно, – охладила ее восторг Белинда, – но у нас срочное дело к герцогу Седрику. Когда мы сможем его увидеть?

– Боюсь, что никогда, – печально пробормотал провожатый себе под нос.

– Что вы сказали?

– Этот вопрос вам следует задать герцогине. Я же получил от нее поручение разместить вас здесь и приготовить для вас ванну, – степенно сообщил слуга. – Пойду потороплю ребят.

– Каких только чудес на свете не видала, – заметила Белинда, когда за ним закрылась дверь, – а в такое чудное место впервые попала.

– А тебе не боязно? – спросила Марта, выглядывая из окошка во двор, по которому суетливо сновали мужчины от шестнадцати до шестидесяти.

– А кого бояться? – удивилась фея. – Эту усатую капусту? Так я ее мигом в кочерыжку обстругаю, пусть знает свое место. Это ж надо чего удумать – замок в мужской монастырь превратить!

– Герцогиня-то ладно, – махнула рукой Марта. – Но, кроме нее, мы единственные

женщины во всем замке. Ты видела, какими взглядами нас провожали слуги?

– Не беспокойся, дорогая, – широко улыбнулась волшебница. – Я же твоя крестная, и ты под моей защитой.

– А ну как они эту комнату штурмом возьмут? – Марта с опаской покосилась на дверь.

– Пусть только попробуют! Надеюсь, ты не боишься... ммм... пороят?

– Но только не мышей! – взмолилась девушка, представив себе серый шевелящийся ковер, льющийся к ее ногам. – А может, ты просто заговоришь дверь от вторжения?

Не успела Марта продолжить свою мысль, как в дверь постучали.

– Боюсь, поздно, – развеселилась фея. – Войдите!

На пороге возник круглолицый кудрявый здоровяк. В одной руке он держал полный кувшин, в другой – пустое ведро. При виде дам он замер в дверях и с благоговением уставился на Марту.

– Так я вас слушаю, почтенный, – поторопила его Белинда.

– Вот тут... это... – замялся парень, указывая на кувшин, – пока вода там греется... лицо да руки освежить. Вот!

– Спасибо, любезный! – поблагодарила фея и указала на низкий столик у стены. – Поставь там!

– Слушаю и повинуюсь, – широко улыбнулся он, выполняя поручение, и вновь впери в влюбленный взор в порозовевшую от смущения Марту.

– А теперь можешь идти, – повысила голос Белинда.

– Может, вам того... на ручки полить? – с готовностью предложил парень.

– Справимся как-нибудь, – заверила фея.

– Зачем же как-нибудь? – возразил слуга. – Сделаем в лучшем виде! Позвольте вашу лилейную ручку...

– Ты что себе позволяешь? – сдвинула брови Белинда. – А ну, кыш отсюда!

С несчастным видом несостоявшийся поливальщик отправился восвояси.

– Вот уж не думала, что ты умеешь так строить глазки, – неодобрительно пробурчала фея.

– Я?! – смутилась Марта.

– Не отпирайся, скромница, – проворчала волшебница. – Поди, от Изы нахватайся? Ясное дело, от кого же еще. Не спорь с крестной! – прервала она возражения девушки. – Иди-ка лучше я тебе на руки полью. Тяжелый, зараза! – Белинда с кряхтением подхватила пухлый, наполненный до самого горлышка кувшин.

– А где же полотенце? – растерянно оглядела комнату Марта и чуть не подпрыгнула от настойчивого стука в дверь.

– А вот и оно! – ухмыльнулась фея, водружая кувшин обратно на столик. – Войдите!

На этот раз в комнату ввалился загорелый увалень с полотенцами, перекинутыми через руку.

– Я тут! Вам! Это! – радостно гаркнул он. – Принес! Вот!

– Видим-видим, что принес, – поморщилась от его воплей волшебница. – Премного благодарны.

– Рад! Стараться! – с готовностью отозвался он и застыл на месте, обжигая фею пламенным взглядом.

– Что-то еще? – оттаяла Белинда.

– Если что надо, так я с радостью пособлю, – оживился парень.

– Ну, разве что кувшин подержать, – раскраснелась фея, поправляя локон. – Уж очень он тяжелый...

– Я мигом, – заверил тот и завертел головой в поисках кувшина.

– Нет уж, не стоит, – оборвала его Марта, – сами управимся.

– Да зачем же сами? Когда есть я? – удивился слуга.

– Ну что ты в самом деле, Мари, – проворковала крестная. – Пусть юноша поможет.

– Я тебе сама помогу, – отрезала девушка, отнимая у слуги полотенца и закрывая

спиной столик с кувшином.

– Так я и вам помогу, – оживился парень. – Мне не трудно.

– Белинда! – повысила голос Марта. – Не забывай, зачем мы здесь!

С разочарованным вздохом фея выставила готового на все юношу за дверь.

– Вот уж не думала, что ты умеешь так строить глазки, – язвительно заметила Марта, когда они остались вдвоем.

– Я?! – возмутилась фея, стирая с лица придурковатую улыбку.

– Ну не я же! – съехидничала крестница и напомнила: – Кто-то там собирался помыть руки с дороги, давай полью.

– Вот еще, будет моя крестница таскать такую тяжесть. Фея щелкнула пальцами, и кувшин взмыл в воздух и завис точно над тазиком. – Прошу!

Марта с опаской подставила руки, и кувшин, резко наклонившись, пролил часть воды.

– Ай! – вскрикнула девушка, убирая руки.

– Что-то не так? – удивилась Белинда.

– Вода ледяная! – пожаловалась Марта. – Словно из зимней проруби. Откуда ее принесли, из погреба?! Ничего себе, забота о гостях!

– Странно, – расстроилась Белинда. – Она, наоборот, должна была чуть нагреться.

– Нагреться? Так это твои штучки? – дрогнула крестница, представив себе, что было бы, если бы вместо ледяной воды ей на руки пролился кипяток.

– Ну да, – удрученно отозвалась фея, – нагреться и пахнуть сиренью.

– А я-то еще удивилась, почему от воды несет тухлой рыбой, – буркнула себе под нос Марта.

– Ты считаешь, я никудышная волшебница? – Голос феи дрогнул.

– Ну что ты, Бэль! – горячо возразила крестница. – Только давай по возможности обойдемся без этих волшебных штучек, ладно? Верни все, как было. Помоемся обычной водой, не принцессы, а кувшин я и сама подержать могу. – Марта подхватила зависший в воздухе сосуд, решив, что таким образом сможет контролировать нагрев воды, если крестной вновь взбредет в голову чудить с магией.

Только путешественницы освежили лицо и руки, только Марта пошутила, что давно к ним никто не ломился, как дверь дрогнула от сильного стука.

– Входите, – едва сдерживая смех, разрешила Белинда.

Сперва в комнату вплыло ведро с дымкой пара над ним, затем – торжественно несший его на вытянутой руке рыжий великан.

– Для баньки вот! – охотливо пояснил он, тараща на женщин мутные глаза неопределенного цвета и едва не пронеся ведро мимо бочки. Вслед за рыжим потянулась целая толпа слуг с ведрами. При виде гостей они словно забывали, зачем пришли, и начинали томно вздыхать, сверлить дам глазами, пытались завести разговор, а кто посмелее – молили о свидании. Особо одаренные порывались читать вирши собственного сочинения, но были вовремя остановлены Белиндой. Когда, наконец, обе бочки были наполнены, фея с трудом выставила последнего из водоносов за дверь и с облегчением вздохнула.

– Ты заметила, что ни одно лицо не повторилось? – спросила Марта. – Ни один из них не вернулся снова со вторым ведром.

– А чему ты удивляешься? – хмыкнула Белинда. – Не забывай, что бедняги не видели женщин уже свыше пятидесяти дней. Думаю, они не только очередность установили, но еще и жребий среди всех бросали, кому выпадет счастье на нас поглазеть лицом к лицу. И, увы, не всем повезло. Ну что, понежим свои косточки, раз уж хозяйка не спешит представить нас сыну?

– Я с удовольствием, – отозвалась Марта. – Но потом – сразу приступим к нашему делу. Правда, вряд ли нам что-то здесь светит...

– Ты же слышала, что сказал наш провожатый, – оптимистично напомнила крестная, – герцог в восторге от нашей Изы!

– Что ж, попробуем выяснить, какая муха его укусила, – скептически ответила Марта.

Очередной стук в дверь помешал дамам осуществить непосредственные приготовления к банным процедурам.

– Хорошо, раздеться не успели, – недовольно пробурчала фея, распахивая дверь. – Ну, кто там еще?

В комнату робко шагнул крепкий коренастый детина с тазиком в руках.

– Не желаете ли освежить одежду с дороги? – застенчиво предложил он. – Пока ванну принимать будете, я ее мигом ополосну да над очагом высушу.

Марта стремительно покраснела, а Белинда, справившись с изумлением, с достоинством ответила:

– Премного благодарны, но мы как-нибудь сами управимся.

– Да зачем же вам ручки-то пачкать? – заволновался детина, чуть не выронив тазик. – Я с радостью!

– Не беспокойся, родной, не запачкаемся, – заверила Белинда. – У нас свои средства имеются.

– Это какие же? – простодушно подивился детина.

– Волшебные, – с гордостью объявила фея.

– Так вы что же, волшебница? – вытаращил глаза детина. – Во дела!.. А можете какое-нибудь чудо сотворить?

– Нет, – отрезала за крестную Марта, но в глазах феи уже зажегся шальной огонек. – Бэзь! – взмолилась девушка.

– А что? – отозвалась чародейка. – Мне не жалко! Ставь тазик на пол, – скомандовала она детине.

– Вы его вином наполните? – загорелись у него глаза.

– Вообще-то я хотела наполнить его золотыми монетами, – пошутила волшебница. – Но раз ты настаиваешь на вине...

– Золотыми монетами? – На лице детины отразилась нешуточная борьба. – Не, – наконец решил он, – монеты у меня у самого есть, лучше вино.

– А ты не шутишь? – поразила фея.

– Какие уж тут шутки! Умоляю! – Он опустил тазик на пол и просительно сложил руки.

Белинда милостиво махнула волшебной палочкой – больше для эффекта, нежели ради заклинания, – и тазик на глазах наполнился красным напитком, а ноздри защекотал аромат пьяной вишни.

– Вот это да! – обомлел детина и разве что ноги Белинде не бросился целовать от благодарности. Затем легко подхватил тазик и осторожно, чтобы не расплескать ни единой капли, прошествовал к двери. – В замке на вино запрет, – пояснил он на пороге. – Хозяйка запрещает. Эх, сегодня погуляем!

И, пока Марта с Белиндой не успели осознать до конца эту новость, исчез за дверью.

– Похоже, ты сегодня умудрилась нарушить все правила, установленные хозяйкой, – хихикнула Марта. – Ой, что теперь начнется! Я надеюсь, на этот раз ты ничего не перепутала с заклинанием?

– Поживем – увидим, – надулась фея.

– Да ладно, не обижайся, – миролюбиво ответила Марта. – Просто не хотелось бы поутру проснуться в замке, полном поросят например.

Очередной стук в дверь не заставил себя ждать.

– Не удивлюсь, если все слуги уже выстроились в очередь за дверью – каждый со своим тазиком, – хихикнула Марта.

– Входите, – обреченно позволила Белинда, бросив взгляд на остывающую бочку. На пороге нарисовался представительный усатый мужчина лет пятидесяти.

– Я слышал, вы волшебница? – почтительно спросил он.

– Так и есть, – подтвердила фея.

– А муж у вас тоже волшебник? – осторожно поинтересовался посетитель.

– Я не замужем, – сухо ответила чародейка.

– Да что вы говорите! – просиял он. – Такая прекрасная леди!

– Я? – зарозовела от смущения Белинда, не привыкшая к комплиментам. В Эльдорре ее слава летела впереди нее, отталкивая потенциальных кавалеров похлеще самых эффективных отворотных чар. В замок Пиф, похоже, известия о ее проказливой магии еще не долетали, и для его обитателей она была красивой женщиной с престижной профессией, чаровницей и чародейкой в одном лице.

– Красавица, – в восхищении выдохнул добровольный отшельник. – Я, кстати, тоже без семьи, – сообщил он. – Но жених богатый, с хорошим достатком. Я в замке четыре сезона подряд отработал, так что теперь могу позволить себе и домик приличный купить, и семью содержать.

– Да тебе, старый сыч, уже шестой десяток пошел, – раздался возмущенный голос, и в комнату без спросу ввалился брюнет средних лет с букетом ромашек в руках. – Не слушайте его, прекрасная Белла, – воскликнул он, глядя на фею влюбленными глазами, под правым из которых темнел синяк – свидетельство участия претендента на руку и сердце волшебницы в дворовой драке. – Вы достойны лучшего!

– Это ты на себя намекаешь? – оскорбился первый. – Невоспитанная деревенщина! Ввалился без стука, прервал предложение руки и сердца...

– Что, простите, прервал? – не поверила своим ушам Белинда, близкая к обмороку от счастья.

– У меня, может, тоже предложение. И ничуть не хуже твоего! – угрюмо возразил брюнет.

– Я пришел сюда первым, – зашипел на него «сыч». – Имей уважение и соблюдай очередь!

От драки их спасло только появление давешнего провожатого.

– Да что ж вы тут творите-то! – воскликнул тот. – Вода-то в чанах стынет! А ну, кыш отсюда, дайте дамам с дороги обмыться.

Но не успела Белинда прийти в себя после штурма женихов, только-только Марта собралась раздеться, как в дверь настойчиво постучали.

– Кто там? – нервно выкрикнула Марта.

– Помойник! – радостно гаркнули из-за двери.

– Кто?! – поразилась Белинда.

– То есть помощник, – поправился неизвестный и с ликованием добавил: – Я вам буду мыться помогать!

– Ну заходи, раз такой смелый. – Фея уперла руки в боки и приготовилась встретить смельчака в позе оскорбленной добродетели.

Дверь распахнулась, пропустив в комнату крепкого мужичка лет сорока с шапкой кудрявых волос и с ядреным загаром, выдававшим в нем труженика полевых работ, а отнюдь не работника шайки и веника. Судя по шишке, стремительно зреющей на лбу, и костяшкам пальцев, содранным в кровь, победа за место «помойника» далась ему в суровой конкурентной борьбе. При виде Марты, застывшей у бочки, здоровяк с воодушевлением расправил плечи.

– А что же ты, сахарный, не прихватил с собой цирюльные принадлежности? – кокетливо посетовала Белинда. «Помойник» скосил глаза на источник шума и ойкнул от ужаса. Слева от него, наполовину преградив путь к двери, стояла удивительная дама... Правой рукой дама поглаживала густую иссиня-черную бороду, которая доходила ей до груди. К еще большему ужасу слуги, борода росла на глазах – и вот уже она спустилась до талии, поползла к коленям.

– Уважаемый! Что же вы стоите? – жеманно растягивая слова, поторопила его дама. – Вы сюда помогать пришли или как?

– Пр... пр... – пролепетал несчастный, делая попытку сигануть в дверь. Но Белинда преградила ему путь, перекинула бороду, уже начинавшую подметать пол, через локоть и кокетливо спросила близкого к обмороку бедолагу:

– Почему вы разговариваете со мной, как с кобылой? Я бородата, но у меня нет ни копыт, ни хвоста.

Расшалившаяся фея ткнула бедолагу в грудь кончиком бороды, тот заверещал так, словно коснулся жала скорпиона, и ломанулся в дверь с такой скоростью, что Белинда едва успела отскочить в сторону.

Марта, которая все это время, согнувшись пополам от смеха, давилась от хохота, наконец-то позволила себе расхохотаться во весь голос.

– А теперь – мыться! – провозгласила Белинда, избавляясь от шикарной иллюзии. – Надеюсь, за дверью у нашего заики прорезался голос, и его рассказ о бородатой красотке охладит пыл остальных помощников и даст нам спокойно понежиться в бочке.

Когда разомлевшие после банных процедур путешественницы спустились к ужину, за столом их поджидала только усатая герцогиня, сменившая зеленое капустное платье на темно-бордовое, отчего она сделалась похожей на перезревшую свеклу.

– А где же... – начала было Белинда, но Марта прервала поток ее красноречия ощутимым тычком в бок и вежливо поинтересовалась:

– Разве ваш сын не составит нам компанию за ужином?

– Конечно-конечно, – клятвенно заверила герцогиня. – Он обязательно спустится. Чуть позже. Как я уже говорила, мальчик слегка приболел, и сейчас его навещает лекарь.

– Давайте его посету я, и никакие лекари ему больше не понадобятся, – с энтузиазмом предложила Белинда, присаживаясь за стол.

Марта опустила на стул рядом, с трудом подавив смешок и подумав про себя, что если крестная возьмется лечить Седрика, то лекари ему точно больше не понадобятся, скорее уж найдется работа для гробовщика. Вероятно, та же мысль посетила и хозяйку, потому что в ее глазах мелькнул неподдельный ужас.

– Я думаю, не стоит, – выдавила из себя она, беспокойно заерзав на месте, и поспешила перевести разговор на безопасную тему: – Попробуйте-ка нашего барашка! Он у Анри сегодня удался на славу.

Памятуя о том, как Марта по дороге с опаской шепнула, не вздумает ли усатая женоненавистница отравить их, Белинда проверила невидимым заклинанием еду и напитки на содержание ядов, но ничего подозрительного, как и думала, не обнаружила. Не станет герцогиня травить королевских послов, но, скорее всего, мадам приложит все усилия, чтобы сорвать их встречу с сыном.

Опасения оказались ненапряжными. Герцогиня начала с того, что рассыпалась в любезностях и заверила, что готова оказать любую помощь и поддержку в их деле. Но стоило Белинде вежливо, но решительно отвергнуть ее предложение и сообщить, что говорить они будут только с Седриком, как любящая мамаша напряглась, как струна, и над столом сгустились грозные тучи. Целый час герцогиня пыталась их расспросами о королевской семье, начиная от здоровья короля и заканчивая самочувствием любимой болонки королевы, ненавязчиво подводя беседу к самому животрепещущему вопросу – замужеству Изабеллы. Воспитанная Марта почти не притронулась к еде, обстоятельно отвечая на все вопросы хозяйки, а Белинда, наплевав на все правила этикета, уминала нежного барашка, мысленно вознося хвалы кулинарному мастерству Анри, и только угукала в ответ, нетерпеливо поглядывая на дверь в ожидании Седрика. Наконец герцогиня исчерпала всю свою фантазию и, нацепив на усатую физиономию медовую улыбку, непринужденно поинтересовалась:

– А что принцесса? Не собралась ли замуж?

– Собралась! – горячо заверила Марта.

– Угу! – подтвердила достоверность информации Белинда.

– Да что вы говорите! – фальшиво обрадовалась герцогиня. – И скоро свадьба?

– Скоро, – убежденно соврала Марта.

– Угу, – поддержала ее Белинда, что в данном контексте означало: «Как только

найдется такой дурак, так сразу!»

– Вероятно, вы хотите вручить приглашение на свадьбу лично Седрику в руки? – с надеждой предположила хозяйка.

– Непременно, – улыбнулась Марта. Белинда неопределенно хмыкнула.

На лице герцогини мелькнула удовлетворенная улыбка, она с облегчением откинулась на спинку стула, и гости ощутимо почувствовали, как разрядилась грозная атмосфера, и в зале стало легче дышать.

– И кто же этот счастливец? – расслабленно поинтересовалась хозяйка.

– Принц Эрик, – поспешно соврала Марта.

– Виконт Дореми, – одновременно с ней воскликнула фея.

За столом повисло напряженное молчание, и вновь в помещении сгустились тучи. Герцогиня подобралась, как пантера перед прыжком, и обожгла гостей подозрительным взглядом.

– Так кто же из них двоих? – сухо уточнила она.

– Принц, разумеется! – Марта незаметно наступила Белинде на ногу под столом и ослепительно улыбнулась хозяйке. – А виконт будет его дружкой на свадьбе!

– Не знала, что они дружны, – поджала губы хозяйка.

– Говорят, виконт спас принцу жизнь на охоте, – как можно более непринужденно соврала Марта.

– Что ж, это все объясняет, – голосом, не сулящим ничего хорошего, протянула герцогиня и со злостью вонзила зубы в кусок ветчины.

– Так когда же мы увидим Седрика, чтобы сообщить ему эту приятную новость? – не вытерпела Белинда, глядя на наполовину опустевший стол и на старинные часы, показывавшие, что с начала ужина прошел уже час.

– Слуга только что сообщил мне, что мальчику делают лечебные процедуры. Это займет еще немножко времени. Совсем чуть-чуть! Да вы отведайте пока куриного рулета – Анри сегодня просто превзошел сам себя, – поспешила поменять тему разговора хозяйка.

– Быть может, я могу помочь лекару? – Белинда повторно предложила свои услуги.

– Да что вы, к чему такое беспокойство! – всплеснула руками герцогиня. – Лекарь пользуется его с рождения, он прекрасно осведомлен о его недугах и справится со всем сам. Ах, бедный мальчик, – сокрушенно покачала головой хозяйка, – он у меня такой болезненный! С самого детства...

Следующие полчаса герцогиня со вкусом описывала все недуги любимого сыночка, начиная с пеленок. Марта уныло ковыряла вилкой в тарелке с гусиным паштетом, Белинда и вовсе клевала носом, невпопад вставляя то глубокомысленное «Угу», то сочувственное «Ну и ну!». По рассказам хозяйки, выходило, что ее двадцатидвухлетний сын был немогущее дряхлого инвалида, большую часть времени проводил в постели, в бреду или в горячке, и иметь жену ему категорически не позволяло слабое сердце. Чтобы уберечь мальчика от соблазнов, несовместимых с жизнью, заботливой мамаше и пришлось дать расчет всей прислуге женского пола, оградить замок от гостей, а сына – от балов и прочих развлечений. Единственное исключение было сделано для королевского бала, и то поездка во дворец уложила Седрика в постель до конца осени, и герцогиня уж отчаялась поднять его на ноги.

– Вы уж извините, что я вас обманула насчет порчи, – фальшиво повинилась рассказчица. – Но как мать я забочусь о здоровье единственного сына, вот и хотела оградить его от излишних волнений и эмоций.

– Я так понимаю, что поездка на свадьбу принцессы станет угрозой его здоровью? – озабоченно предположила фея.

– Боюсь, что так, – скорбно ответила герцогиня. – Ах, свадьба! – подхватила она. – Вы не представляете себе, как бы я хотела видеть Седрика здоровым и женатым! Как я мечтаю о внуках и заботливой жене для него, – лицемерно поведала она. – Но, к сожалению, это невозможно... Моему бедному мальчику может помочь только чудо, – трагически вздохнула она под конец.

– А Белинда как раз мастерица по чудесам, – вставила Марта, заскучав за столом и решив ускорить встречу с герцогом.

– Да, это я могу! – оживилась фея.

– Нет! – страшным голосом воскликнула хозяйка и поспешно добавила: – У Седрика аллергия на чудеса.

– Вот как?! – округлила глаза Марта.

– Именно так, – закивала герцогиня. – Стоит ему попасть под действие магического заклинания, как мальчик начинает задыхаться. Поэтому мы были вынуждены отказаться от услуг целителей в пользу лекаря.

– Впервые о таком слышу, – с сожалением протянула Белинда.

Заскрипели, отворяясь, двери, и путешественницы с надеждой обернулись на звук. К их разочарованию, в зал явился не болезненный Седрик, а впорхнули несколько человек в одинаковых синих костюмах и таких же беретах с перьями, которые волочили за собой арфы, трубы и волынки.

– Наши музыканты сейчас исполнят для вас балладу о русалке, полюбившей юного воина, – раздуваясь от гордости, объявила герцогиня.

– Все это, конечно, чудесно. Но мы бы хотели увидеть герцога Седрика, – напомнила Белинда, теряя терпение.

– Ах, простите! – всплеснула руками герцогиня. – Разве я еще не сказала? Седрик так разомлел от процедур, что уснул. Боюсь, вы сможете повидаться с ним только утром. Ближе к обеду, – поправилась она, – когда он пройдет все утренние процедуры.

– К сожалению, мы не можем задерживаться в замке так долго, – с явным огорчением вздохнула Марта, незаметно ткнув в бок фею, готовую разразиться гневной тирадой. – Нам надо выехать на рассвете. Что ж, тогда мы оставим приглашение вам, а вы передадите его герцогу?

– Конечно, – просияла хозяйка, не скрывая своего торжества, и сделала знак музыкантам начинать.

– Ты чего несешь? – шепотом спросила Белинда, когда звуки музыки обрушились на зал и предоставили им возможность посекретничать.

– Расслабься, Бэль, – посоветовала Марта, покачивая головой в такт мелодии, – герцогиня не должна ничего заподозрить. Сделай вид, что ты утомилась после долгой дороги и сытного ужина и тебя клонит в сон.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – с сомнением сказала фея, но выполнила команду крестницы. Это не представляло сложности – достаточно было просто внимательно слушать балладу, которую с надрывом и кто во что горазд исполняли для дорогих гостей музыканты.

Песнь о трагической любви русалки и вояки насчитывала два десятка куплетов: за это время герои успели встретиться, полюбить друг друга с первого взгляда и родить плод своей любви, потом еще второй, третий, четвертый... Запутавшись в счете отпрысков русалко-воинского союза, Белинда уже вовсю клевала носом к началу одиннадцатого куплета. Вояка же все это время метался между заводью русалки и полем боя, пока стрела неприятеля не оборвала его душевные терзания и не завершила число его потомков на двенадцатом русаленке. Расчувствовавшийся трубач в этот момент издал такой пронзительный звук, что фея, уже приготовившаяся всхрипнуть, подпрыгнула на месте и едва не натворила чудес, наказав музыканта за его дерзость. Но, услышав из уст надрывающегося певуна, что многодетная мамаша с горя решила выброситься на берег и завершить свой водный путь на враждебной земле, заинтересовалась окончанием истории.

Увы, финал баллады разочаровал кровожадную Белинду: призрак вояки, явившийся, чтобы поклясться в вечной любви жене и детям, нарушил планы русалки, та раскаялась в своих намерениях и пообещала возлюбленному посвятить остаток жизни воспитанию детей.

– Какая восхитительная песня, – подавив зевок, воскликнула Марта и ткнула фею в бок. Та мгновенно разродилась аплодисментами и криком «Браво! Би...»

– Ты забываешься, – шикнула на нее крестница, оборвав ее на полуслове

аплодисментами. – Повторного исполнения этой белиберды я не переживу.

– А теперь – продолжение баллады, – торжественно объявил певец, прочистив глотку. – О детях русалки и воина. Исполняется впервые.

Герцогиня вся подалась вперед в ожидании душераздирающей истории о бедных сиротках. Вероятно, прослушивание баллад, помимо измышательства над мужчинами, было единственным ее развлечением в добровольном отшельничестве.

– Бэль, – окликнула Марта, дождавшись первых звуков музыки, – ты можешь насладиться на графиню снотворные чары?

– Не вопрос! – оживилась фея, заерзав на месте.

– Не сейчас, – остановила ее крестница. – А чтобы она уснула примерно через час и не очнулась до утра?

– С отсрочкой? – задумалась Белинда и с запинкой предложила: – Я могу зачаровать ее напиток.

– Ты уверена?

– Ну разумеется! – обиделась фея, краем уха прислушиваясь к словам баллады. Все русалкины сыновья умудрились влюбиться в земную девицу, дочку барона, а все русалкины дочери решили от них не отставать и потеряли голову от баронессиною жениха. Страсти накалялись с каждым куплетом: сперва русалята изо всех сил стремились разрушить свадьбу своих возлюбленных, а достигнув гнусной цели, принялись убивать любимых братьев и сестер, превратившихся в злостных конкурентов. Герцогиня слушала песню, развесив уши, и тихонько подвывала певцу.

– Действуй, – дала добро Марта.

Воспользовавшись тем, что герцогиня полностью отключилась от реального мира, внимая словам баллады, Белинда украдкой сыпанула в ее бокал горсть серебристых звездочек.

Одна из звездочек, отлетев в сторону, случайно упала на руку Марты и серебристым узором впечаталась ей в кожу.

– Ой, – виновато пискнула фея.

Девушка потеряла руку, но звездочка не исчезла.

– Не старайся, не ототрешь, – обрадовала ее волшебница.

– Это что же, мне всю жизнь с ней ходить? – расстроилась Марта.

– Не больше часа, – успокоила крестная. – Когда чары подействуют, ты почувствуешь покалывание, и звездочка исчезнет.

– Бэль, ты гений! – обрадовалась девушка.

За перешептываниями они прослушали почти всю балладу и ознакомились только с развязкой драматической истории: когда старший брат убил последнего младшенького братишку, а младшая из сестер задушила самую живучую из соперниц, старшую сестру, и злодеи уже праздновали триумф, дочь барона помирилась со своим женихом. В это время мама-русалка вернулась из долгого плавания к своей дальней родственнице и, обнаружив дома полный разгром и убитых кровиночек, поклялась отомстить убийцам. Русалка обратилась за помощью к Океану, и тот наслал страшный шторм, который просто размозил о скалы спешащих на сушу злодеев. Узнав, что ими были последние из оставшихся в живых ее дочурка и сынок, русалка все-таки вознамерилась свести счеты с жизнью и в припадке отчаянья выбросилась на берег.

– Наконец-то! – обрадованно шепнула Белинда.

Но гнусавый голос певца оборвал ее радость, протяжно провяв:

И воин прекрасный по берегу шел,
Он еле живую русалку нашел.
Русалка со стоном открыла глаза,
И страсть их накрыла, как землю гроза.

– Рано радуешься, – успела шепнуть Марта, пока музыканты выводили последние протяжные аккорды, – похоже, она все-таки выжила, и не за горами третья баллада о любвеобильной русалке, а там и четвертая подоспеет – о детках.

Какофония звуков оборвалась на высокой ноте, фея с крестницей уже привычно захлопали в ладоши, но их рукоплескания потонули в громогласных аплодисментах, которые извлекала из своих богатырских дланей герцогиня.

– А ты еще удивляешься, как она тут одна с мужиками справляется, – многозначительно шепнула Белинда, не переставая хлопать. – Да она всех недовольных – одной левой.

– Ах, Реми, вот уважили! – восхищенно пророкотала герцогиня, обращаясь к певцу. – Но нельзя же так обрывать – на самом интересном месте, – кокетливым басом укорила она.

– Благодарю, герцогиня, – с почтением поклонился голосистый рифмоплет. – Уверяю, вам не придется долго мучиться в неведении – я уже всю работу над продолжением.

– Ах, чудесно! – Герцогиня с грохотом соединила ладони в хлопке, ненароком расплющив пролетавшую мимо муху, нацелившуюся на вазу с пуншем. В итоге муха таки оказалась в пунше, но обрадоваться этому факту она уже не успела. Реми дрогнул, а Белинда многозначительно глянула на скривившуюся крестницу.

– Я надеюсь, вашим гостям понравилось наше выступление? – обеспокоенно поинтересовался Реми, заметив гримасу Марты.

– О, оно просто бесподобно! – с чувством сказала Белинда.

– Чудесно! – поддакнула Марта.

– Жаль, что здесь нет принцессы Изабеллы, – ехидно вставила фея. – Она была бы в восторге. Правда, Мари?

– Конечно! – подтвердила та и добавила от себя: – Иза просто обожает такие истории. Она готова слушать их с утра до вечера.

– Правда? Тогда я с удовольствием отправлю своих музыкантов на свадебный пир во дворец, – с готовностью отозвалась герцогиня. – Пусть их новая баллада будет свадебным подарком для принцессы и ее мужа.

Фея поперхнулась так, что на ее глазах выступили слезы.

– Она так растрогалась, – пояснила за нее Марта и, поблагодарив герцогиню за теплый прием и сославшись на усталость, пожелала ей спокойной ночи и увела раскрасневшуюся крестную наверх.

– А теперь объясни мне, что ты задумала! – потребовала Белинда, после того как они миновали почетный караул (или кордон?) из сотни слуг. Несмотря на поздний час, наемные работники и не думали спать, а выстроились цепочкой по пути следования гостей, рассредоточившись через каждые пять шагов. Кто-то махал тряпкой, полируя начищенный до блеска уголок портретной рамки, всем своим видом показывая, что он здесь по делу, и провожал дам робким взглядом. А кто-то беззастенчиво пялился на них и даже дерзнул подмигнуть. Белинде, похоже, такое внимание весьма льстило, она даже приветливо махала особо симпатичным слугам и щедро дарила ослепительные улыбки. А вот Марте было не по себе от столь явного интереса, уверенности ей придавал только тяжелый канделябр, который она несла, освещая путь и выхватывая из полумрака все новые и новые мужские лица. Привлекательные и безобразные, усатые и безусые, юные и зрелые – на всех застыло одинаковое выражение обожания и желания. Не привыкшая к столь явному вниманию, Марта вздохнула с облегчением только тогда, когда юркнула в гостевую комнату.

– По-моему, совершенно очевидно, – пояснила она крестной, – что герцогиня не даст нам увидеться с сыном. И чем больше мы на нее давили, тем больше она напрягалась. Пусть думает, что мы оставили свое намерение переговорить с Седриком. А мы посетим его украдкой.

– Ну и умница же ты, Мари, – умилилась фея. – А как мы найдем этого болезного? И как разбудим его, если он дрыхнет без задних ног?

– Не думаю, что он дрыхнет, – хмыкнула Марта. – Скорее, наоборот, глаз сомкнуть не

может. Наверняка герцогиня заперла его в каких-нибудь отдаленных покоях, чтобы исключить возможность нашей встречи.

– А как мы его найдем? – повторно озадачилась волшебница. – Для заклинания поиска мне нужен хотя бы его волосок, а лучше – ботинок. А у нас ничего нет! Да и заклинание это трудоемкое и его не скроешь – поисковую нить в темноте видно за десять шагов.

– Обойдемся без чудес, – загадочно объявила Марта. – А пока гасим свет!

Она дунула на свечи, и комната погрузилась в темноту.

– Это еще зачем? – шепотом спросила фея.

– Иди сюда, – Мари поманила ее к окну. – Видишь?

Под окнами, запрокинув голову и всматриваясь в их окно, стояла герцогиня, в чернильных сумерках похожая на взъерошенную ворону. Белинда, заметив ее, отшатнулась, налетев на бочку и громко охнув.

– Бэль! Ты упала с кровати? – громко заохала Марта.

– Ты что, Мар... – начала было фея, но ладошка крестницы зажала ей рот, и девушка прошептала: – Тише! Наверняка она послала проследить за нами Крысенка, чтобы убедиться, что мы легли спать. Так что скажи, что с тобой все в порядке, пожелай мне спокойной ночи, и затаимся на время.

– А потом?

– Потом – увидишь.

Белинда присела на кровать, а Марта притаилась под дверью. Дамы не успели даже заскучать, когда за дверью послышалась возня, и раскатистый мужской голос с возмущением поинтересовался:

– Крысенок! Ты чего здесь забыл?!

– Герцогиня прислала меня проследить за порядком, чтобы никто из вас не докучал нашим дорогим гостям, – нашелся хозяйкин прихвостень.

– Не волнуйся, – заверил его тот же голос. – Я лично прослежу за этим!

– Но! – протестующе пискнул Крысенок. Судя по раздавшимся следом звукам, протест был отклонен, а шпион отправился восвояси, считать лестничные ступеньки своим тощим задом.

– Как я и думала, – шепотом оповестила Марта Белинду, на цыпочках подкрадываясь к кровати. – Теперь будем ждать, пока звездочка не подаст знак, что герцогиня уснула.

– Можно я пока вздремну? – обрадовалась фея.

– Спи, – разрешила Марта, – и храпи погромче!

– Я разве храплю? – возмущенно шепнула волшебница.

– Для отвода глаз, – поправилась девушка.

Фея успокоенно растянулась на кровати, а Марта неслышно подошла к окну, присела на перевернутое ведро и подняла взор на луну, представляя, как та же самая луна серебряной монеткой висит над спящим дворцом и в ее таинственном свете все происходящее кажется сказочным и нереальным. «Мы обязательно спасем тебя, Иза! – чуть слышно пообещала Марта под нарастающий храп волшебницы. – Тебя и всех остальных».

Когда звездочка отозвалась мягким покалыванием и растаяла в лунном свете, девушка тихонько затормозила сладко посапывающую Белинду:

– Бэль, вставай! Тсс! – прервала она возмущенное восклицание, готовое сорваться с губ крестной. – Пора!

В это же время в другой части замка Крысенок, прохаживающийся у запертой двери, получил затрещину и без чувств рухнул на пол. Загремел засов, выпуская на свободу несчастного узника.

– Тише, ваше сиятельство! – прошептал голос, в котором Марта и Белинда узнали бы своего провожатого. – Срочно бегите к дамам, которые прибыли сегодня в замок. У них срочное поручение от принцессы Изабеллы. Вот, возьмите, чтобы вас никто не заметил.

Топот ног по каменным полам гулом отозвался в ночной тишине.

– А я пока займусь этим предателем. – Старый слуга подхватил Крысенка под мышки и

втащил в комнату с решеткой на окне.

...А незадолго до этого в спальне герцогини смолк богатырский храп, и мгновением позже оттуда выплыло большое белое облако.

Глава 8 ТРОЕ ПРИВИДИЙ, НЕ СЧИТАЯ ФАНТОМА

Хуже призрака герцогини Пиф может быть только сама герцогиня.

Белинда

– А как мы узнаем, где Седрик? – спросила фея, сонно потирая глаза.

– Сейчас спросим, – усмехнулась крестница, открывая дверь. Тут же в комнату ввалился сменивший Крысенка охранник, который заснул на своем посту, прислонившись к двери.

– Сладких снов, уважаемый! – любезно сказала Марта склонившись над ним.

– Куда уж слаще! – сладострастно причмокнул он, обхватив девушку за колени и чуть не опрокинув на пол.

– Ты что себе позволяешь, дурень! – разгневалась Белинда, мгновенно проснувшись, и треснула по его правой руке, непочтительно нащупавшей ногу крестницы через ворох юбок, волшебной палочкой. Рука с характерным для бревна стуком упала на пол, Марта отпрыгнула в сторону, подобрав платье. Парень ошалело уставился на одеревеневшую конечность и прошептал:

– Вот это сон! Вот это диво! – и, мигом потеряв всякий интерес к присутствующим дамам, объявил, вскакивая на ноги: – Пойду Квентину морду набью!

Отодвинув в сторону Белинду, слуга бросился за дверь. На пороге он обернулся к оторопевшей волшебнице:

– А можно мне еще и голову деревянной сделать? Ну, чтоб боли не чувствовать, если Квентин мне в рыло заедет? Нельзя, значит? – расстроился он, не дождавшись ответа. – Ну ладно, и так спасибочки. Ух я его! – И парень выбежал в коридор.

– Ты что-нибудь понимаешь? – растерянно пробормотала фея, не ожидавшая такой реакции. – Нет, подумать только! Он даже не испугался, не стал молить о пощаде. Мне показалось, или он в самом деле обрадовался?

– По-моему, бедняга убежден, что спит и видит дивный сон, – заметила Марта.

– Мы не будем его разубеждать? – спросила волшебница.

– Попробуй его догони, – скептически отозвалась крестница.

– У кого же мы теперь узнаем, где герцог? – вконец расстроилась Белинда.

– Не волнуйся, недостатка в информаторах не будет, – убежденно сказала девушка, прислушиваясь к возне в коридоре.

– Я уже здесь! – с готовностью выкрикнул широкоплечий великан, возникая в дверном проеме, и, наклонив голову, ступил в комнату. – Прибег по первому сигналу. Не извольте беспокоиться, я вас в обиду не дам!

– Приказание герцогини? – осторожно спросила Марта.

– Зачем же? – обиделся тот. – Это я сам, по зову души. Эта мегера разве сподобится? Она только о своем сыночке печется.

– Вот это-то нам и нужно узнать, – обрадовалась фея. – Где сейчас герцог?

– Так известно где – под замком сидит, – хохотнул здоровяк. – Хозяйка как вас заприметила, так мигом его изолировала.

– Куда? – уточнила Марта.

– Так известно куда – в круглую башню, – охотно доложил парень.

Фея с крестницей торжествующе переглянулись.

– А вам это зачем? – спохватился слуга.
– Разговор у нас к нему, – сказала Белинда.
– Да зачем же к нему? К задохлику этому? – заволновался здоровяк. – О чем с ним разговаривать – он уже шесть лет как в замке сидит, носу за ворота не кажет. Что он может вам интересного рассказать? Поговорите лучше со мной! Я в Аркадии бывал, я с гоблинами воевал, я...

– Ты поговори у меня, – строго сказала фея. – Сейчас мы отправляемся в круглую башню... Кстати, где она находится?

– Вниз по лестнице, налево через картинную галерею до конца, а потом по лестнице вверх, – простодушно пояснил парень.

– Так вот, сейчас мы пойдем туда, ты нас пропустишь и никому не скажешь, куда мы отправились. А будешь нам мешать или проболтаешься кому, – с милой улыбкой предупредила Белинда, – в поросенка заколдую.

– Да я-то что, – кисло отозвался великан, – я здесь посторожу.

– Не здесь, а за дверью, – поправила его фея. – И чтоб никого не пускать! А кто будет особенно рваться, говори, что мы почиваем.

– Не извольте беспокоиться, пусть только кто сунется, я мигом в лоб! – злорадно пообещал здоровяк.

– Не переусердствуй смотри, – покосившись на его массивные кулаки, велела волшебница. Она взмахнула палочкой, рассыпав в темноте звездный дождь, и обе дамы пропали из поля зрения. Великан удивленно моргнул, вышел в коридор, осторожно притворил дверь и, скорчив зверскую гримасу, заступил на пост.

– Теперь никто не узнает, что нас нет в комнате. Этот никого не пропустит, – удовлетворенно шепнула Белинда, увлекая Марту к лестнице, мимо спящих вповалку слуг, оккупировавших все подступы к их спальне. Под прикрытием заклинания они невидимками добрались до лестницы, а там, чуть ли не по головам работников, в эту ночь променявших свои кровати на неудобные ступеньки, спустились вниз.

– Бэль, а ты не боишься? – окликнула крестную Марта, когда они подошли к картинной галерее.

– Чего? – удивилась фея.

– Говорят, что по ночам в картинных галереях бродят призраки тех, кто изображен на портретах, – поежилась девушка.

– Враки это все! – убежденно сказала Белинда, сворачивая в темную галерею. Здесь, в отличие от лестницы, свечи не горели, и лунный свет сюда тоже не проникал. Фея остановилась, щуря глаза.

– Темно как! – с дрожью в голосе пробормотала Марта.

– Сейчас сделаю светлячка, – легко отозвалась фея.

– Не надо! – испуганно воскликнула Марта. В последний раз, когда фея вызвала светлячка в ее комнате, она чуть не спалила кровать. К счастью, тогда дело обошлось одним одеялом. – Вот, – девушка нащупала на стене канделябр, – здесь есть свечи. Сейчас я найду спичку. – Она поспешно зашарила в кармане.

– Прекрасно, я зажгу их! – не терпящим возражения тоном сообщила фея и взмахнула палочкой, которую все время держала наготове. Два подсвечника по бокам от крайнего портрета зажглись, осветив грузную даму в пышном пурпурном одеянии, которая свысока сверлила незваных гостей грозным взглядом.

– Брр! – вздрогнула Марта. – Как настоящая! Тебе не кажется, что она смотрит на нас?

– Она не может на нас смотреть, потому что мы невидимы, – со смешком напомнила Белинда.

– Пойдем скорей, – потянула ее крестница, снимая со стены канделябр. – А то мне как-то не по себе здесь.

– Эх ты, – укорила ее фея, – такая взрослая девушка, а все веришь в привидения.

Неужели ты думаешь, если бы они существовали на самом деле, я бы, волшебница, об этом не знала?

И Белинда сделала то, чего Марта от нее никак не ожидала: приподнялась на цыпочки и высунула язык, корча портрету издевательскую рожу.

– Бэль, что ты делаешь? – ужаснулась Марта. – Перестань сейчас же!

– Это чтобы ты убедилась, что никаких призраков нет, – пояснила волшебница, демонстрируя грузной даме язык.

– Бэль! – дрогнула девушка, вцепившись ей в локоть.

Но расшалившаяся фея сбросила руку крестницы и продолжала кривляться.

– Бэль... – пролепетала Марта, глядя в даль галереи.

– Вот видишь, видишь? – торжествующе объявила Белинда. – Никаких призраков не существует. Иначе бы они давно явились сюда, чтобы высказать мне свои претензии.

– Бэль! – тряхнула ее побледневшая, как луна, Марта, тыча пальцем ей за спину. – Она явилась!

– Да что ты врё... – возразила фея, оборачиваясь и упираясь взглядом в расплывчатое белое облако, которое неторопливо скользило к ним вдоль ряда портретов. – Ядрена фига! – не веря своим глазам, воскликнула она.

– Бежим! – шепнула близкая к обмороку Марта, сползая по стенке вниз с подсвечником в руках.

– Нет, мы встретим ее лицом к лицу, – героически объявила Белинда, забирая у нее канделябр и вглядываясь в темноту, в которой покачивался, приближаясь к ним, белый силуэт. – И изгоним ее обратно в преисподнюю!

– Но как? – спросила Марта.

– Как? – озадачилась Белинда. – Да хотя бы светом!

Она с воодушевлением махнула палочкой у стены, и цепочка света побежала вперед, озаряя галерею огнями свеч все дальше и дальше. Это вспыхивали, зажигаясь от волшебной искорки, подсвечники, находившиеся по бокам каждого портрета. Когда свет достиг призрака, тот замер и нерешительно затоптался на месте. Искорка Белинды замерла в двух шагах от него, предоставив беспокойной душе выбор: остаться в темноте или ступить в свет.

– Видишь, действует! – с ликованием воскликнула фея. В следующий миг призрак шагнул из темной части галереи в освещенную, и путешественницы смогли разглядеть его лучше. Точнее ее, потому что это была дама в белом чепчике и просторном платье.

– Это женщина! Женщина с этого портрета, – выдавила Марта. – Она явилась, чтобы покарать нас!

– Может, она, наоборот, пришла поблагодарить, что мы с ней поговорили и развлекли в кои-то веки? – нервно пошутила Белинда, пуская искорку дальше, чтобы зажечь последние светильники.

Призрак медленно плыл к ним, подметая платьем пол.

– Ты уверена, что она нас не видит? – слабым голосом уточнила Марта.

– Конечно нет! – соврала Белинда, покрепче перехватывая подсвечник и готовясь к схватке с привидением, если оно окажется зрячим и агрессивным.

– Смотри, как похожа на герцогиню, – зашептала Марта, когда их разделяло меньше десятка шагов. – Если бы я не знала, что она сейчас спит волшебным сном у себя в спальне, подумала бы, что это она и есть. Точная копия! Наверное, это ее мать или бабка.

Привидение всплеснуло руками, взметнув в воздух кружевные рукава, и издало глухие гортанные звуки.

– Это оно нам?

Звук стал еще громче, от затаившихся феи и крестницы призрак отделяли всего пять шагов.

– Странно, – озадаченно шепнула Белинда, – у меня такое чувство, что она...

– Храпит? – подсказала Марта.

– Тебе тоже так показалось?

- Смотри, у нее такие же усы, как у герцогини!
- Это у них семейное...
- И кольцо на пальце...
- Наверное, переходит по наследству по женской линии, – предположила фея.
- И...
- Тсс!

Призрак почти сравнялся с ними.

- Хр-р-р-р! – громко прохрюпел он, не открывая глаз.
- Да это же герцогиня! – обомлела Марта, вжимаясь спиной в стену.
- Она умерла?! – пролепетала фея. – О ужас, я ее отравила, и она восстала привидением...

Несколько секунд, пока призрак находился рядом, притаившиеся дамы даже не дышали. Потом белый силуэт двинулся дальше, громко похрапывая.

– Она спит, – приснула в ладошку девушка, глядя в спину удаляющейся хозяйки замка. – Стоя, с закрытыми глазами! Посмотри сама – она в чепчике и ночной сорочке. Ох, Бэль, с твоей магией не соскучишься.

- Я все сделала, как надо, – буркнула в свое оправдание фея.
- Она точно не проснется до утра?
- Не должна вроде.
- Она и ходить по замку лунатиком не должна вроде, – заметила Марта. – Она вроде должна сладко спать у себя в кровати, а не пугать неспящих. Кстати, ты заметила, куда она направилась?

- Кажется, к лестнице, – с беспокойством отозвалась фея.
- То-то сейчас переполох начнется! Как бы слуги, когда она пойдет по их головам, своим криком ее не разбудили.

- Это заклинание действует до первых лучей солнца, – успокоила Белинда.
- Надеюсь! А теперь живо в башню, а то жених нас уже ждался.

Фея с крестницей миновали половину галереи, с любопытством поглядывая на портреты предков почтенного семейства. Это были грозные мужеподобные дамы с лицами, словно высеченными из камня, и по-девичьи стройные и смазливые красавцы с мягкими чертами лица, безвольным взглядом и виноватой, словно бы извиняющейся, улыбкой. Весьма красноречивая подборка, по которой можно было судить о характере отношений между супругами, которые складывались в этой семье на протяжении нескольких веков.

Внимание Марты привлекла одна пара особенно колоритных персонажей, и она замедлила шаг. Фея с интересом остановилась рядом с крестницей. Со старого портрета на них исподлобья взирала широкоплечая дама с пальцами, весьма нелепо смотревшимися в ее гигантских ручищах; в соседней раме приветливо улыбался худенький блондин, запечатленный рядом с тушей убитого кабана. Видимо, живописец таким образом пытался смягчить вопиющую мужеподобность герцогини и добавить ее супругу (а, судя по подписи к картине, это был именно он) недостающей мужественности. Получилось плохо: у дамы был такой грозный вид, что ей в руки больше напрашивался топор или, на худой конец, меч, а ангельский лик ее мужа и его кроткий взгляд никак не вязались с воинственным антуражем портрета.

- По портретам сразу видно, кто в семье был хозяин, – усмехнулась Белинда.
- Да уж, – согласно кивнула Марта. – И вообще, если бы я не была знакома с герцогиней, то мне бы показалось, что художники писали портреты после обильных излияний, и женщин изобразили в мужском облики, а мужчин – в женском.

– Как видишь, художники тут ни при чем. Это шутки природы, – хмыкнула фея, разглядывая нежные черты симпатичного герцога и гадая, что такого красавца могло привлечь в тучной злоке с соседнего холста.

- Бэль! – вцепилась ей в руку Марта.
- Ну что? – спросила недовольно волшебница, отрываясь от созерцания портрета. –

Только не говори, что еще один призрак!

– Бэль, – с несчастным видом проямлила девушка, указывая в конец галереи, – сама погляди.

С того конца галереи к ним энергично шагал мешкообразный серый силуэт. Его свободные одежды развевались во все стороны, головы не было вовсе, но явно слышалось глухое бормотание, которым призрак сопровождал свое зловещее шествие.

– Спокойно! – пискнула Белинда, обхватив Марту за плечи и увлекая к противоположной стене. – Мы невидимы, он нас не заметит. Только ни звука.

Подсвечник она предусмотрительно поставила на пол у портретов, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Замерев у стены, фея с крестницей вглядывались в приближающегося призрака. Казалось, и тучная дама со своим улыбчивым супругом застыли в ожидании и сейчас косят глазами в сторону привидения и внимательно прислушиваются к его бормотаниям. Навострили ушки и Белинда с Мартой – когда еще выпадет шанс подслушать, о чем бормочет настоящее привидение!

– Разве ж это жизнь? – тихонько сокрушался призрак, проходя мимо, и сам же себе отвечал: – Да что это за жизнь!

Марта во все глаза всматривалась в мягкие контуры его силуэта, закутанного в покрывало. Головы и рук у призрака не было видно, хотя бока этой нелепой призрачной фигуры то и дело вздымались, словно привидение размахивало руками. А вот ноги у призрака имелись, о чем свидетельствовали носы туфель с пряжками, легко скользившие по полу.

– Нет, так жить дальше нельзя, – убежденно сказал он, удаляясь. – Я сегодня же поставлю на этом точку. Мужчина я или нет?

– Бедняга, – прошептала Марта. – Призрак одного из этих герцогов.

– Жаль, что он такой... расплывчатый, – посетовала Белинда. – Не удалось разглядеть лица. Вдруг это он и есть?

– Кто?

– Блондин! – возбужденно прошептала фея, указывая на портрет. Ей было страшно любопытно узнать, что же связывало утонченного красавца с грузной фурией.

– А ты у него спроси, – хихикнула Марта.

– А что! – оживилась волшебница. И, не успела крестница ее остановить, как громкий голос феи нарушил спящую тишину старинной галереи. – Эй, уважаемый!

Призрак замер на месте, как преступник, застигнутый врасплох, и с опаской повернулся к абсолютно пустой галерее.

– Кто здесь? – глухо спросил он.

– Это неважно, – ответила невидимая Белинда, и призрак как-то сразу успокоился, вероятно приняв голос из пустоты за родственную душу. – Скажите, кто вы?

– Я? – растерялся призрак и запнулся.

– Да, вы, – поторопила его фея.

– Пожалуй, что никто, – с надрывом сказал он.

«А голос у него молодой, звонкий», – с удивлением отметила Марта, привыкшая думать, что призраки говорят непременно старческими трескучими голосами.

– Вы из здешних? – уточнила Белинда.

– Увы, – шумно вздохнул призрак.

«Не хочет раскрывать свое имя», – поняла фея и всё-таки задала рвущийся с губ вопрос:

– А что вас связывало с вашей женой?

– С женой? – протянул призрак и зло добавил: – Вы что, издеваетесь? У меня нет жены! Нет жены! И никогда не было!

Он невнятно заворчал, беспокойно зашевелился и, резко развернувшись, зашагал туда, где не так давно исчезла здравствующая герцогиня.

– Смотри, как разволновала бедняжку, – укоризненно сказала Марта. – А если он в таком состоянии наткнется на герцогиню?

– Так ей и надо, – ухмыльнулась Белинда, бросив прощальный взгляд на прекрасного блондина на холсте.

– Идем, – потянула ее за руку крестница. – А то мы такими темпами до круглой башни до рассвета не доберемся. А проснувшаяся герцогиня пострашней десятка призраков будет.

– Я смотрю, ты уже перестала их бояться? – поддела ее крестная.

– А чего их бояться? Бедные люди! – Девушка кивнула на портреты.

– Надеюсь, ты имеешь в виду мужчин? – уточнила Белинда.

– Ты это к чему?

– Так ведь среди призраков могут быть и их супруги, – резонно заметила фея. – И еще неизвестно, кто страшнее – здравствующая хозяйка замка или ее предшественницы.

– Упаси небо! – с чувством сказала Марта и прибавила шаг.

– Мари, – вцепилась ей в локоть крестная. – Там кто-то еще!

Девушка и сама уже заметила на стене большую темную тень, метнувшуюся к ним через весь зал. Через мгновение по полу между ними пронеслась маленькая мышь, а следом за ней проскакала черная как сажа кошка.

– Вот тебе и третье привидение, – хихикнула Белинда, провожая их взглядом.

– Ты как хочешь, а четвертого я ждать не собираюсь, – сердито сказала Марта, подбирая юбки.

Остаток галереи они миновали почти бегом и уже через несколько минут, одолев крутую лестницу, остановились у единственной двери под крышей башни. Фея сняла заклинание невидимости и тронула внушительных размеров засов.

– Бэль, – с сомнением спросила девушка, – ты думаешь, Седрик – тот, кто нам нужен?

– А почему нет? – обернулась Белинда.

– Ты же видела портретную галерею!

– Ну и что? Совершенно очевидно, что герцогу нужна властная и волевая жена. А у нашей Изы этого добра в избытке. Правда, она, в отличие от прежних герцогинь, не широкоплеча и не усата, но я надеюсь, что у герцога вкус лучше, чем у его предшественников.

– Но нужен ли такой муж Изе?

– А чем плох Седрик? Мягкий, добрый, покорный юноша, судя по словам нашего провожатого, до беспамятства влюбленный в нашу капризулю. И потом, лучше уж такой муж, чем вечный сон.

– Ты тоже так думаешь?

– А чего тут думать? Надо вызволять парня и везти во дворец.

– Что ж, пойдем вызволять. – Марта отперла засов, который громко заскрежетал, заставив Белинду поморщиться, и толкнула дверь. Тут же из темноты на нее налетело что-то мелкое, темное, едва доходившее ей до плеч, и чуть не сбило с ног. Девушка взмахнула руками, обороняясь, и взвизгнула – паршивец сомкнул зубы на ее запястье. С помощью феи разбушевавшегося герцога удалось впихнуть обратно в комнату, и Марта поспешно громынула засовом, запирая хулигана.

– Что это было? – отдышавшись, ошеломленно спросила Белинда.

– Судя по росту и телосложению, это был жених Изы. Хотя на балу мне казалось, что он выше, – угрюмо сказала Марта, разглядывая отпечатки зубов на своей коже. – И судя по его поведению, его давно не кормили.

– А ведь была у меня мысль, что неспроста его изолировали в башне под таким замком, – протянула фея. – Что, если он совсем одичал от такой жизни?

– Надеюсь, он не бешеный, – с опаской сказала Марта.

– Бедная девочка, этот дикарь тебя укусил! – спохватилась Белинда, вынимая из кармана волшебную палочку.

– Не стоит, Бэль, до свадьбы заживет! – воскликнула крестница, пряча руку.

- До чьей? – уточнила фея.
- До моей. Изина, похоже, откладывается.

Девушка с крестной с опаской покосились на дверь, по ту сторону которой из всех своих щедедушных сил в беспамятстве бился герцог, требуя его выпустить.

- Может, попробуем с ним поговорить? – неуверенно предложила Белинда.
- Ты думаешь, он в состоянии это сделать? – усомнилась Марта.
- Эй, уважаемый! – Фея деликатно постучала в дверь кулачком.
- Немедленно выпустите меня отсюда! – дурным голосом взвыл герцог.

– А кусаться не будете?
– Если не будете драться, – огрызнулся узник.
– Мы пришли с миром, – торжественно провозгласила Белинда.
– И поэтому наградили меня шишкой на лбу и чуть ребра не сломали? – заскулил герцог.

– Мы здесь ни при чем, – оскорбилась фея.
– Я вообще пострадала ни за что, – встала Марта.
– Так это не вы упекли меня под замок? – прогнусавил кандидат в женихи.
– Какой противный голос, – шепнула Белинда. Марта молча кивнула, взглядом указав на лестницу – мол, идем отсюда? Но фея с решимостью качнула головой и ответила пленному герцогу: – Разумеется нет!

- А кто же тогда? – спросил тот.
- Кому, как ни вам, это знать, – многозначительно сказала волшебница.
- А как тогда вы узнали, что я здесь? – с подозрением протянул пленник.
- Спросили у слуги, – чистосердечно призналась фея.

Такой ответ, похоже, узника успокоил.

- А зачем вы меня искали?
- Мы хотим вам помочь.
- Это как же?
- Мы выкрадем вас из замка.

За дверью воцарилось изумленное молчание.

- Это зачем же? – выдавил наконец пленник.
- Чтобы доставить вас на собственную свадьбу.
- На что?.. – закашлялся жених.

– Вам ведь нравится принцесса Изабелла?

Из-за двери раздался потрясенный вздох. Белинда торжествующе взглянула на Марту.

– Эта истеричка? – негодуя взвизгнул тем временем герцог. – Эта капризная дура? Эта невоспитанная нахалка?

- Что-о? – не поверила своим ушам Белинда.
- Я лучше умру! – выкрикнул узник.

За дверью раздался грохот мебели и скрежет металла.

– Что он делает? – озадаченно спросила фея.
– Похоже, он решил забаррикадироваться изнутри, – усмехнулась Марта, отпирая засов. На этот раз дверь не поддавалась, подтвердив ее догадку.

– Это ваше окончательное решение? – не желала сдаваться Белинда.

Ее слова вызвали очередной приступ паники у узника, и тот с еще большим грохотом принялся сдвигать всю имеющуюся в наличии мебель.

- Ему же хуже, – буркнула фея, опустив плечи.
- Будем брать штурмом или пусть живет? – с иронией поинтересовалась крестница.

Белинда махнула рукой и молча направилась к лестнице. На ступеньках она обернулась и громко выкрикнула:

– Да наша Изабелла за тебя, болвана, еще и не вышла бы!
– Ладно уж, живи, – разрешила Марта, с чувством стукнув ногой по двери, и поспешила вслед за крестной.

Дорога обратно не заняла много времени: башенную лестницу и портретную галерею миновали без всяких проблем. Лестница, ведущая на этаж с гостевыми покоями, на этот раз была безлюдна. Видимо, Белинда оказалась права в своих предположениях относительно пути следования спящей на ходу герцогини, и та, распугав сонных слуг, расчистила путь наверх. Только верный увалень по-прежнему стоял на посту и с почтением пропустил их в комнату, заверив, что ни один из желающих, коих было немало, учитывая привидение, в покои не просочился. Фея, пребывавшая в крайнем раздражении, отблагодарила парня тем, что прищемила ему ногу, когда он вздумал сунуться следом за ними, чтобы пожелать спокойной ночи.

– Зачем ты так? – укорила ее Марта. – Он так старался!

– Может, выдадим его за герцога, и он постарается угодить нашей Изе, после того как разбудит ее? – мрачно пробурчала крестная.

– Да ладно тебе, Бэль, – обняла ее за плечи девушка. – Подумаешь, какой-то герцог! С гнусавым голосом! Ниже меня на целую голову! Да Иза нам бы не простила, если бы он согласился!

– Мне кажется, на свете нет такого мужчины, который в трезвом уме согласился бы взять замуж Изабеллу, получив при этом ее одобрение! – с отчаянием заметила фея.

– А я убеждена, что есть. И мы его обязательно найдем!

– Постучи по дереву, – хмыкнула Белинда.

Марта отозвалась послушным стуком.

– И где же мы найдем такого красавца? – кисло поинтересовалась волшебница.

– Уж точно не в этом замке, – констатировала крестница и, видимо, для верности еще громче постучала по столу.

– Ну что ж, у нас есть еще десяток достойных кандидатов, – ободряюще заметила фея.

– Тук-тук-тук, – постучала Марта.

– Да хватит уже стучать! – не выдержала волшебница.

– А я и не стучу, – возразила девушка.

– А кто же тогда? – удивилась Белинда, оборачиваясь на звук к окну, и вытаращила глаза.

– Что? – перепугалась Марта, увидев ее реакцию.

– Там! – выдохнула крестная, указывая на окно.

– Призрак из галереи! – ахнула девушка, глядя на мешковатый силуэт, рвущийся к ним в окно.

– Тук-тук-тук! – еще настойчивей забился призрак, поняв, что его заметили.

– Позовем на помощь или уговорим его своими силами? – героически спросила фея, вытаскивая волшебную палочку.

– Тук-тук-тук! – в отчаянии замолотил в окно призрак.

– Бэль, что-то тут не так, – покачала головой Марта. – Если это призрак, почему он не может пройти сквозь стену, а висит на подоконнике?

– Не знаю, – передернула плечами крестная. – Это же ты у нас специалист по привидениям. А я за всю свою двадцатилетнюю практику их прежде не встречала. Ты куда? – остановила она девушку, видя, что та направляется к окну.

– Бэль, никакой это не призрак! – убежденно сказала Марта. – Это какой-то бедолага рвется к нам в спальню через окно. И, если мы его сейчас же не впустим, он может разбиться!

Словно в подтверждение ее слов ветер сорвал с лжепризрака покрывало, обнажив бледное лицо юноши, изо всех сил цеплявшегося за подоконник. Марта с Белиндой одновременно бросились к окну, раскрыли створки и втащили бедолагу внутрь.

– Благодарю, – сконфуженно произнес он, поднимая глаза.

– Герцог! – ахнула Марта, отступая назад.

– Седрик? – в изумлении подняла брови фея, разглядывая незнакомого ей прежде

парня, и загородила собой крестницу. – Отчего вы нас преследуете?

– Я не преследую, – поправил ее хрупкий голубоглазый блондин симпатичной наружности, точная копия своих предков с портретов. – Я ищу.

– Мне показалось, вы не желаете иметь с нами дела, – с вызовом сказала Белинда.

– Я? – удивленно моргнул герцог. – Если вам что-то наговорила моя мама, прошу, забудьте об этом.

– Да нет, вы и сами достаточно наговорили, – сердито сказала фея. – И натворили дел!

– Я? – растерянно переспросил Седрик. – И что же я натворил?

– И вы еще спрашиваете? – обозлилась Белинда. – Вы укусили одну мою крестницу и отказались жениться на второй! А теперь еще имеете наглость ломиться к нам в спальню, прикинувшись призраком?

– Укусил?! – оторопело переспросил герцог. – Ничего не понимаю...

– И вы еще имеете наглость это отрицать? – рассвирепела волшебница.

– Бэль, – вмешалась Марта, выступая вперед. – Похоже, произошло страшное недоразумение. Ведь это не с вами мы недавно встречались в круглой башне? – обратилась она к ошеломленному юноше.

– Нет, сегодня я вижу вас впервые. Не считая бала в королевском дворце, – поправился он.

– Но вас заперли в круглой башне? – Фея с гневом покосилась на дверь, явно намереваясь отплатить лжеосведомителю.

– Да, но старый Жак выпустил меня оттуда и подсказал, где искать вас.

– Так кого же мы видели в запертой комнате башни? – изумилась Белинда.

– Не может быть, – прыснула в ладошку Марта. – То-то мне показался знакомым его писклявый голос! Бэль, мы чуть не сосватали Изабелле Крысенка!

– Вы имеете в виду Теофиля? – спросил юный герцог. – Впрочем, вы правы, только мама называет его по имени, все остальные кличут Крысой или Мухомором. Да, он как раз охранял меня в башне. Вероятно, Жаку пришлось оглушить Теофиля, чтобы вызволить меня.

– Надеюсь, ваш Теофиль не бешеный? Потому что он покусал мою крестницу, – с недовольством сообщила фея.

– Нет, он не бешеный, он просто подлец и подлиза. Так вы искали меня, в то время как я искал вас?

– Выходит так, – признала фея. – Постой-ка, а зачем ты нацепил на себя покрывало? Напугать нас хотел?

– Да что вы! – горячо возразил юноша. – Это чтобы меня никто не узнал и не смог остановить. Мне его Жак дал.

Белинда с Мартой многозначительно переглянулись, скрывая улыбки. Так вот какую точку собирался поставить якобы призрак в своей никчемной жизни! Это бедный Седрик спешил к ним, чтобы положить конец своему печальному затворничеству.

– Но почему вы влезли через окно? – с удивлением спросила Марта.

– Так кто же меня пустил бы через дверь? – поразился герцог. – Очередь к вашей комнате заканчивается на первом этаже.

Марта сконфуженно покраснела, Белинда самодовольно задрала нос.

– А у двери стоит Густав, – продолжил юноша, – и грозитесь дать в лоб каждому, кто посмеет приблизиться к ней на три шага. Даже для привидения, за которое он меня принял, исключения не сделал. Говорит, что это приказ дам!

Тут настала очередь феи краснеть.

– Теперь, когда все недоразумения выяснены, мы можем перейти к делу? – поторопил Седрик.

– Конечно, – отозвалась Белинда. – Как вы смотрите на то, чтобы...

– Я согласен на все! – перебил ее герцог.

– Но вы даже не знаете, что мы предлагаем! – поразилась фея.

– Что бы это ни было, это лучше, чем влачить жалкое существование в этом замке.

Прошу вас! – горячо взмолился несчастный Седрик. – Помогите мне! Выкрадите меня отсюда!

– Вы так говорите, как будто вас здесь держат силой, – удивилась Марта.

– Так и есть! – скорбно подтвердил блондин. – Я сижу взаперти, практически под замком, не имея возможности выезжать на пиры и балы, потому что мама боится, что там я найду себе невесту. Единственный бал, на котором мне удалось побывать за всю свою жизнь, – это бал в королевском дворце.

– Как же вам это удалось? – съязвила Мари.

– Мама не посмела отказать королевской семье, – поведал Седрик. – Но на балу она не давала мне и шага ступить и разогнала от меня всех девушек, разрешив только недолго пообщаться с принцессой Изабеллой.

– И как вам принцесса? – затаив дыхание, спросила Белинда.

– О, она просто ангел! – мечтательно протянул юноша.

– Вот как? – не сдержавшись, крикнула фея.

– По сравнению с моей матерью, – потупил глаза Седрик. – Что, неужели принцесса изменила свое мнение обо мне?

– Какое мнение? – заинтересовалась Марта.

– О, – засмутился герцог, – думаю, не стоит повторять его вслух.

– Вероятно, она посчитала вас чересчур мягким? – подсказала фея.

– Примерно так, – уклонился от прямого ответа герцог. Фея с крестницей красноречиво переглянулись, и с немного одобрения Марты Белинда незаметно махнула палочкой, спровоцировав блондина на откровенность.

– Вообще-то принцесса назвала меня мямлей и маменькиным сынком. Сказала, что моя мать вьет из меня веревки, – на одном дыхании выпалил Седрик. – И еще сообщила, что скорее породнится с гремучей змеей, чем с моей мамой.

– Боюсь, Иза нам этого не простит, – покачала головой Марта, тихонько обращаясь к фее.

– Он считает ее ангелом, это серьезный аргумент! – возразила та и обратилась к герцогу: – Так вы согласны отправиться с нами в королевский замок и жениться на принцессе Изабелле?

У белокурого Седрика аж колени от радости подогнулись.

– Я согласен отправиться с вами куда угодно, – заверил он. – А в королевский замок – и подавно. Надеюсь, король сможет защитить меня от мамы. Собственно, я уже готов! – торопливо добавил он, с опаской поглядывая на дверь. – Давайте скорее отправимся, пока мама что-нибудь не прознала.

– Куда же мы отправимся на ночь глядя? – опешила фея.

– Но ведь вы можете взмахнуть палочкой и перенести нас во дворец? – с уверенностью предположил герцог.

– Боюсь, что нет, – замялась волшебница.

– Как нет? – дрогнул Седрик. – А как же вы собираетесь вывезти меня из замка?

– Ногами, – хмыкнула Марта, которую уже начала раздражать беспомощность герцога.

– За воротами нас ждет вооруженный отряд короля? – с надеждой поинтересовался герцог.

Путешественницы многозначительно переглянулись и разве что пальцем у виска не покрутили.

– Как? – замер от нехорошей мысли Седрик. – Вы хотите сказать, что явились сюда вдвоем, без охраны?

– Так уж сложились обстоятельства, – уклончиво отозвалась фея.

– Но каким образом вы собираетесь доставить меня во дворец? – округлил голубые глаза герцог. – Вы хоть знаете, что мама посулила всем слугам премию, равную двойному сезонному окладу, если те предотвратят мое бегство? Это серьезная награда, никто из работников своего не упустит – мне и шагу не дадут ступить за ворота! А если вам все-таки

удастся тайно вывести меня из замка, как только маменька обнаружит пропажу, она пустит в погоню вооруженный отряд и пообещает им такие богатства, что у нас не будет никаких шансов скрыться.

Девушка с крестной снова переглянулись: жених нравился им все меньше и меньше, а, учитывая сложности при его транспортировке во дворец, дело и вовсе представляло бесперспективным.

– Придумайте же что-нибудь! – взмолился тем временем Седрик. – Я согласен на все!

– Ну, есть один вариант, – замялась фея.

– Я согласен!

– Боюсь, вам не понравится, – с сомнением сказала волшебница.

– Я согласен!

– Что ж, мы могли бы вывезти вас под видом какого-нибудь животного, – предложила Белинда. – Свинки там или гуся...

– А лучше – коня, – подхватила крестница. – А то пешком идти страшно утомительно.

Вся краска мигом схлынула с лица Седрика, он покачнулся и рухнул на кровать.

– Что ж, если это единственный выход... Я согласен, – пролепетал он через некоторое время.

Марта в изумлении уставилась на самоубийцу. Белинда опешила от счастья: когда еще выпадет случай поэкспериментировать с оборотнической магией!

– Бэль, – прошипела Марта. – Даже не думай об этом!

– Но Мари!

– Никаких Мари! А если ты его потом не расколдуешь?

– Что значит – если не расколдует? – насторожился герцог.

– То и значит: можете на всю жизнь остаться жеребцом! – не стала жалеть его Марта.

– Пастись на зеленых лугах, бок о бок с кобылицами, – мечтательно произнес Седрик и решительно тряхнул головой. – Что ж, это все равно лучше, чем сидеть здесь взаперти!

– Одумайся, Бэль! Да что вы такое говорите, герцог! – воззвала к безумцам Марта.

– Я согласен рискнуть! – торопливо воскликнул несчастный узник замка Пиф.

– Но мы не можем так рисковать, – с нажимом сказала девушка, оттаскивая крестную к окну, и сердито зашептала ей на ухо: – Бэль, немедленно прекрати этот балаган! Посмотри на этого шута горохового, Изабелла нас с тобой за такого мужа в порошок сотрет!

– Ты же сама видишь, он от нас не отстанет, – трагически шепнула фея. – Как ты могла подумать, что я предлагаю заколдовать его всерьез? Я хотела, чтобы он от нас отвязался. А его видишь, как припекло!

– Доверь это мне, – тихонько сказала крестница и обратилась к герцогу: – К сожалению, мы не смогли предвидеть всех сложностей, с которыми столкнемся здесь...

– Вы меня бросаете? – заломил руки бедняга.

– Нет-нет! – поспешно возразила Марта. – Мы посоветовались и решили, что пока вам лучше остаться здесь...

– Только не это! – с надрывом взмолился страдалец.

– А мы вернемся во дворец, возьмем вооруженный отряд...

– Или вымолим у Лукреции летучий ковер, – вставила фея.

– Или наймем дракона, – подхватила Марта. – И обязательно вернемся за вами.

– Обещаете?

– Клянемся! – хором заверили волшебница с крестницей, незаметно сложив фиги за спиной.

– Честно-честно?

– Честно-честно. А теперь вам лучше вернуться в башню, чтобы ваша матушка ничего не заподозрила.

– А как же Теофиль?

– Да, незадача, – призадумалась фея. – А он вам сильно досаждаст?

– Житья никакого нет, – с чувством сказал Седрик. – Даже на открытки с портретами

комедианток смотреть не дал – мигом маме доложил.

– А что она? – заинтересовалась Белинда.

– Отобрала, – горько вздохнул маменькин сынок. – А у вас, кстати, нет портрета принцессы Изабеллы? Разглядывая его, я бы лучше перенес время ожидания.

– Портрета нет, – задумчиво произнесла фея, – но...

– Что? – вцепился в нее Седрик.

– Я могла бы сотворить ее фантом, – с готовностью предложила Белинда.

– Фантом принцессы? – оживился герцог-отшельник.

– Он будет бесплотным, но вести себя станет так же, как Изабелла, – сообщила волшебница, лукаво поглядывая на Марту и представляя, какого шороху наведет проекция принцессы в замке Пиф.

– И я смогу с ним разговаривать и любоваться им целыми днями, – замирающим голосом пролепетал Седрик.

– Конечно, – заверила фея, подумав про себя, что фантом Изы вряд ли станет вести любезные беседы с герцогом и уж тем более не станет сидеть на месте, давая возможность Седрику на себя любоваться.

– О, это было бы просто чудо!

Белинда вопросительно взглянула на Марту, та со смешком пожала плечами, давая добро.

Через несколько мгновений в комнате возникла прозрачная копия принцессы.

– Бэль? Мари? – раздался удивленный, слегка приглушенный голос Изабеллы. – Где это мы? А что здесь делает этот задохлик? – Фантом угрожающе двинулся на Седрика и проскочил сквозь него. – Что такое? – удивилась призрачная принцесса, разглядывая на просвет прозрачную руку. – Бэль, это опять твои штучки? Или я сплю?

– Принцесса, я так счастлив, – пролепетал герцог, пожирая копию влюбленными глазами. – Позвольте вашу ручку!

– Дурак! – с чувством сказала та, наотмашь ударив его прозрачной ладошкой. – Разуй глаза, олух! Какую ручку?!

– О, прелестница! – в восторге закатил очи Седрик, потеряв всякий интерес к гостям из плоти и крови.

– Идем скорей, – шепнула фея Марте, пятась к двери. – Надо уносить ноги, пока фантом не развеялся.

– А надолго его хватит?

– Мы как раз успеем выскочить за ворота и оседлать метлу, – сообщила Белинда, припуская вниз по лестнице.

– Но ведь ночь на дворе! – засомневалась Марта.

– Уже скоро рассвет.

– Я спать хочу!

– Переночуем на постоялом дворе. Что-то мне больше не хочется оставаться в этом замке ни минуты...

Как и обещала фея, путешественницы компенсировали бессонную ночь крепким сном до обеда на постоялом дворе в нескольких часах лета от замка Пиф. За трапезой в здешнем трактире Марта с Белиндой со смехом обсуждали свои приключения и сочувствовали бедному узнику.

– Несчастный Седрик! – жалела его крестница. – Вот бы ему такой фантом на всю жизнь. Изабелла даже в виде призрака навела бы свои порядки в этом замке и научила бы герцогиню ходить по стеночке.

– К сожалению, фантом – дело трудоемкое. Но бедному герцогу мы поможем, – озорно подмигнула Белинда.

– Что ты задумала? – насторожилась Марта.

– Сейчас увидишь... Эй, уважаемые! – Фея подошла к скучающим возле стойки

размалеванным девицам. – Как ваши дела? Я гляжу, не очень.

– Ну, – равнодушно протянула тощая, как цыпленок, бесцветная блондинка со спутанными, как пакля, волосами. – Мужики на кости не бросаются. И на такую красоту тоже, – она кивнула на свою кудрявую русоволосую товарку, та с готовностью продемонстрировала щербатую улыбку.

– Вон Пэгги с Вильмой без дела не сидят, – с завистью продолжила блондинка, мотнув паклей в сторону столика, из-за которого раздавался раскатистый смех. Четверо охотников тискали и щипали двух миловидных, румяных и сдобных, как пышечки, девах, а те отвечали им кокетливым смехом.

– Ну, – поддержала подружку щербатая и заинтересованно спросила, с уважением воззрившись на колпак феи: – А ты что же, колдунья?.. Чары приворотные наложить можешь, чтобы нам Пэгги с Вильмой перещеголять?

– Зачем же чары? Вы девицы – хоть куда!

– Да ну... – хором протянули девицы.

– Просто не в тех местах сидите, – намекнула фея.

– Да ну? – удивились те.

– Конечно, – убежденно кивнула Белинда. – Вот я вам местечко подскажу, где почти сотня мужчин сидит и только вас и ждут.

– Да ну! – оживилась блондинка.

– Монастырь, что ли? – кисло поинтересовалась ее более сообразительная товарка.

– Замок Пиф, – закинула удочку фея.

– Что-то я о таком не слышала, – с сомнением протянула кудрявая.

– Ну, – согласилась блондинка.

– Примерно в двух часах езды отсюда, – дала ориентировку Белинда.

– Так это ж на краю света! – потеряла интерес блондинка.

– Ну, – поддержала ее подружка.

– Зато конкуренции никакой, – убедительно возразила фея. – Мужчины там все горячие, при деньгах – не поскупят.

– Ну, не знаю, – с сомнением протянула кудрявая. – А вдруг мы им не понравимся?

– У них не было женщин с начала лета, – шепотом поведала фея. – Вы им краше принцессы покажетесь!

– А что, Венди, затмим саму принцессу? – оживилась блондинка.

– Ну, – радостно поддержала ее кудрявая.

– И подружкам своим расскажите, – посоветовала фея.

– Ну! – заагачились девицы.

– Там кавалеров на всех хватит, – заверила Белинда. – Чем больше вас наберется, тем лучше. А вдвоем вам туда стучаться я не посоветовала бы. Вот сотня-две – в самый раз!

– Да нас столько и на всю округу не наберется, – округлила глаза блондинка.

– Ну, – убежденно возразила кудрявая. – Если только возьмем горбатую Шерри, да одноглазую Тельму, да безухую Элли, да безногую Мину, да тех, кто отошел от дел и еле-еле сводит концы с концами, подрабатывая посудомойками и прачками.

– Приводите всех, только вперед выставляйте тех, кто посимпатичнее, – посоветовала Белинда. – Кстати, посудомойки и прачки в замке тоже пригодятся. Их тоже захватите.

Воодушевленные скорым заработком девицы, поблагодарив волшебницу и уточнив направление пути, повскакивали с мест и ринулись на выход. Блондинка уже выскочила наружу, когда кудрявая затормозила у двери, подбежала к столику, за которым гремел смех, и шепнула что-то своим удачливым коллегам. Те недоверчиво переглянулись, кудрявая махнула рукой и, подобрав юбки, ломанулась из трактира вслед за подружкой. При виде такого усердия Пэгги и Вильма побросали своих новых знакомых и выскочили следом.

– Что ты им такого сказала? – с любопытством зашептала Марта, когда за девицами захлопнулась дверь, оборвался смех ошарашенных охотников, а довольная собой Белинда вернулась на место.

– Я всего лишь спасла беднягу Седрика, – хмыкнула фея. – Вот увидишь, сегодня же вечером они возьмут замок штурмом, свергнут власть деспотичной герцогини, и в замке Пиф начнется новая эпоха.

Глава 9 **ОСЛЕПЛЕННЫЙ ЖЕЛАНИЕМ**

Три месяца тому назад. Весенний бал

– Ваше высочество, я знаю, вы слышите это каждый день, десять раз на дню, но прошу отнестись к моим словам серьезно, это очень важно для меня... – Перед Изабеллой на коленях стоял самый прекрасный мужчина на свете и, взволнованно глотая слова, клялся в любви.

При других обстоятельствах принцесса, наверное, была бы страшно горда собой и, быть может, даже немного тронута столь пылким признанием. Однако за графом Дидье де Муруа стелилась слава отъявленного ловеласа, не способного на сильные чувства и меняющего возлюбленных, как перчатки.

– Я знаю, вас пугают слухи, – горестно вздохнул Дидье, словно прочитав ее мысли. – Но уверяю вас, в них нет и доли правды. Вы же догадываетесь, на какие подлости готовы отвергнутые женщины?

Принцесса с любопытством взглянула в глаза красавчику. Приободренный ее взглядом, он продолжил:

– Я хорош собой, мной интересуются многие, но я не могу ответить им взаимностью, потому что мое сердце навеки принадлежит вам. Я уже нажил себе немало врагов среди красавиц, потому что не могу думать ни о ком, кроме вас. От злости они распускают мерзкие сплетни обо мне... Вам ли не знать, как зла толпа!

Да уж, графу удалось привести удачный аргумент, признала принцесса. Ей ли не знать, какими невероятными подробностями обрастают события и какими немыслимыми глупостями дополняются новости, передаваясь из уст в уста. Заметив ее колебание, де Муруа пламенно присовокупил:

– Дайте мне шанс доказать вам свою любовь и верность, и вы не пожалеете!

– И каким же образом вы собираетесь это доказать? – усмехнулась Изабелла, сверху вниз глядя на кавалера. «Если надумает обнять-поцеловать – грош цена его клятвам, не врет молва. Если будет вести себя с робостью влюбленного и не посмеет коснуться ее руки, как не смел до этого, то, скорее всего, он не лжет».

– Своим нежным отношением на протяжении всей жизни, – осмелев, поднял глаза Дидье. – Будьте моей женой, ваше высочество!

– Руку и сердце не обещаю, а вот танец подарить могу, – смущенно отшутилась Изабелла, немного ошарашенная напором графа. Затем, велев кавалеру подняться с колен, потянула его в зал.

Медленный танец в объятиях красавца Дидье еще больше смутил принцессу. Трепетное поведение кавалера и его робкие прикосновения шли вразрез со слухами, ходившими о нем. А взгляд его глубоких карих глаз будил в душе Изабеллы какие-то незнакомые, но сладостные ощущения. Время, проведенное рядом с графом, казалось сказкой, и принцесса сама себе боялась признаться в том, что ей не хочется расцеплять рук, хотя уже звучали последние аккорды музыки.

– Кажется, я влюбилась, – шепнула она Марте, вернувшись на место. Дидье выглядел страшно несчастным, когда она его покидала. Пришлось пообещать ему еще один танец после перерыва и шутливо пригрозить навечно отлучить от двора, если он будет следовать за ней по пятам. С неохотой кавалер отстал, а принцесса на ватных ногах вернулась к трону, чтобы привести в порядок мысли.

– В Дидье Муруа? – поразились Марта. – Только не говори, что он и тебя приручил! Не мужчина, а какое-то ходячее приворотное зелье!

– Мари, помолчи, – поморщилась Изабелла.

Марта обиженно пожала плечами и отошла в сторону. А Изабелла, чувствуя на себе любопытные взгляды всех дам в зале, величественно выплыла в коридор, собираясь прогуляться по саду и помечтать в одиночестве.

Первое, что она увидела, была рука графа, лежащая на талии хорошенькой служаночки. Дидье, несколько минут назад клявшийся ей в любви, нежно обнимал притворно ломающуюся девицу и что-то нежно шептал ей на ухо.

Больше Изабелла о графе де Муруа не вспоминала. И Марте запретила.

* * *

Пришел. Увидел. Полюбил.

Дидье де Муруа

Замок, принадлежащий Дидье, куда путешественницы отправились с постоялого двора, встретил их детским смехом, младенческим плачем и девчачьим визгом. По пути от крепостных ворот до дворика перед замком Марта с Белиндой встретили столько детей, сколько не видели за всю свою жизнь. Умильные розовощекие карапузы, прильнув к груди матерей-служанок, трогательно агукали. Ангелочки с льяными кудряшками, похожие друг на друга как две капли воды, носились за колесом, темноволосые разбойники гоняли зашуганную трехцветную кошку, а ребята постарше играли в городки.

– Интересно, – проворчала Белинда, когда их едва не сбила с ног ватага резвящихся детишек, – граф приплачивает прислуге за каждого малыша? Иначе откуда бы взялось столько ребятни?

– А ты заметила, – ответила Марта, уклоняясь от столкновения с большой лохматой рыжей собакой, которая, вне себя от ужаса, уносила ноги от преследовавших ее расшалившихся карапузов, – что все ребятнишки не старше пяти-шести лет?

– Наверное, тех, кто постарше, уже привлекли к работам по дому, – предположила фея. Младенческий крик резанул слух.

– Тише, тише, крошечка, – заволновалась молодая женщина, стоящая на крыльце длинной постройки, очевидно предназначавшейся для проживания слуг, и принялась укачивать ребенка на руках.

– Простите, – деликатно кашлянула Белинда, – где бы нам найти графа?

Молодая мать исподлобья глянула на фею, нахмурилась, увидев Марту, и процедила сквозь зубы:

– В такой час господин еще почивает.

– Горазд же он поспать! – удивилась крестная, жмурясь на полуденное солнце.

Служанка неожиданно вспыхнула, развернулась и убежала в дом.

– Странная какая-то, – пожала плечами фея. – Что ж, спросим кого-нибудь возле замка.

Во дворе перед замком ребятня плескалась в фонтане, так что брызги летели во все стороны. Досталось и гостям: Марта, шедшая позади, намочила подол, а фею и вовсе окатило с головой.

– Ядрена фига! – рывкнула Белинда, отскакивая в сторону. Ребятня в фонтане испуганно примолкла, а потом вытаращила глаза, наблюдая за тем, как вокруг незнакомки закружился золотистый дождик, а когда он рассыпался в воздухе, волосы и одежда женщины были абсолютно сухими.

– Волшебство! – восторженно залепетали ребятнишки и обступили фею, требуя чудес и развлечений.

Белинда, кажется, была совсем не против и просто расцвела от счастья.

– Бэль, ты помнишь для чего мы здесь? – воззвала к ней Марта.

– Да-да, конечно, – рассеянно кивала фея, – сейчас, только покажу детишкам пару своих иллюзий...

– Бэль, это может быть опасно!

– Мари, доверься мне!

– Ладно, только обещаю, что на этот раз дело обойдется без огнедышащих драконов и сгоревшего зернохранилища.

Фея нахмурилась, припоминая свой последний промах, и замотала головой:

– Нет-нет, в этот раз я точно ничего не спутаю!

– Что ж, тогда я пойду поищу графа.

Белинда все так же рассеянно кивнула. Похоже, слов крестницы она уже не слышала, увлеченно водя палочкой в воздухе. Марта с сомнением глянула на тетюшку: конечно, оставлять ее без присмотра чревато разрушениями, но и времени терять не хочется. Придется понадеяться на благоразумие феи и поговорить с возможным женихом самой, надо только спросить у той милой девушки у колодца, где найти хозяина...

Следуя указаниям служанок, Марта блуждала вокруг замка не меньше часа. Птичница посылала ее за угол к конюшне, утверждая, что граф пошел проводить свою любимую кобылу, тем самым опровергнув слова молодой мамыши о том, что в такое время хозяин еще спит. Бойкая служанка, метущая двор у конюшни, доложила, что господин только что отправился в сад. Девочка, поливающая розы, с милой улыбкой заявила, что хозяин в это время может быть только на заднем дворе, где он регулярно тренируется с мечом. На заднем дворе Марта графа не обнаружила, зато, к радости пробежавших мимо детишек, близко познакомилась со свежей коровьей лепешкой... Оттерев башмачок травой и песком и обежав замок по кругу, рассерженная девушка поняла, что служанки сговорились направлять ее по ложному пути, чтобы не допустить ее встречи с хозяином. Не обращая внимания на их дальнейшие лживые заверения, Марта решительно направилась к главной лестнице, взбежала по ней вверх и толкнула входную дверь с такой силой, что едва не пришибла дремлющего у порога дворецкого – дряхлого подслеповатого старичка с пышной бородой. Старичок внимательно выслушал ее имя и цель визита, но, вопреки ожиданиям Марты, сам докладывать о ней хозяину не пошел, а указал на лестницу, ведущую на второй этаж, наказав искать графа в его кабинете.

Шагая в указанном направлении, девушка с интересом оглядывала внутреннее убранство замка. Живя во дворце, она прекрасно разбиралась в стилях интерьеров и знала, как ценится в среде аристократов их единство. Графу де Муруа, похоже, не было никакого дела до общепринятых канонов. Куда ни глянь, царила мешанина стилей. Судя по всему хозяин, начав оформление замка в одном духе, вскоре охладел к первоначальной идее и загорелся новой, потом другой, третьей... В результате получилось нечто невообразимое: стены зала, примыкающего к парадному входу, были обиты шелком под старину, мраморный пол в шахматную клетку выложен уже по последней моде, низ лестницы был по-классически громоздким, а начиная с середины, появились изящные перила, и ступени стали по-современному узкими и высокими. Похоже, непостоянство графа, о любовных похождениях которого слагали легенды, нашло свое отражение и в интерьере его жилища, усмехнулась про себя Марта, сворачивая налево по коридору, в конце которого располагался кабинет хозяина.

Девушка одолела уже половину расстояния, когда за ее спиной стукнула дверь и мужские руки, с силой ухватив ее за талию, притянули к себе.

– Малышка, – забормотал мягкий голос с кошачьими интонациями над ее ухом, – ты сегодня прекрасно выглядишь!

– Я вам не малышка! – возмущенно пискнула Марта, стремясь освободиться от цепкой хватки.

– Ну не сердись, солнышко, – заворковал голос, и шею обожгло легким поцелуем. – Разве я тебя чем-нибудь обидел?

Девушка извернулась, горя желанием взглянуть в глаза нахалу и отвесить ему хлесткую

пощечину, но чужие руки держали ее крепко.

– Ваше поведение оскорбительно для меня! – прошипела Марта.

– Ну что ты, Софи, как в первый раз, – обиженно просопел голос. – Вот недотрога!

– Я вам не Софи! – взвилась Марта.

– Ну, прости, Аннет! – легко повiniлся голос.

– Какая я вам Аннет! – рассвирепела Марта.

– Да я пошутил, Одри! Что ты, как маленькая, – укоризненно мурлыкнул голос.

– Меня зовут Марта! – зарычала девушка.

– Ты что, новенькая? – удивился голос. – Что-то я тебя не припомню...

– Да я вас знать не знаю! – рявкнула Марта.

– Тогда нам тем более стоит познакомиться поближе.

Рука незнакомца бесцеремонно двинулась к ее груди.

– Что вы себе позволяете?!

– Для начала я позволю себе поцеловать тебя в шейку, – промурлыкал голос, и горячее дыхание опалило кожу. Этого Марта уже вынести не могла – она извернулась всем телом, с силой ткнула нахала локтем в живот и для верности обрушила свой деревянный башмачок на его ногу, обутую во что-то мягкое. Злодей взвыл дурным голосом, а Марта со всех ног припустила по коридору, стремясь к заветной двери, за которой можно найти помощь графа.

– Граф де Муруа! – Она заколотила в дверь плотно сжатым кулачком. – У меня к вам срочное дело!

За спиной раздался сдавленный стон. Преследователь приближался, неловко ковыляя.

– Граф, пустите скорей! За мной гонятся! – нервно выкрикнула девушка, бросив взгляд за плечо и увидев высокий силуэт.

– Да не вопи ты, – шикнул на нее нападавший. – Ты откуда взялась? Работу пришла искать?

– Граф!!! – Теперь Марта заколотила в дверь еще и ногой.

– Вот психованная, – поразился преследователь. – И кто тебя только прислал? Мне припадочные в замке не нужны.

– А это не вам судить! – запальчиво выкрикнула Марта, поняв, что помощи от графа ждать бесполезно – тот куда-то отлучился, и повернулась к нахалу лицом. Тот оказался молодым мужчиной лет двадцати пяти – и это было единственное, что можно было разглядеть в тусклом свете свечей.

– Вот те на! – развеселился тот. – А кому же?

– Хозяину твоему! И будь уверен, он тебя по головке не погладит, когда узнает, как ты себя вел с королевской посланницей!

– С кем? – удивленно моргнул парень.

– Ты что, глухой? – ехидно спросила Марта. – В том, что ты слепой, я уже убедилась.

– Это ты, что ли, посланница? – не остался в долгу тот.

– А у тебя еще и видения? – язвительно протянула девушка. – Ты здесь видишь еще кого-то, кроме меня?

Парень озадаченно хмыкнул.

– Так и будешь держать меня в коридоре? – напустилась на него Марта. – Немедленно доложи обо мне хозяину.

– Что ж... – Парень сделал шаг вперед и положил руку на пояс.

– Не тронь меня! – переполошилась Марта. – Я буду звать на помощь!

– Да тише ты, – поморщился тот, вынимая из-за пояса связку ключей. К удивлению Марты, он вставил один из них в замок, открыл его и толкнул дверь в кабинет, заставив девушку зажмуриться от яркого света, хлынувшего в темный коридор. – Ну, милости прошу, посланница. Я Дидье де Муруа.

Марта потрясение замерла на пороге.

– Входи-входи, не робей, – ободрил ее граф Муруа собственной персоной. – Надеюсь, мы забудем это маленькое недоразумение? Я уже забыл.

– Должно быть, для вас это в порядке вещей, – не сдержалась Марта, – если вы так легко выбросили это из головы. А со мной такое случается впервые!

– Приношу официальные извинения, – проговорил Дидье, присаживаясь в кресло за столом. – Ну, прости, спросонья сам не свой был.

– А теперь вы точно в здравом уме? – ехидно уточнила Марта, садясь напротив.

Граф глянул на нее исподлобья, и девушка отругала себя за несдержанность. Все-таки она здесь по важному делу, де Муруа – уважаемый господин и, возможно, будущий король. В чем она лично, в свете последних событий, сильно сомневается.

– Простите, – буркнула она.

– Да ничего, – великодушно махнул рукой Дидье. – Надеюсь, без обид, Марта?

Марта через силу кивнула.

– Так что привело тебя ко мне?

Девушка выложила на стол пергамент с королевской печатью и коротко сказала:

– Свадьба принцессы.

– Принцесса выходит замуж? – опечалился граф.

Марта пытливо вглядывалась в его лицо, не веря своим глазам. Огорчение Дидье было искренним! Неужели этот ловелас, о любовных похождениях которого слагают легенды и который с одинаковой охотой тискает герцогинь и служанок, любит Изабеллу?

– Вас это огорчает? – пошла она ва-банк.

– Конечно! – воскликнул граф.

– Но почему?

– А ты как думаешь? – вскинул глаза Дидье. – Я ее люблю.

– Простите, но я вам не верю, – покачала головой Марта. – После того, как вы накнулись на меня в коридоре...

– Не путайте яичницу с шоколадом, – сердито оборвал ее граф.

Марта вспыхнула. Так вот кем он ее считает!

– Я не о вас, – заметив ее взгляд, быстро поправился де Муруа. – Эти мимолетные увлечения для меня ничего не значат. А любовь к Изабелле – это настоящее. Она завладела всеми моими мыслями.

Марта недоверчиво хмыкнула.

– Не верите? – обиделся Дидье и, дернув ящик стола, выхватил охапку бумаг и бросил ее на стол. Несколько листов закружилось по комнате, и Марта, невольно вскочив с места, подобрала их с пола и замерла. С бумаг на нее смотрело лицо Изабеллы.

На рисунках Изабелла грустила, смеялась, танцевала, собирала цветы – жила настоящей жизнью. Жизнью дышали и черты нарисованной Изабеллы. Рисунки были твердым доказательством того, что художник равнодушен к модели.

– Это рисовали вы? – недоверчиво воскликнула Марта.

– Нет, мой дедушка, – насупился граф.

– Так вы ее и впрямь любите, – изумленно пробормотала Марта.

– За кого она выходит замуж? – ревниво поинтересовался Дидье. – Все уже решено точно? Объявлено о помолвке? Или у меня еще осталась крохотная надежда стать ее мужем?

Игнорируя вопросы графа, Марта внезапно спросила:

– Почему именно принцесса?

– Что?

– Почему именно она? У вас было так много женщин – неужели ни одна из них не смогла тронуть ваше сердце?

– Принцесса – не такая как все, – благоговейно замер Дидье. – Она – единственная...

Больше никаких внятных объяснений Марте из графа выудить не удалось. Впрочем, что тут удивительного? Любят ведь не за что-то, а вопреки. Однако какая-то неясная мысль вертелась у Марты в голове, не давая до конца поверить в искренность чувств известного ловеласа.

– Так кого же она выбрала? – ревниво повторил тот.

– Графа де Этведа, – ляпнула Марта первое пришедшее на ум имя из списка кандидатов.

– Этого чудака? – проскулил Дидье. – Не может быть! Нет, я не смогу спокойно смотреть на то, как принцесса ломает себе жизнь. Благодарю покорно за приглашение, но на свадьбу я не поеду!

Девушка вздохнула с облегчением: она-то думала, что бы такое соврать про цель визита, чтобы на время оставить в тайне истинную причину, а Дидье сам ей помог, расценив, что она доставила ему приглашение на свадьбу. Что мешало ей раскрыть правду, Марта и сама понять не могла, но задать главный вопрос графу она так и не решилась. Сперва лучше посоветоваться с крестной. Интересно, как она там?

Фея словно только и ждала разрешения заявить о себе: за окном громыхнуло, полыхнуло, раздался протяжный девичий визг, его подхватили высокие голоса служанок.

– Что там такое? – переполошился де Муруа, вскакивая из-за стола и выбегая в коридор.

Марта бросилась следом.

Первым, кого они увидели, был небольшой золотистый дракон, сплетенный из язычков пламени, который неторопливо прохаживался по двору. Самые бойкие из сорванцов уже осмелились подобраться к нему на расстояние в пару шагов и в восхищении лопотали. Марта зажмурилась, заметив, как один из мальчишек тянет руку к пламенному боку дракона, но детская ладошка прошла насквозь, не опалив кожу. Мальчуган радостно рассмеялся и принялся лупить дракона уже двумя кулаками.

– Вот озорник, – тепло улыбнулся граф.

Быстро оглядевшись по сторонам, Марта убедилась, что разрушений нет. Визгом публика среагировала на появление дракона, и даже удивительно, что фее в кои-то веки удалось сотворить достаточно безобидный экземпляр. Однако все равно стоит попенять ей за самостоятельность: обещала же ничего такого не делать!

Но переговорить с Белиндой оказалось не так просто: вокруг волшебницы образовался круг из девушек и женщин разных возрастов, что-то приглушенно бормочущих.

«Уж не сжечь ли ее решили», – похолодела Марта и поспешила на выручку. Однако ее опасения оказались напрасными: служанки всего лишь требовали любовного зелья и собачились между собой.

– Я первая попросила! – пищала тощая, как щепка, и плоская, как доска, некрасивая девица.

– Да что ты брешешь? – горячилась крутобокая невысокая женщина. – Ты после меня уже вякнула!

– Это я-то вякнула? Это я-то брешу? – Щепка с шипением вцепилась в пышечку. Остальные бабы заголосили и принялись разнимать их. Марта быстро вытащила крестную из толпы и отозвала ее в сторону.

– Ну, что граф? – спросила, отдышавшись, Белинда.

Марта с сомнением глянула на фею, перевела взгляд на дерущихся баб, выяснявших, кто первый в очереди, потом на детишек, с радостным гомоном преследующих иллюзорного дракона, а потом на графа, подхватившего одного из мальчуганов на руки. Мальчуган весело смеялся, когда граф подбрасывал его в воздух, а когда Муруа ловил его, было видно, что глаза у ребенка такого же цвета, как глаза Дидье, и улыбка, как у отца...

– Не понимаю, – удивлялась Белинда, пока Марта, оторопев от своей догадки, стояла столбом. – Зачем им столько приворотных зелий?!

– Не понимаешь? – медленно переспросила крестница. – А ты по сторонам погляди!

– И что по сторонам? Тут одни дети!

– Вот именно! – многозначительно сказала девушка, в голове которой уже сложились кусочки мозаики. И рисунок был совсем не радостным для Изабеллы...

– И что?!

– Бэль, ты не нашла ничего странного в том, что дети похожи друг на друга? – намекнула Марта.

– Все дети похожи друг на друга, – легкомысленно отмахнулась фея.

– Бэль, не будь слепой! Они все на одно лицо. Потому что все они дети графа!

– Не может быть! – ахнула крестная.

– Еще как может! Ты видела, какими взглядами нас встретили все эти дамочки? И для чего, ты полагаешь, каждой из них понадобилось любовное зелье?

– Неужели чтобы привязать к себе графа? – осенило фею.

– Тетушка, ты растешь в моих глазах, – скептически похвалила ее крестница.

– А что граф, ты его видела?

– Видела, – сердито ответила Марта. – Забудь о нем.

– Мне нужно его увидеть! – запротестовала Белинда.

– Хочешь, чтобы он и тебя потискал? – прищурилась Марта.

– То есть как это «потискал»? Он что, тебя... Я его убью! – разбушевалась фея.

– Побереги силы, – остановила ее крестница.

– Бедная Иза! – всхлипнула Белинда. – Никто ее не любит. Представляешь, я тут расспросила служанок о последних сплетнях – еще трое Изиных женихов недавно женились, а двое обручены. Наш список тает на глазах!

Марта с сомнением достала рисунок графа и протянула фее:

– Любит. Только ей это не поможет.

– Это он нарисовал? – Фея так и впиалась в рисунок глазами. – Но это же просто потрясающе! Так он любит Изу? Мари, но это же все меняет!

– Ничего это не меняет, – отрезала Марта. – И я бы на твоём месте так не радовалась. С самого начала меня не покидало сомнение – что-то тут не так, несмотря на эти рисунки. А у него их сотня, не меньше.

– Целая сотня! – возликовала Белинда. – Он рисует ее почти каждый день! Вот это любовь!

– Это не любовь, Бэль, это спортивный азарт! Я только сейчас, сопоставив все детали, это поняла. Как-то раз мама мне сказала: ловелас быстро забудет лицо самой красивой женщины, которая ему принадлежала, но на всю жизнь запомнит лицо дурнушки, отказавшей ему.

– Изабелла – не дурнушка, – оскорбилась фея.

– Не воспринимай буквально! Но она же ему отказала, понимаешь? А такого с ним никогда не случалось. Поэтому она и стала для него такой желанной, поэтому и не выходила из его мыслей, поэтому он и рисовал ее портреты... Есть и другой момент. Он коллекционер женских сердец, а Изабелла для него – редкий экземпляр в списке побед, украшение коллекции. Стоит ей только стать его женой, как он мигом потеряет к ней интерес, она станет для него очередной победой, не более.

Плечи феи удрученно поникли – возразить разумным доводам крестницы было нечего.

Марта с опаской глянула на массовую драку за право заполучить любовное зелье: волосы и клочья одежды летели во все стороны. Граф беспомощно метался вокруг, опасаясь попасть под раздачу, наконец, решившись на что-то, припустил к колодцу и схватился за ведро.

– Мудрое решение, – хмыкнула Марта. – Дамочкам не мешает остудить свой пыл. Бэль, ты можешь сделать нас невидимыми? А то, боюсь, пока ты не сваришь им десять чанов с любовным зельем, они нас отсюда не выпустят.

– Сейчас, – лукаво улыбнулась фея, – только прежде кое о чем позабочусь.

Белинда махнула палочкой в сторону колодца, и в воздух над ним взлетел фонтанчик зеленых искр.

– Что это было? – с подозрением покосилась на нее Марта.

– Противомладенческое заклинание, – хихикнула фея.

– Что? – не поняла крестница.

– Тебе это еще рано знать, – внезапно смутилась Белинда и пробормотала себе под нос: – Пусть хотя бы некоторое время, пока вода не обновится, девахи отдохнут от пеленок. И вот еще что, – она направила палочку в спину Дидье, с пыхтением вынимавшего полное ведро из колодца, – не знаю, чем ты, красавчик, так берешь дамочек, но с этой поры они к тебе слегка охлаждаются. Вот теперь все!

– Бэль, давай скорее, – поторопила ее Марта, с опаской поглядывая на кучу-малу. – Кажется, уже наметилась победительница, и вот-вот они переметнутся на нас!

– Все-все, скрываемся! – Белинда виртуозно махнула палочкой, и мальчонка, пробежавший мимо, потрясенно замер.

Гости пропали, а по песку к воротам потянулись следы... Чудеса!

Глава 10 **АТТРАКЦИОН НЕСЛЫХАННОЙ ЩЕДРОСТИ**

Шесть месяцев тому назад. Зимний бал

Виконт Крезо сразу же привлек внимание принцессы Изабеллы. Не заметить этого крепкого, плечистого мужчину было невозможно – на его синей тунике, сшитой по ламандской моде, всеми цветами радуги переливался огромный, размером с кулак, алмаз в окружении тускло поблескивающих рубинов. В первый момент Изабелла опешила: какая дерзость! Да один рубин из подвески незнакомца больше рубинов из серег, которые подарил ей отец на шестнадцатилетие! Изабелла привыкла во всем превосходить окружающих, и появление неизвестного стало для нее настоящим потрясением. От обиды у принцессы задрожали губы, она сорвала с головы любимую диадему, бросила взгляд на россыпи мелких бриллиантов и чуть не расплакалась – такими жалкими они казались в сравнении с алмазом гостя.

– Что с тобой, Иза? – заволновалась Марта. Только недавно она поправила прическу принцессы, заколола острой шпилькой непослушный локон, выбившийся во время танца, и основательно закрепила диадему. И вот – все ее труды насмарку, а принцесса побледнела от негодования.

– Ты его знаешь? – Изабелла раздраженно швырнула диадему в руки подруги и придирчиво сравнила крупный рубин на перстне с рубинами незнакомца. Даже с расстояния нескольких шагов было очевидно, что украшение принцессы значительно уступает драгоценностям гостя.

– Кого? – Марта растерянно скользнула взглядом по толпе приглашенных.

– Вот этого, – Изабелла угрюмо кивнула на обладателя невиданного сокровища. Повернувшись к ней спиной, он о чем-то степенно беседовал с дородной баронессой Чернины.

– Этого? – Марта с удивлением глянула на мужчину в синей тунике, ничем не выделявшегося среди других гостей. – Нет.

– Узнай про него все, – поджав губы, велела Изабелла.

– Хорошо, – кивнула девушка. – Давай только закреплю диадему.

– Убери, – поморщилась принцесса. – Чтобы я ее не видела.

– Хорошо, – пожала плечами недоумевающая Марта.

– Да поторопись же, – нетерпеливо топнула ногой Изабелла.

...Марта вернулась к концу перерыва между танцами. Сдав драгоценную диадему в сокровищницу и расспросив всезнающего церемониймейстера, объявлявшего имена и титулы гостей, она с чувством выполненного долга разыскала принцессу.

– Это виконт Крезо, – поведала она. – Говорят, что он очень богат.

– И это все, что тебе удалось узнать? – фыркнула Изабелла.

– Я узнала еще кое-что, но боюсь, тебе это не понравится.

– Говори.

– Говорят, что он богаче королевской семьи.

Принцесса сделалась мрачнее тучи. Судя по тому, что даже ее надменная мать нашла время для беседы с виконтом и сейчас как раз ослепительно улыбалась ему как лучшему другу, денег у Крезю и впрямь куры не клевали.

– Похоже, твоя мать нашла тебе подходящего жениха.

Голос Белинды, неожиданно появившейся сзади, заставил Изабеллу вздрогнуть.

– Бэль, ты как всегда припозднилась, – приветствовала ее принцесса.

– Да нет, я всегда вовремя, – с улыбкой парировала фея, красноречиво кося глазами в сторону королевы и виконта.

– Так он холост? – с деланным равнодушием поинтересовалась Изабелла, но глаза ее уже потеплели, а недовольная складочка на лбу разгладилась. – Марта, давай сюда диадему.

– Но я ее унесла, как ты сказала, – растерялась девушка.

– Немедленно принеси обратно!

Белинда остановила крестницу, уже собравшуюся идти в сокровищницу, и взмахнула палочкой. Диадема заискрилась в воздухе и плавно опустилась в руки девушки. Марта как раз успела закрепить ее на волосах принцессы, как низкий мужской голос с достоинством представился и пригласил ее на танец. Принцессу, а не Марту конечно же. Марта с некоторой завистью посмотрела вслед Изабелле, которую увел под руку привлекательный, хотя и слегка полноватый брюнет.

– Говорят, что он богаче самого короля! – с ноткой восхищения сообщила Белинда. – Говорят, что его замок – одна большая сокровищница. А еще говорят, – она доверительно понизила голос, – что у него даже ночная ваза – золотая!

Марта рассмеялась. Весомый аргумент! У Изы этот предмет сделан из серебра, хоть и украшен изумрудным вензелем. А учитывая, что Изабелла просто не переносит, когда ее кто-то в чем-то превосходит, можно было только догадываться, в какой ожесточенной борьбе за право обладания лучшим горшком пройдет ночь после свадебного пира. Если, конечно, капризница принцесса согласится принять его предложение руки, сердца, несметных богатств... и ночной вазы!

– Ты чего смеешься? – покосилась на нее крестная.

– Представила себе Изину брачную ночь с виконтом, – прыснула Марта.

– Как невоспитанно! – укорила ее Белинда и, не сдержавшись, расхохоталась сама.

– Похоже, они до утра будут делить ночную вазу. Если только виконт не будет так щедр, что преподнесет его молодой жене в качестве свадебного подарка, – развеселилась Марта.

– Это вряд ли, – отсмеявшись, возразила фея. – Говорят, что виконт очень бережлив.

– Бережлив? – испытующе глянула на нее крестница. – Обычно так говорят, когда человек скуп, как гном.

Белинда поспешно отвела глаза и преувеличенно бодро восхитилась:

– Какая прелестная пара!

Марта не могла с ней не согласиться. Черные кудри виконта превосходно контрастировали с золотом локонов принцессы, изящная и стройная Изабелла была под стать высокому и ладному спутнику. Виконт не отрывал взгляда от своей красивой спутницы, да и в глазах придирчивой и капризной принцессы появились теплота и заинтересованность.

– Как ты думаешь, она влюбилась? – затаив дыхание, спросила Белинда.

– Влюбилась, конечно, – хмыкнула Марта. – Только не в него, а в его алмазную подвеску и в его богатство. А вот когда она и про ночную вазу узнает, тогда точно голову потеряет!

Влюбленность Изабеллы в виконта закончилась так же стремительно, как и началась.

– Скупердый! Сквалыжник! Жадина! – негодовала принцесса, меряя шагами уединенную беседку в саду.

– Да что случилось-то? – недоумевала Марта.

– Нет, ты представляешь! – Изабелла резко остановилась и с шумом выдохнула воздух. – Да что он себе позволяет?!

– Он пытался тебя поцеловать? – застенчиво предположила Марта.

– Если бы! Он меня оскорбил! – свирепо сообщила Изабелла.

– Он хотел тебя похитить? – с ужасом воскликнула девушка.

– Он сделал мне подарок! – дрожа от возмущения, поведала принцесса.

– И что же в этом оскорбительного? – растерялась Марта.

– Ты не знаешь, что это за подарок! – с омерзением сказала Изабелла.

– И что же это за подарок? – заинтересовалась девушка.

– Это... это...

Принцесса задохнулась от возмущения и даже зажмурилась, словно опасаясь произнести его название вслух, а потом выпалила на одном дыхании, глотая по несколько букв сразу:

– Ты будешь потрясена, когда узнаешь! Это крыта! Ккое унижение!!!

Из потока речи принцессы Марта поняла только, что виконт, по всей видимости, подарил Изабелле карету – подарок, по всем параметрам, королевский. Коней королевской дочке дарили, а вот карету – еще ни разу. И немудрено: хорошая карета стоила как дорогое кольцо. Поэтому что унижительного для себя нашла в этом ее взбалмошная молочная сестричка, Марта категорически не понимала. Такому подарку можно было только позавидовать! Изабелла же тем временем выпустила воздух, перевела дыхание и уставилась на подругу в ожидании горячей поддержки и, как минимум, бури негодования с ее стороны.

– Иза, – осторожно сказала Марта, – по-моему, таких подарков тебе еще не делали.

– Вот именно! – взорвалась принцесса. – Ни у одного из моих поклонников не хватило ума додуматься до такого!

– Не каждый настолько богат, чтобы делать такие подарки, – деликатно заметила Марта.

– Похоже, сказочно богат он именно оттого, что гроша лишнего из рук не выпустит! Сделать такой подарок мне, принцессе! – Иза в злости оборвала лепестки роз, имевших неосторожность протянуть головки чересчур близко к беседке.

– И чем виконт тебе не угодил? Размер маловат? – недоумевала Марта.

– Да нет, к размеру никаких претензий, – сердито фыркнула принцесса. – С размером он как раз не поспешил. Туда вшестером забраться можно!

– Вот диво! – Марта всплеснула руками. Виданное ли дело – шестиместная карета? У короля и то карета всего на четыре места, а ведь она считается самой роскошной в Эльдorre. Или Изабелла сердится, что виконт самого короля обошел? Так подарок-то ей предназначен – к чему злиться?

– Дивнее не бывает! – не на шутку разгорячилась принцесса.

– На тебя не угодишь! – пожалала плечами Марта. – Тогда в чем дело? Отделка недостаточно богата?

– Отделка? – потрясенно моргнула Изабелла. – Да там вообще отделки никакой нет!

– Ну, это поправимо, – успокоила ее Марта. – Придворный ювелир ее мигом украсит по твоему желанию.

– Марта! – с досадой сказала Изабелла. – Ты что, сдурела? Я – нет. Чтобы это корыто драгоценностями украшать!

«Похоже, прижимистый виконт подарил принцессе изрядно подержанную карету», – смекнула девушка.

– Что, настолько в плохом состоянии? – посочувствовала она.

– Корыто-то? – поперхнулась Изабелла. – Почему, новехонькое!

– Так пойдем, прокатимся!

– В корыте? – вытаращила глаза принцесса.

– Да что ты заладила – корыто, корыто! Пойдем быстрее, покажешь мне это чудо природы. А то я уже голову сломала, что это за карета такая, которая тебя в бешенство

привела.

– Карета? – удивленно переспросила Изабелла и нервно рассмеялась. – Марта, ты не поняла. Он подарил мне не карету, а корыто, настоящее деревянное корыто, в каком прачки белье стирают. И еще весь надулся от гордости, расписывая его достоинства, пока я стояла, как громом пораженная, и глазам своим не верила.

– А зачем он его тебе подарил? – опешила Марта.

– Он сказал, что в хозяйстве все пригодится. – Принцесса всхлипнула и вдруг горько разрыдалась. – Я думала, виконт осыплет меня драгоценностями, а он преподнес мне жалкое корыто, которому грош цена!

– Иза, – мягко возразила девушка, – быть может, виконт...

– Никогда не произноси при мне его имени! – истерично выкрикнула Изабелла. – Не желаю о нем ничего слышать!

– Но твоя мама настроена решительно, – с сомнением сказала Марта.

– Я скорее умру, чем выйду замуж за этого скупердяя! – с ненавистью сказала принцесса. – Даже если он останется последним мужчиной на свете.

* * *

Лучше гор могут быть только золотые горы!

Виконт Крез

– Куда-куда мы летим? – переспросила Марта, когда метла взмыла в воздух за воротами замка любвеобильного графа.

– К виконту Крезу, – с почтением произнесла фея, направляя помело.

– Но мы же вычеркнули его из списка! – напомнила девушка.

– А что, если мы погорячились? Вдруг он и есть тот единственный? Его владения как раз неподалеку – успеем еще до заката, там и переночуем.

– Надеюсь, у тебя хватит золота, чтобы расплатиться за ночлег? – хмыкнула крестница. – А если планируешь и поужинать, придется раскошелиться еще больше.

– Не думаешь же ты, что он возьмет с нас деньги! – возмущенно возразила Белинда.

– С него станется! Он же скуп, как гном! И это если нас пустят на порог... Дамы на балу шептались, что виконт очень боится воров и грабителей и кого попало в замок не пускает. У него такая система охраны, что так просто в гости не попадешь!

– Но мы-то – не кто попало, а посланники короля.

– С поддельной грамотой!

– Подумаешь, подделали! Так исключительно потому, что король спал и сам расписаться не мог. Но магическую копию от настоящей и не отличишь, – буркнула фея.

– А ты хоть знаешь, почему Изабелла отказала виконту?

– И почему?

– Из-за подарка, который он ей вручил.

– И что же это было?

– Виконт предложил Изабелле спуститься во двор, потому что его подарок оказался очень большим. Изабелла, в предвкушении, как минимум, пары эльфирских жеребцов, спустилась вниз, и слуги виконта подтащили к ней... дубовую лохань!

– Да ты что? Почему я об этом не слышала?

– Потому что наши слуги так начали смеяться, что Иза вся покраснела от злости и пригрозила, что если кто-нибудь об этом проболтается, будет немедленно уволен.

– Да, представляю себе разочарование нашей Изы, – хмыкнула Белинда.

– Кажется, виконт так и не понял, почему Иза такотреагировала. «Вещь-то полезная, в хозяйстве пригодится!» – передразнила Марта неторопливый говор несостоявшегося жениха. – И ты думаешь, нам имеет смысл к нему идти?

– Ну раз он не понял и не оскорбился, у нас есть шансы!

– Бэль, ты меня слышишь? Этот богач не любит ничего и никого, кроме золота! И живой Изабелле он предпочтет ее золотую копию или, на худой конец, ларец с жемчугом.

– Так или иначе, мы уже прибыли, – фея указала на показавшийся впереди замок. – Мы же ничего не теряем? Зайдем, побеседуем. Вдруг виконт перевоспитался со времен бала?

– Как же, – недоверчиво усмехнулась Марта, – перевоспитается он...

– В конце концов, всегда можно попробовать применить магию, – с сомнением предложила Белинда.

– Что-то я не помню таких случаев, чтобы жадность лечили волшебством, – скептически отозвалась ее крестница.

– Значит, это будет первый подобный случай, – воодушевленно объявила фея, снижаясь на пустынную полянку. Замаскировав метлу в кустах, путницы взобрались на пригорок, и теперь замок сказочно богатого и необыкновенно скупого виконта лежал у их ног. Замок находился в долине, с двух сторон отгороженной холмами, и по дороге, ведущей к воротам, повсюду сновали люди.

– Интересно, что там происходит, – озадаченно пробормотала Марта.

– Штурм? – дрогнула подслеповатая фея.

– Да нет, все безоружные, – информировала ее крестница. – Ворота раскрыты настежь. Вот тебе и охрана!

– А чего они еле-еле тащатся?

– Мешки какие-то волокут, – растерянно сообщила Марта.

– Грабят! – ахнула фея. – Принцессино добро разбазаривают!

– Да погоди ты, мы ее еще замуж не выдали, – охладила ее крестница.

– Выдадим! Вот только сперва разберемся с растратчиками! – И фея с прыткостью, какой Марта никак не ожидала от своей еще минуту назад стонущей от усталости тетушки, понеслась под горку. Крестница припустила следом.

Разогнались они так хорошо, что скатились прямо в гущу загадочного столпотворения. Фея врезалась в низенького круглого мужичка, сбила его с ног, и тот от неожиданности выронил пузатую серебряную вазу, которую держал в руках. Ваза укатилась в сторону, тут же кто-то подхватил ее и присвоил себе. Мужичок злобно выругался и припустил в обратную сторону – к раскрытым настежь воротам замка. Марта помогла фее подняться, с удивлением отметив, что к воротам люди бегут налегке, со всех ног, а вот оттуда еле выползают, сгибаясь под тяжестью битком набитых мешков. Крестьяне с одышкой тащили в гору драгоценные вазы, позолоченные подсвечники и изящные статуэтки, которые очень странно смотрелись в их натруженных руках.

– Стой! – Фея схватила за локоть ближайшего к ней веснушчатого парнишку. К груди он крепко прижимал серебряную вазу в виде лебедя, и на его круглом лице застыло выражение оторопелого восторга. Но стоило только чужой тетке покуситься на его собственность, как восторг сменился решительным желанием бороться за свое до конца.

– Не отдам, мое! – Он с силой выдернул руку, едва не сбив Белинду с ног.

– Ах ты вор! – прищурила глаза фея. – Да я тебя...

– Я вор? – опешил паренек, еще сильнее прижимая к себе вазу. – Вот вздорная баба!

И, оттолкнув Белинду в сторону, собрался уже пуститься наутек, как вдруг увидел Марту и неожиданно застенчиво улыбнулся.

– Да вы бы шли скорее, – посоветовал он, обращаясь к девушке, – а то ничего не достанется. Вон какой ушлый народ! Виконт только в обед объявил о своем решении, как уже три окрестных деревни в замок рванули. Слухи у нас расходятся быстро.

Поток людей, спешащих в замок, отеснил веснушчатого в сторону.

– О каком решении? – воскликнула Марта, но толпа уже подхватила их с крестной и поволокла к замку.

– Что ж, узнаем на месте, – пропыхтела фея, стараясь обогнать впереди бегущих.

Людской поток хлынул за ворота, лавиной пронесся по двору, вихрем взлетел по

парадной лестнице и градом рассыпался по помещениям замка.

– Ты что-нибудь понимаешь? – осведомилась фея, одергивая платье и нервно оглядываясь.

Судя по всему, они очутились в обеденном зале. По помещению с богато расписанными стенами и мозаичным полом сновали простолюдины в грубых башмаках и залатанной одежде. Ушлые пареньки, не глядя, сметали в бархатную скатерть содержимое углового шкафа, расторопные бабенки сдирали с окон шелковые занавесы с золотым шитьем, два мужика обхватили тяжелые напольные часы и, крикнув, поволокли к выходу. Роскошная обстановка таяла на глазах. Марта с Белиндой переглянулись и, не говоря ни слова, рванули в следующий зал.

Там их ожидала та же самая картина: небольшое помещение, предназначенное, видимо, для ожидающих приема посетителей, обирали подчистую. В дверях их чуть не сбил с ног коренастый мужичок, тащивший на спине резной столик с золочеными ножками. За ним следом спешила крутобокая тетушка в чепчике, с восторгом прижимая к груди небольшую позолоченную скульптуру в виде русалки. В углу сражались за обладание напольными часами двое тружеников полей; еще трое мужчин с загорелыми лицами, задрав головы, обсуждали, как снять с потолка золоченую люстру. А две девчушки лет десяти, стоя в центре зала, ковыряли носками деревянных башмаков мозаичный орнамент с изображением птиц и животных и по-взрослому рассуждали, что на нем не разживешься.

Путешественницы с вытянутыми лицами наблюдали за происходящим, пока сновавшие туда-сюда люди без церемоний толкали их, да так, что оттеснили к стене, с которой длинноносый мужик с плутоватым выражением лица азартно отвинчивал резной светильник.

– Любезный, – неприветливо обратилась к нему Белинда, – а где хозяин?

– Тронутый-то? – мигом откликнулся он, продолжая орудовать ножом. – А шут его знает!

– Простите, – вклинилась Марта, – а что тут происходит?

– Как, вы не слыхали? – поразился мужик и даже отвлекся от своего занятия. – Во дела! А как же тут очутились?

– Дело у нас к хозяину, – буркнула фея.

– Был хозяин, а стал босяк, – пропел мужик и пояснил с ухмылкой: – Виконт все свое хозяйство бедным решил раздать.

– Да вы что! – ахнула волшебница.

– Так и есть! – подтвердил мужик, отдирая от стены светильник, и завертел головой в поисках новой добычи.

– Но почему? – сдвоенно спросила Белинда.

– Я же говорю: умом тронулся. С чего же еще? Всем известно, какой скряга был. И двух дней не прошло, как непомерный налог на нашу деревню наложил, а сегодня вон все подати отменил и добро свое раздает направо и налево.

Крестница с феей потрясенно переглянулись.

– Да вы не теряйтесь, дамочки, – по-своему истолковал их замешательство длинноносый пройдоха, – а лучше поспешайте. Может, еще успеете чего ценного урвать.

Белинда вспыхнула и, схватив Марту за локоть, потащила к выходу.

– Вряд ли виконт в замке, – пояснила она по пути. – Что бы с ним ни случилось, ему наверняка тяжело смотреть на то, как разворовывают его имущество и крушат обстановку. Скорее всего, он где-нибудь на улице.

Фея оказалась права. По внутреннему дворику сновали люди, уши закладывало от возгласов и криков, из-под башмаков Поднималась пыль, заставив Марту тут же расчихаться. А посреди этого безобразия стоял скупой виконт и с благостной улыбкой взрослого, который следит за неразумными детьми, наблюдая за тем, как на глазах тает его богатство.

– Ваше сиятельство, – вскрикнула Белинда, пробиваясь к нему через толпу. – Что здесь происходит?

– Как видите, я избавляюсь от своего богатства, – горделиво сообщил Крез.

– Но зачем?!

– Я понял, что жил неправильно, – степенно молвил он. – Ведь не в золоте счастье, вы со мной согласны?

– А в чем же? – растерянно пробормотала фея.

– В щедрости души, – с важностью провозгласил бывший скупец. – Я был так слеп и глух все эти годы! К счастью, заморский пилигрим открыл мне глаза и показал ту пропасть, в которую я скатываюсь с каждым днем. Отныне золото надо мной не властно. Я раздам все беднякам, а сам отправлюсь путешествовать по свету со своим новым другом. Ваше лицо мне знакомо...

– Я Белинда, крестная фея принцессы Изабеллы, – торопливо представилась волшебница. – А это Марта, моя вторая крестница.

– Как вы сказали?.. Принцессы? – На лице виконта появилась живейшая заинтересованность.

– Вы ее помните? – с надеждой спросила Белинда.

– Конечно, помню, – задумчиво произнес Крез и неожиданно объявил: – Я должен немедленно ее навестить!

– Отличная идея! – обрадовалась фея. – А мы как раз за вами!

– погоди, Бэль, – оборвала ее Марта и с подозрением поинтересовалась: – А зачем вам нужно видеть принцессу?

– У меня к ней важный разговор, – уклончиво ответил виконт. – И к ее родителям тоже.

– Вы хотите сказать – предложение? – затаив дыхание, уточнила фея.

– И предложение тоже, – улыбнулся Крез.

– Вы ее любите? – с замиранием сердца спросила Белинда.

– Конечно, – мягко ответил он.

– Тогда зачем вы это... – Фея обвела рукой всех людей, растаскивающих богатство виконта по кусочкам. – Принцесса этого не одобрит.

– Вот именно об этом я и должен с ней поговорить! – Крез нахмурился – и вдруг с любопытством воззрился на руку Белинды, украшенную массивным перстнем. – Возлюбленная сестра моя! – с благодистой улыбкой обратился он к ней, заставив фею вздрогнуть. – Зачем вам это никчемное украшение? Отдайте его беднякам, и в вашем сердце поселится радость.

– Ей и без того весело живется, – вступилась за крестную Марта.

– А вы, душа моя, не желаете ли пожертвовать бедной селянке свою атласную ленту? – мгновенно заинтересовался ею виконт.

Пробежавшая мимо «бедная селянка», с ног до головы закутанная в шелковую штору с изображением павлина, заинтересованно остановилась и жадно уставилась на Марту.

– Не желаю, – буркнула девушка, отвернувшись от попрошайки.

Та хмыкнула: «Не больно и надо!» – и понеслась к воротам.

– Ах, вы не понимаете, – закатив глаза, возвестил аристократ. – Какое это счастье – делиться своим богатством с другими. Увы, я не понимал этого раньше, натворил ошибок, жестоко оскорбил принцессу... Надо немедленно ехать к ней и переговорить с глазу на глаз, – решительно возвестил он. – Я сейчас же распоряжусь насчет отъезда.

И виконт скрылся за углом, оставив фею и крестницу одних.

– Бэль, – укоризненно зашептала Марта, – ты чего придумала? Зачем нам тащить его во дворец? Изабелла никогда не выйдет за бедняка.

– Но у него же остался замок, – неуверенно возразила фея, провожая глазами выезжавшую за ворота парадную золоченую карету, набитую крестьянами, как бочка – солеными огурцами. Пара белоснежных лошадей, явно не привыкших к тягловой работе, едва перебирала ногами, волоча ее за собой. – Ты сама видела, как он богато отделан изнутри. Чего только стоят мозаичные полы, расписные стены и витражи! Такого богатства и в королевском дворце нет.

В этот момент раздался звон стекла, и разноцветные осколки посыпались во двор. В разбитое окно второго этажа едва не вывалились два мужика, ведущих ожесточенную борьбу за обладание круглобокой золотой вазой.

– Много ли останется от этих стен и витражей к концу дня? – прозорливо вздохнула Марта.

– Золоченая карета тоже неплохой подарок к свадьбе, – оптимистично заявила фея, проследив, как скрылся за воротами многострадальный экипаж, запряженный белыми конями. – Не думаю, что карета у виконта одна. Наверняка для себя он оставил лучшую.

Ответом ей был оглушительный скрежет давно не смазанных колес, и во двор въехали четыре пустые телеги, запряженные тощими и облезлыми клячами. Сияющий виконт шел позади. Повозки мигом перегородили двор и затруднили оживленное движение, чем вызвали справедливый гнев чумазных гостей замка. Крезو распорядился выкатить телеги за ворота и с ликующим лицом повернулся к дамам.

– Вы собираетесь ехать – на этом? – выдавила Белинда.

– Не могу же я раскатывать в золоченом экипаже, когда простые люди голодают, – мягко улыбнулся виконт.

– И вы собираетесь явиться к принцессе в этой развалюхе? – Фея с негодованием толкнула ближайшую телегу, и та отозвалась душераздирающим скрипом.

– Я собираюсь повлиять на нее собственным примером, – с достоинством отозвался бывший богач.

– Но почему вы берете с собой четыре телеги?! – поразила фея.

– Вы считаете, что этого мало? – спросил виконт и неизвестно чему обрадовался. – Ах, как это верно подмечено! И в самом деле, глупо отправляться в королевский дворец с четырьмя телегами... Нужно взять все десять! Эй, Жан!

– Ваше сиятельство! – повысила голос фея. – Вы что, забыли, зачем вы едете в королевский дворец? Вы намерены сделать предложение принцессе...

– И еще королю и королеве, – вставил виконт.

– Само собой, без их согласия ничего не получится, – кивнула крестная.

– Уверен, мне удастся убедить их в необходимости этого шага, – с важностью заявил Крезо.

– И как вы их собираетесь убеждать? С помощью пустых телег? – съязвила Марта.

– Надеюсь, что они скоро наполнятся, – мечтательно закатил глаза виконт.

– Вы собираетесь набить их подаванием? – растерянно промямлила фея.

– Очнись, Бэль! – ткнула ее в бок Марта и встревоженно шепнула: – Похоже, эти телеги он намерен набить приданым Изабеллы!

– Но вы же не собираетесь просить руки принцессы с пустыми руками? – воззвала к виконту Белинда.

– Просить руки принцессы? – изумленно спросил он. – Но я и не собирался...

– Так зачем же вы собрались во дворец? – опешила фея.

– Чтобы открыть королевской семье глаза, чтобы убедить их отдать свои богатства народу... А принцесса согласна выйти за меня замуж? – Крезо сладострастно зажмурился и потер руки. – Ах, как это хорошо! Ах, как замечательно! Ведь мне, как ее мужу, отойдет часть королевских сокровищ? – оживленно поинтересовался он у оторопевшей феи и, не дожидаясь ответа, забормотал себе под нос: – Сколько еще бедняков можно будет накормить на это золото! Быть может, воодушевленные примером мужа принцессы и остальные аристократы подтянутся к этой милосердной акции?

– Бэль, – потянула крестную Марта, – он не любит Изабеллу. Убедилась? Ему нужны только ее богатства: раньше – для себя, теперь – для народа. Нам тут делать нечего.

Пока виконт с мечтательным видом подсчитывал королевские богатства, а Белинда сокрушалась очередной неудаче, внимание Марты привлекла возня у лестницы. Двое мужичков, те самые драчуны, которые разбили витраж, кубарем скатились по лестнице во двор и продолжили отчаянную борьбу за право обладания пузатым золотым горшком.

Наконец, одному из драчунов удалось сбить другого с ног мощной оплеухой. Удар был так силен, что бедняга упал на землю без чувств, а победитель издал радостный рев и водрузил горшок себе на голову.

Однако тут же скривился, поспешно избавился от импровизированного шлема, с опаской заглянул внутрь и потянул носом. Видимо, горшок использовали отнюдь не для хранения фиалковой воды, потому что мужичок скривился еще больше, отшатнулся назад, едва не выронив трофей из рук, и что-то недовольно пробормотал. Затем, обхватив добычу кончиками пальцев и вытянув руки, он зашагал по двору к воротам. На золотом боку сосуда сверкнул выложенный рубинами и сапфирами герб виконта.

– Бэль, смотри! – Марта взволнованно ткнула крестную в бок. – Не тот ли это самый золотой горшок?

– Где? – громко вскрикнула фея, обратив на себя внимание Крезю. Тот перевел взгляд в направлении, куда с интересом уставились его гости, и побагровел.

Марта не успела ничего понять, как виконт уже перегородил дорогу счастливому обладателю горшка. Судя по всему, выражение его лица было отнюдь не таким благостным, как обычно, и мужичок с горшком крепко вцепился в свое сокровище. Заинтересованные фея с крестницей подошли поближе.

– Любезный, – раздался напряженный голос виконта, – ты где это взял?

– Известно где, – набычился любезный, – в замке. Вы же сами сказали: берите все, что лежит!

– Все, что лежит на виду, – повысил голос хозяин, – а не то, что спрятано.

– Кажется, он не безнадежен! – радостно шепнула Белинда. – Кое-что все-таки схоронил от разграбления, значит, не до конца умом тронулся.

– Откуда ж я знал? – шмыгнул носом мужичонка, еще крепче вцепившись в добычу.

– Давай-ка это мне, – смягчился Крезю, – а сам беги, отыщи себе другую безделицу.

– Безделицу?! – Мужичок нервно дернул глазом. – Да я с таким трудом отвоевал ее у Ларри!

– Драгоценный, – рассердился виконт, – этот гор... – он замялся, оглянувшись на притихших дам, – эта ваза – своего рода семейная реликвия и передается из поколения в поколение уже шесть веков. В ней дух истории. Вы даже не сознаете ее ценность!

– Отчего же, – ощерился мужик, – сознаю – и ценность, И, – он насмешливо потянул носом, – особенно дух!

– Отдайте немедленно! – разгневался Крезю.

– Нашел дурака! – Мужичок изо всех сил ударил виконта в живот семейной реликвией, повалив не ожидавшего такого коварства аристократа на землю, и собирался удрать победителем, но подножка Белинды изменила его планы. Теперь виконт и простолюдин катались по двору, поднимая клубы пыли, и боролись за обладание драгоценным горшком.

– Что здесь происходит? – раздался невозмутимый голос. Крезю замер, как громом пораженный, ушлый мужичок воспользовался моментом и, подхватив горшок, вскочил на ноги и собрался пуститься наутек. Но упал как подкошенный, споткнувшись о подножку Марты. Виконт отмер, с рычанием выдрал горшок из рук противника и вскочил с земли, прижимая к себе золотой сосуд и защищая его от мужичка, словно нежную возлюбленную от рук разбойника.

– Генрих, – укоризненно провозгласил оборванец в грязной хламиде, останавливаясь рядом с дамами и тяжело опираясь на посох, – что ты делаешь?

Марта с интересом взглянула на проходимца, убедившего отъявленного скупердя отказаться от всех богатств. Пилигриму было лет сорок, его лицо было обветренным и темным от загара, щеки были впалыми от недоедания, а вот в кости он был широк – свободные одежды не висели на нем мешком, а топорщились колоколом. Несмотря на кроткую улыбку, которая застыла на его губах словно приклеенная, в глазах его мелькали лукавые огоньки прожженного мошенника.

– Брат, – тяжело дыша, ответил виконт, – это очень ценная для меня вещь.

– Вещи! – с досадой воздел руки пилигрим. – От них все зло! Избавься от нее немедленно, отдай этому бедному человеку. – Он кивнул на отряхивающегося от пыли мужичка. Тот с готовностью подскочил к виконту и протянул руки. Крезю машинально отшатнулся, пряча свое сокровище.

– Генрих, – с горечью произнес оборванец, – я думал, что ты избавился от своей пагубной страсти к золоту.

– Ты не понимаешь, брат, – возбужденно запричитал виконт, глаза его лихорадочно заблестели, – этот горш... то есть вазу пожаловал моему прапрапрадедушке сам легендарный король Гарнитур, мой отец торжественно передал мне ее в день своей смерти. На ней сидели пять поколений моих предков, – умоляюще проговорил он, – я не могу ее отдать!

– Генрих, Генрих, – грустно покачал головой пилигрим, – ты так ничего и не понял из того, что я тебе говорил.

– Но, Августин, – возмущенно взревел виконт, – я раздал все свое богатство! От роскошного убранства моего замка остались голые стены!

– Это ничего не значит, если ты не можешь расстаться с одним-единственным золотым горшком, – жестко оборвал его пилигрим.

– Это! Мой! Горшок! – закипел Крезю, прижимая к себе семейную реликвию.

– Что ж, Генрих, мне очень жаль, – кротко сказал оборванец. – Если ты осознаешь глубину своих заблуждений, ты можешь догнать меня.

И он зашагал к воротам, тяжело опираясь на посох.

– Брат, – жалобно позвал виконт и беспомощно оглянулся на Марту с Белиндой, словно спрашивая у них совета.

Фея сочувствующе хмыкнула и незаметно щелкнула пальцами, посылая вслед путнику заклинание. Хламида испарилась, обнажив привязанные к телу Августина сокровища. Пилигрим походил на плохо спеленатую мумию, из-под повязок которой выглядывали золотые ножки кубков, черенки столовых приборов, свисали золотые цепочки. Мелкие предметы были привязаны к рукам и ногам. К спине ушлый мошенник широкими лентами разорванной простыни прикрепил массивный и громоздкий геральдический золотой щит с родовым гербом, который делал его похожим на черепаху.

Виконт потрясенно ахнул и бросился на обманщика, сбив его с ног. Тот даже не заметил сразу пропажи хламиды и не успел сориентироваться, как уже лежал в пыли спиной вверх. Генрих от души молотил по щиту, и металл отдавался жалобным звоном, заглушая стенания пилигрима, придавленного к земле.

– Он убьет его, – констатировала Марта, которая одновременно восхищалась дерзостью мошенника и сочувствовала разоренному виконту.

– Не убьет, – легкомысленно махнула рукой фея, – только покалечит.

– Точно убьет, – возразила крестница, глядя, как виконт, спустив пар и погнув поверхность щита, переворачивает противника на спину. Теперь лжепилигрим барахтался на земле пузом вверх, словно перевернутая черепаха, а увесистый щит не давал ему подняться на ноги.

– А ведь и правда – убьет! – содрогнулась Белинда и поспешно ткнула палочкой в направлении дерущихся. Волшебная сила подняла мошенника высоко вверх, так, чтобы негодующий виконт не смог допрыгнуть даже до его модных башмаков с золотыми пряжками.

– Негодяй, – взревел Генрих, хватая руками воздух, – ты даже туфли мои прикарманить не постеснялся.

Пока пилигрим верещал, беспомощно взмахивая руками в воздухе, заклинание Белинды разматывало его матерчатый кокон, крутя мошенника вокруг оси, как веретено. Первым на землю полетел щит, а уже в него, словно в таз, со звоном посыпались более мелкие трофеи – кубки, блюда, ложки, кинжал, золотые монеты, самоцветы. Виконт, выкрикивая проклятия, нарезал круги вокруг наполнявшегося щита и все пытался высоко

подпрыгнуть, чтобы ухватить пройдоху за край тряпичной ленты и повалить на землю. Наконец последняя серебряная ложка со звоном упала в гору металла, выросшую на золоченом щите, а на мошеннике, беспомощно повисшем в воздухе, из одежды остались одни панталоны. Марта смущенно потупилась, с преувеличенным вниманием разглядывая кучу-малу. Генрих потрясал кулаками и неистовствовал, требуя, чтобы трус спустился на землю. Белинда, решившая не допускать кровопролития, махнула палочкой, и волшебный вихрь подхватил незадачливого пройдоху и унес далеко за стены крепости.

За то время, пока мошенник беспомощно крутился в воздухе, замок стремительно опустел – вместе с содержимым залов и подвалов. Весть о волшебной силе, покаравшей обманщика-пилигрима, и о виконте, вновь обретшем любовь к богатству, мигом разнеслась по дому, и крестьяне, прихватив последние бесхозные вещи, бежали прочь.

– Ушел, – сокрушенно простонал Крезо. Из всей силы он пнул щит, вывалив лежащие на нем сокровища в пыль. Тут же набежали припозднившиеся босяки, не видевшие, какая участь постигла лжепилигрима, и от внушительной кучи не осталось и следа. Виконт с ругательствами бросился вдогонку, но смог отвоевать себе только гнутую серебряную ложку. Пропал и знаменитый золотой горшок – кто-то прихватил его, пока аристократ мутузил проходимца.

– Сделайте же что-нибудь, – взмолился несчастный виконт, глядя вслед убежавшим расхитителям.

Белинда выразительно пожала плечами и махнула палочкой. Единственное, что сейчас было ей под силу, – это закрыть ворота. Но толку от этого было мало – в замке не осталось никого, кроме них и разоренного хозяина. Генрих проследил за створками тяжелых ворот, которые сомкнулись по волшебству, отсекая шум-гам, царивший за воротами, и перевел жадный взгляд на фею.

– Вы фея! – Он воскликнул это так, словно перед ним был творец мира, которому по плечу повернуть время вспять и исправить роковые ошибки.

– Ну да, – промямлила Белинда, попятившись назад. Алчный огонь, вспыхнувший в глазах виконта, ей не понравился.

– Вы ведь можете сделать так, чтобы ко мне вернулось все похищенное? – возбужденно запричитал Генрих.

– Нет, я не... – замотала головой фея.

– Ну что вам стоит? – заныл Крезо, заглядывая ей в глаза, словно пес, выпрашивающий кость. – Вам ведь только пальцами щелкнуть или палочкой махнуть, и все разграбленное этими бродягами вернется на место.

– Вы ошибаетесь, – попробовала возразить Белинда.

Но виконт не хотел и слушать.

– Тогда сделайте так, чтобы они сами вернулись с повинной, чтобы возвратили все, что украли... – лихорадочно бормотал он, напирая на фею. – Или пусть все похищенное воспарит в воздух и прилетит во двор. А уж я за наградой не постою, отблагодарю, как следует.

– Но я не могу... – отнекивалась Белинда.

– Я дам вам ларец золота! – наседал Крезо.

– Вы не понимаете...

– Хорошо, большой сундук!

– Это невозможно...

– Два сундука!

– Говорю же вам!

– Разорительница! – закатил глаза виконт. – Хорошо, три сундука! Ну что вам стоит, милочка, душечка, лапочка?

– Да хоть пять! – рассердилась фея. – Вы что, глухой?!

– Пять? – Крезо задумчиво пожевал губами, что-то тщательно взвешивая. – Может, сговоримся на четырех? – промолвил он с надеждой.

– Вы в своем уме?!

– Что ж, пять так пять, – согласился скупец. – По рукам! Только давайте быстрее, пока эти невежды не распилили бесценные статуэтки на части и не расплавили мой драгоценный горшок. – Его губы задрожали при мысли о подобном вандализме.

– Бэль, по-моему, нам пора отсюда бежать, – стоя за спиной у виконта, жестами просигнализовала Марта.

Фея сделала попытку ретироваться, но Крезю железной хваткой вцепился ей в локоть, требуя немедленно начинать волшебство и возместить все убытки.

– Да что вы мне мешаете-то? – Белинда с возмущением стряхнула его руку с локтя. – Если хотите получить все назад, так отойдите в сторону и не препятствуйте процессу.

Не сводя с волшебницы подобострастного взгляда, Генрих попятился назад и замер в паре шагов. Белинда вздохнула и взмахнула палочкой, направив ее на виконта. Голубой огонек, сорвавшийся с кончика, ударил его прямым в нос, и тот замер на месте как громом пораженный.

– Бежим, – скомандовала фея и, подхватив юбки, рванула к воротам, ткнув в них палочкой. Тяжелые створки послушно распахнулись перед дамами только затем, чтобы выпустить их из крепости, и снова закрылись за их спиной.

– А виконт? – переводя дыхание, спросила Марта.

– Сейчас отомрет, но еще полчаса будет еле-еле передвигать ногами, так что догнать нас не сможет, – пропыхтела Белинда.

– Верните хотя бы горшок! – донесся до них надрывный крик Генриха.

– Я же говорю – отмер, – констатировала фея, сворачивая на широкую дорогу и замедляя шаг.

– Бэль, – задала Марта мучивший ее вопрос, – я не понимаю, как он мог так легко отказаться от богатства и удариться в новую крайность?

– Ты совершенно права, Мари. Ключевое слово – крайность! Виконт – человек одержимый и при этом легко внушаемый. Встреча с пилигримом, проповедующим отказ от богатства, стала для него роковой. Неизвестно уж как ему удалось склонить скрягу к своей философии, но результат ты видишь... А разочарование в пилигриме и осознание потери всего богатства оказалось слишком сильным потрясением для его ума.

– Он уже не поправится? – расстроилась Марта.

– Навряд ли! – Фея с сомнением покачала головой.

– Верните хотя бы горшо-о-ок! – донеслись им вслед бессвязные рыдания виконта.

Глава 11

БЕЗЗАВЕТНО ВЛЮБЛЕННЫЙ

Три месяца тому назад. Весенний бал

Принцесса обвела глазами зал и удовлетворенно улыбнулась. Среди сотни приглашенных дам не было ни одной, способной потягаться с ней богатством платья, роскошью драгоценностей, изысканностью прически и красотой.

– Иза, ты довольна? – прочирикала над ухом Марта. – Бал удался на славу!

Удостоив девушку рассеянным взглядом, Изабелла на миг помрачнела. Бирюзовые глаза Марты сияли от счастья, часть каштановых волос кольцами падала на плечи, на щеках цвел нежный румянец, грудь часто вздымалась. Вернувшись после быстрого танца с младшим сыном маркиза Дюбуа, которому ее отчим Жюльен постоянно поставлял мазь от мигрени, Марта просто лучилась радостью и без труда могла затмить свою ослепительную сестричку. «Может, мне тоже пора потанцевать? – подумала Изабелла. – А еще лучше – влюбиться. Вон как расцвела дурнушка Даниэлла после свадьбы – ее просто не узнать! Вот только в кого?»

Принцесса вновь обратила свой критический взгляд на зал, выбирая счастливицу, которому повезет стать ее партнером по танцу, а возможно, и по жизни. Сын графа Лохуша – зануда, у молодого Тартинелли дурно пахнет изо рта, барон Пристли докучлив, граф Верлен неуклюж, сын виконта Рочестера красив, но чересчур впечатлителен – с него станется в обморок грохнуться посреди танца... Ну вот, заметил, что она на него смотрит, и весь покрылся красными пятнами, бедняга! А это что за красавчик в изящном голубом костюме, держащийся на почтительной дистанции от всех? Все приглашенные разбились по кучкам и активно сплетничают, а этот, глядите-ка, подпирает стену в гордом одиночестве. И что это он делает, отвернувшись к стене? На мгновение Изабелла ослепла от солнечного зайчика, выскользнувшего из-за плеча незнакомца. Ба! Да у него там зеркальце! Поведение таинственного юноши ее заинтриговало, и принцесса продолжила следить за ним. Незнакомец тем временем вытащил гребень из-за пояса и принялся неторопливо расчесывать белесые кудри. Потом достал крошечный флакончик, сбрызнул его содержимым (по-видимому, это были духи) виски, после чего неторопливо убрал и гребень, и пузырек и развернулся лицом, устремив взгляд прямоком на принцессу. Изабелла замерла от неожиданности, а обладатель поистине ангельского лица ослепительно улыбнулся и согнулся в поклоне, исключая всякую вероятность ошибки. Сомнений не было, он улыбался именно ей и прихорашивался ради нее! Сердце Изабеллы учащенно забилося: неужели это ОН? Тот самый красивый, умный, добрый, сильный и любящий, которому предстоит стать властителем ее дум и пределом мечтаний? Принцесса окинула незнакомца зорким взглядом: богатый костюм, сшитый по последней моде, красивая прическа, уложенная волосок к волоску, правильные черты лица, большие глаза, должно быть небесно-голубые, как одежда, но с такого расстояния не различишь. Вот только почему вокруг этого красавца не вьются девицы на выданье? Как такого достойного кандидата проморгали их дотошные матушки? А впрочем, что удивительного? Судя по его взгляду, для него в этом зале не существует других девушек, кроме нее, и он этого даже не скрывает...

– Дорогая, – оторвал ее от размышлений манерный голос матери, – я хочу представить тебе маркиза Руперта Спейси, совершенно очаровательного юношу, который просто без ума...

– ...от меня! – с гримасой закончила Изабелла. Как же надоели попытки мамочки сосватать ее! Особенно сейчас, когда она, кажется, нашла того, кто ей нужен...

– Влюблен без памяти! – Королева восторженно закатила глаза. – А красив! Как картинка!

– Мама! – застонала от злости принцесса. – Прекрати!

– Да ты только посмотри... – горячо зашептала мать.

– Не желаю видеть! – демонстративно зажмурила глаза дочка.

– Да вон же он! Глаз с тебя не сводит! Руперт! – Королева приветственно махнула рукой.

– Мама, не позорь меня! – прошипела Изабелла.

– Он уже идет!

– Мама! – рывкнула принцесса, отворачиваясь в сторону. – В таком случае сама с ним и разговаривай. Я не скажу и словечка.

– Ваше величество, ваше высочество, – прожурчал вкрадчивый певучий голос. – Я счастлив быть здесь сегодня.

– Руперт, – просяла королева, – мы так рады видеть вас! Изабелла, познакомься с маркизом Рупертом Спейси, прозванным Красивым.

«Как-как, спесивым?» – хотела было съязвить Изабелла, но прежде бросила-таки взор на маркиза с нескромным прозвищем. Перед ней стоял тот самый юноша в голубом костюме, не сводя с нее восхищенных васильково-голубых глаз. «Так и есть – под цвет костюма», – машинально отметила принцесса. Также машинально она кивнула, приветствуя нового знакомого, подала руку и позволила увлечь себя в круг танцующих. При ближайшем рассмотрении маркиз показался ей еще привлекательнее, свое прозвище он получил не зря.

Впечатление портил лишь крупный длинный нос, похожий на орлиный клюв.

Спейси начал со стандартных комплиментов, уверяя ее в том, что она затмила всех дам в зале.

– Как же иначе? – поддела его Изабелла. – Я же принцесса!

– Принцесса? Нет, вы настоящая королева красоты и обаяния, – убежденно возразил Руперт.

– Как приятно, что нашелся кто-то, способный это оценить, – растаяла от подобной лести Изабелла.

– Нужно быть настоящим слепцом, чтобы не оценить ваше совершенство, – с восхищением заметил юноша. – Я был бы счастлив повторять вам это каждый день, всю жизнь, – добавил он и запнулся, поняв, что сболтнул лишнего.

Но Изабелла не стала награждать кавалера укоризненным взглядом, а, напротив, приободрила его теплой улыбкой. Кажется, Руперт только что признался ей, что мечтает заполучить ее в жены? Замечательно! О таком красивом и обаятельном муже, готовом носить ее на руках и воспевать ее красоту, можно только мечтать. А мечтать принцесса не привыкла, она привыкла получать все по первому требованию. Что ж, королева без ума от жениха, папочка против мнения супруги не пойдет, можно уже подумать о свадебном платье – чего время тянуть? Осталось только выяснить одну маленькую загадку...

– Руперт, мне показалось, вы выглядели одиноким в этой толпе. В чем причина?

– Причина? Проницательная принцесса, вы совершенно верно ее угадали – это же толпа, – с ноткой презрения заявил маркиз. – Мне неинтересны ее сплетни и злословие.

Заносчивый, отметила Изабелла, и хорошо! Будущий король должен возвышаться над своей свитой. Сколько раз она критиковала поведение собственного отца, не делающего различий между обычной птичницей и титулованной герцогиней. А такой, как Руперт, надень на него корону, быстро расставит всех по своим местам. Решено, именно такой муж ей и нужен! После танца она объявит матери о своем решении, а там уже можно озадачивать портниху свадебным платьем.

– Руперт, а вы мне нравитесь, – кокетливо заметила принцесса.

Ее кавалер довольно приосанился, не выпуская ее руки и не прекращая танцевальных па, и довольно неожиданно спросил:

– А что вам нравится во мне больше – мои глаза или моя улыбка?

«Твой нос, красавчик», – чуть не хихикнула Иза, но остановила себя. Не стоит портить отношения с будущим мужем прежде, чем объявят о помолвке. А вот после свадьбы она уж не откажет себе в удовольствии поддразнить своего щепетильного супруга.

– Глаза, – сказала она вслух, заставив кавалера зардеться от удовольствия.

– Правда, цвет костюма прекрасно оттеняет их? – самодовольно заметил Руперт.

– Я сразу обратила на это внимание, – не стала кривить душой Изабелла, хотя ее так и подмывало высмеять самолюбивого маркиза.

– Только вы, ваше высочество, с вашим тонким чувством вкуса, могли подметить это, – расплылся в улыбке носатый красавец, после чего медленным жестом провел рукой по волосам и в ожидании очередной порции комплиментов устался на принцессу.

– У вас очень красивые волосы, Руперт, – с некоторым недоумением сказала она.

– Спасибо, ваше высочество! – просиял тот. – Я не стал прятать их под шляпой или париком.

– Вы правы, – рассеянно ответила Изабелла. – Такие великолепные локоны не стоит прятать, их следует украшать...

– Вы тоже так считаете? – замер от непонятного восторга маркиз.

– Конечно! – насмешливо отозвалась принцесса. – Ваша прическа была бы прекрасной оправой для королевской короны.

– Ваше высочество, – взволнованно воскликнул Руперт, – так вы согласны? О небо, я так мечтал об этом!

И одарил Изабеллу таким пылким взглядом, что та мгновенно растаяла, забыв обо всех

своих насмешках. Что с того, что маркиз так много внимания уделяет своей внешности? Может, он просто хотел произвести на нее впечатление! Вон как разволновался, углядев в ее шутливых словах намеки на свадьбу, даже ладони вспотели.

– Вы будете моей женой? – затаив дыхание, повторил он.

– Не торопите события, маркиз, – притворно нахмурилась Изабелла. Признаться, такая восторженность и непосредственность кавалера ей весьма льстила. Этот холеный и красивый юноша того и гляди в обморок от счастья рухнет.

– Ваше высочество, не томите же меня, – проскулил он, глядя на нее сияющими глазами.

– Как я могу дать ответ, когда я не услышала самого главного? – намекнула принцесса.

– Чего же?

– Той причины, по которой вы хотите взять меня в жены. Почему именно меня? – лукаво спросила она, рассчитывая встряхнуть из жениха признание в любви. – Я заметила, что многие девушки бросали на вас заинтересованные взгляды и были не прочь с вами потанцевать. Почему вы их так жестоко проигнорировали?

– Но это же очевидно! – обворожительно улыбнулся красавец, подтверждая ее лучшие предположения.

– Я вас не понимаю, – кокетливо заметила принцесса.

– Не заставляйте меня произносить этого вслух, – не менее кокетливо заупрямился ее кавалер.

– Я настаиваю! – не унималась Изабелла.

– Ваше высочество, – с придыханием произнес маркиз, – вы единственная девушка...

«На всем белом свете», – продолжила про себя принцесса.

– ...в этом зале...

«Как, всего лишь в зале? Даже не во всем королевстве?» – неприятно удивилась Изабелла и замерла, ожидая услышать: «которую я люблю».

– ...которая достойна этого! – разбил ее надежды голос кавалера.

Руперт так и не понял, почему принцесса вырвала свою ладонь из его руки и стремительно покинула зал. Не узнал он и того, почему по возвращении она ни разу не взглянула в его сторону. Стража больше не подпустила его к королевскому трону.

* * *

В человеке все должно быть прекрасно: и одежда, и лицо, и огуречная маска.

Руперт Красивый

Дом – отражение характера своего хозяина. И обитель Руперта Красивого не была исключением. В фонтане у парадного входа в дом красовалась статуя, моделью для которой послужил хозяин замка. Мраморный Руперт стоял на постаменте, высоко задрав нос и взирая на гостей с надменной гримасой. Струи воды, бьющие из его затылка, несколько портили впечатление общего величия. Зато мозаичный пол бассейна блестел позолотой так ярко, что казалось, что мраморный Руперт попирает само солнце. Добавляли сияния и сверкающие спины золотых рыбок, по своему размеру вчетверо превосходящие декоративную рыбку Изабеллы, которой она так гордилась.

Первое, что видели гости, заходя в замок с парадного входа, был громадный портрет Руперта высотой в два этажа, занимающий всю противоположную стену. При таком масштабе больше всего бросался в глаза нос герцога, отнюдь не лучшая часть его лица. В каком бы помещении замка гости ни очутились, они ни на секунду не забывали о том, в чьем жилище находятся, потому что портреты хозяина были повсюду. В зале ожидания и в приемной, в обеденном зале и в бальном, в гостиных и коридорах – отовсюду с расписных стен, гобеленов и портретов самодовольно улыбался носатый Руперт. Апофеозом самолюбования была отдельная галерея имени Руперта, предмет особой гордости хозяина,

которая демонстрировалась всем без исключения гостям, вне зависимости от того, в который раз они навещали замок. Не избежали этой участи и фея с крестницей, ибо маркиз пожелал принять их в кабинете, путь в который лежал как раз через галерею.

Руперт в образе охотника, Руперт в образе ангела, Руперт на коне, Руперт на носу корабля, прикинувшийся к подзорной трубе, Руперт, попирающий тушу медведя... Руперт, Руперт, Руперт, Руперт. К тому моменту, когда Марта с Белиндой ступили в кабинет, они были уже по горло сыты приторной улыбкой нарисованного Руперта и их едва не перекосило от медоточивой улыбки Руперта настоящего, который поднялся им навстречу из-за стола.

– Какая честь принимать у себя посланников принцессы Изабеллы, – осканился он.

Марта с трудом подавила зевок. Минувшую ночь они с крестной провели на постоялом дворе и вылетели к замку маркиза, расположенному уже в соседней Невеции, с рассветом. Так что теперь девушку отчаянно клонило в сон, и все переговоры она с радостью переложила на плечи Белинды.

– Спасибо, что согласились нас принять, – церемонно отозвалась фея. – Мы к вам по важному делу.

– Конечно-конечно, – самодовольно ответил Руперт, приглашая их присесть на крошечные табуретки перед столом, а сам с комфортом раскинулся в широком кресле, покрытом шкурой медведя. – Я рад, что принцесса Изабелла оценила мое предложение и согласилась его принять.

Хорошо, что дамы сели, иначе бы рискнули упасть.

– Вы ведь за этим приехали? – забеспокоился маркиз, заметив, как переменялись лица гостей. – Приехали сказать мне, что принцесса согласна стать моей женой?

– Ну... – протянула Марта.

– Конечно за этим! – перебила ее Белинда. Накануне вечером за ужином в трактире они с сожалением узнали, что оба принца, на которых они делали основные ставки, недавно обручились с менее строптивыми принцессами, нежели Изабелла. По той же причине пришлось вычеркнуть и пятерых других, Менее именитых кандидатов. Так что теперь, когда список кандидатов таял на глазах, Белинда готова была вцепиться в любого более-менее подходящего жениха. Маркиз Спейси был красив, хорошо воспитан. Марта видела, как на балу Изабелла с большим интересом смотрела на Руперта и с удовольствием потанцевала с ним. Правда, что-то между ними произошло, отчего принцесса больше не желала слышать его имя, но причину объяснять не желала. Поэтому фея, выслушав Марту, решила, что прекрасного маркиза не стоит списывать со счетов: Изабелла бранится – только тешится.

Руперт просиял:

– Ах, как это хорошо! Ах, как замечательно! Я самый счастливый человек на свете!

Путешественницы недоуменно переглянулись. Сложно было предположить, что маркиз умирает от любви к Изабелле, еще труднее было догадаться, чем вызвана истинная причина его ликования.

– Когда же свадьба? – пытливо осведомился он.

– Как можно скорее, – объявила Белинда. – Собирайтесь, мы выедем уже сегодня.

– Сегодня? – подпрыгнул в кресле Руперт. – Но это невозможно!

– У вас какие-то дела? – неприязненно поинтересовалась фея. – Дела, которые важнее женитьбы на принцессе?

– Да что вы такое говорите! – взволнованно замахал руками юноша. – Что может быть важнее! Но это непосредственно связано... Как я могу явиться к принцессе в таком виде? – сокрушенно простонал он и устался на гостей в ожидании поддержки.

– По-моему, вы выглядите великолепно, – недоуменно возразила крестная.

– Ах, не утешайте меня! – заныл Руперт. – Я выгляжу ужасно. Принцесса не узнает меня, когда увидит! Она будет в ужасе! Она отменит свадьбу!

– Маркиз, я вас не понимаю, – тряхнула головой Белинда.

– Да что ж тут непонятного! – Он горестно всплеснул руками. – К королевскому балу я готовился целый месяц, с того самого дня, как получил приглашение! Принимал ванны с

душистыми травами, накладывал на лицо огуречную маску, смачивал волосы отваром ромашки, трижды в день чистил зубы особым порошком и полоскал рот отваром из лепестков шиповника, чтобы дыхание было нежным. Лучший парфюмер готовил мне изысканный аромат. Портной тем временем шил костюм, а сапожник – обувь, мой внешний облик был продуман до мелочей. И мои усилия не пропали зря – принцесса выделила меня из всех! Правда, потом отчего-то перестала разговаривать... Но я понял – она сама испугалась той любви, которую я в ней пробудил! Я вернулся домой и стал ждать, пока она поймет, что любит меня без памяти, и одумается. И вот вы здесь, а я не готов предстать перед ее высочеством из боязни разочаровать ее!

Марта закашлялась, фея потрясенно молчала.

– И сколько же времени вам нужно, чтобы предстать перед принцессой во всей красе? – откашлявшись, осведомилась Марта.

– Не меньше двух месяцев, – прикинул маркиз.

– Что же вы заранее не позаботились об этом? – язвительно поинтересовалась Белинда.

– Да зачем? – всплеснул руками Руперт. – Обычно между помолвкой и свадьбой проходит два времени года. Разве я мог предположить, что принцесса так влюбится в меня, что решит пренебречь всеми условностями? – хвастливо присовокупил он.

– А вы? – пытливо спросила фея.

– Что я? – не понял жених.

– Вы ее любите?

– Принцессу? – не без труда догадался маркиз и торопливо заверил: – Я люблю ее больше жизни.

Марта с сомнением хмыкнула, Белинда с теплотой глянула на кандидата, зарывшегося в ящик стола.

– Вот, глядите! – Он бухнул на стол тяжелую книгу в кожаном переплете. – Здесь я записываю стихи, посвященные принцессе. Хотите, прочитаю?

– Нет! – поспешно воскликнула девушка.

– Да-да, конечно! – приободрила поэта фея.

– Как распускает выющиеся косы летучий ветерок за прядью прядь и реет в них, стараясь вновь собрать и заплести их в жгут светловолосый, я вижу ясно, и в глаза мне осы любовные впиваются опять, и я мое сокровище искать бреду в слезах, обильных, словно розы², – с печальным видом прочитал романтичный юноша и обвел слушателей победным взором.

Марта молчала, удивленная донельзя трогательными строчками, вышедшими из-под пера этого напыщенного болвана. Белинда чуть не прослезилась от счастья и сладким голосом пропела:

– Продолжайте!

– Меж стройных жен, сияющих красой, она царит – одна во всей вселенной, и пред ее улыбкой несравненной бледнеют все, как звезды пред зарей, – уважил ее Руперт.

– Волшебное! – захлопала в ладоши фея. – Пожалуйста, еще!

– Нельзя представить, сколь щедро Природа и Небеса, ее не увидав, кто солнцем для меня навеки став, затмила все светила небосвода, – в упоении процитировал маркиз.

Фея, не сдержавшись, утерла слезинку и с ликованием шепнула:

– Марта, это тот, кто нам нужен!

– И вы еще сомневаетесь, что я ее люблю? – Спейси сердито шмыгнул орлиным носом.

– Что вы, ваши стихи развеяли все наши сомнения! – заверила его Белинда.

– Что с того? – сокрушенно воскликнул он. – Теперь принцесса меня неизбежно разлюбит, если я появлюсь в таком виде!

² Невероятно, но факт! Перевод стихов Руперта Красивого с эльдоррского на русский здесь и далее в точности совпадает с переводами сонетов Франческо Петрарки.

– Не волнуйтесь, – успокоила его фея. – Я же волшебница, подготовлю вас к поездке в лучшем виде за считанные мгновения.

– Правда? – с надеждой переспросил Руперт.

– Доверьтесь мне!

– Что надо делать?

– Собирайте вещи, которые понадобятся вам на первое время, и возвращайтесь, а мы подождем здесь.

– А ночевать вы тоже здесь будете? – осторожно поинтересовался жених.

– Как – ночевать? – встревожилась Белинда. Еще и до полудня далеко, утро в самом разгаре.

– Но я же не успею собраться до вечера! – заломил руки Руперт.

– Да разве это долго? – по наивности своей удивилась фея.

– А как же! – чуть не заплакал маркиз и принялся перечислять: – Одежда – два сундука, обувь – один, мази и эликсиры красоты – три сундука. Это если не брать ничего лишнего! – поспешно добавил он, заметив расширившиеся от удивления глаза женщин.

– Руперт, вы не поняли, – с нажимом сказала Белинда. – Изабелла не привыкла ждать. Если сегодня же мы не выедем из замка и завтра не будем во дворце, о свадьбе можете забыть!

– Понял, – заволновался жених. – Я мигом!

– Так бы сразу, – кивнула фея и, проводив его умильным взором, с ликованием добавила: – Идеальная партия!

– Бэль, да ты что! – возмущенно зашипела окончательно проснувшаяся Марта, как только Руперт скрылся из виду. – Этот самонадеянный болван не любит Изу ни капельки! Он из тех людей, которые, услышав признание «Я тебя люблю», ни мгновения не задумываясь, ответят «я тоже», подразумевая при этом «люблю себя!». Теперь понятно, отчего Иза на него так обозлилась на балу: увидела в нем свое собственное отражение. А двум эгоистам под одной крышей не ужиться никогда.

– Да ты посмотри, сколько он листов стихами исписал! – Фея с уважением покосилась на книгу, которую влюбленный забыл на столе.

– И посмотрю! – Марта встала с неудобного стула, обошла стол, с королевским достоинством опустила в кресло и раскрыла наугад книгу. С удивлением прочитала она стихотворение, с искренним восторгом воспевающее красоту Изабеллы и озвучивающее надежду поэта на счастье с любимой девушкой. В голове не укладывалось, что самовлюбленный Руперт способен на такие нежные чувства к кому бы то ни было, кроме себя самого. Сомнений в том, что стихотворения посвящены именно Изабелле, не было: поэт неоднократно восхищался золотом волос, синевой глаз, королевской осанкой своей музы, сопровождая стихи, которыми были исписаны все листы альбома, портретами принцессы. Неожиданно внимание Марты привлекли даты, стоявшие под стихотворными строчками.

– Вот те на! – поразились она, сопоставляя числа. Руперт писал стихи, посвященные принцессе, еще до того, как увидел ее воочию на Весеннем балу! Осененная догадкой, Марта распахнула титульный лист, на котором автор альбома обычно указывал свое имя, но ее ждало разочарование: лист был вырван. Зато на первой странице, поверх стихотворения, написанного изящным округлым почерком, было нацарапано корявыми буквами: Руперт Красивый.

– Это не его стихи! – гневно заявила Марта, указав фее на разительное несоответствие почерков. – Он присвоил себе чужую книгу и выдает ее за свои сочинения!

– Может, он просто торопился, когда подписывал ее? – неуверенно возразила Белинда, уже видевшая Руперта мужем Изабеллы.

– Ты что, не видишь? Титульный лист вырван! Руперт побоялся, что его уличат в подлоге, вот и замел следы!

– Вдруг ты все-таки ошибаешься? – не желала верить очевидному фея.

– Хоть и невоспитанно так делать, но тебя по-другому не убедишь. – Крестница

рассерженно дернула ящик стола и цапнула первую попавшуюся бумагу.

– Марта, что ты делаешь? – ужаснулась Белинда.

– Смотри, тот же самый корявый почерк! – торжествующе воскликнула девушка. – Так-так, посмотрим, что здесь.

Она принялась зачитывать текст вслух:

– «Дорогой Руперт!» – Марта нахмурилась. Неужели она ошиблась, и корявый почерк принадлежит не маркизу?

– Марта, сейчас же перестань читать чужие письма! – пристыдила ее крестная.

– «Дорогой Руперт, – менее убежденно, понизив голос, повторила девушка. – Ты единственный человек, с которым я могу беседовать на равных. Я восхищаюсь твоим умом, твоей красотой и твоими великолепными манерами, которые не в силах оценить те слепцы, которые тебя окружают. Какое наслаждение погружать пальцы в твои мягкие волосы...»

Марта запнулась: ей было неловко читать письмо любовного содержания.

– Что дальше? – нетерпеливо заерзала фея.

– Бэль! – укорила ее крестница. – Это очень личное!

– Как близкие люди невесты маркиза, мы просто обязаны знать, что за романтическое приключение у него на стороне, – ничуть не смущаясь, провозгласила Белинда.

– А тебе без того неясно, что Руперт в мужья Изе не подходит? – огрызнулась девушка, открывая ящик, чтобы убрать бумагу обратно в стол. Но фея оказалась ловчее – в один миг подскочила к крестнице и вырвала письмо из ее рук:

– Ну-ка посмотрим!

– Бэль, перестань! – Марта метнулась было с кресла, намереваясь помешать крестной, но та пригвоздила ее к месту одним махом волшебной палочки и принялась читать:

– «Какое наслаждение погружать пальцы в твои мягкие волосы, любоваться твоими совершенными чертами лица, слышать сладкозвучную музыку твоего чарующего голоса. Ты – само совершенство, которому не хватает лишь достойной оправы для того, чтобы засиять в полной мере. Королевский дворец – вот единственный на свете замок, который достоин быть твоим домом. Королевская корона – вот лучшее украшение для твоей светлой головы. Твоей женой может стать только принцесса – и никаких исключений!»

– Надо же, какое самопожертвование! – удивилась фея.

– Бэль, – тщетно возвала Марта. – Прекрати, это некрасиво!

– Не учи меня жить, – беззаботно отмахнулась крестная и, сгорая от любопытства, уткнулась в бумагу. – Кто же эта потерявшая голову от любви глупышка?

Она вытаращила глаза и потрясение закашлялась.

– Только не говори, что письмо писала Иза, я все равно не поверю, – посоветовала Марта. – Ее почерк я прекрасно знаю.

– Мари, ты неверишь, – булькнула фея, – когда узнаешь, кто автор...

– Бэль, ты меня пугаешь! Не хочешь ли ты сказать, что это написала королева?

– Да как тебе в голову такое взбрело! – возмутилась крестная.

– Не томи, – поторопила заинтригованная Марта. – Кто автор?

– Сама посмотри! – Белинда махнула палочкой, возвращая девушке способность двигаться, и протянула ей бумагу.

Марта поспешно пробежала глазами последнюю строчку: «Дорогой мой, единственный Руперт! Я люблю тебя так, как никто на свете! Твой Руперт»

– Твой Руперт? – потрясенно повторила она. – Не понимаю...

– А чего тут понимать? – ухмыльнулась фея. – Парень совсем тю-тю! Пишет себе письма и сам себе в любви признается.

– Бедняга, – ошарашено протянула Марта. – Наверное, он очень одинок!

– Да он просто псих!

– Значит, из женихов ты его уже вычеркнула? – насмешливо спросила девушка. – А как же свадьба?

– Не бывает этому!

– Отрадно слышать. И все же, – Марта положила руку на переплет тома, – откуда он взял этот альбом? И кто автор?

– Действительно, – озадачилась фея. – Такую книгу заполучить не так просто – их хранят в тайниках и посторонним не показывают. Может, это написал кто-то из его слуг?

– Бэль, ты совсем не знаешь жизни, – покачала головой крестница. – Такие альбомы могут позволить себе только очень богатые аристократы. Посмотри, какая дорогая у него обложка, какие плотные листы! Да и много ли среди слуг грамотных? Даже если поверить в то, что кто-то из простых работяг способен влюбиться в заносчивую Изабеллу и называть ее жемчужиной на дне морском? Нет, автор этих стихов богат и великолепно образован, – убежденно заключила Марта. – И он совершенно точно любит Изу по-настоящему. Вот кого нам надо искать!

– Интересно, как? – скептически осадил ее Белинда. – Будем брать образцы почерка у всех аристократов трех соседних королевств? Так Изабелла может до зимы проспять! А вдруг окажется, что этот поэт давно женат? Только время попусту потеряем...

– Но ведь ничто не мешает нам сравнить почерки намеченных нами женихов со стихами?

– Это всегда пожалуйста, – одобрила фея. – А пока придется огорчить бедного Руперта. Он с такой радостью побежал собирать вещи! И как ему теперь сообщить, что свадьбы не будет?

– Обойдется, – отрезала Марта. – Ничего сообщать мы ему не будем, а то он нас в замке заперёт и не выпустит, пока не вытрясет из тебя любовное зелье, чтобы Изу наверняка охмурить.

– Предлагаешь сбежать не попрощавшись? – удивленно моргнула Белинда.

– Уверяю тебя, маркиз сейчас весь в сборах и думах, что взять с собой во дворец. Нашего исчезновения он не заметит до утра – вряд ли он управится раньше. Главное – незаметно выскользнуть из замка.

– Хорошо, – неожиданно покладисто согласилась фея. – Вот только сперва кое-что сделаю...

Волшебница подскочила к портрету Руперта, изображенного с книгой в руках, и, обведя палочкой его аккуратную шевелюру, пририсовала ему две густые белокурые косы, добавив к каждой из них по красиво повязанной голубой ленте. Пока Марта хихикала у двери, расшалившаяся фея и костюм нарисованного Руперта на женское платье поменяла.

– Теперь портрет придется выбросить! – довольно заключила Белинда.

– Бэль, ты как всегда в своем репертуаре. Теперь он влюбится в себя окончательно и бесповоротно, – простонала крестница, согнувшись пополам от хохота.

– Ты думаешь?

– А чего тут думать? Ты сама видела его письмо.

Фея нахмурилась и через мгновение исправила свои художества. Теперь с портрета смотрел Руперт, постаревший лет на пятьдесят, с глубокими провалами морщин, клочковатой седой бородашкой и гладкой, как коленка, макушкой.

– Бедный Руперт, – хихикнула Марта, – его удар хватит!

– Но это уже без нас. – Волшебница всучила крестнице том со стихами и подтолкнула ее к двери.

Подобная участь постигла и десятки нарисованных Рупертов, которые попались фее по пути к выходу. Состаривать маркиза она больше не стала, зато, проявив изрядную изобретательность, внесла в каждый из портретов эффектную деталь – где наградила замужнего жениха ветвистыми оленьими рогами, где – козлиными копытами, где – свиным пятачком. Само собой, и без гигантского орлиного клюва не обошлось! К счастью, слуг по дороге они почти не встречали – видимо, все были привлечены к сборам вещей. А работники, хлопочущие во дворе, не обратили на них внимания, так что поспешный отъезд гостей из замка прекрасного маркиза остался незамеченным.

Глава 12

ПРЕДЛОЖЕНИЕ РУКИ И СЕРДЦА

Шесть месяцев тому назад. Зимний бал

Зимний бал был в разгаре. Принцесса торопливо шла через море гостей: после быстрого танца ее прическа растрепалась, и Марта уже ждала ее в дамской комнате, чтобы подколоть выбившиеся локоны. Гости, не прерывая танца, почтительно расступались, и она миновала уже середину зала, как вдруг один из приглашенных не пожелал уступить ей дорогу и сильно толкнул. Изабелла вскинула на него злые глаза, и очередная колкость замерла на ее устах, покоровшись этому виноватому взгляду незнакомых бархатно-карих глаз.

– Прошу прощения. – Низкий голос коснулся ее запыхавших щек, озорным ветерком скользнул вниз по шее. – Я чуть не сбил вас с ног... Готов понести любое наказание.

– Любое? – эхом повторила Изабелла, совершенно смешавшись от этого взгляда, от этого чарующего голоса и мигом растеряв все свое острословие.

– Любое. Но только одно из них способно искупить мою вину полностью.

– Какое же?

– Носить вас на руках всю оставшуюся жизнь.

«Что себе позволяет этот наглец! Как он разговаривает с принцессой?» – вскинулся внутренний голос, но Изабелла его не слушала: ее сердце сладко замерло при мысли о том, что именно этот мужчина может стать ее мужем. Что именно в этих глазах она будет видеть свое отражение всю оставшуюся жизнь, что звучание именно этого голоса будет сопровождать ее каждый день и именно этим рукам будет позволено проникать сквозь шелка ее платьев и освобождать ее стан от плена кружев. От этих неожиданных мыслей принцесса окончательно смешалась и не смогла достойно ответить на его дерзкие слова. Незнакомец пришел ей на помощь:

– Понимаю, это предложение стоит хорошенько обдумать. Быть может, я смогу хотя бы частично загладить свою вину этим танцем?

Изабелла и не заметила, как громкие фанфары быстрого танца сменили нежные напевы флейт и зал наполнился медленно кружащимися парами. Она позволила незнакомцу увлечь себя в круг танцующих, досадуя в душе на то, что так и не успела привести в порядок прическу. Выглядеть в глазах прекрасного брюнета неряшливой растрепой, потерявшей диадему, ох как не хотелось.

– Я совершаю сегодня ошибку за ошибкой, – повинился тот, кружа ее под музыку. – Танцую с прекрасной дамой, даже не будучи ей представленным. Позвольте исправить свою оплошность. Барон Артур Клермонт к вашим услугам.

Принцесса не смогла сдержать улыбки. Мать прожужжала ей все уши про ослепительного красавца барона, живущего отшельником где-то в глуши и обладающего, по слухам, баснословным состоянием. Из чувства противоречия Изабелла по обыкновению сморщила свой идеальный нос и объявила, что представления о красоте у них с матерью разные, а состоятельные кавалеры, как правило, зануды, которые наводят на нее скуку через минуту общения. Теперь же она была счастлива услышать его имя. Ведь оно означало, что барон свободен, а тот факт, что он явился на бал, нарушив свое уединение, говорит сам за себя – он спит и видит, как повести ее под венец! И сейчас просто пожирает ее глазами, как будто ожидая, что она именно сейчас скажет свое «да».

– Так вы скажете? – Казалось, Артур окликнул ее уже не в первый раз, но Изабелла, увлеченная своими мыслями, не расслышала его сразу.

– Вы требуете от меня ответа прямо сейчас? – удивилась она.

– Требую? Да что вы! Я умоляю.

– Но вы должны понимать, это очень сложный вопрос.

– Именно поэтому я даю вам время подумать.
– Спасибо, вы очень любезны!
– Но оно уже закончилось!
Изабелла подняла на него недоуменные глаза.
– Ну не томите же, прекрасная незнакомка! – взмолился ее кавалер.
Незнакомка?
– Скажите же мне ваше имя!
Ее имя? Он что, издевается над ней?
– Да вы интриганка. Что ж, не говорите. Я узнаю его сам. Имя самой прекрасной придворной дамы выяснить не так сложно.
Изабелла даже споткнулась от изумления. Вот те на! Да он ее не узнал!
– Прошу прощения, я вас совсем засмутил, – по-своему трактовал ее неуклюжесть барон, удержав от падения. – Не знал, что во дворце можно встретить такой нежный цветок.
– А кого же вы ожидали здесь встретить? – К Изабелле вернулся ее прежний норв. – Циников и грубиянов?
– Судя по характеру принцессы, они бы пришлись ко двору.
Изабелла вспыхнула от этой дерзости, но вовремя прикусила язычок, решив какое-то время сохранить свое инкогнито.
– И что же не так с ее характером? – как можно небрежнее спросила она.
– Вам ли этого не знать, – мягко улыбнулся нахал. – Не сомневаюсь, вам пришлось многое вытерпеть от вашей госпожи.
– Принцесса всегда была добра ко мне, – не сдержав негодования, возразила Изабелла.
– О, вы можете не притворяться. Уж мне-то прекрасно известно отношение придворных и слуг к юной наследнице.
Каков нахал!
– Разумеется, это отношение самое почтительное. Это невозможно не заметить, – убежденно произнесла Изабелла.
– Не лукавьте. Ни за что не поверю, что вы настолько слепы, чтобы быть уверенной в своих словах.
– А, по-вашему, каково это отношение? – раздраженно спросила Изабелла.
– Это же очевидно: слуги ее терпеть не могут и страшатся, как вурдалака в полнолуние. А придворные и знать терпят ее выходки только из уважения к ее родителям и короне... Что с вами? Вам нехорошо?
– Здесь ужасно жарко, – прошептала Изабелла, чувствуя, как ее щеки пылают жаром.
– А мне показалось, что я вам сделался противен оттого, что чересчур резко отозвался о вашей госпоже, – огорчился Артур.
– И это тоже. Вы ее совсем не знаете. Принцесса может быть очень доброй!
– Вижу. – Его взгляд задержался на золотом ожерелье Изабеллы и ее тяжелых серьгах. – Судя по этим драгоценностям, вас вознаградили за изрядное терпение. Да и платье вполне могло бы принадлежать принцессе – вероятно, оно разонравилось ей, и она подарила его вам за какую-нибудь услугу.
– Принцесса Изабелла очень щедра, – не стала спорить Изабелла.
– Несомненно, – неожиданно согласился ее кавалер. – На ругань и колкости.
– Вы ее совсем не знаете! – вступилась за свою честь Изабелла. – Когда вы узнаете ее лучше, вы измените о ней свое мнение, – пообещала она.
– О, не приведи небо познакомиться с ней ближе! – изобразил ужас барон Клермонт.
– Почему же? Многие мужчины только и мечтают об этом.
– Я не из их числа.
– Не лукавьте. Вы же прибыли во дворец с определенной целью. Всем известно, для чего устраивается сезонный бал.
– Разумеется, я это понимаю, – признал ее кавалер. – Мое появление здесь – знак уважения к королю и королеве, отчего-то решившим, что я могу составить достойную

партию принцессе.

– Действительно, весьма странная мысль! – не сдержалась Изабелла.

– Ничего странного. После того как принцесса своим вздорным нравом отвратила от себя всех достойных женихов, ее родителям пришлось снизить планку. Только благодаря глупости принцессы я здесь.

– Вы забываетесь! – вспыхнула Изабелла. – Принцесса – очень образованная особа, каждый день ее посещают учителя. Она изучает языки, арифметику, литературу, музыку, историю и даже астрономию!

– Похоже, вы выполняете за нее домашние задания, раз так хорошо осведомлены об ее образовании, – насмешливо протянул барон. – Это объясняет ее дорогие подарки.

– Вы женоненавистник? – не осталась в долгу Изабелла.

– Я? – изумленно моргнул ее кавалер.

– Почему же вы тогда отказываете принцессе хоть в капле ума?

– В капле, пожалуй, нет, – согласился Артур. – Капля и у канарейки имеется.

– Вы настолько невысокого мнения об ее умственных способностях? – опешила принцесса.

– Вы правы, – внезапно признал ее кавалер. – Канарейка поумнее будет. Эта сообразительная птичка всегда подпустит к себе самца, а не станет клевать его в темечко и обчирикивать на глазах у всех.

– По-вашему, если принцесса отвергла предложенных ей женихов, так она тупа как пробка? – разозлилась Изабелла.

– А, по-вашему, это показатель ее ума? – парировал несносный барон.

– По-моему, это показатель того, что никто из них не смог тронуть ее сердце, – отрезала принцесса.

– Разве можно тронуть то, чего нет? – усмехнулся Артур. – Насколько мне известно, принц Эрик был без ума от нее, а она безобразно нагрубила ему на глазах у всех собравшихся, высмеяв его...

– Всем свойственно совершать ошибки, – вспыхнув, возразила Изабелла.

– Но для принцессы ошибки – это образ жизни, – констатировал ее кавалер.

– Также, как и дерзость – для вас! – не осталась в долгу девушка.

– Вы защищаете ее так рьяно, словно вы ее сестра, – насмешливо протянул барон.

– А может, я и есть принцесса? – с вызовом вскинула глаза Изабелла.

– Вы? – удивленно проговорил Артур и убежденно заявил: – Никогда!

– Почему же? – развеселилась Изабелла. – Разве мои драгоценности и платье не говорят о принадлежности к самым высшим слоям знати? А диадему я могла обронить и во время танца. Быть может, в тот момент, когда вы меня толкнули, я как раз спешила из зала, чтобы поправить прическу и приколоть корону?

– Даже если бы на вас было три короны, все равно вы не принцесса, – отрезал невыносимый барон.

– Почему же вы отказываете мне в этой чести? – надула губки Изабелла.

– В чести ли? – усмехнулся он. – Будучи наслышанным о характере принцессы, могу предположить, что это скорее не честь, а клеймо.

Изабелла опешила и не смогла найти слов.

– И все же вы не можете быть ею, – задумчиво разглядывая ее, проговорил барон Клермонт. – Для принцессы у вас чересчур вздернутый нос и недостаточно высокомерный взгляд. К тому же ваша способность стремительно краснеть никак не вяжется с дерзким характером принцессы.

Изабелла сама удивлялась, как она еще не обрушила на этого нахала весь свой запас злословия и язвительности. Почему-то рядом с ним она робела, краснела и терялась, как растяпа Марта. Вот и сейчас, вместо того чтобы поставить наглеца на место, она думала только о том, как бы сбежать отсюда до того, как он поймет, с кем танцует. Артур расценил ее молчание по-своему.

– Давайте не будем портить такой чудесный танец разговорами об особе, которая этого совершенно не заслуживает.

– Не будем. Тем более что он уже закончился.

Пылая негодованием, Изабелла выдернула ладонь из руки барона и собралась уже сбежать от своего дерзкого кавалера, как перед ними возник молодой герцог Диваль.

– Не сейчас, Генри, – шикнула на него она, пытаясь обойти юношу.

– Но ваше высочество, – расплылся в улыбке тот, – вы обещали мне мазурку!

– Высочество? – недоверчиво переспросил барон.

Изабелла метнулась в сторону, в надежде избежать невыносимых объяснений, но попала в цепкие материнские руки. Королева, дождавшись окончания танца, поспешила к дочери, чтобы закрепить важное знакомство своим материнским благословением.

– Я вижу, вы уже познакомились? – проворковала она, волоча за собой Изабеллу, не поднимавшую взора. – Ах, дорогой барон, каким наслаждением было наблюдать за вашим слаженным танцем, за вашим задушевным разговором. Признайтесь мне, о чем вы секретничали весь тур напролет?

– О канарейках, – процедила сквозь зубы Изабелла.

– Об астрономии, – одновременно с ней с почтением произнес барон.

Изабелла подняла на него глаза и замерла от внезапной мысли: уж если кому на этом свете и суждено укротить ее строптивый нрав, то только этому невыносимому барону. Но никому никогда на свете она не позволит обращаться с собой таким образом! Что ж, первый этап поединка она бесславно проиграла, но у нее еще есть возможность взять реванш. Он еще пожалеет о том, что явился на этот бал и посмел так дерзко высказываться о ней! В глазах Изабеллы зажглись шальные огоньки, и с губ слетели первые ядовитые слова...

* * *

Только встретишь девушку своей мечты, как все испортит злобная фея...

Артур Клермонт

Замок барона Клермонта, на которого Белинда возлагала большие надежды, находился в такой глуши, что путешественникам пришлось добираться до него с полудня почти до заката. Полет прошел без особых происшествий, если не считать маленькой шалости метлы: заведя вдалеке стаю мирно летящих уток, она резко уклонилась от курса и рванула к ничего не подозревающим птицам. При виде неопознанного летающего объекта утки дико загалдели и разлетелись в разные стороны. Не догнав беглянок, метла еще немного покрутилась в небе, невзирая на ругань Белинды и мольбы Марты, а потом таки соизволила продолжить полет по заданному курсу. Неизвестно, что возымело действия больше: угрозы феи разобрать метлу по пруту и использовать их для разведения костра или обещания девушки покрыть черенок слоем позолоченного лака. Так или иначе метла позволила Белинде взять управление полетом в свои руки и обеспечила дамам самую мягкую посадку на цветочной лужайке неподалеку от замка.

Хорошенько замаскировав метлу в кустах малинника, путешественницы вышли на дорогу, ведущую к замку. Судя по начинавшей пробиваться под ногами травке, гости не часто радовали барона своим появлением.

– Значит, нам обрадуются, как родным! – оптимистично предположила фея, когда Марта озвучила свою догадку.

До ворот оставалось с десятков шагов, когда загремело смотровое окошко и оттуда выглянула усатая физиономия.

– О, нас уже встречают! – Фея приветливо помахала рукой и ускорила шаг, но обладатель пышных седых усов сдвинул брови и поспешно захлопнул створку.

– Кажется, нам здесь не рады, – констатировала Марта.

Белинда решительно застучала кулачком в дверь, не спешившую отвориться навстречу

гостьям. Из-за ворот не донеслось ни звука.

– Эй, любезный! – выкрикнула волшебница, забарабанив ногой в дверь. – Мы же видели, что вы там. Проявите уважение к дамам!

– Чего вам? – недружелюбно поинтересовался престарелый привратник, отодвигая затвор окошка и глядя на путешественниц исподлобья.

– Нам нужен хозяин.

– Барон? – напрягся седоусый.

– Он самый.

– А зачем он вам?

– Послушайте, что за дерзость! – поразила фея. – У нас к нему личное дело.

– Дело королевской важности, – добавила Марта.

– Так личное или королевской важности? – хмуро осведомился страж. – Если личное, то шли бы вы, дамочки, отсюда подобра-поздорову. Уж послушайте старого Бенуа. Вам же лучше будет, – с неожиданной заботой произнес он.

– Нет, это переходит все границы! – закипятилась Белинда. – Немедленно отведите нас к барону!

– А хозяин на охоте, – не моргнув глазом, соврал страж. – И пускать никого не велено.

– Что ж, – теряя терпение, объявила фея, – тогда мы расположимся здесь, у ворот, и будем ждать его возвращения.

– А он вернется не раньше, чем через три дня, – гнул свое привратник.

– Куда же он так далеко на охоту укатил? – с сарказмом поинтересовалась Белинда.

– В Ламар, – привычно соврал усатый. – У него там поместье. От второй жены.

– От второй? – подпрыгнула на месте фея. – Так он женат?

– Был, – лаконично отозвался страж.

– И сколько раз? – уточнила Марта.

– Бенуа, что там такое? – раздался за воротами повелительный низкий голос.

– Да тут к вам гости, господин барон, – нехотя признался страж.

– Что же ты держишь их за воротами? – В голосе прорезались металлические нотки. – Опять за свое, Бенуа?

– Прошу прощения, господин, – шмыгнул носом усатый, отворяя дверь.

Первой, смерив привратника испепеляющим взглядом, во двор замка вплыла Белинда.

Следом вошла Марта.

И пропала.

Фея о чем-то говорила барону, тот с улыбкой что-то отвечал и указывал на аллею, ведущую к замку, – очевидно, приглашал в дом, но Марта не слышала их разговора. Ее сердце оборвалось, потому что перед ней стоял мужчина, в сравнении с красотой и обаянием которого меркли все королевские сыновья. Неотразимый, прекрасный, совершенный... Мужчина ее мечты, который предназначался в мужа Изабелле.

– Марта, ты меня слышишь? Марта! – тщетно взывала к ней Белинда. Девушка ее не слышала.

Барон повернулся к ней, их глаза встретились, и Марте стало нечем дышать. Он смотрел на нее так, как будто ждал ее всю свою жизнь. В его взгляде отразилась и тоска ожидания, и ликование встречи, и обещание счастья.

– У вас глаза такого редкого цвета, – глухо пробормотал Артур и улыбнулся.

– Бирюзовые...

– Скажите, барон, вы не пишете стихов? – некстати встряла фея, вспомнив про альбом, изъятый у Руперта Красивого.

– Стихов? – удивился тот. – Прежде не писал. Но возможно, – он многозначительно глянул на Марту, – еще напишу.

От этих простых слов, от этого ласкового взгляда, от этой опьяняющей близости девушка покачнулась.

– Марта, девочка моя, – подскочила к ней обеспокоенная Белинда. – Что с тобой? Да у

тебя никак солнечный удар!

– Ничего, крестная, – слабо улыбнулась она, опершись на ее руку.

Солнечный удар – вот как это называется. А они с Изой еще спорили, на что похожа любовь, и Иза наивно считала, что сострадание, которое испытывала Марта к вечно голодному и оборванному трубочисту и потому украдкой носила остатки с королевского стола, и есть любовь. Тогда Иза и ее почти в этом убедила. А когда появился Сэм, Изабелла приняла за любовь ее симпатию к привлекательному и смекалистому пареньку. А любовь на самом деле вот такая – как солнечный удар, как горячка, как ураган, сбивающий с ног, как...

– Позвольте, я... – Руки барона обхватили Марту за талию.

– Не знаю, удобно ли это, – засомневалась фея.

– Ваша крестница устала с дороги. Вы проделали долгий путь, чтобы увидеть меня. Позвольте теперь мне позаботиться о вас.

...как землетрясение. Земля уплыла из-под ног Марты, иона очутилась на руках у барона.

– Ах, барон, зачем же вы сами, – заволновалась Белинда. – Поручите это кому-нибудь из слуг.

– Ни один из слуг и пальцем не коснется этой благородной леди, – посуровел барон и зашагал к замку, держа Марту в руках с такой осторожностью, словно она была фарфоровой куклой.

Насколько длинной показалась аллея Белинде, идущей следом и переживавшей из-за опасной близости Марты к жениху Изабеллы, настолько короткой почудилась она самой Марте, разомлевшей в руках неотразимого красавца. До самого дома она украдкой разглядывала барона. Волевой подбородок, который не скрывала короткая иссиня-черная щетина, рассказал ей об упрямом нраве хозяина. Чуть заметные морщинки в уголках глаз и рта шепнули о его веселом нраве. Смутила только родинка под правым глазом – если верить старой книжке, которую как-то притащила из библиотеки Иза, ее местоположение свидетельствовало о непостоянстве барона. И судя по наличию, как минимум, двух жен, книга не была лишена смысла. Артур Клермонт был старше всех предыдущих женихов, ему было не меньше тридцати лет, но это лишь прибавило ему шарма в глазах Марты.

Барон остановился у фонтана перед главным входом в замок и усадил Марту на краешек бассейна. Затем опустился на колени, зачерпнул ладонью прохладной воды, спугнув стайку золотых рыбок, и провел влажными пальцами по щекам девушки, заставив ее вздрогнуть и едва не упасть в водоем.

– Вам лучше? – заботливо спросил он, поддерживая ее за плечи.

– Да, благодарю, – пролепетала она, изо всех сил вцепившись пальцами в край бассейна, и отвела взгляд, сделав вид, что заинтересовалась радужными рыбками, снующими в прозрачной воде. – Какие милые!

– Раньше их было больше, – рассеянно ответил барон. – До того, как...

Марта с интересом вскинула на него глаза и заметила, как в очах прекрасного аристократа мелькнуло какое-то странное выражение – то ли гнев, то ли боль.

– Впрочем, неважно, – запнулся он, поднимаясь с колен. – Посидите здесь в тени? А я пока сделаю необходимые распоряжения.

– Конечно, – кивнула девушка и, проводив взглядом стремительно удалявшегося барона (в нем все было прекрасно – с какой стороны ни глянь), погрузила ладонь в прохладную воду бассейна. Мягкое журчание фонтана казалось пением райских птиц, а золотые рыбки – солнечными зайчиками, запутавшимися в радуге.

– Красивый замок, – прагматично оценила Белинда, подходя к крестнице. – Приятный хозяин. Ума не приложу, как он мог наговорить дерзостей Изабелле.

– Он что сделал? – с затаенной радостью переспросила Марта.

– Сделал Изабелле выговор за недопустимое для принцессы поведение и сказал, что с такими манерами она никогда не выйдет замуж, невзирая на свой титул и приданое, – припомнила фея. – Я не знаю точно, она мне в подробностях не рассказывала. Тебе,

наверное, виднее.

– Так это был он? – не веря своим ушам, удивилась Марта.

Грубиян с манерами батрака, о котором с гневом отзывалась Иза, и благовоспитанный барон – одно и то же лицо?

– Иза была просто вне себя от ярости, – едва скрывая улыбку, добавила она, вспомнив, как горело лицо принцессы и как слетали с ее губ ругательства в адрес нахала. Сама Марта тогда с бароном разминулась и очень жалела, что не видела того человека, который не побоялся отчитать Изабеллу. Они и сегодня-то не должны были встретиться: Артура Клермонта в тающем на глазах списке женихов не значилось. Но крестная, сверившись с картой, уверенно направила метлу в замок барона Клермонта. На все расспросы Марты волшебница загадочно отвечала, что у нее предчувствие и что она уверена: это тот, кого они ищут. Марте и в голову не приходило, что Артур Клермонт и нахал, так разозливший Изабеллу на Зимнем балу, – одно и то же лицо, до тех пор, пока фея не сказала ей об этом.

– Ты знаешь, – сообщила Белинда, – по-моему, он ей понравился.

– Да нет, не может быть! – убежденно возразила Марта. – Я еще не видела, чтобы Изабеллу кто-то так выводил из себя.

– В том-то все и дело, – победно заключила крестная. – Он не оставил ее равнодушной!

– Равнодушной – нет, – парировала Марта. – Но ни о какой симпатии не может быть и речи.

– Ты думаешь, наша гордая Иза призналась бы тебе, что этот дерзкий нахал пришелся ей по душе? – резонно возразила фея.

– Ты не слышала, что она о нем говорила. Она была готова его придушить. А отнюдь не расцеловать! – раскраснелась Марта, отстаивая свою точку зрения.

– От любви до ненависти – один шаг, – нравоучительно изрекла крестная. – Ты никогда не думала, что Изе нужен именно такой муж, который будет в состоянии ее приструнить?

– Совсем недавно ты говорила, что идеальным супругом для нее будет безропотный и покорный герцог Пиф! – язвительно напомнила Марта.

– Я ошибалась, – невозмутимо пожала плечами Белинда.

– Нет, Бэль, ты все еще ошибаешься, проча Изе в мужья барона, – сердито сказала девушка. – Вряд ли он ее любит. Да и она сама никогда не согласится выйти за него замуж.

– Уж не думаешь ли ты, что Изабелла откажется от своего счастья ради твоего? – неожиданно спросила фея.

– Ты о чем? – рассеянно отозвалась Марта, глядя за спину Белинды, где на ступенях парадной лестницы возник безупречный силуэт прекрасного хозяина.

– Девочка моя, твоя крестная бывает глупой, но я не слепая, – понимающе улыбнулась волшебница. – Я прекрасно вижу, что ты попала под обаяние барона.

– Ничего подобного! – горячо возразила Марта. Хозяин замка стремительно сбежал с лестницы и приближался к ним – не хватало еще, чтобы он услышал их разговор.

– Проще говоря – влюбилась!

– Бэль, перестань сейчас же! – Девушка вскочила с края бассейна. – Замолчи!

– Влюбилась, влюбилась, влюбилась! – продолжила ее дразнить крестная.

– Да, – нервно выкрикнула Марта, понимая, что эта часть беседы уже не станет секретом для барона и нужно срочно спасать положение. – Я просто влюбилась в это место, в этот замок...

– В его хозяина, – ехидно подсказала фея.

Барон деликатно кашлянул за спиной Белинды, и та испуганно обернулась.

– Мы говорили о вашем замке, – сконфуженно сказала Марта, не зная, куда девать глаза.

– И о вашем гостеприимстве, которое располагает к себе с первого взгляда, – неожиданно пришла ей на помощь крестная. – С нашей миссией мы побывали уже в нескольких семействах, но такой искренний прием встретили только у вас.

– Благодарю, – улыбнулся барон, не менее смущенный тем, что стал невольным

свидетелем разговора, не предназначенного для его ушей. – Но вы преувеличиваете мои заслуги. Я еще даже не пригласил вас в дом. Прошу!

Белинда бодро поспешила к лестнице, Марта, изо всех сил стараясь выглядеть невозмутимой, последовала за ней. На одной из ступеней она споткнулась, и барон, замыкавший шествие, заботливо поддержал ее за локоть. Марта вспыхнула и быстро застучала башмачками по ступеням.

Внутри замок барона очаровал Марту своей простотой и уютом. Здесь не было показной роскоши, как в замке виконта Крезе, не было мрачных золоченых горгулий и нависающих над головой балок, как в замке Пиф, не было раздражающих взор портретов владельца и смещения стилей, как в замке графа де Муруа. Дом Клермонта был приятным, светлым, просторным и радующим взгляд. Определенно, ей бы хотелось стать его хозяйкой!

– Да, – разочарованно шепнула ей крестная, пока барон вел их по лестнице вверх, – замок далеко не роскошный, хотя и принадлежит барону. Нашу Изу таким не удивишь.

– Да ты что, Бэль? – удивилась Марта, восхищенная увиденным.

– Впрочем, ты права, – продолжила гнуть свое фея. – Иза в эту медвежью дыру нипочем не поедет, молодые будут жить во дворце, так какая разница, в самом деле?

Артур деликатно предложил дамам отдохнуть с дороги, а о деле поговорить за обедом. С часок понежив спины, затекшие от долгого неудобного сидения на метле, путешественницы набрались сил, и фея позвала крестницу осмотреть владения барона и заодно разведать обстановку на предмет подозрительных обстоятельств и связей.

Путешественницы прошлись по аккуратному садику, засаженному фруктовыми деревьями, полюбовались небольшим прудиком, словно кружевом окаймленным белоснежными чашечками лилий. Любовалась в основном Марта, а ее крестная вертела головой по сторонам, пытаясь выискать хоть одного словоохотливого слугу, который выболтает им все тайны своего хозяина. Однако, судя по несколько заброшенному виду парка, слуги работой себя не утруждали. Крайне разочарованная, фея потащила крестницу к замку.

Путешественницы свернули за угол дома и так и замерли, залюбовавшись работой слуги. Плечистый и темноволосый, как сам барон, в намокшей от пота светлой рубахе парень рубил дрова – да так ладно и с такой силой, словно занимался этим всю свою жизнь.

Фея деликатно кашлянула, слуга обернулся, и дамы с изумлением узнали в нем самого барона.

– Вы что, дрова рубите? – выпучила глаза Белинда.

– Как видите, – ничуть не смутился потомственный аристократ.

– А почему этого не делают слуги? – продолжила удивляться фея.

– А их нет. Я распустил всех, кроме старого Бенуа.

– Но почему? – поразились Белинда.

– Они мне не нужны.

– Но как же вы управляетесь?!

– Я живу один, мне много не надо.

– Вы что, один всем занимаетесь? – осенило фею. – И за садом ухаживаете, и двор метете, и еду готовите, и дрова рубите?

– А что, плохо получается? – усмехнулся барон. – Понимаю, сад и пруд успели одичать без ежедневного ухода. Но зато кролика я приготовлю, – он лукаво подмигнул, – пальчики оближете!

– Но когда в вашем замке появится хозяйка, без слуг все равно будет не обойтись, – намекнула Белинда. – Вы же не взвалите на хрупкую девочку всю тяжесть хозяйственных работ.

Артур неожиданно помрачнел, с ожесточением разрубил чурку и отбросил топор в сторону.

– Прошу меня извинить. Пойду проверю кролика.

Он подхватил с земли грудку поленьев и покинул дам так стремительно, что они даже не успели что-то ответить.

– Да, – озадаченно протянула фея, поворачивая обратно к саду. – Или наша Иза ему так серьезно насолила, что он и слышать о ней не хочет, или он убежденный холостяк.

– После двух браков? – припомнила Марта слова Бенуа. – Сомневаюсь!

– Девочка моя, неудачные партии оставляют в душе мужчины глубокие трещины, – с мудрым видом изрекла Белинда. – Его предыдущие женушки вполне способны были внушить ему ненависть ко всему женскому полу.

– Что-то я этого не заметила, – с невинным видом вставила крестница, намекая на теплый прием барона и на заботу, которую он проявил по отношению к ней.

– А на твоём месте я бы вообще держала глаза закрытыми. Ибо каждый раз, когда ты смотришь на барона, они становятся размером с золотой, – осадила ее тетюшка и жестко напомнила: – Не забывай: барон предназначен в мужья Изабелле, а на тебе он никогда не женится, даже если отвергнет принцессу.

Марта закусил губу и молчала всю оставшуюся часть прогулки, Белинда же успела перебраться парой фраз с чудачком Бенуа. Тот неожиданно вынырнул из-за куста одичавших чайных роз, которыми любовалась фея, и, щелкнув перед ее носом заржавевшими садовыми ножницами, зловеще посоветовал, чтобы они убирались отсюда до наступления темноты, а то ему страсть как неохота убирать их трупы. Белинда пригрозила ему превращением в жабу, если он не перестанет им угрожать. На что Бенуа едва не расплакался и с досадой заявил, что его-то бояться как раз и не нужно. Барон – вот средоточие зла!

– Что ж, в таком случае я спокойна за супружескую жизнь Изабеллы, – разжала губы Марта, когда слуга скрылся в зарослях. – Они будут прекрасной парой.

– Что-то тут нечисто, – насупилась Белинда. – Надо бы в этом разобраться!

– И как ты собираешься это делать?

– Да, в отсутствие слуг сделать это будет непросто, – с огорчением признала фея. – А с этим ненормальным разговаривать нет смысла. Если все слуги сбежали, а этот остался, значит, с ним тоже не все в порядке.

В полном молчании (Марта продолжила дуться на крестную, а та погрузилась в размышления о том, как выудить скелеты бароновых жен из шкафа) дамы прошествовали вдоль заросших клумб с розами к крыльцу замка. Там их поджидал красавец барон, к неодобрению Белинды весело полировавший носы своих охотничьих сапог.

– Ужин готов, – отрапортовал он, опалив Марту взглядом ласковых глаз. – Прикажете подавать на стол?

– Мы будем совсем скоро, – царственно объявила Белинда, утаскивая крестницу в замок. – Только переоденемся к обеду.

– Переоденемся? – изумилась девушка, едва поспевая в след за феей. – Да у нас ничего с собой нет!

– Дорогая, не забывай: я волшебница! – горделиво провозгласила Белинда.

– Такое разве забудешь, – чуть слышно пробормотала Марта, с содроганием представляя шедевры портновского искусства, которые способна создать тетюшкина волшебная палочка вкупе с изощренной фантазией крестной.

Догадки Марты оказались недалеко от истины: на основе ее довольно милого дорожного платья фея умудрилась сотворить некое подобие савана. Черное, колючее, прямое и мешковатое, оно тщательно маскировало все изгибы девичьей фигуры, а глухой воротник и длинные рукава максимально скрывали тело.

– Бэль, – возмутилась Марта, отчаянно почесываясь, – это рубище что, из терновых нитей шили? Колется, как шиповник!

– Да, это, конечно, не шелк, – спокойно признала фея, так что крестница поняла, что противная ткань – не ошибка волшебницы, а ее задумка. Значит так, да? Решила вырядить ее как пугало, да еще ткань колючую подсунуть, чтобы Марта без конца чесалась и ей не до

барона было? Ну ладно, тетушка, еще поглядим, кто кого! Девушка потянулась к шпилькам, намереваясь выпустить свои роскошные локоны, способные украсить даже это жуткое платье, но наткнулась на жесткую корку спутанных волос.

– Ой! – сорвалось с ее губ.

– Нравится? – невинно отозвалась Белинда. – Я решила заодно прибрать твои волосы по последней моде.

– И как эта мода называется, – едва сдерживая раздражение, поинтересовалась крестница, – воронье гнездо или прошлогодний муравейник?

– Не все ли равно? – подколола ее фея. – Перед кем тут красоваться-то? Кроме барона и Бенуа, тут никого нет.

– Я так мечтала сразить своей красотой Бенуа, – съязвила Марта. – Подпав под мое обаяние, он бы нам поведал все тайны этого замка.

– Не беспокойся, моя дорогая. Все тайны этого замка я беру на себя.

– Тогда мне действительно не стоит беспокоиться, – хмыкнула девушка. – Только предупреди заранее, когда ты приступишь к дознанию, чтобы я успела унести ноги прежде, чем замок рассыплется по кирпичику.

Несмотря на отсутствие десятка слуг, обеденный стол оказался сервирован на славу. Не сказать, чтобы стол ломился от яств и деликатесов, но были и фрукты, и сыр, и ветчина, и орехи, и вино. Кролик, запеченный на вертеле, как и обещал барон, оказался чудо как хорош и просто таял во рту. Белинда так увлеклась, что на время забыла о цели их визита. А Марта и барон к еде почти не притронулись, ведя многозначительный разговор на языке взглядов. Наконец фея с сожалением отодвинула пустую тарелку с аккуратно сложенными косточками, пригубила домашнего вина, похвалила кулинарные таланты хозяина и приступила к главному. Марта, пока крестная нахваливала Изабеллу и подводила барона к предложению руки и сердца, с несчастным видом мяла под столом салфетку и сверлила взглядом полупустую тарелку. Голос барона донесся до нее как будто бы издалека, и девушка не сразу поняла, о чем говорит Артур. А когда поняла, не поверила своим ушам.

– Боюсь, это невозможно, – невозмутимо повторил барон.

– Вам не нравится Изабелла? – расстроилась фея.

– Принцесса – прелестная девушка, – опроверг ее слова Артур. – Но я люблю другую.

– Что, свадьба уже решена? – вконец закручинилась Белинда.

– Пока нет, – с запинкой произнес барон, гипнотизируя глазами Марту. – Но за этим дело не станет.

– Не сомневаюсь, ваша избранница – просто ангел во плоти, если вы предпочли принцессу и корону ей, – не скрывая разочарования, проворчала фея.

– Она лучшая девушка на всем свете, – убежденно произнес барон, не сводя взгляда с Марты.

Мужчину не смущало ни жуткое рубище, в которое фея обрядила свою очаровательную крестницу, ни то спутанное воронье гнездо, в какое превратились блестящие шелковые локоны девушки. Казалось, он не видит всей этой мишуры, глядя в самую душу Марты через ее искрящиеся при свете свеч глаза и наслаждаясь ее совершенной красотой.

– Послушайте! – Перехватив взгляд барона, Белинда вспомнила о своей второй крестнице, в данный момент подвергавшейся оголтелому флирту со стороны почти женатого ловеласа, и вспыхнула: – Если ваша невеста – лучшая на всем свете, почему вы не сводите глаз с моей крестницы?!

– Потому что она и есть моя будущая жена, – медленно произнес Артур.

Белинда ошеломленно ахнула, Марта стремительно покраснела и опустила глаза.

– Марта, вы согласны стать моей женой? – донесся до нее откуда-то издалека взволнованный голос хозяина замка.

– И какой, интересно, по счету? – вклинилась фея.

Барон на миг переменился в лице.

– Пятой, – холодно ответил он.

Фея невольно крикнула. Бенуа-то говорил всего о двух!

– И что же случилось с первыми четырьмя? – строго поинтересовалась она.

Барон сжал кубок с вином так, что костяшки пальцев побелели.

– Они погибли, – глухо произнес он.

– Кошмар! – ужаснулась Белинда и обратилась к Марте: – Нет, нам это не подходит! Моя крестница не станет жить в замке, по которому бродят призраки четырех невинно убиенных женщин, рискуя повторить их участь, – наугад брякнула она. И, похоже, попала в точку.

– Бенуа, глупец! – прорычал барон и обернул лицо, искаженное мукой, к волшебнице. – Как вы, образованная и мудрая дама, можете верить этим грязным сплетням?!

– Барон, вы забываетесь! Марта, мы немедленно покидаем этот замок! – Фея с решительным видом поднялась из-за стола.

– Я согласна, – чуть слышно прошелестела Марта, не двигаясь с места и встретившись взглядом с бароном.

– Конечно, ты согласна! – сердито пробурчала фея. – Твоя тетушка Белинда плохого не посоветует. Идем же скорей отсюда!

– Я согласна стать вашей женой, – уже громче повторила крестница, не глядя на фею.

– Марта, девочка моя, да что ты такое говоришь! – заголосила та. – Не смотри на него, немедленно отведи взгляд! Да этот злодей тебя зачаровал!

Девушка подняла осмысленный взгляд на переполошившуюся крестную.

– Бэль, я в своем уме.

– Но это недопустимо, Марта! – с досадой вскричала фея.

– Почему же? – с несвойственной ей решимостью поинтересовалась Марта. – Почему для Изабеллы это допустимо, а для меня – нет? Почему пять минут назад ты была счастлива сосватать Изу за барона, а когда такая честь выпала мне, ты немедленно выставила его злодеем и преступником? Почему ты отказываешь мне в этом счастье? Ты же моя крестная и должна заботиться о моем благополучии!

Волшебница покраснела от возмущения.

– Тебе самой прекрасно известно почему! – жестко оборвала она крестницу. – Потому что Изабелла – принцесса, потому что она – благородных кровей. А ты – прости, что напоминаю – дочь прачки! Потомственные бароны не женятся на прачкиных дочках!

Марта в сердцах взмахнула рукой, уронив свой полный доверху кубок. Вино кровавым пятном разлилось по скатерти. Ей хотелось провалиться сквозь землю, и она не смела поднять глаз на барона.

Прачкина дочка! Вот кто она! Несмотря на воспитание, полученное у лучших учителей, несмотря на богатые наряды, которые шились на принцессу, а достались ей, дочке прачки. Дочкой прачки она была, дочкой прачки и останется. Как глупо было с ее стороны поверить в то, что барон согласится жениться на ней, девушке без роду и племени! А ведь ей на мгновение показалось, что над ним не властна магия титулов и громких фамилий. Он принимал ее как принцессу, даже не поинтересовавшись ее происхождением, и Марта на какое-то время поверила, что она и есть принцесса. Принцесса, всю жизнь жившая в тени своей блестящей подруги и наконец-то заслужившая право на счастье, любовь и своего принца. Глупая, какая глупая!

– Это совершенно неважно, – донесся до нее сквозь пелену слез и гул в ушах ровный голос барона. – Я женюсь на Марте, а не на ее матери.

– Барон, вы не понимаете, что говорите! – заволновалась фея.

– Отчего же. Прекрасно понимаю.

– Вы собираетесь жениться на Марте, зная, что она простолюдинка? – воззвала к его разуму волшебница.

– Именно, – заверил барон.

– И когда же свадьба? – недоверчиво спросила Белинда.

– Надеюсь, как можно скорее, – решительно заявил барон, заставив Марту покраснеть от смущения.

– Но к чему такая спешка? – вмешалась фея.

– Я не вынесу долгой разлуки с девушкой, которая украла мое сердце, – просто признался барон, заставив сердце Марты забиться пойманной в сачок бабочкой.

– Надеюсь, вы хотя бы собираетесь по всем правилам посвататься к ее родителям? – обреченно поинтересовалась Белинда, кажется смирившаяся с неизбежным.

– Ты с ума сошла, Марта! – возмущалась фея несколькими мгновениями позже, когда путешественницы уединились в своей комнате. – Да он же просто играет с тобой! Наобещал всего-всего, чтобы голову тебе задурить и соблазнить. Наверняка сегодня придет повидать тебя в полночь – даже не вздумай отпирать ему дверь!

– Бэль, – вспыхнула Марта. – Да как ты можешь так обо мне думать!

– ...И окно тоже, – без всяких угрызений совести добавила разгневанная крестная. – Я за тебя отвечаю головой, колпаком и волшебной палочкой. Если тебя не уберегу, из фей меня выгонят поганой метлой!

– Я смотрю, только это тебя и заботит, – вспыхнула Марта. – А мое счастье для тебя на последнем месте!

– Мари, ну как ты можешь такое говорить! – искренне огорчилась Белинда. – Я же нутром чую – что-то с этим бароном не так. И жены его погибли одна за другой... И тебе руку и сердце предлагает так стремительно.

– А я что, страшила какая, что мне руку и сердце нельзя предложить? – оскорбилась девушка.

– Мари, но не после пары часов знакомства! – возвала к ее благоразумию фея.

– Бэль, а ты не заметила, – ехидно вернула Марта, – что все это время мы только и занимаемся тем, что ищем Изабелле женихов, которые знают ее от силы пару часов, а то и вовсе ее в глаза не видели?

– У Изабеллы особый случай, – насупилась Белинда. – Ее расколдовывать надо, тут уж не до церемоний.

– А я вообще никогда церемонии не любила, – пожала плечами Марта. – Без них куда лучше!

– Мари, ты совсем потеряла голову! – Фея укоризненно покачала головой и направилась к двери.

– Ты куда? – бросила вслед Марта.

– Ты, вероятно, хотела спросить – надолго ли? Не надейся, скоро вернусь, – усмехнулась Белинда. – Только побеседую с Бенуа по душам – надо же мне знать, что за подозрительный тип набивается в мужья к моей любимой крестнице.

Марта с удивлением посмотрела на закрывающуюся дверь. Странно, что крестная не наказала ей строго-настрого не покидать комнату и не встречаться с бароном... Осененная догадкой, девушка подскочила к двери и потянула ее на себя. Бесполезно, что и требовалось доказать. Дверь была крепко запечатана заклинанием. Остается только ждать возвращения тетушки...

Белинда явилась через час, мрачная и решительная. Ни слова не говоря Марте и игнорируя ее расспросы, навесила магическую решетку на окно, долго-долго водила палочкой вдоль стен и простукивала их кулачком, потом сосредоточенно колдовала над дверью.

– Да что тебе такого наговорил этот пройдоха Бенуа? – не выдержала Марта, когда фея принялась с озадаченным видом ходить вокруг нее и махать палочкой.

– Предупреждаю сразу: то, что он мне сказал, тебе совсем не понравится, – угрюмо отозвалась Белинда. – Но нам нужно убираться отсюда как можно скорее. К сожалению, вот-вот наступят сумерки, и было бы глупо собираться в дорогу на ночь глядя. Еще неизвестно,

где безопасней – в лесу или здесь. Поэтому переночуем тут и постараемся выжить, а с рассветом немедленно покинем замок и впредь не будем к нему никогда приближаться.

– Что за глупости! – вскипела Марта. – Можно подумать, барон явится к нам ночью с кинжалом и прирежет в своих кроватях!

– Поверь мне, – мрачно заметила Белинда, – это далеко не худший вариант.

– Не желаю слушать этот бред! – взвилась девушка. – Как можно верить рассказам полоумного слуги? Ты видела Артура – он добрый, он внимательный и заботливый. Не смей говорить гадости про моего будущего мужа! И немедленно выпусти меня отсюда – я хочу его видеть!

– Глупая! – с досадой вскричала Белинда. – Да он погубил четырех своих жен! Одна свернула шею во время охоты, вторая сгорела заживо в винном погребе, третья упала с башни и разбилась насмерть, четвертую нашли в фонтане с разможенной головой.

Марта дрогнула, вспомнив, как водой из этого самого фонтана барон отирал ее щеки и как блестели тогда на солнце золотые рыбки. «Раньше их было больше, – сказал тогда он. – До того, как... Впрочем, неважно». И в глазах его мелькнуло странное выражение, которое Марта тогда приняла за тоску и сожаление. А это было отражение жестокости.

– Возможно, это были несчастные случаи? – упавшим голосом спросила она.

– Конечно, несчастные! – саркастически воскликнула фея. – Первая жена, будучи великолепной наездницей, *случайно* грохнулась с превосходно обьеженной лошади. Вторая *случайно*, а как же иначе, заперлась в горящем погребе. Третья полезла в башню и *совершенно случайно* вывалилась с балкона. Четвертая шла по двору, *случайно* оступилась, ударилась головой о борт бассейна и, потеряв сознание, захлебнулась в фонтане. А ведь еще были две невесты, которые даже не дожили до свадьбы! Одна, не пойми от чего, скончалась за неделю до торжества, а вторая – вечером после помолвки. И тоже конечно же *абсолютно случайно*! Желаете продолжить череду случайностей?

– Я тебе не верю, – потерянно прошептала Марта. – Артур не мог этого сделать.

– Советую тебе забыть это имя навсегда, – отрубила Белинда. – Когда же ты поймешь, что крестная тебе плохого не посоветует?

– Когда увижу собственными глазами, что Артур такой, каким ты егоставляешь, – упрямо цеплялась за последнюю надежду девушка.

– Уверена, этой ночью у тебя будет такой шанс. Знаешь, что я обнаружила в кувшине с питьевой водой? – Фея кивнула на сосуд, стоящий на лавке у стены. – В нем две трети сонного отвара. Обнаружить его можно только магическим способом, по вкусу и цвету он от простой воды неотличим. Нам с тобой еще повезло, что мы сразу спустились к ужину и не успели отпить из кувшина, иначе отключились бы еще до трапезы. Ты не обратила внимания, что барон удивился нашему появлению?

– Еще бы ему не удивиться, – вступилась за любимого Марта, – ты забыла, во что меня нарядила? Кстати, немедленно избавь меня от этой гадости! – Она с ненавистью покосилась на балахон. – Тоже мне – крестная называется! Умчалась слушать байки полоумного слуги, а мне даже платья сменного не оставила.

Белинда, не глядя, махнула палочкой через плечо и вернула девушке ее дорожное платье – судя по аромату белой розы, разлившемуся по комнате, уже отчищенное магическим образом.

– Бэль, ты ничего не забыла? – с нажимом поинтересовалась крестница.

Фея молча махнула палочкой еще раз, и волосы Марты упали на плечи шелковой волной.

– Так-то лучше, – пробурчала девушка, заплетая их в косу.

– Барон надеялся усыпить нас еще днем, – занудно повторила Белинда. – И я даже боюсь предположить, что он потом собирался с нами сделать.

– Мечтать не вредно, – сердито буркнула Марта, самодовольно полагая, что ее вредной тетке уж точно ничего романтического со стороны Клермонта не грозит.

– Мари, о чем ты думаешь! – укоризненно воззвала фея. – Я решительно тебя не узнаю!

Я уж думала – околдовал он тебя, но нет, никакому магическому воздействию с его стороны ты не подвергалась.

– Так вот ты чего так долго надо мной палочкой водила! – надулась девушка.

– Я же твоя крестная, я за тебя в ответе!

– Ладно, – вздохнула Марта, – не будем ссориться. Скажи лучше, что ты собираешься делать?

Белинда молча подошла к лавке и взяла в руки кувшин.

Через час из комнаты гостей раздавался такой залиvistый храп, что можно было подумать, в замке гостят не две нежные дамы, а два десятка крепких вояк. Несколько мгновений позже на пороге возник черный силуэт: незванный гость с явным удовлетворением прислушался к доносящимся из-за двери звукам и взялся за ручку. Мягкими, неслышными кошачьими шагами он подкрался к широкой кровати, на которой белели силуэты спящих, и склонился над ними. Затем, немного помедлив и оглянувшись по сторонам, беззвучно вынул кинжал из ножен на поясе. Лезвие ярко блеснуло в лунном свете, и в следующий миг искры посыпались из глаз убийцы. Последнее, что он увидел, прежде чем погрузиться во тьму, были злорадная ухмылка волшебницы и слезы в глазах ее прекрасной крестницы.

– Готов, злодей! Теперь ты мне веришь, Мари? – Фея, довольная успешно проведенной операцией по обезвреживанию преступника, с ликованием обернулась к девушке.

Все прошло как по маслу. Сигнальное заклинание, оставленное на пороге, предупредило дам о крадущемся госте. Кувшин, всю воду из которого фея вылила в окно, и пустой оказался весьма увесистым: подтверждением его убийственной силы являлось тело барона, распростертое у их ног. Прыткий душегуб явился быстро – даже заклинание «антисон», которым заговорила себя и Марту фея на случай, если злодей не станет торопиться, не понадобилось. А о том, что побочным действием «антисна» явилась фантастическая сила, Белинда, похоже, даже не догадалась...

Улыбка померкла на устах волшебницы, когда она увидела, что плечи крестницы сотрясаются от беззвучных рыданий.

– Мари, девочка моя! – Она заключила Марту в объятия. – Ну не плачь, моя ягодка, все уже закончилось, он больше не причинит нам вреда.

– Ты его убила? – всхлипнула спасенная невеста.

– Надеюсь! – Фея злобно пнула убийцу, валявшегося у их ног, в бок.

– Бэль!

– Да живой он, живой. Что ему сделается? Я так понимаю, – она покосилась на безутешную крестницу, – добивать его мы не будем? А зря. Из гуманных соображений к его будущим жертвам можно было бы. Жаль, и на воспитательную работу времени нет... – Белинда подошла к окну и тихим свистом вызвала метелку, которая уже ждала их, явившись из лесу и притаившись на крыше.

Метла, чувствуя, что дело серьезное, шутить не стала и покорно влетела в окно. Правда, не отказала себе в удовольствии ощутимо ткнуть прутьями валявшегося на полу мужчину, из-за которого пришлось ни свет ни заря пускаться в дорогу. Но зато потом аккуратно развернулась, подставила черенок дамам и приготовилась к взлету.

– Быстрей, Марта, пока этот душегуб не очнулся, – поторопила крестницу Белинда.

Путешественницы уже сели на метлу, когда вдруг фея сорвалась с места и наклонилась над бароном, быстро поводя вокруг его головы волшебной палочкой.

– Бэль, что ты делаешь? – с дрожью поинтересовалась Марта. С крестной станется наградить красавца Артура оленьими рогами или заячьей губой.

– Спасая других невинных девушек. Фея распрямилась, и в глазах ее блеснули шальные искорки. – Теперь барон не сможет кружить им головы красивыми словами, потому что отныне он будет говорить правду и только правду. Какой бы неприглядной она ни была.

После подобных откровений жениться в пятый раз ему будет весьма затруднительно. И вот еще что! – Она мстительно ухмыльнулась и махнула палочкой. Подбородок барона стремительно покрылся темной порослью. – Посмотрим теперь, как ты, красавчик, будешь соблазнять дам. Надеюсь, они умрут со смеху при виде тебя!

Фея быстро запрыгнула на метелку, и та вылетела в окно. Белинда одобритительно похлопала послушную метлу по черенку, но та, вместо того чтобы набирать высоту, камнем упала вниз... Ругая строптивую метелку почему зря, фея потеряла ушибленную ногу и отряхнула юбку.

– Марта, ты как?

– Нормально, – отфыркиваясь от пыли, отозвалась крестница.

– Что это еще за выкрутасы? – набросилась фея на метелку, которая вытянулась на земле и прикидывалась веткой. Невдомек ей было, что небрежный хлопок, которым она наградила метлу, лег на бедную метелку таким тяжелым ударом, что едва не переломил ее надвое. – Разбираться будем после, а пока давай без фокусов! – строго наказала она и, подняв метлу с земли, приготовилась к взлету.

Марта запрыгнула следом. Конечно, падать с высоты второго этажа второй раз не хотелось, но куда опасней было оставаться во дворе замка, зная, что вот-вот Артур очнется и кинется за ними в погоню. Вторая попытка оказалась более удачной: метла, медленно набирая ход, взмыла в воздух, давая путешественницам возможность в последний раз оглядеть мрачную громаду замка. В одном из окошек мелькнул дрожащий огонек, и дамы разглядели заспанную физиономию Бенуа. Подслеповато шурясь, престарелый слуга одной рукой удерживал свечу, а другой поправлял сбившийся чепчик. Фея шаловливо помахала ему рукой, а Марта охнула, заметив в окне гостевой комнаты очнувшегося барона. Земля стремительно удалялась от них, и до девушки донеслось всего несколько слов, которые в отчаянии выкрикивал Артур им вслед:

– Стойте! Вы все неправильно поняли! Марта, я лишь хотел...

Ветер унес окончание фразы. Марта украдкой смахнула набежавшую слезу, на мгновение усомнившись: а вдруг странное поведение Артура можно как-то объяснить, и он не желал ей зла? И тут же отругала себя: каких еще доказательств ей надо? Он прокрался к ним в комнату с кинжалом и, если бы не крестная, наверняка бы перерезал им горло!

– Знаем-знаем, что ты хотел, голубчик, – мрачно пробубнила фея. – Извини, что пришлось тебя разочаровать...

– Бэль, – очнулась Марта, – а что ты такого сделала напоследок, отчего дамы должны умереть со смеху при виде барона?

– Наградила его особым знаком отличия, – чрезвычайно довольная собой, ответила фея. – Густой, красивой бородой.

Действительно, Марте показалось, что, когда барон появился в проеме окна, его щеки покрылись длинной щетиной, но она списала это на обман зрения.

– А в чем подвох? – не поняла девушка.

– Она синяя-синяя, – шаловливо хихикнула фея.

Глава 13 ОЗАБОЧЕННЫЙ

Первым делом – клистир, а девушки потом.

Герцог Асприн

Остаток ночи путешественницы провели на постоялом дворе. Марта так и не смогла заснуть; фея, чувствуя тоску крестницы, тоже едва сомкнула глаза. За завтраком, расспросив хозяина трактира о последних новостях, дамы едва не застонали от отчаяния: еще четверо вероятных кандидатов, проживавших в Невеции, сорвались с крючка по причине женитьбы.

– Хорошие женихи долго в холостяках не задерживаются, – грустно пошутила Марта.
– Что ж, – резюмировала Белинда, – здесь нам больше делать нечего. Остается попытать счастья в Эльфирии – там у нас живут оставшиеся пятеро кандидатов. Для начала проведем герцога Асприна.

– Что-то я такого не знаю, – наморщила лоб Марта.

– О, это темная лошадка! – лукаво улыбнулась фея. – Богат, живет в уединении в своем поместье, не показывается на балах и приемах уже несколько лет. На все приглашения на королевские балы отвечал вежливым отказом, ссылаясь на болезнь.

– Он что, больной? – нахмурилась Марта.

– Надеюсь, что нет, – хмыкнула Белинда. – Только как иначе деликатно отказать королевской семье, чтобы не выказать им свое неуважение?

– Не думаю, что он нам подходит, – покачала головой Марта. – Нам нужен тот, кто любит Изабеллу. А как он может любить ее, если в глаза не видел? Извини, Бэль, но в любовь с первого взгляда на портрет я не верю.

– В том-то и дело! – ликующе возразила фея. – В шестнадцать лет он был без памяти влюблен в Изабеллу! Помнишь те анонимные письма, которые каждое утро приносил Иза голубь?

– Так это он их писал? – подпрыгнула Марта, вспоминая историю трехлетней давности. Изабелла тогда извелась от любопытства, а фея две недели молча наблюдала за метаниями крестницы, а потом вдруг в момент вычислила отправителя, взмахнув над голубем волшебной палочкой. К сожалению, сейчас Белинде не удалось таким образом вычислить автора альбома со стихами, посвященными Изабелле, а вот три года назад фокус удался. В воздухе тогда возникло изображение незнакомого нескладного юноши с невыразительными чертами лица и уныло-пепельными волосами, который бережно прикреплял записку к лапке голубя. Принцесса была страшно разочарована, потому что возомнила поклонника взрослым красавцем с карими очами и каштановыми кудрями и даже приписывала авторство графу де Муруа. О поклоннике она с тех пор не вспоминала. Марта иногда подшучивала над ней, предрекая, что скоро ее давнишний воздыхатель начнет выезжать в свет и ей предстоит встретиться с ним лицом к лицу. Но нескладный юноша на королевских балах так и не появился...

– Ты думаешь, его чувства сохранились? – усомнилась Марта. – Столько времени прошло...

– Ну так мы его и спросим! Намекнем, что Иза до сих пор по нему вздыхает и нежно хранит его письма.

– Но это же неправда!

– Мари, ты, главное, помалкивай и дай своей крестной устроить счастье Изабеллы. Порой из маленького обмана рождается большая любовь!

После обеда путешественницы уже спешили в замок герцога Асприна. Вокруг не было видно ни души, а дверь в воротах была слегка приоткрыта, так что дамы беспрепятственно проникли во двор и потрясенно замерли. В крепости царил тишина, не нарушаемая даже отдаленным криком петуха или мычанием коровы. Не было слышно ни привычной болтовни стражников, ни шумной возни слуг. Марта даже поежилась, ей показалось, что так, должно быть, выглядели замки в разгар чумы.

– Унылое местечко, – озвучила ее мысли фея. – Вымерли тут все, что ли?

Впереди у хозяйственных построек мелькнула мужская фигура.

– Эй, любезный! – громко окликнула Белинда.

Мужчина вздрогнул, обернулся и бросился к ним, замахав руками и что-то тихонько бормоча.

– Что? Не слышу! – воскликнула фея.

– Тише, да что вы так кричите! – взволнованно залепетал слуга, подбегая к ним. – Не ровен час, господин из-за ваших криков мигрень заработает, тогда всем тут несладко

придется.

– Да что у вас происходит-то? – удивилась Белинда. – И почему не видно никого, эпидемия какая?

– Эпидемия? – с ужасом повторил слуга и простонал: – Только не это!

Он отскочил назад, заслонил лицо засаленным рукавом и замахал на них другой рукой.

– Прошу вас, уходите, пока вы тут кого-нибудь не заразили. Еще одного курса клистиров мы не переживем.

– Почтенный, ты в своем уме? – начала закипать Белинда, наступая на него.

Слуга боязливо попятился, глядя на нее выпученными глазами поверх рукава, и пролепетал:

– Пощадите!

– Бэль, дай я, – осадила ее Марта и обратилась к бедняге: – Не бойтесь нас, мы здоровы, и вам ничего не грозит. Мы посланники принцессы, и нам нужно видеть вашего хозяина. Но сперва объясните нам, что здесь происходит? Почему никого не видно, отчего так тихо? Почему не слышно даже коров и овец?

– И при чем тут клистиры? – буркнула фея.

– Как, вы ничего не знаете? – удивленно моргнул слуга, отводя руку от лица. – Разве лекарь вам ничего не объяснил?

– Какой лекарь? – брякнула Белинда.

– Как? – ужаснулся слуга, вновь прикрыв лицо и отскочив еще на два шага дальше, как будто фея только что сообщила, что больна чумой. – Вас разве не осматривали?

– Да кто нас должен был осматривать? – поразились фея.

– Ворота были открыты, мы вошли, и вы первый, кого мы здесь увидели, – пояснила Марта.

– Ох уж этот Гастон! – сердито проверещал слуга из-за рукава. – Поди, опять втихаря улизнул в деревню за молоком. Вот ведь паршивец, – в сердцах присовокупил он, – хоть бы предупредил – я бы ему творожка заказал.

– Простите, но мы вас не понимаем... – недоуменно молвила Марта.

– Да чего тут понимать, – сокрушенно проговорил слуга. – Лекаря звать надо!

– Кому? – удивилась Белинда.

– Вам! – огорошил ее мужичок.

– Нам? – еще больше поразились фея. – Но зачем?

– Как это зачем? Никто не может проникнуть в замок без полного врачебного осмотра.

Приказ герцога, – сообщил слуга.

– Хорошо же у вас гостей встречают, – оторопела Белинда.

– Да какие гости! – в сердцах отозвался мужик. – От герцога уже все знакомцы давным-давно отказались. Вы, считай, первые посетители с зимы. Вы уж тут пока постоит, а я лекаря приглашу. Только, прошу, не уходите никуда, а то мне здорово влетит от хозяина.

– Пойдите, – окликнула его фея. – А нельзя ли обойтись без лекаря?

– Приказ герцога, – занудно повторил слуга.

– Но дело в том, что я сама в некотором роде целительница.

– Да ну? – с подозрением покосился на нее слуга.

– Волшебница я, – горделиво представилась Белинда. – Крестная фея принцессы Изабеллы, из Эльдорры.

Мужик присмирел, отнял рукав от лица и с почтением поинтересовался:

– А девушка?

– А девушка – дочка королевского лекаря Жюльена.

– Того самого? – с еще большим уважением произнес слуга.

– Того самого, – с удивлением подтвердила Марта.

– Что ж, тогда он, быть может, вас и примет, – рассудил мужик.

– Так обойдемся без лекаря? – уточнила фея.

– Думаю, обойдемся, – разрешил слуга. – Пусть бедолага выпится – всю ночь хозяина

от мигрени пользовал, только недавно заснул. Как о вас доложить?

Наказав гостям ждать его возвращения у неприметной сараюшки и не покидать санитарную зону, мужичок потрусил к замку.

– В интересное место мы попали! – поразилась фея. Но не успели дамы обменяться впечатлениями, как слуга вернулся.

– Можно идти? – заторопилась Белинда.

– Придется подождать, – остановил ее мужичок. – Я лишь сообщил о вас дворецкому – мне-то в замок ходу нет, мало ли какую заразу во дворе мог подхватить, – хмыкнул он. – Когда еще этот хмырь доложит о вас хозяину! Извольте обождать.

– Только вы нас не покидайте, – ухватилась за него фея. – Вы нас так заинтриговали. Расскажите же нам подробнее, что тут происходит и к чему нам готовиться.

Слуга, назвавшийся Проспером, охотно отозвался на ее просьбу и, отведя дам в тень сараюшки, где они с комфортом разместились на лавочке, начал рассказ, который поверг фею с крестницей в полнейшее изумление.

Герцог Асприн получил титул рано – в семнадцать лет. До того момента он рос обычным мальчишкой: гонял наперегонки с товарищами, любил поразвлечься на охоте, хорошенько поест и никогда не задумывался о своем здоровье. Но в тот год, когда юному Теодору исполнилось семнадцать, семью постигла череда несчастий. Сначала отец, крепкий, здоровый мужчина, получил рану на охоте. Рана не была тяжелой, но герцог затащил с вызовом лекаря и тем самым подписал себе смертный приговор. После похорон отца Тео замкнулся в себе и четко осознал, что он и его родные смертны и подвержены болезням, и задался целью обезопасить себя, мать и младшую сестру. Он заперся в библиотеке и углубился в чтение медицинских книг, которые окончательно изменили его мировоззрение и необратимо повлияли на сознание.

Узнав о существовании сотни различных недугов, один другого страшнее, Тео принялся искать у себя тревожные симптомы неизлечимых хворей, а кто ищет, тот, как известно, всегда найдет. Не проходило и недели, чтобы Тео не объявил об обнаружении у себя новой болячки. Замок превратился в лазарет, а самыми частыми гостями в нем сделались лекари. Доставалось и матери с сестрой, у которых неутомимый Теодор обнаруживал то признаки лихорадки, то симптомы дифтерии. Лекари не подтверждали диагнозы, герцог страшно гневался и называл их бездарями. В результате возле него остались одни шарлатаны, готовые за звонкую монету подтвердить любой, самый недостоверный диагноз. Неумехи умудрились залечить до смерти пышущую здоровьем герцогиню: бедняжка подхватила легкую простуду, а прохвосты-лекари окончательно подорвали ее здоровье вредными снадобьями. Безутешный сын схватился за голову и разогнал всех докторов, вернув в замок проверенного лекаря, который служил семейству верой и правдой двадцать лет. Вместе с лекарем герцог, до ужаса боявшийся болезней и заразы, разработал целый комплекс предупредительных мер.

С тех пор гости, прибывшие с визитом, и даже торговцы, которых не пускали дальше хозяйственных барачков, были вынуждены подвергаться врачебному осмотру. При малейшем подозрении на простуду или заразную хворь посетителям указывали на ворота – лекарь предпочитал подстраховываться. Однажды он не придавал особого значения нескольким прыщикам на щеке помощника аптекаря, и замок охватила эпидемия ветрянки, которую принес с собой улыбчивый паренек. Заслышав о том, что сей недуг не лечится, а проходит сам без вмешательства докторов, герцог впал в негодование и приказал лекарю поставить всем обитателям замка десять клистиров в течение пяти дней. Герцог был искренне убежден, что клистир – эффективное средство от всех болезней, и переубедить его в этом не было никакой возможности. С начала этого года обитатели замка пережили уже два курса клистиров, вот почему слуга так перепугался, когда с уст незнакомой дамы слетело слово «эпидемия».

Впрочем, увлечение этим методом лечения было не самой большой причудой герцога.

Вычитав из медицинской книги, выписанной из самого Арстенира, считавшегося центром науки, о существовании паразитов, которые могут проникнуть в организм с мясом животных и птицы, и насмотревшись на ужасающие иллюстрации к этой статье, впечатлительный герцог отказался от любимых окороков, куриного бульона и, на всякий случай, даже от перепелиных яиц. Не прошло и дня, как опустели коровник и птичий двор: герцог приказал избавиться от всех домашних животных. Слуги с радостью растащили всех – кто отправил живность к родственникам из ближайших селений, кто продал, заработав хорошую прибавку к скудному жалованью. Отказ герцога от мяса, повергший за собой изменение рациона и всей прислуги, поначалу показался работникам безобидным. Мясо для бедняков всегда было непозволительной роскошью, и известие о том, что их хозяин отныне перешел на такие же овощные похлебки и зерновые каши, которыми изо дня в день питались батраки, только порадовало их. Но уже на третий день стало понятно, что радоваться нечему. Лишившись коров и кур, слуги остались и без привычных молока, творога, сметаны и яиц, смириться с отсутствием которых было не так просто. Вот и бегали с тех пор в окрестные деревни за молочком – украдкой от хозяина, считавшего деревни рассадниками заразы.

Год, последовавший после отказа от мяса, был рыбным – в той же книге герцог вычитал, что рыба необычайно полезна для здоровья, и в семьях окрестных рыбаков настал праздник. Умельцы поставляли в замок корзины с карпом и форелью, а герцог не скупился на вознаграждение. Крупная рыба шла на стол хозяину, а мелкую отдавали прислуге – хозяин заботился не только о собственном здравии, но и о здоровье своих работников. Девять батраков умерли, поперхнувшись рыбными костями, но это была незначительная плата за острое зрение, крепкие кости и улучшившуюся память других слуг.

Рыбная идиллия закончилась в тот день, когда гонец из Арстенира привез новый выпуск медицинского справочника. Из него герцог Асприн с ужасом для себя узнал, что в рыбе может содержаться ядовитое вещество, которое, накапливаясь в организме, ведет к малокровию, болезням сердца и даже к слабоумию. Теодор слег в тот же день, обнаружив у себя все признаки означенных недугов, и поклялся, что, если ему удастся превозмочь болезнь, отныне он станет питаться только растительной пищей, как советовал авторитетный целитель Расмус Веганский. Лекарь неделю не отходил от постели герцога и оправдал доверие больного: на восьмой день Теодор встал, а лекарь слег от нервного перенапряжения.

В замке начался «зеленый» год. Рыбаки, оставшиеся без работы, срочно переметнулись в грибки. Крестьянские детишки пропадали в лесу, собирая орехи и каштаны. Охотники, дождавшись лета, стали с ружьем ходить по малину, отгоняя от лакомства медведей. В самой крепости на месте бывшего птичьего двора разбили огород и теплицу, и теперь бывшие доярки и птичницы гнули спину над грядками, выращивая огурцы и горох. Герцог с энтузиазмом поглощал помидоры и луковый суп, полюбил жареные каштаны и моченые яблоки. Слуги привыкли видеть его вечно жующим: видимо, помидоры и каштаны не могли в полной мере утолить здоровый аппетит герцога, поэтому морковка или яблоко в руке стали привычным атрибутом гуляющего по крепости владельца. Увлечение Теодора растительной пищей окончилось так же быстро, как и началось. Однажды он сломал зуб о крепкий орешек. На следующий день, подобрав яблоко в саду, чуть не съел червяка. Так как на стол к герцогу попадали только отборные плоды, существование червей в любимом лакомстве стало для Тео настоящим потрясением. В растерянности он забрел в огород, где как раз вызревала капуста, и с ужасом обнаружил слизняков, вольготно расположившихся на нежно-зеленых листьях. От потрясения герцог слег в постель на десять дней, убедив себя в том, что за время приверженности к растительной пище в его животе вольготно развелись яблочные черви, а в носу обильно расплодились слизи. Лекарю стоило немалых усилий вернуть мнительному господину вкус к жизни.

– Потом был период увлечения пиявками, – с дрожью припомнил словоохотливый Проспер. – Мы ловили их по всем окрестным речкам и болотам. И ладно бы ими лечился один хозяин! Так стоило кому из прислуги захворать – герцог лично приносил к постели больного банку с этой мерзостью и приводил лекаря. Никому не хотелось добровольно

подставлять руки и ноги этой речной нечисти, поэтому на работу выходили с любой хворью, а заболевших мы тщательно прикрывали... К счастью, пиявки герцога быстро разочаровали, но вот теперь он всю озабоченность оздоровительными упражнениями. Носится с ученой книжкой по всему замку, заставляет прачек делать упражнения для рук и поясицы, горничных – прыгать по ступенькам для укрепления ног, а каждое утро начинается с массовой зарядки на главном дворе, – пожаловался мужичок. – И никак не откажешься. Иначе – курс клистиров для поднятия силы!

– Ну и ну! – покачала головой фея. – А что же сестра герцога, она тоже принимает участие в этом безобразии?

Слуга замахал руками.

– Молодая госпожа сбежала со своим женихом два года назад. Счастливая! – с завистью добавил он.

– Почему сбежала? – заинтересовалась Марта. – Жених недостаточно знатен?

– Что вы, – заулыбался мужичок. Судя по всему, сестру Теодора, в отличие от самого герцога, здесь любили. – Ее муж – очень достойный юноша. Вы его, должно быть, знаете, это младший сын графа Трезвора.

– Прекрасный молодой человек! Он бывал у нас на балу, – закивала фея. – Но зачем же понадобилось сбегать? Разве герцог не одобрил выбора сестры?

– В нем все и дело, – нахмурился слуга. – Хозяин поругался с сестрой, настаивал на том, чтобы подвергнуть ее жениха унижительному врачебному осмотру, дабы выявить возможные хвори.

– Какая дикость! – опешила Белинда.

– Теперь вы понимаете молодую госпожу? – вздохнул мужичок.

– Что-то мне уже расхотелось знакомиться с герцогом, – тихонько заметила Марта.

– Господин ждет вас! – застрекотал незнакомый голос, и фея с крестницей увидели сухопарого старичка с жидкой бородкой, идущего к ним через двор. Он бросил недовольный взгляд на притихшего Проспера, и тот поспешно отошел к сараю, подхватив с земли метлу и изображая готовность к трудовым подвигам. – Следуйте за мной! – велел дворецкий и зашагал к замку.

Вопреки ожиданиям дам, старикан провел их мимо парадной лестницы, завернул за угол и остановился у стены, заросшей плющом.

– Прошу, ждите здесь, – церемонно поклонился он и удалился, оставив удивленных путешественниц посреди тихого двора.

– Быть может, герцог желает прогуляться с нами в саду? – предположила Марта, пока любознательная Белинда исследовала заросли плюща на предмет потайной двери.

– Это просто стена, – удрученно объявила она, ощупав ее вдоль и поперек.

Покашливание, раздавшееся сверху, застало дам врасплох. Они подняли головы и увидели на балконе второго этажа печального мужчину лет тридцати. Стены замка были выкрашены бледно-зеленой краской, такого же цвета было и лицо герцога Асприна.

– Добрый день, – унылым голосом смертельно больного человека поздоровался с ними давний поклонник Изабеллы, в котором можно было с трудом узнать румяного влюбленного юношу. Казалось, с той поры герцог постарел на добрый десяток лет.

– Добрый день, – почтительно отозвались путешественницы и выжидательно уставились на Асприна.

– У вас ко мне какое-то дело? – поторопил он дам, кутаясь в шерстяную накидку.

– Э-э-э, вообще-то да... – деликатно начала Белинда. – Ваша светлость, вы не спуститесь к нам?

– К вам? – Герцог посмотрел на фею так, словно она сказала страшную глупость, и тоном, не терпящим возражений, ответил: – Разумеется, нет.

– Тогда, может, мы поднимемся к вам? – вкрадчиво спросила Белинда. – А то у меня уже шея затекла с вами разговаривать.

– Это исключено, – отрезал герцог. – С незнакомыми людьми я общаюсь только на

дистанции.

– Вы боитесь, что мы вас чем-то заразим? – Лицо феи обиженно вытянулось.

– Я лишь принимаю необходимые меры для защиты своего здоровья. Прошу вас понять меня. Сегодня на улице ветрено, – герцог поежился, а Марта и Белинда удивленно переглянулись: жара стояла невыносимая. – Прошу вас быстрее перейти к делу, иначе я рискую простудиться, – поторопил их кандидат в женихи. – Но сначала представьтесь – дворецкий позабыл ваши имена и титулы, пока шел ко мне. Говорил же ему для укрепления памяти съесть две горсти орехов в день – не слушает! – сокрушенно добавил он и зашелся в приступе фальшивого кашля.

– Мы прибыли из Эльдорры. Меня зовут Белинда Облум, а это Марта Ливьер, – торопливо, прежде чем им не отказали в аудиенции, сказала фея. – Титулов у нас нет...

Герцог разочарованно повел плечом.

– Но зато мы имеем некоторое отношение к лекарям, – скороговоркой добавила Белинда.

Теодор заинтересованно подался вперед.

– Я волшебница и крестная фея принцессы Изабеллы, владею целительской магией, – продолжила Белинда.

Мужчина с еще большим интересом свесился с балкона.

– А это моя другая крестница, Марта. Ее отец – королевский лекарь Жюльен.

– Тот самый Жюльен? – в мутных глазах герцога Асприна мелькнул огонек.

Марта коротко кивнула.

– Ах, вот было бы замечательно, если бы он меня осмотрел! – заволновался герцог.

– А что вас беспокоит, ваша светлость? – из вежливости осведомилась Белинда.

– Ах да! Вы же тоже целительница, – обрадовался хозяин. – Может, вы мне сможете помочь? Знаете ли, совсем замучила мигрень, – с готовностью отозвался он и мученическим голосом добавил: – Представьте, что вам на голову надели железный обруч и сжимают его, сжимают... Представили? – визгливо спросил он.

– Угу, – кисло отозвалась фея.

– Так вот, – вдохновенно произнес Теодор, – это – еще хуже! А мое бедное сердце?

– Вы влюблены? – оживилась Белинда.

– Влюблен? – с ужасом переспросил герцог. – Конечно нет! Упаси небо!

– Так это не вы писали? – Марта показала альбом со стихами, который таскала с собой в мешке.

– Похоже на историю моей болезни! – оживился Асприн. – Такая же основательная.

– Это стихи, – повысила голос Марта.

– Заговоры? – загорелся герцог.

– Стихи о любви! – разочаровала его девушка.

– Тогда это не ко мне, – поспешно откестился Теодор.

– А что вы имеете против любви? – с подозрением поинтересовалась фея.

– От любви одни болезни, – трагически изрек хозяин. – Чего стоят только эти нелепые романтические письма! Только представьте себе, сколько рук поддержат их прежде, чем они попадут от одного адресата к другому! – Он содрогнулся. – Горничная, гонец, слуги... Просто кошмар! А эта омерзительная процедура обмена бактериями и слюнями?

– Вы имеете в виду поцелуй? – опешила фея.

– Ну конечно! Что может быть отвратительней? – завелся герцог. – Вы со мной согласны?

– Э-э-э... – в растерянности протянула Белинда.

– Боюсь, у тетушки затекла шея, – пришла на помощь Марта.

– Я прикажу писцу переписать вам ряд упражнений, – оживился хозяин. – Если выполнять их каждый день утром и вечером, боли в шее как рукой снимет!

– Спасибо, – с чувством сказала фея, разминая шею, и впрямь затекшую от долгого стояния под балконом. – Вы так добры! У вас золотое сердце, – не без ехидства

присовокупила она.

– Да-да, сердце! – загорелся герцог. – Я вам еще не все рассказал...

Марта с феей сочувственно переглянулись, приготовившись выслушать очередное описание страшного недуга.

– Сердце то трепыхается в груди, как пойманная в силок птица, то едва стучит. А то заколет так, словно в него вонзили кол и проворачивают вокруг оси, – с каким-то мазохистским удовольствием поведал хозяин. От перечисления своих недугов щеки его зарозовели нежным румянцем – обрета безропотных слушателей, герцог впал в раж и вывалил на гостей весь букет своих болезней.

– А вот еще дает о себе знать ушиб колена – так стреляет, так ноет, мочи нет, – ныл Теодор. – А еще селезенка побаливает, ночами не сплю! Но хуже всего, когда радикулит обострится, желудок пошаливать начинает. Бывает, целыми днями с горшка не слезаю...

Марта, не в силах больше сдерживаться, поморщилась от таких физиологических подробностей.

– Ваша светлость, – притворно-сочувствующим голосом перебила его фея. – С такими симптомами вам просто необходимо показаться Жюльену. Увы, магия против ваших недугов бессильна.

Кажется, сообщение о бессилии магии Теодора не расстроило, а, напротив, воодушевило. Он распрямил плечи и сверкнул глазами, будто говоря: вот видите, раз уж и магия бессильна, как я на самом деле страдаю!

– Ваша светлость, вы должны поехать с нами в королевский дворец, – предложила Белинда.

– Бэль, ты с ума сошла? – чуть слышно зашептала Марта. – Зачем Изабелле это старое корыто?

– Помолчи, Мари, – прошипела фея. – У нас осталось очень мало шансов найти Изе жениха, нельзя упускать ни одного!

– Но это невозможно! – ужаснулся Теодор. – За воротами замка одна зараза, я не доеду живым до дворца.

«Эге, – смекнула Белинда. – Так вот почему тебя, дружок, не было на королевском балу».

– Тогда вы не сможете получить консультацию Жюльена, – отрезала фея. – Король не отпускает его за пределы дворца.

Герцог заметно приуныл.

– С такими недугами вы можете не дотянуть до осени, – притворно-озабоченно добавила Белинда.

– В самом деле? – ужаснулся Теодор. – Но этого никак нельзя допустить! В следующем номере медицинского сборника, который появится весной, будет описан способ, как дожить до ста лет. Я не могу его пропустить! – в отчаянии заскулил он.

– Тогда нам следует отправиться во дворец, не медля ни секунды, – поторопила его фея. – Вот только... – с сомнением запнулась она.

– Что? – Асприн взволнованно свесился с балкона.

– Не знаю, согласится ли Жюльен вас принять, – покачала головой волшебница. – Он ведь пользуется только членов королевской семьи.

– О-о-о, – пронзительно взвыл Теодор, – вы меня убиваете!

– Но Жюльен может стать вашим личным доктором, – вкрадчиво сказала Белинда.

– Как? – замер от счастья хозяин.

– Если вы станете мужем принцессы и войдете в королевскую семью, – нарисовала перспективу фея.

Герцог замер как громом пораженный. Но далеко не от счастья, как хотелось бы Белинде.

– Мне жениться на принцессе? – На лице его отразилось такое брезгливое выражение, словно ему предложили поцеловать лягушку, выловленную из кишашего бактериями болота.

Марта многозначительно глянула на приунывшую Белинду и покачала головой.

– Принцесса до сих пор хранит ваши письма! – пошла ва-банк фея. – Под подушкой! Перечитывает их каждую ночь!

– Какие письма? – смутился Теодор.

– Не отпирайтесь, ваша светлость, мы все знаем, – вкрадчиво сказала Белинда.

– Ошибки молодости, – нервно дернул шеей давний поклонник.

– Принцесса – редкая красавица, – не отступала фея. – Посмотрите, какая она сейчас!

В воздухе перед герцогом соткалась созданная магией копия портрета Изабеллы. Теодор отшатнулся от нее, как будто перед ним возникло видение прокаженной, а не прелестной цветущей девушки, и глухо закашлялся.

– Вам необходима забота жены и уход опытного лекаря, – продолжала искушать его Белинда.

Герцог замер на месте, вглядываясь в портрет.

– Я же говорю – такая любовь не проходит с годами! – обрадованно зашептала крестнице фея.

– Что ж, – хорошенько взвесив все за и против, Асприн обреченно потрянул головой, – лучше быть женатым, чем мертвым.

Марта закашлялась от возмущения. Теодор поспешно отскочил от края балкона, размахивая перед собой кружевным платочком, словно отгоняя бактерии, которые могли напасть на него с воздуха.

– Я прикажу Бертраму, чтобы он принес вам противокашлевый отвар, – донеслось до Марты с балкона.

– Спасибо, не надо! – воскликнула девушка.

– Вы не знаете, от чего отказываетесь, – с обидой ответил хозяин. – Яички горных баранов, которые входят в его состав, стоят целое состояние!

Марта вцепилась в локоть крестной, едва не грохнувшись в обморок. «От благодарности за мою милость», – подумал бы герцог, если бы в данный момент не был занят разгоном воздушной заразы платком, пропитанным особым эликсиром.

– Я позабочусь о ней, – заверила его Белинда. – Своими волшебными средствами.

– Как знаете, – расстроился Теодор. – Что ж, раз вы считаете, что медлить нельзя, пойду, отдам распоряжения к отъезду.

– Бэль, что ты творишь? – простила Марта. – Как ты себе представляешь эту развалину в роли мужа Изабеллы?

– Но уж лучше быть замужней, чем вечно спящей, – нерешительно возразила фея.

– Уж лучше спать сладким сном, чем жить в том кошмаре, в который превратит ее жизнь этот зануда! – сердито прошипела Марта и громко крикнула: – Ваша светлость!

– Вы все-таки решились отведать отвар? – донесся сверху радостный голос вернувшегося хозяина. – Хорошо, что я не успел далеко уйти.

– Ваша светлость, – торопливо сказала Марта, – вы знаете, что, для того чтобы жениться на принцессе, вы должны ее поцеловать?

– Поцеловать? – с содроганием переспросил он. – Я скорее умру!

– Но вы же согласились на ней жениться, – опешила фея.

– Жениться – да, целоваться – ни за что на свете, – отрубил герцог.

– А как же наследник короны? – поразила Белинда. – Принцесса должна родить от вас ребенка.

– От меня? – ужаснулся Теодор. – Вы намекаете на эти нелепые телодвижения? Ну уж нет, пусть решит этот вопрос как-нибудь без меня.

– Без вас? – Лицо феи вытянулось. – Ну, знаете! Пойдем отсюда, Мари! – Она схватила крестницу под локоть и потащила ее со двора.

– Как? – Хозяин заметался по балкону. – А лекарь Жюльен? Я же умру без него!

Пылая негодованием, Белинда обернулась и воскликнула:

– Вы, Теодор, здоровы, как молодой конь! Вы доживете до ста лет без всяких рецептов

из справочников! Все ваши болезни вы себе выдумали сами!

– Да что вы такое говорите? – возмущенно вскричал оскорбленный в лучших чувствах герцог. – У меня – сердце, у меня мигрени, у меня...

– Ничего у вас нет! Зарубите себе это на носу! – отрезала фея и сердито ткнула в него волшебной палочкой. Зеленая искорка ударила герцога в лоб, и тот со стоном схватился за голову. – Я зачаровала вас ото всех болезней ровно на год. Все это время к вам не пристанет никакая хворь, и никакой из прежних недугов не даст о себе знать. А вздумаете притворяться – пеняйте на себя. Отныне вы будете говорить только правду о своем состоянии и не сможете никого обмануть. Так что не советую даже пробовать, чтобы не выставить себя дураком!

– Значит, я буду полностью здоров целый год? – схватился за сердце Теодор.

– Именно! – звонко и радостно заверила фея.

– Ведьма! – проскулил герцог Асприн, оседая на пол.

Глава 14 **УКРОТИТЕЛЬ ТИГРОВ**

Три месяца тому назад. Весенний бал

Граф Том де Этвед удивительным образом походил на косолапого мишку. Неуклюжий, невысокий, округлый, с наметившимся брюшком, глубокими карими глазами и всклокоченной рыжевато-каштановой шевелюрой, он чувствовал себя весьма неуютно в многолюдной толпе приглашенных. Дамы его сторонились после того, как во время размеренного танца он оттоптал все ноги молоденькой маркизе Конти, а потом в перерыве подскочил к уважаемой герцогине де Сталь, впервые появившейся на балу после продолжительной простуды и опасавшейся любого сквозняка, и попенял ей на то что она носит меха. Вот нахал! Мужчины тоже поглядывали на гостя косо: заслышав о том, как группа завязых охотников обсуждает результаты последней соколиной охоты и хвалится трофеями, де Этвед с негодованием подскочил к собравшимся и срывающимся от возмущения голосом принялся читать проповедь о недопустимости такой жестокости по отношению к братьям нашим меньшим. Главный рассказчик, барон де Сад, только плечами пожал: мол, помилуйте, милорд, чем же тогда скрасить досуг скучающим аристократам? На что проповедник дико засверкал глазами и предложил зверей не убивать, а взять себе в замок и ухаживать за ними – это и для души усада, и для ума развлечение. Друзья барона только пальцем у виска за его спиной покрутили – чудак! А де Этвед, кажется, удовлетворился всеобщим молчанием, после чего поспешно раскланялся и вышел на веранду. Если бы там находился хоть один человек, его наверняка бы шокировали дальнейшие действия графа.

Де Этвед запустил руку за пазуху, выудил оттуда небольшой тряпичный кошель и вытряхнул из него... живую мышь. Разомлевшая от жары, та даже не предприняла попыток бежать, а внимательно выслушала все, что возбужденно поведал ей граф:

– Вот видишь, Бланш, мы не зря приехали! Мне уже удалось посеять зерно добра на черствую почву жестокости. Надеюсь, эти скучающие франты прислушаются к моим словам и променяют охоту на благородную заботу о зверьках. К сожалению, та длинноногая и заносчивая герцогиня, кутающаяся в меха, не вняла моим словам о недопустимости носить на себе трупы лис и публично обозвала меня сумасшедшим, – сокрушенно добавил он и вздохнул. – Конечно, что толку проводить беседы с каждым, если король своим примером поощряет охоту, а королева постоянно щеголяет в мехах – и зимой, и летом? К счастью, принцесса не замечена ни в чем подобном. Быть может, я смогу убедить ее повлиять на родителей. Она так мила, так очаровательна, у нее наверняка доброе сердце.

На этой оптимистичной ноте Том закончил беседу со своей доверенной мышью, вернулся в зал и направился к королевскому трону, где в ожидании возобновления танцев

скучала принцесса.

– Граф де Этвед! – с улыбкой приветствовала его королева Гвендолин. – Рады видеть вас. Говорят, после смерти родителей вы совсем сделали отшельником в своем замке. Это непростительно для привлекательного холостяка ваших лет. – Королева игриво погрозила пальчиком растерявшемуся Тому.

Судя по равнодушному взгляду, которым одарила его принцесса, Изабелла не разделяла восторга своей матери по поводу его привлекательности. Да чему удивляться? За свои тридцать лет Том привык, что девицы на выданье самым привлекательным в нем находили его большой замок и его титул со знатной родословной. Ни дать ни взять – хищницы! И плутовки-лисы из них были самыми безобидными. Попадались и настоящие волчицы, готовые затащить его к алтарю чуть ли не зубами. А родители еще удивлялись, почему, он не женится! Вот на принцессе он, пожалуй, женился бы, она наследница обеспеченная, ей его замок не нужен, а значит, она сможет разглядеть за его простоватой внешностью тонкую, добрую и жалостливую душу. А возможно, – сердце графа замерло от сладкой надежды – она разделит и его любовь к меньшим братьям. Они спасут от верной гибели множество зверей, когда принцесса положит моду на доброе к ним отношение, убедит отца запретить охоту, а матери объяснит, как гадко убивать животных из-за их шкурок. А если они поженятся, сколько кормушек для лосей, белок и других зверьков можно будет построить на деньги из королевской казны! Погрузившись в мечты, де Этвед прослушал, что с очаровательной улыбкой говорила ему королева, и уловил только последнюю фразу:

– Потанцуйте же с Изабеллой, милый Том. Уверена, вам найдется, о чем поговорить!

Принцесса, подталкиваемая матерью, с некоторой неохотой покинула трон. «Конечно, кому понравится, когда тебя сватают за каждого неизвестного холостяка», – оправдал ее граф. За время, проведенное на балу, он успел услышать, как придворные дамы, сочась ядом, как клубок змей, обсуждали неудачное сватовство к принцессе самых завидных женихов Эльдорры и соседних королевств. Ехидные сплетницы винили во всем саму принцессу, с наслаждением судачили о ее тяжелом характере и скандальном нраве. Да когда живешь в таком террариуме, разве по-другому можно? Иначе и не выживешь! Бедная принцесса. Понятно, что сейчас она и к нему симпатии не испытывает, особенно после того, как королева недвусмысленно намекнула, что не прочь видеть его своим зятем. Неужели с женихами так плохо, что Гвендолин согласна выдать дочь за графа, пусть даже такого родовитого, как он? Ведь мужьями принцесс, как правило, становились принцы, и уже гораздо реже – герцоги. Или королеву ввело в заблуждение его богатство? Так после смерти родителей состояние значительно уменьшилось: почти половина наследства ушла на оборудование вольеров, покупку животных и их содержание. А что, если... – Том замер от внезапной мысли – королева знает и одобряет его действия? Ведь на фоне бессердечных аристократов, проводящих время на охоте и убивающих себе подобных на дуэлях, он – само воплощение добра и сердечности. Разве не такого мужа желает своей дочери каждая любящая мать?

– Кажется, моя мамочка решительно настроена на то, чтобы выдать меня замуж, – донесся до него голос принцессы. Устав ждать инициативы от кавалера, Изабелла решила начать разговор первой. Они уже с минуту кружились по залу, граф механически переставлял ноги, будучи погруженным в свои мысли, и категорически не обращал на нее внимания. Изабелле даже любопытно стало: что же это за кавалер такой интересный, который рядом с ней не робеет, не трепещет или, напротив, не пытается ее обаять с первой минуты знакомства.

– За кого? – застенчиво поинтересовался Том.

– В данный момент – за вас, – спокойно, без капли кокетства, призналась принцесса.

Том глянул на девушку с теплотой. Принцесса, а ведь не кривит душой, не задается, не ломается, не капризничает. Какие же гадкие придворные ее окружают, если так наговаривают на бедняжку! И как хорошо, что он додумался взять Беляночку, чтобы

преподнести ее в дар принцессе. Это наверняка расположит к нему королевскую дочь!

– Да не пугайтесь вы так, – по-своему расценила его молчание принцесса и лукаво улыбнулась. – Никто вас к алтарю насильно не потащит. Давайте сделаем так: сейчас спокойно потанцуем, а потом, что бы такое придумать... Ай, какой вы неловкий!

– Простите, – сконфуженно пробормотал Том, проклиная себя за неуклюжесть. Наступить на ногу жестокосердной маркизе Конти, на вопрос «Любите ли вы животных?» с гордостью ответившей «Я обожаю свое норковое манто», было наслаждением, но обрушить свой вес на маленькую туфельку принцессы – это уже преступление.

– А впрочем, это даже отлично! – вдруг обрадовалась принцесса. – Сейчас дотанцуем до конца, я громко скажу: «Наконец-то эта мука закончилась! У меня никогда не было столь неуклюжего партнера». Вы сделаете вид, что смертельно оскорбились. И тогда мама оставит всякие надежды на нашу свадьбу. Как вам мой план, граф?

– Меня зовут Том, – невпопад ответил тот, ликуя в душе. Так, значит, рассказы сплетниц – неправда. А несносный нрав принцессы – лишь спектакль, разыгрываемый при сознательном участии «оскорбленных» женихов.

– Том, вы что, заигрываете со мной? – развеселилась Изабелла.

– Принцесса, а зачем вы это делаете? – собравшись с духом, поинтересовался де Этвед. – Вы не хотите замуж оттого, что любите того, кто не может стать вашим мужем?

– Том, вы романтик, – улыбнулась принцесса. Ее забавлял этот простодушный, какой-то не от мира сего граф, такой не похожий на ее окружение, и она решила подыграть ему. – Просто я никого не люблю. А замуж без любви я выйти не могу...

«Значит, у меня есть шанс!» – воспрянул духом Том и с замиранием сердца задал самый важный вопрос:

– Ваше высочество, а как вы относитесь к животным?

– К животным? – удивилась принцесса. – Ну, у меня есть рыбка...

– А лошади? Вы любите лошадей? – пытливо спросил он.

– Обожаю! – воскликнула Изабелла, глядя, как загорелись глаза ее кавалера.

– Как чудесно! – взволнованно воскликнул граф. – Тогда вам придется по сердцу мой подарок. Я приготовил для вас восхитительную белоснежную лошадь эльфирской породы...

Увлеченный принцессой, Том и не заметил, что кошель с драгоценной Бланш выскользнул у него из-за пазухи и приземлился на паркет. Обиженный писк мышки потонул в раскатах музыки. Богато украшенный пурпурный кошель проскакал по паркету между ног танцующих в самый центр зала, где его, наконец, заметили...

– Что это? – взвизгнула баронесса Катарина Шанти, едва не наступив на него изящной туфелькой.

Ближайшие к ней дамы заохали и потрясенно застыли на местах. Лишь известная дерзким нравом юная графиня Лилия Темпл не растерялась и ловко подхватила извивающийся кошель с пола.

– Глупышки! – обведя победным взглядом соседок, звонко объявила она, держа находку за шнурок на вытянутой руке. – Что вы испугались, как будто крысу увидели?

– А что же это, по-твоему, Лили? – обиженно надула губки Катарина.

– Ну уж точно не крыса! – рассмеялась Лили, наслаждаясь всеобщим вниманием. – Какому чуду взбретет в голову положить крысу в такой богатый кошель?

К несчастью, Том увлек принцессу на другой конец зала, поэтому он не мог слышать нелестное для себя мнение придворных дам и прийти на выручку своей любимице.

– Уж не думаешь ли ты, что это монеты пустились в пляс? – ядовито отозвалась баронесса.

– Монеты? Нет, там что-то поинтереснее! Кольцо, а может даже и колье. – Лили оценивающе взвесила кошель в руке. – Вы что, не помните тот парад драгоценностей, который устроила крестная принцессы на прошлом балу? Ах да! Вас же, милая Катарина, на нем не было, – она метнула на баронессу насмешливый взор. – Вы пропустили чудное зрелище! Сокровища королевской казны кружились над головами гостей, ослепляя своим

блеском, а стоило протянуть к ним руки, как они тут же взмывали под потолок. Некоторые дамы тогда посетовали, что такие дивные украшения не дались им в руки, а лишь воображение распалили. И король, услышав их речи, тогда пообещал – то ли в шутку, то ли всерьез, – что к следующему балу они с феей подготовят несколько подарков, которые можно будет не только поддержать в руках, но и забрать с собой. Тогда все сошлись во мнении, что король, должно быть, пошутил. Но теперь у меня в руках – живое, – Лилия хихикнула, – в прямом смысле этого слова доказательство того, что он держит слово! Итак, что же это – летающее кольцо или прыгающие подвески? – Кокетка выдержала эффектную паузу и под завистливыми взглядами менее удачливых дам потянула завязку...

Увидев незнакомый, тонкий, одуряюще пахнущий духами палец, Бланш, недолго думая, впиалась в него зубами. Визг Лили заглушил гром музыки, и мелодия оборвалась на высокой ноте. Коварный кошель полетел на пол, но графине пришлось приложить немало усилий, чтобы стрясти со своего указательного пальца намертво вцепившуюся в него омерзительную мышь. Наконец красавице это удалось, мышь шмякнулась на пол и, к ужасу присутствующих дам, бросилась им под ноги. В мгновение ока зал преобразился: половина дам, лишившись чувств, обмякли в руках своих кавалеров, более решительные особы ринулись прочь из зала или попрыгали на шелковые кушетки, стоящие вдоль стен. Последовала их примеру и принцесса Изабелла, потому что ее чудаковатый кавалер повел себя в высшей степени странно.

– Бланш! – взволнованно вскричал он и бросился в центр зала, пытаясь остановить бегущих дам. – Стойте, стойте! – махал он руками. – Вы ее затопчете!

Но дамы остались глухи к мольбам графа, поэтому он шлепнулся на колени и стал елозить по полу, вертя головой с такой обеспокоенностью, словно потерял семейную брошь сказочной ценности. Наконец, все прелестницы взгромодились на кушетки, а все кавалеры оттащили своих чувствительных дам к стенам зала. Пространство освободилось, и виновница всеобщего переполоха, со страху забившаяся куда-то под стол, решила произвести генеральный маневр – пересечь зал и искать спасения в коридоре, чем спровоцировала новый всплеск визга и криков. Граф де Этвед не растерялся: кинулся наперерез вредительнице и ловко сгреб ее в кулак.

– Ну наконец-то нашелся хоть один настоящий мужчина, – залопотала Лили, – готовый избавить нас от этой мерзости!

Дамы и кавалеры замерли в ожидании: как поступит граф с пойманной мышью? Задушит в руках или раздавит каблуком? Реакция графа поразила всех собравшихся: он поднес кулак к лицу и, к омерзению дам, поцеловал мышку в усы, что-то ласково шепча при этом.

– Граф, что вы делаете? – окаменела Лили. Она, конечно, слышала сказки о заколдованных принцессах, превращенных в лягушек и лебедей. Но историй о принцессе-мышь среди них не было, да и сама мышь после пылкого поцелуя графа не спешила расстаться с хвостом, усами и серой шкуркой и предстать перед королевскими гостями блистательной красавицей.

– Том, немедленно убейте эту пакость! – топнула ногой Изабелла.

Граф повернул к принцессе растерянное лицо:

– Ваше высочество, вам не стоит бояться Бланш. Она очень добрая и дружелюбная. Протяните руку, я вас с ней познакомлю. – Он направился к застывшей от изумления Изабелле.

– Сумасшедший! – отпрянула принцесса. – Да как вы посмели притащить это гадкое существо на мой бал? Вы что же, – она пошатнулась от посетившей ее догадки, – танцевали со мной, держа в кармане эту мерзкую мышь?!

– Бланш – мой лучший друг, – оскорбленно произнес граф. – Как и все звери на свете.

Но принцесса уже с криком бежала прочь из зала: ей надо было срочно отмыть свои ладони, которые совсем недавно касались рук графа. Ведь, как выяснилось, незадолго до принцессы в них побывала тушка вонючей и противной мыши.

– Идем отсюда, Бланш. – Плечи Тома поникли. – Похоже, рассказы про принцессу – правда. Она просто смеялась надо мной, когда говорила о своей любви к зверям. А на самом деле она готова была предать тебя смерти. Жестокая, жестокая принцесса!

Из королевского дворца граф де Этвед уезжал в расстроенных чувствах. Было бы крайне некрасиво забрать с собой Беляночку после беседы с принцессой, в которой он неосторожно обмолвился о подарке. Оставалось только надеяться, что к красавице кобылке принцесса отнесется более благосклонно, нежели к бедняжке Бланш, и не вздумает использовать ее как обычную ездовую лошадь... А если вздумает, граф даже побледнел от гнева, он не допустит таких издевательствах над Беляночкой, он выкупит ее у принцессы. Пусть даже потребуются заплатить две, три, четыре цены. Выкупит, чего бы это ему ни стоило!

* * *

Не имей сто друзей, а имей сто зверей.
Том де Этвед

Звуки из замка графа де Этведа разносились на всю округу, так что уже на подлете Марта с Белиндой услышали мычание коров и дикие голоса незнакомых зверей. За крепостными стенами зеленел лесок, змеилась голубая лента речки и стелились некошеные луга, огороженные деревянным забором. Путешественницы приземлились напротив калитки и огляделись.

Вдоль изгороди стояли корзины, ведра и мешки, присмотревшись к которым Марта с омерзением обнаружила червей и гусениц, а фея, ничуть не смущаясь, вытащила из соседнего мешка морковку и захрустела ею, с интересом изучая запретную доску со словами «Без проводника не входить». Рядом желтела бумага, прибитая гвоздиком. Надпись на ней гласила: «Смерть похитителям златоухих зайцев! Поймаю – уши пооткручиваю. Граф». А рисунок под подписью изображал самого хозяина – широкоплечего великана со зверским выражением лица и стиснутыми кулаками, размером с хороший арбуз.

– Ох склероз, склероз! – притворно захохала фея. – Я-то графа совсем другим помню – пониже и послабее. Так, куда бы тебя припрятать? – Она покосилась на метелку и шагнула к кустам у забора. Ссориться с метлой Белинда больше не рисковала.

Вчера, не одолев и половину пути к замку Этведа, метла штопором ушла вниз и вытряхнула путешественниц на полянку возле лесного озера. Заставить ее лететь дальше фее так и не удалось: видимо, за четыре дня длительных перелетов метелка исчерпала запас сил и нуждалась в отдыхе. Пришлось Белинде с Мартой провести остаток дня на берегу озера и там же заночевать. Дамы всласть накупались, наелись малины, орехов и неплохо выпалились в гамаках, которые наколдовала фея. А уже утром продолжили путь на отдохнувшей метелке.

Припрятав метлу среди ветвей дикого крыжовника, Белинда переступила через корзины с рыбой, ведра с копошащимися червями и мешки с морковкой и осторожно заглянула за ограду.

– Тишь и благодать! – с удивлением доложила она крестнице и решительно толкнула калитку. – Думаю, мы и без проводника не заблудимся. Вон он, замок, на пригорке.

Марта вошла вслед за тетушкой и зачарованно огляделась по сторонам. По цветочному лугу порхали стайки разноцветных бабочек, в кронах деревьев пели на разные голоса птицы. Вдоль тропинки цвели васильки, колокольчики, ромашки и клевер. Некошенная трава колосилась у кромки леса, по синей глади речки плавали утки с утятами. Замок, словно причудливый цветок, расцветший на пригорке, гармонично вписывался в картину природной идиллии. У Марты сердце защемило от этой нетронутой красоты, но вместе с тем она совершенно ясно осознала, что Изабеллу сюда ничем не заманишь. Поместье графа покажется ей глушью, оно будет навевать тоску на избалованную цивилизацией принцессу. Своими соображениями она поделилась с феей, и та озадаченно признала справедливость ее

слов.

– Но ведь ей здесь не жить, – рассудила Белинда. – Если они поженятся, то графу придется переехать во дворец. А сюда они смогут приезжать отдыхать летом. Иногда. Если Изабелла захочет, – неуверенно добавила она.

– Значит, никогда, – прозорливо заметила Марта, наклоняясь к зарослям душистого горошка у тропинки и с наслаждением вдыхая нежный цветочный аромат.

Фея, шедшая впереди, обернулась и засмотрелась на стаю уток, взлетевших в небо над речкой.

– Бэль, – дрожащим голосом пролепетала девушка, глядя за спину крестной, – кажется, я поняла, почему на воротах висела запретная доска.

Прямо на них, высоко подбрасывая лапы, неслась полосатая кошка размером с лошадь.

– И почему же? – безмятежно отозвалась Белинда, продолжая стоять к опасности спиной.

– Бэль!!!

Когда кошмарная кошка приблизилась к ним до опасного расстояния в несколько шагов, фея наконец-то соизволила повернуться, коротко выругалась, судорожно схватилась за палочку и ткнула ею прямо в нос чудовища, уже ринувшегося на нее. Желтые глаза хищницы остекленели, передние лапы замерли в полете, а задние приросли к земле. Белинда отшатнулась назад, а кошка так и осталась стоять на земле неподвижной статуей.

– Так-то лучше, – пробормотала фея, оборачиваясь к побледневшей Марте. – Ишь, какая тварь в графские владения забралась! Хорошо, что мы тут оказались и вовремя ее обезвредили. Смотри-ка! Кто-то сюда бежит, – Белинда указала на мужскую фигуру, со всех ног несущуюся к ним со стороны замка.

– Кажется, это сам граф, – с сомнением сказала Марта, глядя на рыжевато-каштановые взлохмаченные кудри, которыми ей запомнился кандидат в женихи. Однако простая рубаша, закатанные до колен штаны и скорость, с которой мужчина мчался к ним, едва не выскакивая из высоких коричневых сапог с широкими голенищами, никак не вязались с образом аристократа.

– А вот сейчас мы его обрадуем, – радостно отозвалась Белинда.

– Доб!.. Держ!.. Я уже спе!.. – донеслись до них отрывистые крики бегуна.

– Добро пожаловать! Держитесь! Я уже спешу, – перевела Марте фея, а графу крикнула: – Не волнуйтесь, ваше сиятельство, нам ничего не грозит! Я обезвредила чудище! – добавила она, чрезвычайно довольная собой.

– Что вы сделали с Добрюшей? – ужаснулся Том, подбегая к ним, и, не глядя на дам, бросился на шею застывшей зверюги и принялся тормозить ее. – Добрюша! – тщечно зывал он, заглядывая в остекленевшие глаза. – Добрюша! – выл он, прижимаясь к ужасной морде и орошая слезами ее усы. – Добрюша! – стenal он, оттянув нижнюю губу чудовища, обнажая пугающие клыки и пытаясь дунуть зверюге в пасть.

Путешественницы при виде подобной картины окаменели, и теперь из четырех существ, присутствовавших на поляне, только граф проявлял признаки жизни, суетливо бегая вокруг своей ненаглядной Добрюши и оглашая окрестности горестными стенаниями.

– Погодите, – отмерла наконец Белинда. – Вы, граф, знаете это чудовище?

– Чудовище?! – в негодовании воскликнул де Этвед, остолбенев от слов феи. – Да это самое прекрасное существо на свете!

– Вы хотите сказать, что это существо, – Белинда с омерзением посмотрела на оскалившуюся обрзину, – резвится здесь с вашего ведома?

– А где же ей еще резвиться? – простодушно удивился граф. – Добрюша молода, ей размяться надо. А мои владения – это ее владения.

Фея с крестницей ошарашено переглянулись.

– Добрю-ю-ша! – донесся до них сдавленный хрип Тома, пытавшегося оживить свою любимицу поцелуем в нос. – Да что же вы такое с ней сделали? – Он замер, пораженный догадкой. – Она... умерла?!

– Нет, – с сожалением сказала фея. – Я ее всего лишь обездвижила.
– Послушайте, госпожа ведьма!
– Ведьма?! – разъярилась Белинда. – Я! Крестная! Фея!
– Кто бы вы там ни были, – отмахнулся граф, – немедленно верните Добрюше прыгучесть!

– Но она же опасна! Она на людей бросается! – возмутилась Белинда.
– А нечего шлаться по чужим владениям, – отрубил Том. – Своих Добрюша не трогает, а для чужих на калитке запретная доска висит. Вы что, неграмотные? – Он сурово воззрился на фею и горестно всхлипнул: – Как вы могли обидеть Добрюшу?!

– Да ваша Добрюша нас чуть не съела! – вскипела та.
– Ничего бы она вам не сделала, – легкомысленно отмахнулся граф. – Поигралась бы – и все.

– Как кошка с мышкой, – хмыкнула фея.
– Добрюша – не кошка, она тигрица! – оскорбленно повысил голос де Этвед.
– Да хоть каракатица! – вспылила фея.

Граф на мгновение замер и с живостью поинтересовался:

– А это кто? Признаться, такого зверя в моей коллекции нет.
– Не думаю, что вы много потеряли, – с ухмылкой успокоила его фея.
Том вновь обратил свой взор на окаменевшую тигрицу и жалостно провыл:
– Добрю-ю-ша!

– Бэль, может, расколдуешь ее? – неуверенно сказала Марта.
– Щас! – рывкнула крестная. – Чтобы это чудовище нас сразу же слопало?
– Добрюша – добрая душа, – насупился граф.
– Что-то мы не заметили, – с сарказмом отозвалась фея.
– А вы ее расколдуйте – сами увидите, – умоляюще произнес хозяин.
– Что ж, – пробурчала Белинда, поднимая палочку. – Но учтите, если я почувствую опасность для меня или моей крестницы, я вашу Добрюшу мигом успокою.

– Уверю вас, она не даст вам повода!
– Вы бы отошли в сторонку-то, – посоветовала фея, сама удаляясь на безопасное расстояние в несколько шагов и уводя с собой Марту. – Мало ли что.
– Ничего-ничего, – безмятежно ответствовал граф, не снимая сплетенных рук с шеи чудища. – Я должен объяснить Рюше, что вы друзья. Чтобы впредь не возникло никаких недоразумений.

– Вам виднее, – хмыкнула крестная и махнула палочкой.
Гигантская кошка отмерла и продолжила траекторию полета прерванного прыжка, подмяв под себя своего благодетеля. Тот сдавленно пискнул, но рук не отпустил. Хищница тряхнула шеей, пытаясь избавиться от внезапных тисков, потом опустила морду, узрела графа и с громким урчанием ткнулась ему в щеку.

– Вот видите, Добрюша – добрейшее существо, – радостно прокряхтел изрядно помятый граф, выползая из-под чудовища. – Добрюша, поздоровайся с нашими гостями!

– Не стоит, – с сомнением проговорила фея, загораживая спиной крестницу и держа палочку наготове.

– Не волнуйтесь! – воскликнул граф. – Добрюша только поздоровается с вами.
Тигрица подкралась к замершим дамам, медленно их обнюхала и удостоила своим прикосновением: Марте ткнулась носом в руку, облизав всю ладонь, а Белинду боднула в колени так, что фея свалилась в траву.

– Я же говорил, что Добрюша – прелесть! – просиял граф и спохватился: – Кстати, я не знаю ваших имен и цели визита, хотя ваши лица мне смутно знакомы.

– Мы виделись на королевском балу в Эльдоре, – подсказала Марта, помогая сердитой крестной подняться с земли. – Я – молочная сестра принцессы Изабеллы, а это – ее крестная фея Белинда.

– В самом деле! – всплеснул руками Том. – Ах, как я рад, что принцесса простила мне

тот досадный инцидент и согласилась принять мое предложение!

– Дежа-вю, – пробормотала Марта. – Интересно, о чем это он?

– Я буду оптимисткой, – шепнула возрадовавшаяся Белинда. – О предложении руки и сердца конечно же. Видишь, мужик сходит с ума без женской ласки? Представляешь, какой заботой он окружит Изу?

Крестница с сомнением пожала плечами. Изабелла ей о предложении де Этведа не рассказывала. Вписывая графа в список женихов, они с феей надеялись исключительно на мягкий характер аристократа и на его несомненную симпатию к принцессе, до того как произошел досадный инцидент с мышью.

– Но вы одни? – разочарованно протянул тем временем Том.

– Принцесса не смогла приехать и прислала нас обговорить условия, – пояснила фея.

– Конечно, я понимаю... Но я так надеялся, что наша встреча состоится в самом ближайшем времени, – пояснил он свое разочарование и добавил: – Я готов выполнить любые условия, лишь бы наш договор скорей вступил в силу.

– Принцесса тоже весьма заинтересована в скором решении вопроса, – горячо заверила его Белинда.

– Ах какая отличная новость! – обрадовался де Этвед и потрепал Добрюшу по холке. – Ты слышала? Скоро у нас с тобой появится новый друг!

– Уж не собирается ли он тащить эту Добрюшу с собой во дворец? – обомлела Марта.

– Не волнуйся, – тихонько успокоила ее Белинда, – Добрюшу я беру на себя. Лишь бы графа во дворец затащить.

– Что ж, тогда не будем терять времени! – провозгласил Том, отрываясь от своего любимого чудовища. – Обговорим все детали в замке. Скажите мне только, – с беспокойством взмолился он, – как она поживает?

– Прекрасно, – заверила фея, приободренная явно равнодушным отношением возможного жениха к невесте.

– Ее там не обижают? – ревниво осведомился де Этвед.

– Да что вы! – удивилась фея. – Она себя в обиду не даст.

– Моя девочка – она с характером, – с нежностью произнес граф.

– Да уж, характера ей не занимать, – поддакнула Белинда.

– Надеюсь, со здоровьем у нее все в порядке? – обеспокоился Том.

– Здоровей не бывает!

– Хорошо, – радостно улыбнулся граф. – Мне бы хотелось, чтобы она порадовала меня потомством.

Марта густо покраснела, а фея довольно хихикнула:

– Ну, об этом вам уже следует договариваться с ней самой.

– Конечно-конечно! – спохватился размышлявший возлюбленный. – Это все с ней, с ней, милашкой. Идемте же в замок. Кстати, вы не видели, там у ворот стоят корзины с провизией?

– Стоят и благоухают, – заверила Марта.

– Рыбку-то вам принесли не первой свежести, – менее деликатно заметила фея. – Такой душок стоит... Я бы за нее платить не стала.

– Ах как хорошо! – радостно воскликнул граф и пояснил: – Мои грифы просто обожают несвежую рыбу. То-то будет им пир сегодня!

Испросив у дам позволения отправиться вперед и пожелав им приятной прогулки по дороге к замку, Том наперегонки с Добрюшей ринулся по дорожке, оставив позади себя клубы пыли.

– Бэль... – начала было Марта, но фея ее строго перебила:

– Мари! Ну сколько можно? Этот жених чем тебе не угодил? И собой хорош, и добр, а посмотри, как зверушек любит! Да он нашу Изу на руках носить будет!

– Бэль, да как же ты не видишь! – рассердилась крестница. – Ему не нужна женщина, у него есть тигрица.

– Но если он умеет укрощать тигриц, то и наша Изабелла ему по зубам, – резонно возразила Белинда. – Да ты видела, как он расцвел при одном упоминании ее имени?

Марта запнулась, припомнив влюбленное выражение лица графа и то искреннее беспокойство, которое он проявлял, расспрашивая тетюшку о принцессе.

– Да он просто обожает Изабеллу! – убежденно заявила фея. – Вот увидишь, Иза нам за такого жениха только спасибо скажет! Да чего нам еще желать? Это предпоследний из оставшихся женихов, надо хватать его и вести во дворец!

Девушка промолчала, ковыряя носком башмачка землю. Что-то ее смущало в поведении графа, очень смущало. И при всех видимых признаках симпатии к Изабелле, она испытывала недоверие к этому добродушному мужчине, с восторгом лобызавшему клыкастое чудовище.

Пыль улеглась, воздух вновь сделался чист и прозрачен и окутал фею с крестницей нежным цветочным ароматом.

– Ну что, пойдем, сосватаем нашу принцессу – и во дворец? – подмигнула оптимистично настроенная Белинда. – А то я уже подустала от наших мытарств и предпочла бы свадебные хлопоты поиску женихов.

По мере приближения к замку цветочный флер ослабевал, и к воздуху отчетливо примешивались куда менее приятные запахи – скотного двора, коровьих лепешек и следов пребывания других животных, которые то и дело попадались вдоль дороги и на самой тропинке. Так что теперь дамам приходилось смотреть не по сторонам, наслаждаясь идиллией природы, а себе под ноги и высоко приподнимать юбки, чтобы ненароком не испачкаться.

– Ничего, – обнадеживающе воскликнула Белинда, глядя на кислое выражение лица крестницы, – жениха отмоем – будет как новенький! А сюда Иза все равно вряд ли когда-нибудь придет. Мы ведь ей ничего не расскажем, правда?

Все отчетливей становились голоса животных и птиц, доносившиеся со стороны замка. Блеяние коз, трубные звуки коров, ржание лошадей, лай собак, гоготание гусей и кудахтанье кур складывались в многоголосую симфонию, не умолкающую ни на мгновение.

– Даже боюсь представить, что нас там ожидает! – покосилась на крепостные стены Марта.

– Владения самого лучшего в мире жениха! – убежденно заявила фея. Дверца в воротах приоткрылась, пропуская их, и дамы шагнули внутрь, невольно ахнув.

В глазах зарябило от диковинных зверей, представших взору. У стены, вдоль которой лежали большие округлые камни, меланхолично жевала травку небольшая черно-белая в полоску лошадка. Длиннобородый козел чесал причудливые витые рога о деревянный столбик, подпирающий сарай. Под крышей сарая сидели крупные длиннохвостые птицы.

Внезапно одна из них сорвалась с места и полетела напрямик к Марте. Девушка замерла от страха, а птица приземлилась ей на плечо тяжелым камнем, осторожно вцепилась когтями в дорожную накидку и, склонив голову набок, уставилась на нее блестящим черным глазом.

– Привет! – неожиданно сказала она скрипучим голосом. – Меня зовут Ларри.

– Бэль, – охрипшим голосом позвала Марта. Фея, замороженная изяществом полосатой лошадки, отошла к ограде и не видела, как ее крестницу атаковала гигантская красная птица.

– Бэль! – трескуче повторила птица. Волшебница тем временем решила погладить лошадку по холке, на что та взбрыкнула копытцами, недовольная, что ее оторвали от вкушения нежной зеленой травки, и случайно задела один из камней. К ужасу Белинды, камни зашевелились, высунули землистые лапки и крупные змееподобные головы и неуклюже поползли в разные стороны.

– Марта, ты представляешь, тут заколдованные камни! – ошеломленно воскликнула фея, пытаясь перекричать многоголосый шум.

– Бэль! – в отчаянии воззвала девушка. – У меня тут заколдованный человек!

Белинда, завидев крупную птицу на плече хрупкой крестницы, стремглав бросилась на помощь, опасаясь, как бы крылатая тварь не подняла Марту в воздух.

– Бэль, убери палочку! Он мне ничего не сделал, – остановила фею девушка. – Он о помощи просит! Скажи, Ларри, – обратилась она к птице.

– Ларри, Ларри, – согласно закивал он.

Фея ахнула:

– Он разговаривает!

– А я тебе что говорю? Видишь, его заколдовали!

– Да как же это произошло? – удивилась Белинда.

– Хочешь яблочко? – покосился на нее попугай.

– Ему подсунули зачарованное яблоко! – перевела Марта.

– Но кто это сделал? – заинтересовалась фея.

– Добрю-юша, – неожиданно засюсюкала птица голосом графа. – Добрюшечка!

– Оборотень! – ахнула Марта. – Добрюша может оборачиваться человеком!

– Она мне сразу не понравилась, – торжествующе напомнила фея. – А уж как подозрительно к ней граф относится: на шею бросается, в усы целует – смотреть противно!

– Противно, – поддакнула птица.

– А помнишь, как он сказал: мои владения – это ее владения? Это что же, получается, она здесь хозяйка? – спросила Марта.

– Но тогда я не пойму: зачем ему Изабелла? – озадачилась Белинда. – Он же так обрадовался нашему появлению.

– Может, она его сестра? – предположила крестница.

– Скажешь тоже, – раскритиковала эту версию фея. – С сестрами так не целуются! И потом, если она и впрямь сестра, то получается, что он и сам оборотень?

Ее лицо вытянулось, отразив разочарование: такой отличный жених с удочки срывается!

– Сейчас мы его расколдуем, – она решительно кивнула на птицу, – и все узнаем!

– Бэль, – с опаской поинтересовалась Марта, – а ты уверена, что получится?

– Вообще-то раньше мне этого делать не приходилось, – озадаченно призналась Белинда. – Но ведь хуже не будет, правда?

Фея замахнулась палочкой, и девушка зажмурилась, представив себе возможные последствия тетушкиного волшебства: красивая красная птица падает к ее ногам зажатой на вертеле тушкой.

– Чирик! – оглушительно раздалось рядом с ухом, а плечо перестало прогибаться под тяжестью птицы. Марта в изумлении распахнула глаза: на ее плече сидел взъерошенный воробей, а Белинда растерянно переминалась с ноги на ногу, придиричиво разглядывая палочку.

– Я же все сделала правильно! – чуть не плача, сказала она. – Неужели в учебнике по перевоплощениям писец допустил ошибку? Ну-ка, попробую еще раз...

Она снова подняла палочку, нацелившись ею на перепуганного воробья, но тот, не будь дурак, мигом просек ее маневр и с возмущенным чириканьем сорвался с плеча девушки. Только его и видели!

– Бэль! – простонала Марта. – Что ты натворила? Теперь мы никогда не сможем его найти и помочь ему!

– Может, это был не заколдованный человек, – неуверенно предположила фея, – а просто говорящая птица?

– А ты слышала, что бывают такие птицы?

– Если я не слышала, это еще не значит, что их нет, – пробурчала в ответ Белинда и поспешила перевести опасную тему. – И вообще, нам надо быть настороже. Все эти ползучие камни, говорящая птица, тигрица-оборотень мне очень не нравятся.

– Ты думаешь, граф – колдун? – нахмурилась крестница.

– Не знаю, – удрученно призналась фея. – Магии я тут не ощущаю...

– Но если ты ее не ощущаешь, это еще не значит, что ее здесь нет, – закончила за нее Марта.

– Вот вы где! – Граф, ловко маневрируя между животными, спешил к ним через двор. – Отчего же в замок не проходите?

– Залюбовались вашими зверушками, – брякнула фея.

– Правда, они милашки? – расцвел от удовольствия Том. – Я вам еще обязательно покажу дом птиц, террариум, диких зверей в клетках... Но сперва переговорим о нашем деле, – спохватился он. – Следуйте за мной!

Граф махнул рукой в сторону замка.

– А впрочем, – он проводил нежным взглядом большую рыжую собаку, за которой трусили шестеро щенков, – зачем нам идти в душный дом? Обед приготовят не раньше чем через полчаса. Может, побеседуем здесь? Тем более что предмет нашего разговора непосредственно связан с этим местом.

Путешественницы переглянулись, недоумевая, каким образом принцесса может быть связана с грязным и шумным скотным двором, и замолчали, давая возможность графу пояснить свою мысль.

– Жду не дождусь увидеть ее здесь, – вожаденно присовокупил хозяин всего этого безобразия.

– Вы думаете, ей здесь понравится? – с сомнением протянула фея.

– А как же? С ее доброй душой она подружится тут со всеми! – убежденно заключил граф, к еще большему недоумению дам.

Тем временем прямо на троицу медленно, но верно шла большая пегая корова, задумчиво пережевывая куст ромашек.

– Давайте переместимся на крыльцо, – заторопился граф, махнув рукой налево. – Только смотрите под ноги! – предупредил он. – Не затопчите малышей! У гусей, кошки, кроликов и ежей новый выводок, – с гордостью поведал он.

– А что это у вас, граф, за ползучие камни? – Фея, подобрав юбки, кивнула на забор.

– Ползучие камни? – Том наморщил лоб. – Ах вы имеете в виду черепах! Они вам понравились? Невероятные животные! Невозмутимые, спокойные, размеренные и, к сожалению, совсем немые. Кстати, а вы не видели моего любимца Ларри? – Он обеспокоено завертел головой. – Ларри обычно сидит вон там, на столбике, и очень любит встречать гостей. Называет им свое имя, просит яблочка...

– А кто этот Ларри? – с невинным видом спросила фея, взбираясь на крыльцо вслед за Мартой.

– Это мой повторай, – с гордостью поведал граф, замыкая шествие. – Я его выписал из самой Фригии. Это особенная птица, которая обладает способностью повторять человеческие слова.

– Да что вы говорите! – всплеснула руками крестная. – Да разве такое возможно?

– Еще как возможно! Только разыщем Ларри, и он вам сам все расскажет.

– Вот ведь чудо! – захохала Белинда. – В народе-то говорят, что говорящие птицы – это заколдованные люди. – И она испытующе уставилась на Тома.

– Что за вздор? – поразился тот, при этом не выказав никаких признаков беспокойства и своей виновности. – Так могут считать только невежды и суеверные люди!

– Конечно-конечно, – кивнула фея. – Они еще и в оборотней верят, считают, что некоторые люди имеют способность превращаться в зверей – волков, например, или даже тигров.

Она вновь с подозрением покосилась на графа – тот мечтательно закатил очи:

– Признаться, я был бы счастлив, если бы Добрюша могла оборачиваться человеком. Вот бы мы с ней зажили – душа в душу! У нас, знаете ли, редкостное взаимопонимание! – доверительно поведал он. – Да вы присаживайтесь! – спохватился он, указывая на лавочку, посередине которой разлеглась толстая серая кошка. На скамье лежали клочья шерсти и перья, свидетельствующие о том, что ею куда чаще пользовались животные, нежели люди.

– Спасибо, мы постоим, – благоразумно отказалась фея, облокотившись о перила.

– Так давайте уже ближе к делу, – заторопился граф. – Мне не терпится скорее увидеться с моей красавицей. Я так скучаю по ней! Знаете ли, бессонными ночами стою у окна, смотрю на звезды и вижу в них ее совершенный профиль – ушко, лобик, ноздри...

– Да вы романтик! – просияла Белинда, ткнув Марту в бок – мол, видала, какой жених попался!

Марта торопливо вытащила книгу из сумы.

– Простите, это не вы написали?

– А что это?

– Стихи.

– Стихи? К сожалению, таланта нет, – вздохнул Том.

– Да вы поэт по призванию, – горячо возразила фея. – Так восторженно описываете свою возлюбленную.

– Да что вы, – засмутился граф. – Просто она такая... волшебная! Вы ведь видели ее? – горячо спросил он.

– Конечно, – с удивлением отозвалась крестная.

– Тогда вы должны согласиться со мной: она – совершенство!

– Ах, как приятно, что вы так считаете! – растаяла Белинда. – Она же мне как родная.

– Вы тоже привязались к ней? – обрадовался Том. – Впрочем, как же иначе! Она такая добрая, такая нежная, такая дружелюбная...

Марта едва подавила смехок. Неужели тетя права, и после общения с тигрицей графу и несносная Изабелла кроткой овечкой кажется?

– Простите, я опять отвлекся, – с улыбкой повинился де Этвед. – Я могу говорить о ней бесконечно, а между тем нам пора бы уже обсудить детали.

– Конечно-конечно! – бодро застрекотала фея. – Не волнуйтесь, мы уже все уладили. Король и королева согласны, они полностью одобрили вашу кандидатуру. Принцесса порхает от счастья с того дня, как получила ваше предложение, и ждет не дожидается того дня, когда договор вступит в силу.

Граф вопросительно воззрился на фею.

– Само собой – полкоролевства в приданое, свадебный пир за счет королевской семьи, – поспешно присовокупила она.

Реакция Тома оказалась весьма неожиданной.

– Я на ней что, жениться должен? – вытаращил глаза он.

– А вы как думали? – удивленно моргнула фея.

– Я еще с ума не сошел, чтобы на кобыле жениться! Даже на такой породистой, как эта, – рассердился де Этвед.

– Да как вы смеее ее так называть! – побагровела от гнева Белинда.

– А что такое? Кобыла – она кобыла и есть, – в сердцах воскликнул граф. – Что вы мне голову морочите? Я думал, мы договорились на определенную сумму. Тысяча золотых – и она моя. Разве принцессе этого мало?

– Вы хотите ее купить? – не веря своим ушам, переспросила Марта.

– За тысячу золотых? – вконец рассвирепела Белинда. – Да я вас сейчас! – Волшебница возмущенно всплеснула руками, выронила палочку из рук, и та укатилась под лавку.

– Неужели этого мало? – вскричал граф. – Помилуйте, принцесса хочет меня разорить! Да я даже за Добрюшу отдал втрое меньше!

– Вот и женитесь на своей Добрюше! – прошипела фея, ища палочку под скамьей.

– Да что вы за чепуху несете! – осерчал де Этвед. – А-а-а... вы, наверное, на солнце перегрелись, пока добрались? Ну конечно! – Он понимающе хлопнул себя по лбу. – Да потом еще на солнцепеке посреди двора меня дожидались. А я-то думаю, что за бред – какая-то женитьба, какое-то приданое! С чего бы королю и королеве давать приданое за этой лошадью? Можно подумать, она им дочь родная!

– Ну, знаете, это уже переходит все границы! – пропыхтела фея, безуспешно пытаясь

выковырнуть палочку из щели, в которую она провалилась. – Как вы смее сомневаться в чистокровности принцессы?

– Да при чем здесь принцесса? – сокрушенно вскричал граф.

– Еще пять минут назад вы собирались на ней жениться! – деликатно напомнила Марта.

– Я?! – опешил Том. – На принцессе? Нет, вы точно перегрелись на солнце!

– Так вы уже передумали? – уточнила девушка.

– Тут и думать нечего! Она же не любит животных, – с ужасом воскликнул граф.

– Как это не любит? – вступилась Марта. – Она не расстанется с тем восхитительным белым жеребцом, которого вы ей подарили. Только на нем и ездит!

– Ездит! – ужаснулся граф. – Так она все-таки не послушалась меня? Да это же дикость, варварство, невежество! И, между прочим, – уязвленно уточнил он, – это не жеребец, а кобыла!

– Кобыла? – Девушка расхохоталась, поняв, что к чему.

– Я вам покажу кобылу! – разбушевалась фея, наконец схватив палочку и поднимаясь с колен.

– Бэль, стой! – удержала ее крестница. – Похоже, произошло страшное недоразумение. Скажите нам, – обратилась она к графу, – что такое вы предлагали купить у принцессы за тысячу золотых?

– Лошадь, которую я ей подарил! – в сердцах вскричал граф. – А вы разве не за этим сюда явились?

– Увы, – пожала плечами Марта.

Белинда раздосадовано крякнула:

– Что ж вы нам голову-то морочили?

– Я вам морочил? – поразился граф. – Кто мне поддакивал, что она вам как родная и добрее ее на свете нет?

– Я-то имела в виду принцессу, – огрызнулась фея.

– Так Беляночку она мне не продаст? – расстроился Том.

– Насчет Беляночки я знать ничего не знаю, – отрубила Белинда. – Значит, вы жениться не собираетесь?

– На принцессе? Ни за что, – с негодованием открестился кавалер. – Даже если в качестве приданого она приведет с собой Беляночку.

– Зря приехали, – пробурчала фея. – Пошли отсюда, Марта.

– Может, она все-таки продаст мне Беляночку? – взмолился граф. – Ну на что она ей сдалась? Я-то думал, она ею будет любоваться. А она использует редчайшую эльфирскую лошадь как ездового мерина – это же варварство! Как можно ездить на таком чудесном, добром, мудром животном? – сокрушенно вскричал де Этвед.

– А вы что же, предлагаете вести с кобылой философские беседы? – с сарказмом поинтересовалась Белинда.

– А почему бы и нет? – набычился граф. – Тот, кто отрицает разум у зверей, сам туп от природы! Вы что, считаете, что мы, люди, умней животных? Да они во много раз лучше, умней нас. Да они все понимают...

– Только сказать не могут, – поддакнула Марта, стараясь смягчить острые углы беседы.

– Да все они могут! – разгорячился Том. – Это мы, глупцы, не в состоянии понять их языка. И то лишь потому, что считаем их низшими существами. Тогда как все наоборот. Это люди должны учиться слышать животных, и тогда они смогут узнать много нового и интересного.

– Вы так действительно считаете? – подозрительно ласково поинтересовалась Белинда.

– Спрашиваете! Конечно же! – всплеснул руками граф. – Да я, если хотите знать, уже достиг немалых результатов в деле освоения языка зверей и птиц. Вот вы думаете, что говорит нам эта кошка? – Он указал на трехцветную кошку, с мяуканьем льнущую к его ногам.

– Она хочет есть, – убежденно ответила фея.

– Ах, да что вы понимаете! Все люди уверены, что животные только и думают о том, как поесть или продолжить род. А у них ведь тоже душа есть!

Том взял кошку на руки, заглянул в ее глаза, задумчиво почесал за ушком и с мудрым видом изрек:

– Эта кошка говорит нам: какой прекрасный день! Цените каждое мгновение, наслаждайтесь жизнью, берите пример с меня!

Белинда незаметно от графа взмахнула палочкой, и едва заметная тонкая серебристая молния, сорвавшись с ее кончика, запуталась в усах кошки. Неразборчивое «мя-я-у» переросло в отчетливое:

– Жра-а-ть хочу!

– Что? – Том вздрогнул и с подозрением покосился на гостей. – Вы что-то сказали?

– Это не мы, – невинно отозвалась фея и кивнула на кошку. – Это она.

– Жррать хочу, – ясно промяукала усатая. – Жрать, жрать, жрать! Мясо, курочка, молочко... о-о-о!

– Бэль, – шепнула Марта, – а откуда кошка знает наш язык?

– Разумеется, она его не знает, – хмыкнула крестная. – Просто это заклинание переводит ее мысли на язык, понятный нам.

– Что за дешевые фокусы? – набылчился любитель животных. – Мими не может мыслить так однобоко. Я вам не верю! Прекратите свои шуточки с чревоуважением!

– Жрать, жрать, жрать! – настырно канючила кошка.

– Вы хотели услышать зверей и узнать много нового и интересного, – едва сдерживая смех, ответила Белинда, – а я лишь пошла вам навстречу. Вот и просвещайтесь.

– Жрать, хочу жрать, очень-очень хочу жрать! – не унималась Мими.

– Заткнись! – рявкнул на нее граф, потеряв терпение и не скрывая своего разочарования.

– Ур-род, – промурлыкала та, запуская когти ему в руку.

Де Этвед охнул и стряхнул кошку на землю.

– Скотина! – с чувством выругалась та, адресовав графу гневный взгляд, и потрусила к крыльцу, ворча: – Пойду на кухню. Салли добрая. У Салли – мясо.

– Что за чертовщина! – воскликнул ошарашенный граф.

– Обижаете, – надулась фея. – Настоящее чудо! Чтобы вы могли насладиться им в полной мере, я увеличу масштаб.

Она взмахнула палочкой, и внезапно двор наполнился людскими голосами, на удивление единодушно требовавшими воды и еды.

– Жрать!

– Пить!

– Травки!

– Воды!

– Проса!

– Ну, дай же, жадина!

– Курочку!

– Отдай, мое!

Донеслись до слуха графа и дам и другие реплики:

– Куда прешь, скотина? Это мой двор!

– Главный бык здесь я!

– Ну ты, корова, чего растопырилась?

– Куда хочу, туда и пру!

– Что это, Бэль? – прокричала Марта, прикрывая уши руками.

– Ты тоже их слышишь? – расстроено воскликнула Белинда. – Сейчас-сейчас, потерпи чуток, я все исправлю.

Фея поспешно взмахнула палочкой, обведя ей вокруг себя и крестницы, и громкие людские голоса сменились птичьим криком, звериным мычанием и рыком.

– Уф! – Марта вздохнула с облегчением, а Белинда сконфуженно призналась:
– Заклятие должно было распространиться только на графа, я и не думала, что нас тоже охватит.

Девушка покосилась на Тома, с оторопелым видом перебегающего от одних зверей к другим. Судя по тому страшному разочарованию, которое отразилось на его лице, ничего мудрого и интересного из разговоров свиней, коров и гусей он для себя не вынес.

Внезапно гуси загоготали еще громче и бросились врассыпную; вслед за ними кинулись в стороны и прочие обитатели двора. На то была вполне весомая причина: по двору кралась Добрюша. Граф при виде любимицы потрясенно булькнул и бросился к ней, очевидно понадеявшись обнаружить в тигрице светоч премудрости, но, не дойдя пяти шагов, отшатнулся и замер на месте, как громом пораженный.

– Бэль, – подскочила на месте Марта. – Давай послушаем!

Фея исполнила пожелание крестницы на удивление верным образом: голосов других зверей они не слышали, зато совершенно отчетливо стал слышен вкрадчивый глас тигрицы.

– Ммм... вкусный зайчик, нежный зайчик... Теперь спать, спать, спать. Только бы этот дурень слюнявиться не полез – а то еще учует.

– Как? – Том, не веря своим ушам, с ужасом взирал на любимицу. – Добрюша, это ты? Ты таскаешь моих редчайших златоухих зайцев? Не пришла лисица, а ты – моя кроткая Добрюша, моя ласковая Добрюша?

Марта с феей переглянулись.

– Боюсь, мы здесь третьи лишние, – хмыкнула Белинда. – Оставим голубков разбираться в своих непростых отношениях. Добрюша так долго ждала этого момента, чтобы высказать графу все, что накопело на душе!

– Ты думаешь, она понимает, что он ее понимает? Белинда, не глядя, махнула палочкой через плечо.

– Теперь понимает.

Уворачиваясь от собак и стараясь не наступить на цыплят, дамы последовали к воротам.

– Добрю-ю-ша! Как ты могла! – неся им вслед горестный рев графа.

Глава 15 ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Девять месяцев тому назад. Осенний бал

– Мама! Перестань навязывать мне женихов! – прошипела Изабелла, кипя от ярости. – В конце концов, я красивая молодая девушка, они сами должны ко мне в очередь выстраиваться!

– Что-то я не вижу очереди к трону, растянувшейся до ворот замка, – ехидно заметила королева Гвендолин. – Так что позволь мне заняться устройством твоего будущего, пока ты еще молода, красива и способна привлекать мужские взгляды. Вот герцог Первер чем тебе не нравится?

– Зануда!

– А виконт Шапоклякс?

– Туп, как пробка!

– А старший сын графа Дэрикура?

– Этот дохляк?

– Ну, хорошо. А сын маркиза Пучини?

– У него ладони потные, – передернуло принцессу.

– Немудрено, он так разволновался, потому что без ума от тебя! – вступилась за потного Пучини королева.

– А я еще в своем уме, – парировала Изабелла. – Мне нужен муж умный, красивый, сильный, веселый, верный, воспитанный, добрый, щедрый и любящий, – перечислила она. – Есть у тебя такой на примете?

– Такой мужчина на свете один, и это принц Эрик, – поджала губы Гвендолин. – Но после того как ты устроила этот ужасный скандал на балу, тебе придется публично извиниться, чтобы вернуть его расположение.

– Никогда! – вспыхнула Изабелла.

– Тогда герцог Малинар, – просияла королева. – Он, конечно, уступает Эрику по ряду качеств, но очень приятный юноша.

– Что-то я такого не помню, – пробурчала принцесса.

– Его представляли тебе на прошлом балу, и ты даже признала тогда, что он весьма мил.

– Неужели? – удивилась Изабелла.

– Да вон же он!

Принцесса повернула голову и увидела приятного юношу с сияющими глазами и теплой улыбкой, стоящего в кругу ровесников и о чем-то со смехом рассказывающего.

– Кроме того, Патрик – прирожденный лидер, – добавила Гвендолин. – Из него получится прекрасный король.

Изабелла с интересом подалась вперед: действительно, она вспомнила молодого герцога. Юноша понравился ей, и она, удивляясь самой себе, даже пыталась с ним кокетничать во время танца. Герцог был очень учтив, наговорил ей комплиментов, но остался равнодушным к ее чарам. Этот крепкий орешек ее крайне заинтриговал, и Изабелла решила повторить атаку, но, к ее досаде, юноша рано удалился с бала. Что ж, сейчас у нее есть возможность взять реванш!

– Я с ним потанцую, – равнодушно бросила матери Изабелла, поднимаясь с места.

Гости учтиво расступались перед ней, товарищи герцога замолчали и склонили головы в поклоне, сам Малинар запнулся на полуслове и почтительно поклонился.

– Герцог, вы собрали вокруг себя всех приятных кавалеров – барышни скучают в одиночестве, – шутливо попеняла ему Изабелла.

– Виноват, ваше высочество, обещаю исправиться, – в таком же тоне повинился юноша.

– Исправляйтесь, – намекнула принцесса, не двигаясь с места.

– Позвольте пригласить вас на танец? – учтиво осведомился он.

– Попробуйте, – с улыбкой протянула руку Изабелла.

Юноша осторожно взял ее за руки и закружил по залу. Принцесса с удовольствием отметила перемены в его поведении. Если в прошлый раз он был холодно учтив, то сейчас – взволнован сверх меры и несколько обескуражен ее близостью. Все признаки указывали на то, что герцог влюблен. Он даже заговорить с ней робел, хотя в прошлый раз развлекал ее ничего не значащей светской беседой.

– Что вы рассказывали свои друзьям? – решила прийти ему на выручку Изабелла. – Вы просто лучились от радости.

– Это так заметно? – еще больше смутился ее кавалер.

– Не заметить этого невозможно. Так в чем же причина?

– Не хотелось бы говорить об этом... – запнулся герцог.

– Я настаиваю!

– Что ж, не смею противиться королевскому приказу, – усмехнулся юноша.

– Я пока не королева, – намекнула Изабелла. – Короля не хватает.

– Убежден, за королем дело не станет. Многие мужчины здесь были бы рады повести вас к алтарю, – многозначительно отвечал герцог.

– Как же мне выбрать единственного? – кокетливо спросила принцесса.

– Слушайте свое сердце, оно не обманет, – поддержал флирт ее кавалер.

– Вы полагаете? – Изабелла послала ему нежный взгляд из-под ресниц.

– Я убежден в этом, – взволнованно отвечал юноша.
– О, Патрик, неужели причина вашего ликования так проста? Вы влюблены? – подтолкнула его к решительному признанию Изабелла.

– Ваше высочество, вы необыкновенно проникательны, – с запинкой признал герцог.
– Убедена, она – самая прекрасная девушка на свете, – приободрила его принцесса.
– Для меня прекрасней нет, – не сводя с нее восторженных глаз, взволнованно признался юноша.

Принцесса якобы смущенно опустила ресницы, чтобы скрыть торжествующий взгляд. Конечно, он влюблен в нее. Как влюблены в нее все мужчины в этом зале. Разве можно было сомневаться в этом? Кого еще любить, как не ее, принцессу!

– И что же она? – затаив дыхание, спросила она, ожидая намеков, комплиментов, завуалированных признаний.

– Вчера она согласилась стать моей женой! – не скрывая ликования, выпалил Патрик.

– Как? – воскликнула Изабелла и с досадой закусила губу. Неужели несносный герцог говорил не о ней? – То есть я хотела спросить, когда же свадьба? – поспешно поправилась она, с трудом скрывая разочарование.

– Летом, – с печалью вздохнул герцог. – Ее родители настаивают на длительной подготовке к торжеству.

После танца Изабелла выбежала на террасу – объясняться с матерью совершенно не хотелось.

– Иза, ты чего такая мрачная? Привидение увидела? – окликнула ее Марта, отдохавшая здесь от суеты бала.

– Хуже. Я только что танцевала с мужчиной, женой которого я хотела бы стать, – вспомнив огонь в глазах, с которым герцог рассказывал о своей возлюбленной, тихо ответила Изабелла. Признаваться в том, что эта мысль пришла ей в голову только после того, как она поняла, что понравившийся юноша принадлежит другой, принцесса не стала. Так же, как и отвечать на остальные расспросы любопытной Марты. Впрочем, выяснить имя ее кавалера для той не представляло никакого труда...

* * *

Не любит – приворожим, не хочет – заставим.

Белинда

– Ах! – всплеснула руками хорошенькая служанка, когда путешественницы появились во дворе замка герцога Малинара. – Господин в печали уже третий день. Быть может, ваш приезд его встряхнет? Он сейчас в саду. Проводить вас?

– Спасибо, мы сами.

Служанка указала, как пройти к саду, и Белинда с Мартой решительно зашагали в нужном направлении. В трактире, в котором они остановились, чтобы перекусить и заодно разузнать сплетни об интересующих их кавалерах, им пришлось вычеркнуть имена еще двух женихов. Один отправился в кругосветное путешествие и сейчас уже, должно быть, достиг пустынь Игапии; второй и вовсе ушел в монастырь. Фее оставалось только надеяться, что вины ее строптивой крестницы в этом нет. Герцог Патрик Малинар оставался их последней надеждой, и Белинда взволнованно кусала губы, обещая себе сделать все возможное для того, чтобы затащить его во дворец. Тем более что Изабелла когда-то признавалась Марте, что парень ее заинтересовал. А сам Патрик просто обязан быть без ума от принцессы соседнего королевства. Ведь Изабелла – самая красивая! И потом – она даже не успела наговорить ему гадостей, значит, должна была оставить о себе самое приятное впечатление. Несомненно, в этом замке их должна ждать удача, обнадеживала себя Белинда, отгоняя прочь мысли о неудаче.

Юный герцог хандрил в беседке, окруженной пышными кустами роз. Глядя на его

сумрачный вид, можно было подумать, что у него в один день умерли все родственники сразу, да к тому же родовой замок сгорел дотла, оставив сироту без средств к существованию.

– Сдается мне, что мы не вовремя, – шепнула Марта.

– А вдруг он убивается из-за несчастной любви к Изабелле? – с наивной надеждой предположила фея.

– Как же, – хмыкнула Марта.

Но тут Патрик, словно в подтверждение слов крестной, порывисто вскочил со скамьи и отчетливо произнес:

– Мне нужно жениться!

Белинда, не веря своему счастью, сжала локоть крестницы и деликатно кашлянула, привлекая внимание герцога.

– Кто здесь? Сказал же, меня не беспокоить! – сердито повернулся к ним юноша. Однако при виде гостей его лицо озарилось счастливой улыбкой, он радостно вскрикнул, перемахнул через оградку беседки, словно спешил засвидетельствовать свое почтение, но не прошел и пары шагов, как вдруг замер на месте и на лице его отобразилось страшное разочарование.

– Простите, что помешали вашему уединению, – пораженная переменами в лице юноши, произнесла фея. – Служанка сказала, где вас найти, и мы...

– А выходите за меня замуж, – неожиданно выпалил герцог, с неподдельным интересом разглядывая Марту. – Как вас зовут?

– Марта, – машинально ответила за крестницу ошарашенная Белинда, потому что сама девушка и слова вымолвить не могла от изумления.

– Будьте моей женой, Марта! – вдохновенно произнес Патрик. И даже на одно колено припал. – Скажите же мне, что вы согласны! Иначе я умру в тот же миг, – взмолился он.

– Кажется, он того, – чуть слышно констатировала Марта. – Что делать будем?

– Отступить! – Фея попятилась назад и потянула за собой крестницу.

Но Патрик мгновенно раскусил ее маневр, вскочил с колена и бросился наперерез.

– Вы, должно быть, решили, что я шучу? – воскликнул он. – Ни в коей мере!

– Ну что вы, какие шутки! – успокаивающе возразила Марта.

– Она всего лишь решила, что вы тронулись умом, – сдала крестницу фея.

– Так и есть, – тряхнул кудрями герцог и возбужденно сверкнул глазами. – Я обезумел от любви к вам. Вы верите в любовь с первого взгляда, Марта?

– Как-то раньше не приходилось, – покривила душой девушка, пятясь назад и вспомнив обворожительную улыбку барона Клермонта.

– Я вам не нравлюсь? – сокрушенно воскликнул Патрик. – Но, милая Марта, не спешите судить по моей внешности. Согласен, я не красавец...

Марта с удивлением глянула на красивого, как картинка, юношу.

– Знаю-знаю, – неправильно истолковал ее взгляд молодой герцог, – у меня длинный нос...

Девушка с еще большим изумлением воззрилась на аккуратный, чуть вздернутый нос собеседника.

– У меня мутные маленькие глазки и тонкие губы, – продолжал самоуничижаться обладатель красивых миндалевидных глаз и четко очерченных губ. – Да и ростом я не вышел. Но это ведь не главное, правда? Главное, ведь какой я внутри? Вы согласны?

– Соглашайся. – Фея ткнула крестницу в бок.

– Да-да, конечно, – выдавила из себя оторопевшая Марта.

– Можете мне поверить, я окружу вас заботой и любовью. Вы будете самой счастливой девушкой на свете. Только выходите за меня замуж! – взмолился герцог, повторно брякаясь на колени. Теперь уже на оба. И с умильной улыбкой прижал руку к сердцу.

– Соглашайся! – изо всех сил улыбаясь ему, процедила Белинда.

– Ты умом тронулась? – прошипела крестница.

– Не я, а он! Ты что, не видишь? Он же сумасшедший! Соглашайся, а то он нас так просто не выпустит.

– Выходите же за меня, Марта! – настойчиво повторил юноша.

– Я так не могу, – закапризничала невеста. – Я вас совсем не знаю.

– У нас вся жизнь впереди, чтобы узнать друг друга, – парировал Патрик.

– Мне нужно время!

– Ах, вы просите невозможного! – занервничал жених. – Я сгораю от любви!

– Спешка в таком деликатном деле может только навредить...

– Промедление смерти подобно!

– Бэль, да сделай же что-нибудь! – чуть не плача, воскликнула Марта. – Останови этого безумца!

– Сейчас-сейчас, – тихонько пообещала фея, незаметно вынимая палочку из-за пояса. – Отвлеки его еще немножко, и я обездвигу этого...

– Стойте! – опомнился герцог. – Вы что, всерьез считаете меня сумасшедшим?

– А кем же вас считать, если вы себя ведете как сумасшедший? – сердито возразила крестная.

– Вы правы, я совсем потерял голову... но от любви! Выходите же за меня замуж, милая Марта!

– Это смешно, – оправившись от столбняка, вздернула нос девушка.

– Почему же? – удивился Патрик. – Чем я смешон?

– Потому что дочери прачки не выходят замуж за герцогов, – осадила его девушка.

– Ах вот в чем дело, – приуныл юноша. – Действительно, увы, это невозможно...

– Так у вас нет невесты? – с надеждой вымолвила Белинда.

– Нет, – лаконично ответил Патрик и насупился, как сын.

– Но вы хотите жениться?

– Как можно скорее, – подтвердил серьезность своих намерений герцог.

– А принцесса Изабелла вам в жены не подойдет? – с улыбкой искушительницы проворковала фея.

– Принцесса Эльдорры? – Патрик замер, не веря своим ушам. – Изабелла? Вы шутите?

– Ничуть! Принцессе тоже необходимо как можно быстрее выйти замуж, – сообщила Белинда.

– За человека, который ее искренне любит, – со значением вернула Марта, адресуя крестной укоризненный взгляд.

– Вы ведь любите Изабеллу? – пошла на штурм фея. – Ее нельзя не любить, не так ли?

– Да, принцесса само очарование, – отрешенно ответил Патрик, что-то обдумывая.

– Так вы влюблены в нее? – допытывалась крестная.

– Разумеется! Как же иначе! – тоном, не вызывающим доверия, сообщил юноша.

– Так когда вы готовы отправиться к принцессе? – замерла Белинда.

– К принцессе? Спрашиваете! Да хоть сейчас!

– Сейчас не надо, – торопливо сказала Марта. – Мы устали с дороги...

– Да что ты несешь, Мари! Мы не... – начала было фея.

– ...и хотели бы отдохнуть! – повысила голос девушка, незаметно наступив крестной на ногу.

– Ай! – вскрикнула та.

– Бедная тетушка! – мило улыбаясь герцогу, сказала Марта. – Она уже не в том возрасте, чтобы совершать такие длительные путешествия. Подагра дает о себе знать.

– Конечно-конечно, – засуетился Патрик, – я прикажу, чтобы вам приготовили комнату. А отъезд можно отложить до завтра.

– Мы пока подождем здесь, – улыбнулась девушка, – полюбуемся розами.

– Прекрасный юноша, – восторженно зашептала фея, как только герцог скрылся из виду, – будет чудесным мужем! Ради того чтобы найти его, стоило объездить три королевства!

– Идем, – поторопила ее Марта.
– Куда?
– Разузнаем, отчего это герцог в печали уже третий день. Заодно выясним, почему он готов жениться на первой встречной.

Путешественницы обошли весь садик, но не встретили ни садовника, ни праздно шатающихся слуг, которые могли бы пролить свет на загадочное поведение хозяина.

– Придется потолкаться по замку, – решила Марта, и дамы свернули на пустую аллею, ведущую к зданию. Однако не прошли они и трех шагов, как в конце дорожки появилась низенькая сухонькая старушка.

– Ваша светлость! – заголосила она, с несвойственной для старушки прытью устремляясь навстречу феи и крестнице. – Хвала небесам, вы одумались!

– Еще одна сумасшедшая! – огорчилась Марта. – Да что ж за замок-то такой!

Однако, приблизившись к ним, бабулька расстроено всплеснула руками и охнула:

– Вот тетеха-то! Совсем слепая стала! Перепутала! Простите меня, барышня, но уж больно вы на дочку графа похожи...

– На какую дочку? – заинтересовалась Марта.

– На Диану Вилар, – охотно пояснила старушка, – невесту Патрика.

– Как невесту? – подпрыгнула огорченная Белинда. – Он нам только что клялся, что невесты у него нет, и звал мою крестницу замуж!

– Вот обалдуй! – покачала головой бабулька. – Надеюсь, вы не восприняли его слова всерьез? Простите мальчика, он сам не ведает, что творит... Говорила ведь ему: не наломай дров! Но он такой горячий...

– А вы, простите, кто? – перебила ее фея.

– Я-то? Няня его, Терезой меня кличут, – мягко улыбнулась старушка и, взглядываясь в лицо Марты, пробормотала: – Поразительное сходство! Неудивительно, что он накинулся на вас с предложением руки и сердца.

– Расскажите нам, что здесь происходит! – ухватила за разговорчивую няньку девушка. Кто еще прольет свет на странности в поведении герцога, как ни нянька, поверенная во всех сердечных делах своего воспитанника?

Тереза неожиданно замялась, переводя взгляд с феи на крестницу, и Марта поспешила коротко объяснить, кто они такие и с какой целью пожаловали в замок.

– Ох негодник! – покачала головой нянька. – Чего удумал! Не любит он принцессу, потому что все мысли у него о ней, о Диане. А за предложение ваше потому ухватился, что отомстить ей, голубке своей, хочет... Так и быть, все вам расскажу, чтобы вы поняли, почему Патрику на принцессе жениться никак нельзя.

По словам Терезы, осенью, накануне королевского бала, герцог обручился с графской дочкой Дианой Вилар. Уже уговорились о свадьбе, начались приготовления, но два дня назад на одном из приемов Патрик имел неосторожность сделать комплимент младшей дочери виконта Сеймура. Диана, девушка вспыльчивая и очень ревнивая, устроила жениху сцену, прилюдно разорвала помолвку и объявила, что выйдет замуж за первого, кто ей сделает предложение. Первым тут же подсутился перезрелый граф Краузе, который давно и безуспешно сватался к Диане. Девушка, чуть не плача, дала согласие – ведь она выкрикнула неосторожную клятву на глазах у сотни приглашенных и не могла отказаться от своего слова.

– Патрик был просто убит этими событиями и, вернувшись домой, объявил о своем намерении как можно скорее найти невесту, – вздохнула нянька. – Чтобы досадить бедняжке Диане, понимаете? И поклялся, что найдет невесту еще лучше Дианы, чтобы та, выскочив замуж за старого уродца Краузе, локти с досады кусала. Теперь вам ясно, почему он так ухватился за предложение жениться на эльдоррской принцессе и почему с готовностью заверил, что любит ее больше жизни?

Белинда с убитым видом ковыряла носком башмака землю. Последний жених уплыл

из-под носа! А вместе с ним – и шансы на снятие заклятия с Изабеллы и со всего населения Эльдорры...

– Куда уж тут яснее, – вздохнула Марта. Она от всей души сочувствовала разлученным влюбленным, но и настроение феи не могла не разделять.

– Так вы забудете про слово, данное герцогом? – с надеждой глянула на них нянька.

– Разумеется, – кисло подтвердила Белинда. Тереза просияла от счастья.

– Вот только не понимаю, чему вы радуетесь, – угрюмо добавила фея. – Раз уж герцогу взбрело в голову насолить своей бывшей невесте, то он все равно это сделает, женившись на нелюбимой.

– Знаю, – повесила голову нянька. – Только продолжаю верить в чудо...

– В чудо? – оживилась Марта. – Какое?

– Да в какое угодно! Что время повернется вспять, что влюбленные забудут свои обиды, что Краузе, будь он неладен, освободит Диану от данного ему слова.

– Бэль! – затормошила фею крестница. – Ты же можешь помочь!

– Поворачивать время вспять я не умею, – огрызнулась Белинда. – Такие штуки даже Лукреции не под силу.

– Мы что-нибудь обязательно придумаем! – ободряюще улыбнулась няньке Марта. – Вы нам только расскажите, на всякий случай, где можно найти Диану и этого Краузе.

– Марта, ну что ты ко мне пристала! – ныла фея, когда Тереза уковыляла восвояси и они остались вдвоем в беседке. – У нас беда! Все женихи оказались пустышками. Бедная Иза! А ты радеешь о благополучии каких-то глупых юнцов, которые сами же свое счастье и разрушили. Вот пусть сами и разбираются!

– Ну Бэль! – умоляюще взглянула на нее Марта. – Патрик же не виноват в том, что он любит Диану, а не Изу. Давай ему поможем! Тебе же ничего не стоит разок палочкой взмахнуть. Нельзя допустить, чтобы этот подлый Краузе испортил жизнь влюбленным!

– Вообще-то эти двое мне никто, – хмуро напомнила фея. – В данный момент меня куда больше заботит жизнь Изабеллы. Нам нужно скорее вернуться во дворец, проверить, как там обстановка, и посоветоваться с Лукрецией, как быть дальше.

– Бэль, мы обязательно придумаем, как помочь Изе! А пока, пожалуйста, давай поможем этой парочке, – не унималась Марта. – Ну, тетя, ты же добрая феечка! Очень тебя прошу, ради меня!

– А тебе-то что за дело? – удивилась Белинда.

– Я помню, какой радостью осветилось лицо Патрика, когда он принял меня за Диану. Если мы не поможем им воссоединиться, у меня душа будет не на месте.

– Допустим, я согласна, – нехотя проворчала крестная. – И как ты себе это представляешь?

– Если бы на месте Дианы была Изабелла, что бы ты сделала?

– Я бы прыгала от счастья, будь это так! – хмуро сказала фея.

– Ну, Бэль! Хорошо, если бы на месте Дианы была я? Если бы я сгоряча дала клятву и теперь готовилась к свадьбе с постылым женихом, как бы ты мне помогла?

Крестная ненадолго призадумалась, и вскоре в ее глазах зажглись озорные огоньки:

– Есть у меня одна задумка... Где живет этот подлый граф, будь он трижды неладен?

Марта развернула карту и робко ткнула в весьма удаленную точку.

– Ничего себе, куда забрался этот жук! – мигом растеряла энтузиазм Белинда. – Чтобы до него добраться, мы, в лучшем случае, полдня потеряем. И полдня на обратную дорогу...

– Бэль, ну пожалуйста! – взмолилась девушка и неуверенно добавила: – А что, если как раз в той стороне мы и найдем жениха для Изабеллы?

– Дорогая, – покачала головой фея, – в этой глуши водятся только волки и подлые графы. Но если ты так настаиваешь...

Уже в сумерках путешественницы постучали в ворота замка Краузе. Рекомендательный

пергамент с печатью королевского двора творит чудеса, поэтому гостей приняли с распростертыми объятиями. Дамы плотно поужинали, переночевали на мягких перинах, хорошенько подкрепились за завтраком и с чувством выполненного долга покинули замок. Как и планировала Белинда, граф Краузе начисто забыл о слове, данном ему Дианой, и о существовании самой девицы Вилар. Но перед этим под диктовку феи желчный старик написал невесте письмо, в котором освобождал девушку от ее слова, просил прощения за доставленные ей неприятности и желал счастья с герцогом Малинаром. А потом хозяин собрал слуг, объявил, что свадьбы не будет, отменил все приготовления к ней и строго-настрого наказал не упоминать при нем имя бывшей невесты.

Начисто выветрилось из его головы и то обстоятельство, что в его замке гостили две путешественницы. Впрочем, вопреки задумке Белинды, это обстоятельство было не единственным. Вместе с воспоминаниями о Диане Вилар из головы Краузе улетучились многие другие события и лица. Помощь феи влюбленным обернулась для графа обширным склерозом. Слуги не нашли в этом ничего странного ввиду почтенного возраста хозяина, а волшебница так никогда и не узнала, что ее очередное заклинание сработало несколько иначе, чем задумывалось.

– Ну, ты довольна? – спросила Белинда, когда они отлетели на почтительное расстояние от замка. – Теперь дело за Дианой и Патриком. Надеюсь, у них хватит разума осознать свои ошибки, простить обиды и беречь свою любовь.

– Я горжусь тобой, Бэль! – искренне похвалила ее Марта.

Фея резко вывернула метлу, направляя ее к лесу, и внезапно разрыдалась.

– Бэль, ты что? – заволновалась Марта.

– Я никудышная крестная! – размазывая слезы по щекам, провыла Белинда. – Я – позор всем феям на свете! Иза навсегда останется спящей, а с ней – и все королевство... Лукреции не удастся долго держать это в тайне. Страшно подумать, что тут начнется!

– Ну не убивайся так, Бэль, – попробовала успокоить ее девушка.

– Как же тут не убиваться? Мы обошли всех, кто мог испытывать к Изабелле искренние чувства, но все без толку. Кто-то любит ее корону, кто-то деньги, кто-то – связи и привилегии, кто-то готов жениться на любой, лишь бы сбежать из-под опеки матери... – Фея всхлипнула.

– Есть еще пара десятков кандидатов... – неуверенно сказала крестница.

– Уж если Изу не любит никто из тех, с кем она была достаточно мила, как могут симпатизировать ей те, с кем она разругалась вдрызг? – спросила, всхлипывая, фея. – Это бесполезно, бесполезно!

Внезапно метла, ровно летевшая над лесом, резко ушла вниз и юркнула между кронами деревьев. Дамы завизжали, завидев стремительно приближавшуюся дорогу. Заржали кони, спокойно трусившие по лесной тропе и не ожидавшие нападения сверху... Негодница-метла сбросила путешественниц прямо посреди дороги, под копыта лошадей, невесть откуда взявшихся в этой глуши.

– Ядрена фига! – раздался оглушительный рев, и кони испуганно заржали, попятившись назад.

– Белинда? – удивленно воскликнул один из наездников и быстро спрыгнул с лошади, поспешив поднять дам с земли.

– Принц Эрик? – захлопала ресницами фея, отряхиваясь от пыли. – Не может быть!

– Я не меньше вашего удивлен встретить здесь вас и Марту. Вы одни? Или королевский экипаж где-то неподалеку?

– Нет, мы одни, – поспешно сказала девушка.

– Вы заблудились? – участливо спросил принц.

– С чего вы взяли? – передернула плечами фея, искоса разглядывая Эрика и костеря про себя Изабеллу. Ну чем не жених? Молодой, красивый, образованный, воспитанный! Только он теперь про эльдоррскую принцессу, поди, и слышать не хочет – после того ведерка с пуншем, которое Иза в припадке ярости ему на голову надела. Интересно, чем ее

тогда так разгневал этот благовоспитанный юноша с мягкой улыбкой и добрыми лучистыми глазами? Ведь даже Марте по секрету не сказала, вот скрытница!

– А что вы делаете так далеко от дворца? – заинтересовался тем временем Эрик. – Почему вы в Ламаре?

– У нас важное дело, – буркнула фея, нервно колотя помелом по дороге. – Но мы уже возвращаемся.

– Что ж, не буду вас задерживать, – учтиво кивнул Эрик.

– Счастливого пути, ваше высочество, – церемонно поклонилась Белинда и развернулась, чтобы уйти. Продолжать разговор с принцем, ставшим свидетелем ее позорного падения с метлы, не хотелось.

– Передавайте поклон Изабелле, – донеслось ей вслед.

Марта с феей так и замерли на месте.

– Что вы сказали?

– Если не трудно, – улыбнулся принц.

– Вы передаете ей поклон после того, как она обошлась с вами? – не веря своим ушам, уточнила Белинда.

– Изабелла – живая девушка, – с ноткой восхищения ответил Эрик. – Не то что другие принцессы, которые и чихнуть боятся вопреки этикету.

– Кстати, – затаив дыхание, закинула наживку фея. – Принцесса спрашивала о вас и очень корила себя за несдержанность.

– Правда? – обрадовался Эрик. – Как она поживает? Надеюсь, у нее все хорошо?

– Просто замечательно! – горячо заверила Белинда.

– Так она не держит на меня зла? – робко уточнил принц.

– Да что вы такое говорите! Она будет счастлива видеть вас... А знаете что? Поедьте с нами во дворец! Сделаем ей сюрприз!

– Я бы с удовольствием... – замялся Эрик, – но...

– Ну конечно, какая же я глупая! Вы здесь тоже не просто так прогуливаетесь. Едете по делу?

– Еду к невесте, – нехотя признался юноша.

– К невесте? – Фея всхлипнула, с силой швырнула метлу в кусты и вдруг протяжно разрыдалась.

– Что это с ней? – забеспокоился принц.

– Долгая история, – махнула рукой Марта. – У вас не найдется фляжки с водой?

Пришлось отряду Эрика сделать привал, пока принц и Марта отвели фею на ближайшую полянку и привели в чувство.

– И кто же ваша избранница? – ревниво осведомилась Белинда, взяв себя в руки.

– Вы ее знаете, она из Эльдорры. Дочь герцога Райли, – поведал принц.

– Эта задавака? – подпрыгнула фея.

– Вы ее любите? – тихо спросила Марта.

– Разве это имеет значение? – невесело усмехнулся Эрик.

– Спрашиваете! – разволновалась Белинда. – Да это вопрос жизни и смерти!

– Чьей?

– Изабеллы!

– Что с ней? – воскликнул Эрик.

– Вы ведь ее любите? – пытливо спросила Белинда. – Любите Изу, невзирая на ее вздорный нрав и тяжелый характер? Несмотря на те гадости, что она вам наговорила?

Марта замерла, ошеломленная бестактностью крестной. Сейчас принц вспылит и воскликнет, что он не обязан докладывать о своих чувствах какой-то крестной фее, и будет прав! Ах, зачем тетя так поторопилась? До этого ведь все шло так удачно...

– Люблю, – вдруг просто сказал Эрик. – С ней случилось какое-то несчастье?

– Хвала небесам! – вскрикнула Белинда. – Так вы поедете с нами? Только вы можете помочь Изабелле, иначе... – на ее глаза набежали слезы, поэтому изложить суть событий

пришлось Марте.

– Едем! – решительно сказал Эрик, выслушав ее рассказ. – Немедленно.

– А как же ваша невеста? – робко спросила Марта.

– Ребекку навязали мне родители. А мне после отказа Изабеллы было уже все равно. Но сейчас, если у меня появился шанс... Говорите, Изабелла жалела о своих словах? Хотела меня видеть?

– Да-да-да! – поспешно соврала фея, пока принц не передумал. Главное сейчас – спасти Изабеллу, а там пускай сами разбираются. Если что, то и любовное зелье Изе в кубок подмешать не сложно.

– Тогда по коням! Стойте, у вас же нет коней... – озадачился Эрик.

– Не беспокойтесь! – быстро ответила Белинда. – Мы будем следовать за вами по воздуху.

– Что ж, – улыбнулся принц, – тогда по коням и по метлам!

– А метлу я обяжу золотой лентой и буду мыть только в розовой воде. Если все выгорит! – пообещала фея, когда принц Эрик удалился, чтобы распорядиться об изменении пути. – Ведь если бы она не взбрыкнула, мы бы ни за что не встретили Эрика!

Спящая Эльдорра производила удручающее впечатление. Нигде не было слышно ни звука, не видно ни единого движения. Только ветер, чувствуя себя полноправным хозяином, трепал кроны деревьев, колыхал траву и поднимал в воздух пыль. Но и ему было скучно в этом огромном сонном царстве, поэтому озорник с азартом набросился на путешественников, которые смогли преодолеть границу заколдованного места. Сперва закружил в вихре метлу с Мартой и Белиндой, вынудив их спуститься и продолжить путь по земле. Потом растрепал гривы коней и бросил колючий песок в лица всадников. Невозмутимые спутники принца с изумлением взирали на лежащие перед ними спящие деревни; лошади шарахались от свалившихся посреди дороги лесных зверей и птиц.

Первое время ехали молча и не решались пускать коней вскачь, словно опасаясь нарушить покой сонного королевства. Потом свыклись с тишиной и безлюдьем, слышались первые шуточки потрясенных воинов. Белинда перебралась на коня к принцу и вооружилась палочкой, пообещав расчищать дорогу от спящей и беззащитной живности. За право везти Марту чуть не подрались все воины, пришлось девушке вмешаться и выбрать счастливого самого... Коней пустили во весь опор; Белинда только и успевала размахивать палочкой, перемещая куропаток, лис и зайцев по сторонам от дороги. Хорошо хоть медведи обходили стороной обычно оживленный тракт, – такой нагрузки палочка могла и не выдержать. И так работы не впрок, а тут нетерпеливый принц Эрик за ее спиной что-то бормочет себе под нос...

К королевскому дворцу подъехали уже на закате второго дня. Лукреция, наблюдавшая за перемещением отряда с помощью волшебного блюда, уже нетерпеливо пританцовывала у ворот.

– Наконец-то! Принц Эрик, как я рада вас видеть!

– Где она?

– В бальном зале, идемте скорей!

Спутники принца остались во дворе, а Эрик, две феи и Марта, осторожно перешагивая через спящих людей, прошли в зал. Не заметить принцессу было невозможно: она сладко спала на кровати под балдахином, стоящей в самом центре помещения.

– Сейчас-сейчас, – засуетилась Лукреция. – Это я для удобства принцессы сделала, не знала, сколько вы будете в отъезде.

Волшебница, торопливо размахивая палочкой, обежала вокруг кровати, и та исчезла, а принцесса мягко опустилась в подставленные руки Эрика.

Две феи и Марта замерли в ожидании чуда, и принц не заставил их долго ждать. Трепетным поцелуем он коснулся губ Изабеллы, и мир вокруг изменился. Дрогнули ресницы принцессы, наполнился движением весь зал. Изабелла открыла глаза и с улыбкой

пробормотала:

- Какой сладкий сон приснился... Принц Эрик...
- Изабелла, – прошептал счастливый принц.
- Эрик, – мечтательно протянула Изабелла, обнимая его.
- Изабелла... – пролепетал Эрик, близкий к обмороку от радости.
- Эрик, не уходи, приснись мне еще немножко, – прошептала Изабелла, прижимаясь к нему.

- Смотрите, принцесса! – пронеслись шепотки со всех сторон.
- Изабелла! – раздался строгий голос проснувшегося короля.
- Принц Эрик! – радостно вскрикнула королева.

Принцесса уже осмысленно огляделась по сторонам, подняла глаза на Эрика и завопила:

- Ваше высочество, что вы себе позволяете?! Немедленно поставьте меня на пол!
- Принц, что вы здесь делаете? – сурово осведомился король Кристиан.
- Прошу руки вашей дочери, – твердо ответил Эрик, осторожно опуская рассерженную Изабеллу, но не убирая рук.

- Наконец-то! – хором воскликнули король с королевой.
- Никогда! – взвизгнула принцесса. – Размечта...

Под одобряющие взгляды королевской четы и всего зала принц Эрик остановил поток сердитых слов поцелуем.

Учитывая наличие стольких свидетелей, свадьбу решено было сыграть как можно скорее.

Изабелла била посуду три дня, запершись в своих покоях. Впрочем, блюд и ваз хватило бы всего на полдня, если бы Белинда, не отходявшая от крестницы ни на шаг, не склеивала разбитые чаши заново. Потом принцесса устала, и фея с Мартой наконец смогли рассказать ей о своих приключениях. Изабелла хохотала, как сумасшедшая, над глупостью виконта Крезю, беспомощностью герцога Пифа и плодовитостью графа де Муруа.

- Теперь ты понимаешь, что из всех претендентов принц Эрик – лучший кандидат?
- Я это всегда понимала, – тихонько вздохнула принцесса.
- Как?! – подскочила фея.

– Я выделяла Эрика из всех моих женихов, – призналась Изабелла. – Но как только мы оказывались вместе, на меня как будто умопомрачение находило, и я начинала сыпать ругательствами и насмешками.

– Так я была права! – воскликнула Белинда. – Это все черная метка! Это из-за нее ты сама не своя делалась и на Эрика набрасывалась. Ну попадись мне эта Барбарисса на глаза!

– И что же мне теперь делать? – Изабелла в отчаянии подняла глаза. – Я ведь теперь при встрече Эрику еще больше пакостей наговорю!

– Не волнуйся, – успокоила ее крестная. – Главное – вам до свадьбы не видеться, чтобы Эрик жениться не передумал. А если все-таки увидите и ты гневаться вздумаешь, мой браслет тебя мигом в чувство приведет.

– Я так и знала, что от тебя подарка без подвоха не жди, – проворчала принцесса, прокручивая браслет на запястье.

– Я о ней забочусь, – возмутилась Белинда, – а она!..

– Ладно-ладно, спасибо! Буду носить не снимая, даже ночью, – поклялась Изабелла.

– Ночью-то зачем? – простодушно удивилась фея.

– Как это зачем? Вдруг Эрик вздумает серенаду под моими окнами спеть? – размечталась счастливая невеста.

– Боюсь, тогда один браслет его не спасет, – усмехнулся Фергюс, все это время паривший над их головами. – Придется тебя еще и цепью к кровати приковать, чтобы ты ему на голову кадку с апельсиновым деревом не сбросила.

– Ой, – спохватилась Марта. – Вот, держи, Эрик тебе письмо утром передал –

поговорить-то нормально с тобой у него так и не получилось.

– Бэль, ты сказала, главное – до свадьбы им не видаться, а потом? – полюбопытствовала Грациэлла, пока принцесса распечатывала конверт.

– А после черная метка потеряет силу, так же как и моя волшебная связь с Изабеллой.

– Правда? – улынулась принцесса. – Хорошо бы!

– Не терпится от меня отделаться? – притворно нахмурилась Белинда.

– Ну что ты, Бэль! – Изабелла заключила ее в объятия. – Спасибо тебе за все! И особенно за Эрика! И тебе спасибо, Марта! Мари, ты что, не рада за меня?

– Рада-рада, – заверила Марта. – Только у меня из головы все не идет книга со стихами. Кому же она принадлежит? Вот бедняга расстроится, узнав о твоей свадьбе...

– А ну-ка, принеси ее мне, – велела принцесса.

Пока Марта отлучилась за книгой, Изабелла раскрыла конверт, прочитала послание и, рассмеявшись от радости, поцеловала бумагу.

– Что там? – заинтересовалась фея.

– Бэль! – подколола ее принцесса. – Это очень личное.

Белинда обиженно нахохлилась, но тут вернулась Марта, и принцесса заинтересованно склонилась над книгой, легкомысленно положив письмо на столик. С невинным видом фея бочком подкралась к столику, цапнула листок и жадно пробежала его глазами.

– Он так любит тебя! – вздохнула тем временем Марта. – Бедняга, не представляю, что с ним будет, когда он узнает о твоей свадьбе... Как бы руки на себя не наложил!

– Боюсь, что он уже знает, – трагически вздохнула Изабелла.

– Ты знаешь, кто автор? – подпрыгнула Марта.

– А ты как думаешь? – лукаво глянула на нее принцесса.

– Так вот что бубнил принц себе под нос по дороге! – взволнованно воскликнула фея, размахивая листком.

– Бэль! – возмутилась Изабелла, бросаясь к ней. – Как ты можешь читать мои письма?!

Фея забежала по комнате, с шальным видом размахивая письмом над головой. Изабелла носилась следом, норовя выхватить послание. В какой-то момент листок выпал из рук Белинды и спланировал напрямик к ногам Марты чистой стороной вверх. Девушка наклонилась за ним, чтобы передать принцессе. Но листок внезапно перевернулся, и Марта невольно прочитала красиво выведенные строки.

«Позволь мне сделать тебя счастливой», – было написано в письме Эрика.

И это был тот же самый почерк, которым были исписаны страницы стихотворного альбома.

Глава 16 **КТО ПОДСТАВИЛ КРЕСТНУЮ ФЕЮ?**

Проще сосчитать звезды на небе, чем врагов Белинды.
Лукреция

Приготовления к свадьбе Изабеллы и Эрика шли полным ходом. Королевский дворец гудел, как растревоженный улей. Счастливая невеста с наслаждением изводила портних и ювелиров, имевших несчастье участвовать в создании свадебного наряда. Королева подсчитывала количество гостей и ломала голову над собственным туалетом, король благоразумно помалкивал и зачастил на охоту – подальше от свадебного переполоха. Белинда металась между кабинетом королевы и покоями принцессы, будучи озадаченной созданием красочных приглашений с индивидуальными иллюзиями, поисками алмазных туфель, которые во что бы то ни стало пожелала надеть Изабелла, и написанием сценария праздника.

– Ну на что ей сдались алмазные туфельки? – жаловалась она Марте. – Она же в них и

шагу ступить не сможет – все ноги в кровь сотрет! И красоты никакой – стекло стеклом!

– Я ей уже объясняла, – махнула рукой Марта. – Не переубедишь. Хочу – и все тут!

– Надо же было этой новоиспеченной королеве Гримландии выйти замуж в хрустальных башмаках! – в сердцах воскликнула фея. – Убить бы того, кто рассказал об этом Изе! И вот, пожалуйста – теперь ей непременно надо затмить эту модницу туфлями из алмазов.

– В этом вся Изабелла, – пожала плечами Марта.

– Ну побегу, – крепко обняв крестницу, вздохнула Белинда. – Вот-вот должны привезти алмазы, из которых мне предстоит сотворить бальные туфельки. Мерку с Изы портной уже снял, модель утвердили... Ядрена фига! Совсем забыла! Я же обещала Лукреции навестить ее сегодня, заинтриговала меня письмом – мол, важный разговор у нее ко мне. Неужели старушка собралась на покой и прочит меня в преемницы? – Фея мечтательно закатила глаза и поспешно засобиралась в путь. – Все-все, убежала...

Белинда умчалась восвояси, даже не заметив особенного блеска в глазах своей второй крестницы и ее перепачканных чернилами пальцев – тревожный симптом!..

А Марта, убедившись, что осталась одна, вытащила из-под подушки неоконченное письмо и продолжила писать: «...без нашей встречи день прожит зря, и я с нетерпением жду вечера, чтобы...»

В ожидании Белинды Лукреция нервно прохаживалась по залу совещаний. Оставшись в тишине и одиночестве (компания Фергюса и Грациэллы не в счет) в спящем королевском дворце, волшебница не теряла времени даром. Она обошла замок и двор вдоль и поперек, скрупулезно изучая каждый уголок и пытаясь выяснить причину странного заклятия. В первые мгновения у нее даже не возникло сомнений в том, что спячка, свалившая все королевство, – дело рук рассеянной Белинды. Наверняка горе-крестная опять допустила ошибку и присовокупила к основному «увеселительному» заклинанию дополнительное, снотворное. Ох, беда с этой Белиндой!

Отправив фею с Мартой на поиски истинно любящего Изабеллу жениха, Лукреция не особенно рассчитывала на успех. Все, кто более-менее питал симпатию к принцессе, прибыли на бал и сейчас спали мертвым сном. А вот отсутствующие кавалеры, которых прочили в женихи принцессе, вряд ли были поголовно заняты и больны. За деликатными отказами, присовокупленными к поздравительным пергаментам, скрывалось нежелание встречаться со вздорной принцессой. Надеяться на чудо не приходилось, следовало уповать только на свои собственные силы. Отослав Белинду и Марту подальше от дворца, чтобы не путались под ногами, и озадачив их заведомо невыполнимым заданием, Лукреция принялась распутывать клубок сложно закрученного заклятия.

Многоопытная фея каким-то шестым чувством ощущала паутину сонного заклинания, накрывшего дворец и перекинувшегося на все королевство, и от этого заклинания веяло чужой, злой магией. Ну, Белинда, возмущалась Лукреция, явись только мне на глаза, я тебе растолкую, что читать книги с черной магией не только стыдно для тех, кто именует себя крестными феями, но и страшно опасно. У злого колдовства есть роковая особенность: прочитанные заклятия навсегда остаются в памяти и могут совершенно некстати всплыть в голове в момент ворожбы, что, вне всякого сомнения, и случилось в тот момент, когда Белинда додумалась развеселить королевских гостей. Теперь Лукреции предстояла длительная и кропотливая работа: необходимо вычленить вредное заклинание, которое тесно переплелось с увеселительным, и распознать его. Только тогда появится надежда найти заклинание отмены.

Волшебница три дня и три ночи простояла у кровати принцессы, на которую пришелся главный удар магии, по ниточкам разбирая узор заклинания, пока, наконец, тугой клубок не поддался и не раскрыл ей часть своих тайн. Открывшаяся ей истина заставила Лукрецию похолодеть от ужаса. Изначальной задачей черного колдовства было не усыпить принцессу и подданных, а убить их на месте! Только светлая магия Белинды смягчила смертоносный

удар, заменив гибель длительным волшебным сном. Еще хуже было то, что колдовство не было результатом ошибки или случайности, оно было преднамеренным и тщательно спланированным. Одна радость – Белинда не имела к нему никакого отношения, заклятие было наложено чужой рукой. Неизвестный маг хотел выдать свою работу за дело рук феи и преуспел в этом – никто, кроме Лукреции, не поверил бы, что в заклинание Белинды вмешалась посторонняя сила. Однако злодей недооценил непредсказуемую магию Белинды, которая изменила нить его колдовства и привела к иному результату...

Потянув за ниточку, Лукреция не удивилась, обнаружив целую россыпь смертельных черных меток, нанизанных на стержень заклинания. Итак, автор ясен – это Барбарисса. Проще всего было бы разыскать мерзавку и заставить снять заклятие. Но это одновременно и сложнее всего – ведь настоящее лицо Барбариссы никому не известно. Никто никогда не видел ее, не слышал ее голоса, не знал ничего о ее жизни, что могло бы стать зацепкой... Иногда Лукреция с содроганием думала, что под маской Барбариссы может скрываться любая из ее подчиненных, добрых фей, но гнала ужасные мысли из головы. И вот теперь Барбарисса просчиталась. Прежде она всегда оставляла именную метку на месте своих злодеяний, теперь же – предпочла уйти в тень, чтобы подставить Белинду. Значит, ведьму следует искать среди тех, кому изрядно насолила Белинда. И насолила еще до того, как стала крестной принцессы, ведь Барбарисса бросила вызов Белинде еще семнадцать лет назад.

Так кому же из волшебниц могла помешать юная неумеха с ее проказливой магией? Поразмыслив над этим вопросом, Лукреция нахмурилась. Выходило, что всем. Белинда тогда только-только окончила обучение, вступила в общество фей и бросалась со своей непрошеной помощью ко всем подряд. Стоило ей услышать, как одна из фей жалуется другой на прыщи, как она тут же доставала палочку – и едва заметные прыщики на глазах вырастали до размеров монеты. Обмолвится одна из коллег о том, что располнела в талии, – Белинда тут как тут, и вот уже у бедняжки не только талия, но и все тело пухнет, как на дрожжах. Белинда сокрушалась и винилась, но поначалу не привыкшие к особенностям ее магии волшебницы считали, что новенькая просто издевается над ними. К счастью, Лукреции удавалось быстро сгладить конфликт, исправив оплошности Белинды. Но, как говорится, неприятный осадок оставался.

Белинду в ОЗФ недолго любили, считали завистницей и пакостницей. Никто не верил, что ее поступки продиктованы исключительно добрым сердцем и желанием помочь. Разобиженные в пух и прах феи неоднократно настаивали на том, чтобы исключить Белинду из их объединения. И только авторитет матери Белинды и заступничество Лукреции позволили девушке не вылететь оттуда с позором. Только за первые полгода после вступления в ОЗФ Белинда умудрилась настроить против себя каждую из тридцати трех волшебниц. Да и самой Лукреции стоило изрядного терпения не сорваться на неумеху. Даже удивительно, как у такой мудрой и искусной волшебницы, как Эстель, могла уродиться такая непутевая дочь, ведь дети волшебников впитывают магию с кровью и материнским молоком и редко в чем уступают своим родителям. А Белинда своей причудливой магией опровергала все существующие правила! Именно благодаря этой магии у каждой из волшебниц, состоявших в ОЗФ, имелся зуб на Белинду. А уж когда та перепутала младенцев и, вопреки всем правилам, взяла под опеку принцессу, на фею ополчились еще пуще. Никто не верил, что Белинда ошиблась случайно. Особенно неистовствовала Друзилла, которая почетную должность крестной феи принцессы выиграла в честной жеребьевке...

И все же искать злодейку Барбариссу среди своих Лукреции страсть как не хотелось: Во-первых, вскопчившие прыщи – не такой уж весомый повод для убийства принцессы и придворных. Во-вторых, в королевстве имелось немало волшебниц и знахарок, не входивших в их общество и державшихся особняком. Зная Белинду, можно было предполагать, что она и им, при удобном случае, какую-нибудь медвежью услугу оказала. И не одну! И что теперь – проверять всех одиночек? На это несколько лет уйдет, это уж точно. Правда, если как следует попытаться Белинду и выяснить, кому из них она могла сильно насолить, круг подозреваемых сузится, но все равно найти злодейку будет очень трудно.

Ядрена фи́га, невольно выругалась Лукреция и замерла, осененная догадкой. Ну конечно же! Кому, как не мачехе Белинды и ее сводной сестричке, ненавидеть ее сильнее остальных? Лет двадцать назад Сюзанна была весьма заурядной ведьмой, а у Ядвиги и вовсе отсутствовали магические таланты, но при наличии определенных книг и амулетов и мама, и дочка вполне могли повысить свой уровень. Как знать, может, теперь одной из них под силу многое? Недаром же Барбарисса начинала свои злодеяния с пожаров – самой простейшей магии, и только намного позднее перешла на молнии, убивающие на месте. Смертельное заклинание, которое сразило принцессу и ее гостей, было сплетено уже довольно опытной колдуньей. Тот факт, что оно было применено на расстоянии, еще больше подтверждал мощь злодейки. И хотя Белинде невольно удалось изменить его разрушительную силу, ее собственная магия распространила заклятие не только на дворец, как рассчитывала Барбарисса, а на все королевские владения.

Трудно было узнать что-либо наверняка, не выходя за пределы дворца. К тому же большая часть сил Лукреции была брошена на поддержание магической границы, не пропускающей чужаков. Единственное, что она могла сделать, – это запросить у блюдца местоположение Сюзанны и Ядвиги. Подозрения по поводу этой парочки подтвердились. Ядвига сладко посапывала, уткнувшись носом в книгу черной магии. А Сюзанны и вовсе не было видно: либо дамочка находилась за пределами Эльдорры, либо ее уже нет на белом свете. Так или иначе остается дожидаться возвращения Белинды...

К удивлению Лукреции, фея с крестницей умудрились совершить невозможное и привезли с собой принца Эрика. Лукреции хватило одного взгляда в волшебное блюдце, чтобы понять, что этот юноша любит принцессу по-настоящему и вряд ли на всем свете найдется другой такой пылко влюбленный. С поцелуем принца, разрушившим чары, отпала необходимость в дальнейшем распутывании заклинания. Однако по-прежнему оставалась неясной личность Барбариссы, и это Лукрецию крайне волновало. Разозленная неудачей, ведьма не остановится и предпримет новую попытку покушения. Можно быть уверенной – Барбарисса все усилия приложит к тому, чтобы принцесса не дожила до свадьбы. Ни у одной из фей, даже у Лукреции, не хватит сил на то, чтобы постоянно охранять Изабеллу. Выход один – найти Барбариссу раньше, чем она нанесет смертельный удар, и обезвредить ее.

Лукреция не стала делиться с Белиндой своими опасениями и догадками в первый же день, дав ей возможность отдохнуть с дороги и насладиться предсвадебной суетой целую неделю. Главная фея королевства не торопилась: зная страсть Барбариссы к пафосу, можно было быть уверенной в том, что решающий удар ведьма нанесет на свадьбе, при большом скоплении народа – и ни днем раньше. Время у них было, оставалось надеяться, что и удача будет на их стороне...

Белинда явилась прямиком из королевского дворца – возбужденная и взъерошенная.

– Эх, сдались ей эти алмазные туфельки! – бодро зачирикала она. – Что за капризная девица! Ведь поранит в них все ноги! Вот скажите, что мне с ней делать, как вразумить?

– Белинда, сейчас у нас есть более серьезная проблема, чем стоптанные ноги Изабеллы, – охладила ее пыл Лукреция и изложила свои выводы и опасения.

– Ядвига тут ни при чем, – заявила Белинда, нервно комкая колпак. – Способностей к магии у нее – ноль. И с возрастом ничего не прибавилось. Ее, конечно, шоколадом не корми, дай мне гадость сделать, но единственное, на что она способна, – нанять на свои деньги отряд гномов и приказать им захватить дворец. Ядвига всегда действует в лоб. Даже если у нее прорезался магический дар, у нее ума не хватит колдовать исподтишка и скрывать свое имя. Что вы! Ядвига хвасталась бы своими способностями на каждом углу, а рядом с черной меткой непременно оставляла свое имя.

– Но пока во дворце гремел бал, она читала книгу черной магии, – напомнила Лукреция.

– Читать – не значит владеть. И потом, если заклинание ее, то тогда почему она заснула наравне со всеми? Заклятие не должно было коснуться того, кто его сотворил, – усомнилась

Белинда.

– Это как раз просто. Ты невольно изменила его нить, и оно не узнало Ядвигу, – пояснила Лукреция.

– Нет, Ядвига на роль Барбариссы не тянет. Вот Сюзанна... – Белинда забарабанила пальцами по подлокотнику кресла.

– Ты знаешь, она жива?

– А чего ей сделается? Прибрала дом родителей к рукам и живет припеваючи, меня после смерти отца даже на порог не пускает.

– Странно, сейчас ее дома по-прежнему нет. Мое блюдо ее не отражает. Давно ты ее видела?

– Зимой. На базаре случайно столкнулись.

– И что она?

– Насмехалась надо мной, как всегда. Мол, живы ли здоровы твои крестницы? Даже удивительно – с такой-то феей! – расстроено пересказала Белинда и вскрикнула: – Ой! Я ведь тогда на ее слова даже внимания не обратила! Неужели – и впрямь она?

– Не будем списывать ее со счетов. А ты не знаешь, чем она сейчас занимается?

– Да кто ее знает! Но ничем хорошим – это точно.

Лукреция замолчала, обдумывая дальнейшие действия, а Белинда с готовностью сказала:

– Я сегодня же поеду в замок и как следует тряхну эту кочерыжку. Она мне все расскажет, что знает!

– Пытать, что ли, будешь? – неодобрительно покачала головой Лукреция.

– Охота руки марать! – Фея с презрением поджала губы. – Есть у меня один метод...

Когда в кабинете, где Ядвига упорно штудировала книги черной магии, появился флакон с прозрачной красной жидкостью, в которой плавали рыбья кость и мышинный хвостик, начинающая ведьма даже не удивилась. Она как раз с упоением перечитывала главу, посвященную эликсиру сногшибательной красоты. В его состав входили те самые компоненты, а готовое зелье имело прозрачный красный цвет, благодаря большому содержанию крови красивой девственницы. Соблазн завладеть эликсиром был велик, и Ядвига как раз мучительно соображала, где бы ей раздобыть кость неизвестной рыбы барабуль и хвост мыши, зачатой в полнолуние. Допустим, рыбу она найдет, потом поотрубает хвосты всем мышам, которые обнаружатся в замке – авось один из них и подойдет. А вот где ей взять кровь девственницы, да притом непременно прекрасной? Ядвига гадко хихикнула, подумав, что хорошо было бы пустить кровь своей мерзкой сводной сестричке, вот уж кто наверняка задержался в девицах! Но, к сожалению, кровь ненавистной Белинды не подходила по причине страхолюдной наружности задаваки...

Ядвига сосредоточенно засопела, подыскивая другую кандидатуру, и тут слева от раскрытой книги возник пузатый флакон. Ядвига сгребла его в кулак, придирчиво изучила на свет и, не задумываясь о происхождении зелья, а опасаясь только, что неожиданный подарок судьбы испарится так же внезапно, как появился, разинула рот и залпом вытряхнула его в себя. В глазах помутилось, горло скрутил спазм, а когда Ядвига откашлялась и вытерла выступившие слезы, ее ждал неприятный сюрприз. Перед ней на столе, самовольно сбросив книги на пол, сидела ненавистная сестричка и гадко ухмылялась. Ядвига зажмурила глаза и потрясла головой. Наверное, она перепутала компоненты и, вместо того чтобы получить зелье красоты, вызвала Белинду, которую только что поминала в мыслях. Стоп! Она же не варила никакого зелья! Да и колдовать она никогда не умела. Пару раз ей удалось поднять в воздух чашку с водой, и то потом выяснилось, что это мама, сжалившись над ней, поколдовала за ее спиной...

– Привет, кочерыжка! – звонко воскликнула Белинда. – Ты что, не рада меня видеть?

– Сто лет бы тебя не видела, противная ведьма! – выпалила Ядвига.

– Действует, – удовлетворенно кивнула Белинда. – Иначе ты думать и не могла.

– Что действует? – нервно выкрикнула Ядвига.

– Эликсирчик, который я тебе подсунула, – хихикнула фея. – А ты что думала, что он очутился здесь благодаря силе твоей мысли? Не смеши меня, кочерыжка!

– Я так надеялась на это, – проскулила Ядвига, удивляясь своей откровенности.

– Да ты еще глупее, чем я думала, – хмыкнула Белинда. – Ну, рассказывай, как вы тут жили, какие гадости замыслили.

Ядвига захлопнула рот, но он сам собой раскрылся, и признания сами потекли из ее уст. Белинда слушала отчет о ежедневных пакостях сестрички и ее мамы с нескрываемым омерзением, но пока речь шла только о притеснении слуг и кознях в отношении соседей.

– Хватит, – остановила ее фея, поморщившись. – Слушать противно. Давай выкладывай, какое отношение вы имеете к случившемуся в королевском дворце.

– Это не я, – затряслась Ядвига. – Это все мама!

– Это она – Барбарисса? – сурово сдвинула брови Белинда.

– Она, она, она, – часто закивала Ядвига.

– А я-то считала ее никудышной ведьмой, – ошеломленно протянула фея.

– Мама многому научилась из колдовских книг, – чуть не лопааясь от гордости, сообщила дочка. – А заполучит твой «Букварь», вообще самой главной в королевстве станет!

– Какой еще букварь? – удивилась Белинда.

– Не притворяйся дуручкой, – процедила Ядвига. – Надоел твой спектакль! Самой еще не противно выставлять себя на посмешище?

– Какой спектакль, кочерыжка? – нахмурилась фея.

– Корчишь из себя неумеху, чтобы никто не догадался, что «Букварь» у тебя! – возбужденно воскликнула Ядвига. – Хорошенько же тебе мамочка мозги прополоскала перед смертью!

– При чем здесь моя мать? – опешила Белинда.

– Не притворяйся идиоткой! Твоя мать считалась самой сильной волшебницей в королевстве благодаря «Букварю»! А потом она умерла, букварь исчез, а ты стала строить из себя неумеху – ой, посмотрите, какая я неудачница! Да только всем известно, что «Букварь» мамаша тебе передала! А ты дуручку из себя строишь, чтобы поверили в то, что «Букваря» у тебя нет.

– Выкладывай все, что знаешь про букварь, – велела Белинда.

– «Букварь» – знаменитая колдовская книга, – выпалила Ядвига. – Содержит заклинания на каждую букву алфавита. Одна буква – одно желание. Любые мечты исполнить может! – Несостоявшаяся ведьма мечтательно закатила глаза.

– Сказки, – возразила Белинда.

– Сказки? – взвизгнула Ядвига. – А не сказки, что твой обедневший отец стремительно разбогател после женитьбы на твоей мамочке? Не сказки, что они купили роскошный дом в центре города?

– Ты врешь, – убежденно сказала фея. – Этот замок принадлежал нашим предкам, я грамоты видела.

– Принадлежал, кто же спорит, – кивнула Ядвига. – Только папашка твоего отца дом в карты проиграл, в нем потом сорок лет чужие люди жили. А после свадьбы твои родители его назад выкупили – за баснословную сумму! Откуда они столько денег взяли, а?

Белинда потрясенно замолчала. Неужели она допустила ошибку при составлении зелья и вместо правды Ядвига бесстыдно лжет? Да нет, непохоже. Она бы тогда с ней вообще разговаривать не стала. Но как верить в правдивость ее слов? Почему никто никогда не говорил ей об этом? Никто, даже Лукреция, всегда хорошо относившаяся к ней?

– А не сказки, что твой папаша, напоровшись в лесу на разбойников, получил смертельную рану, а не прошло и месяца, как уже отплясывал на балу у соседей? Ни одной волшебнице такое не под силу! – не унималась Ядвига.

– Допустим, ты права. По-твоему, «Букварь» у меня?

– А у кого же?!

– И зачем мне его прятать?

– Чтобы не делиться своими секретами ни с кем – ясное дело! Да и много охотников заполучить «Букварь» было. Поговаривали, что и твою мамашу из-за него уколошили. Да любая ворожея в королевстве мечтает хотя бы разок в него заглянуть!

Белинда покачнулась. Внезапно вспомнилось перекошенное злобой лицо Друзиллы, когда они столкнулись у колыбели принцессы: «Думаешь, раз у тебя «Букварь» есть, ты такая умная?» Так вот какой «Букварь» имела в виду фея и вот отчего так разъярилась, когда Белинда простодушно предложила ей свой детский букварь, по которому она изучала грамоту!

– Так вот почему Сюзанна вцепилась в моего отца, – осенило Белинду. – Она мечтала заполучить «Букварь», думала, что он спрятан в доме?

– А ты думала, она в него влюбилась? – мерзко захихикала Ядвига. – Мамочка приворожила твоего папашу, чтобы поселиться в доме и как следует его обыскать.

– Так я и предполагала, – прошептала потрясенная фея. – И конечно же она была уверена, что «Букварь» в тайнике в моей комнате? – догадалась она, вспомнив некрасивую историю с ее выселением.

– А разве это не так? – злобно зыркнула на нее Ядвига.

– Вот почему она меня так ненавидит? Вот почему наградила принцессу черной меткой? Чтобы досадить мне?

– Никакой черной меткой она принцессу не награждала, – неожиданно возразила Ядвига. – К тому времени мама уже год, как изучала колдовские книги в Острых Пиках, – выговорив название гор, о которых ходила дурная слава, ибо они считались тайным убежищем чернокнижников, Ядвига запнулась.

– Как? – удивилась Белинда. – Ты же сказала, что Барбарисса – это она?

– Она, она, – закивала сводная сестричка. – Общество фей ей давно поперек горла было, еще с тех пор, как твоя мамаша в нем состояла, а мою мамочку в него не взяли. Вот она и вычитала в какой-то книге о черных метках. К тому времени про них уже давно забыли. Мамочка вновь возродила эту практику и отомстила тем феям, которые были против ее вступления в ОЗФ, уколошив их подопечных, да на том и остановилась. К тому моменту папашка твой умер, мы весь дом переворошили в поисках «Букваря», но ничего не нашли. Тогда мама решила в Острые Пики податься.

– Чего ж она у меня «Букварь» не отобрала, если была уверена, что он у меня? – недоверчиво спросила Белинда.

– Боялась, – нехотя призналась Ядвига. – Ты хоть и девчонка совсем была, но, владея «Букварем», могла ей серьезный отпор дать. Вот мамочка и решила набраться сил и только после с тобой потягаться.

– Но если не она черную метку на принцессу поставила, то кто? Я точно разглядела инициалы – сомнений не было, что метка принадлежит Барбариссе!

– Этого я не знаю, – зачастила Ядвига. – Сама соображай, кто тебя ненавидит и кому пришло в голову подделать метку Барбариссы, чтобы тебе насолить.

– Друзилла! – осененная догадкой, рывкнула Белинда. – Она же мне так и не простила, что я вместо нее крестной принцессы стала, и обещала, что этого так не оставит! Так вот почему черная метка не причиняла девочке серьезного вреда, как обычно, не устраивала пожаров, не притягивала молнии. Метка была фальшивкой! Друзилла просто хотела испортить праздник и выставить меня неудачницей, плохо справляющейся со своими обязанностями. Вот почему она наложила на Изу чары, которые испортили ее и без того непростой характер и отпугнули от нее всех женихов. Это же позор для крестной феи – не найти подопечной достойного мужа! Вот на что она рассчитывала!

– А она мне нравится, эта Друзилла, – хихикнула Ядвига. – Дай адресок, проведу ее при случае. Мы с ней должны подружиться!

– С Друзиллой я сама разберусь, потом, – оборвала ее Белинда. – Лучше рассказывай, как получилось, что твоя мамаша все-таки заявила о себе на королевском балу?

– Ой, все так удачно сложилось! – взхлеб поведала Ядвига. – Вернувшись в последний раз из Острых Пик и набравшись достаточно сил, мамочка стала думать, как бы выудить у тебя «Букварь». И тут случайно узнала, что кто-то воспользовался ее именной меткой, чтобы якобы навесить проклятие на принцессу. Мама здорово рассердилась – ведь это страшный удар по репутации Барбариссы, что принцесса дожила припеваючи до совершеннолетия, тогда как прежде младенцы с черной меткой на свете дольше года не задерживались. Конечно, метка была фальшивкой, но ведь все считали ее настоящей! Делом чести было взять реванш при большом скоплении народа. Тут как раз кстати подвернулся бал. Вот мамочка и решила укокошить принцессу и половину гостей, чтобы остальные гости разнесли вести о проклятии черной метки по всему королевству. Заодно и тебя спровоцировать воспользоваться «Букварем». Ты же по-прежнему продолжала притворяться дурочкой и неумехой, мама какое-то время следила за тобой, но так и не обнаружила, где ты прячешь книгу.

– Значит, Сюзанна хотела убить принцессу и гостей и рассчитывала, что я брошусь за «Букварем», чтобы все исправить? – поразилась Белинда. – Она что – думала, что я время вспять поверну или оживлю убитых?

– Вот мы бы и посмотрели, где ты хранишь «Букварь» и на что он способен, – выложила Ядвига.

– А теперь, когда ее затея провалилась, она решила взять реванш на свадьбе принцессы? – хмуро уточнила волшебница.

– А когда же еще? Вот хохма будет: принцесса умрет в день свадьбы на руках своей крестной феи, – гадко захихикала Ядвига.

– Превратила бы я тебя в жабу, кочерыжка, да руки марать неохота, – с чувством сказала Белинда.

Ядвига притихла, с опаской покосившись на палочку в руках сводной сестры.

– Ну и где сейчас твоя преступная мамаша? – продолжила допрос Белинда.

– Не знаю, – разочаровала ее сестричка. – А зачем она тебе?

– Хочу предложить перемирие, – насмешливо обронила фея. – Я ей «Букварь», а она за это перестанет преследовать принцессу.

– Ага! Значит, он все-таки у тебя! – с ликованием взвыла Ядвига.

– Как объявится, пусть свяжется со мной, – велела Белинда. – Ну, пока, красотка!

– погоди, – остановила ее сводная сестричка. – Как там поживает черный вдовец?

– Кто?

– Барон Клермонт, – захихикала Ядвига. – Принцесса не надумала выйти за него замуж?

– Так, – протянула фея. – Ты тут при чем?

– Как это при чем? Это же я распространила слухи о его баснословном богатстве, чтобы королева пригласила его на бал, – лопааясь от гордости, сообщила Ядвига. – Вот была бы шутка, если бы принцесса в него влюбилась и замуж засобиравалась! Вместе со свадебным платьем можно было бы сразу и склеп заказывать. Проклятие еще никого не помиловало!

– Какое проклятие? – шикнула на нее Белинда. – Ты совсем уже обезумела со своими черными книгами. Вот, почитай лучше это! И не забудь передать привет своей мамаше.

На стол шлепнулся увесистый том в переплете из светлой кожи. Через мгновение Ядвига зажмурилась от ярких искр, вспыхнувших вокруг феи, а когда открыла глаза, в комнате больше никого не было. Лишь пустой флакон из-под лжезелья и книга «Добрые заветы Сурона Белого» напоминали о визите ненавистной волшебницы. Ядвига брезгливо сбросила книгу со стола и с почтением подняла с пола том «Зловредной магии» Бруно Паганини.

Белинда торопилась к себе домой. Необходимо было срочно сделать фальшивый «Букварь» – неизвестно, как быстро объявится Сюзанна. По дороге она заглянула к Лукреции, рассказала ей о происках Друзиллы и личности подлинной Барбариссы, и фея

увязалась с ней, объявив, что ее долг, как главы ОЗФ, обезвредить злодейку.

Ворона с письмом от Сюзанны прилетела на следующий день. Ведьма назначала ей встречу в полночь на Мертвой поляне в Тихом лесу.

– Нехорошее это место, – покачала головой Лукреция. – Немало душ там загублено. Наша магия там очень слаба, а вот ведьмам и колдунам – самое раздолье.

– Если понадобится, я ее голыми руками задушу, – пообещала Белинда, шустро строча пером по страницам фальшивого «Букваря». – Или этим самым «Букварем» так по темечку приложу, что всю дурь из головы выбью.

– Нельзя недооценивать Сюзанну, – предостерегла Лукреция. – Мы не знаем, на что она способна теперь. Заклинание, которое она применила во дворце, очень сильное и разрушительное.

– Не стоит и меня недооценивать, – хмыкнула Белинда. – Конечно, я часто делаю ошибки и получаю совсем не тот результат, на который рассчитывала, но уж в важных случаях моя магия меня еще не подводила.

– И что же ты собираешься делать?

– Пока не знаю, – призналась фея, сосредоточенно выводя в «Букваре» очередную букву алфавита и щедро украшая ее завитушками, – но обещаю: желание колдовать и бросаться черными метками у Сюзанны пропадет навсегда.

К вечеру Белинда с гордостью продемонстрировала Лукреции готовую рукопись:

– Как вам?

– Я никогда не видела настоящий «Букварь», – сказала главная фея, – но этот выглядит весьма солидно. Не хватает только последнего штриха...

Лукреция провела рукой по переплету, и кожа местами вытерлась и приобрела старинный вид. Пожелтели и покрылись пятнами страницы – теперь никто не мог усомниться, что этой книге немало веков.

– Я тоже не видела «Букварь», – пытливо глянула на фею Белинда. – О его существовании я узнала только вчера, от Ядвиги. Почему вы мне никогда не говорили о нем?

– Зачем? – мудро заметила Лукреция. – Если бы «Букварь» был у тебя и ты захотела поделиться со мной, то сама бы о нем рассказала. А если нет... Насколько я помню, Эстель боялась книги и, скорее всего, предприняла определенные меры, чтобы оградить тебя от нее. К чему было сообщать тебе о ней? Ты бы стала разыскивать «Букварь», и еще неизвестно, к чему бы это привело. – Фея запнулась.

– Вы хотите сказать, что с «Букварем» моя магия стала бы еще более опасной? – огорченно заметила Белинда.

– Кто знает, – не стала отпираться Лукреция. – Поэтому я и предпочитала помалкивать.

– А остальные? Почему никто не спрашивал меня о «Букваре», никогда не упоминал о нем?

– После ухода Эстель в нашем обществе разгорелся конфликт, – нехотя призналась Лукреция. – Некоторые феи считали, что твоя мать обязана поделиться с ними секретами своих предков – ради счастья всех наших подопечных. Тогда я резко выступила против этих заявлений, пристыдив их и сказав, что «Букварь» – семейная реликвия и личное дело Эстель, а счастье своим крестницам нужно обеспечивать не чужими секретами, а своими собственными руками. С тех пор о «Букваре» вслух не говорят, считая желание заполучить его постыдным для феи.

– А Друзилла тогда не удержалась, – припомнила Белинда.

– Она всегда была тщеславной, – нахмурилась Лукреция. – Все мы не без греха. Но Друзилла опорочила нашу профессию. Как ей только в голову взбрела эта идея с фальшивой меткой? Подвергнуть принцессу такой опасности! Нет, это ей даром не пройдет. В ближайшие дни я соберу чрезвычайное заседание и вынесу вопрос о пребывании Друзиллы в наших рядах на повестку дня.

В окно заглянул серебристый месяц, и феи засобирались в путь. Их ожидала непростая ночь...

Глава 17

ТРИ ЧУДОВИЩА ДЛЯ МАЧЕХИ

На чужой «Букварь» рот не разевай!
Белинда

Сюзанна явилась ровно в полночь, прилетев на место не на метле, как феи, а воспользовавшись провалом, дабы продемонстрировать падчерице свою возросшую силу. Из круга зеленоватого света ведьма вышла не одна. За ней шагнула фигура в черном плаще, на лицо которой был низко надвинут капюшон.

– Явилась со свитой? – поддела Белинда, разглядывая мачеху. За тридцать лет ведьма не постарела ни на день и была такой же стройной белокожей красавицей с надменным взглядом, какой Белинда впервые увидела ее. Сюзанна теперь выглядела дочерью Ядвиги. Фея поежилась, представив, сколько человек лишились здоровья, молодости, а то и жизни, чтобы на гладкой коже мачехи не отпечаталось ни морщинки. – Мне очень льстит, что один на один ты со мной остаешься боишься.

Она не боялась, что Сюзанна обнаружит Лукрецию: та хорошенько замаскировалась в кустах, готовая прийти на помощь в любую минуту.

– Только вряд ли твоя дочурка тебе поможет, – продолжила Белинда. – Эй, привет, кочерыжка! – Она помахала рукой неподвижно застывшей фигуре. – Ты чего так низко капюшон надвинула? Или все-таки сварила эликсир мгновенной красоты и теперь боишься ослепить меня своим совершенством?

Из-под капюшона донесся слабый стон, и Белинда удовлетворенно улыбнулась.

– Где «Букварь»? – нервно спросила Сюзанна.

– Вон, на пеньке лежит, – махнула рукой фея.

Ведьма рванулась было к книге, но наткнулась на невидимую преграду.

– Э нет, – покачала головой Белинда. – Так дело не пойдет. Сперва – уговор! Поклянись, что оставишь мою крестницу в покое и не причинишь ей вреда.

– Клянусь, что Изабелле, – Сюзанна изогнула губы в змеиной улыбке и особо выделила имя, – я зла не причиню.

– Ладно, – легко согласилась Белинда, не обратив внимания на интонации мачехи. – «Букварь» твой. – И махнула рукой, снимая невидимую границу.

Сюзанна в два прыжка подскочила к пеньку, вцепилась в книгу и издала победный крик.

– Посмотрим. – Мачеха с почтением раскрыла книгу, пощупала листы. – Книга старинная, бумага много веков повидала. Неужели не обманула? Сейчас проверим... Ай!

Кисти ведьмы по запылявшимся страницам. Белинда удовлетворенно улыбнулась. В качестве обложки для лже-«Букваря» она использовала переплет секретной книги. В том случае, если фолиант открывал посторонний, то он становился заложником тома и освободить его мог только истинный владелец книги. Отсюда и пошло выражение «попасть в переплет».

Мачеха затрясла руками, силясь освободиться, но еще больше увязла в переплете – уже по локти. Белинда взмахнула палочкой, и книга, перевернувшись обложкой вверх, вспарила в воздух, подняв Сюзанну за вытянутые руки над землей.

– Что же мне с тобой делать? – Фея задумчиво почесала щеку. – Отправить на вершину Острых Пик, откуда ты не так давно спустилась, или, может, заключить в переплет целиком и навсегда? Уверена, тебе понравится содержимое моего «Букваря»: я списала его из книги народных заговоров от запоров. Сама понимаешь, душок от заговоров тот еще... Как думаешь, Лукреция? – Белинда обернулась в сторону деревьев, за которыми притаилась старшая фея, и похолодела.

За ее спиной, злорадно ухмыляясь, стояла Сюзанна... Тогда кто же висел над землей перед ней? Лукреция! Фея бросилась, чтобы освободить главу ОЗФ, но заклинание мачехи, черной змейкой метнувшись к книге, успело быстрее. Беспомощную Лукрецию стремительно затянуло в переплет, корешки звонко захлопнулись, и том тяжелым камнем грохнулся на землю.

– Там ей и место, – ухмыльнулась Сюзанна.

– Как... как ты это сделала? – сдавленно выдохнула Белинда.

– О, уверяю тебя, отныне мне под силу и не такое, – самодовольно сообщила ведьма. – Для тебя, моя милая падчерица, я приготовила более интересную программу. Но прежде чем отправиться туда, куда я тебя пошлю далеко и на вечность, ты мне расскажешь, где настоящий «Букварь».

– Понятия не имею!

Мачеха хмыкнула – мол, такого ответа я от тебя и ожидала – и медленно подошла к кутающейся в плащ Ядвиге.

– А теперь? – Одним движением она сорвала капюшон с темной фигуры, и фея ахнула, взглянув в полные тоски глаза Марты. Похоже, девушка пребывала под действием заклинания – ее движения были заторможенными, а взгляд отрешенным.

– Я тебя убью, – глухо прорычала Белинда, с кулаками бросаясь на Сюзанну. Но кулаки феи словно ударили в каменную глыбу, а ведьма, вцепившись ей в плечо рукой, просто подняла падчерицу над землей и отбросила в противоположный конец лужайки, словно та была котенком трех дней от роду.

Мама дорогая, похолодела Белинда, если эта поляна придает Сюзанне такую силу, то дела совсем плохи. Тем более что ее собственная магия еле-еле теплится.

– Повторяю в последний раз, – чеканя слова, сказала мачеха, кладя руки на плечи Марты, – где «Букварь»?

– Не знаю!

– Раз, два... – скучающе начала отсчет ведьма.

За ее спиной вспыхнул и потух голубоватым свечением подложный фолиант. «Лукреция, – поняла фея. – Она что-то пытается сделать! А что, если...»

– Ты держала его в руках! – сердито выкрикнула Белинда.

– Это гнусная фальшивка, – с презрением фыркнула Сюзанна, – не пытайся меня обмануть. Два с половиной...

– Да ты его даже не читала! – огрызнулась фея. – А что его переплет чужих не признает, так это издавна повелось.

– Значит, открыть его можешь только ты? – вкрадчиво спросила мачеха. – Что ж, давай проверим.

Она кивнула, позволяя поднять том, уже переставший подавать знаки Белинде. Книга сама собой раскрылась на странице с буквой «В». Мачеха заинтересованно заглянула ей за плечо, скользнув взглядом по заклинанию.

– Власть? – пробормотала она. – Интересно. Но мы проверим сперва другое... Но сразу предупреждаю: не вздумай колдовать против меня, вся магия, которую ты на меня направишь, минув меня, перекинется на твою драгоценную крестницу. А теперь листай страницы!

Фея покладисто зашуршала листами, но на всякий случай бросила в мачеху безобидное заклинание подножки. Сюзанна и не шелохнулась, а вот Марта с размаху упала на землю и слабо застонала.

– Убедилась? – фыркнула ведьма и прикрикнула на падчерицу: – Переворачивай, не отвлекайся!

Когда Белинда, в бессилии кусая губы, дошла до заклинания красоты, Сюзанна внезапно остановила ее и поманила пальцем Марту. Фея похолодела. Помимо народных заговоров, она переписала в лже-«Букварь» ряд хулиганских заклинаний, и под видом заклинания, обещающего «красоту», скрывался рецепт роста рогов, который использовали

знахарки при лечении животных. Белинда уже представила, как из темечка крестницы вырастают ветвистые олени рога, и внутренне содрогнулась. Вся надежда только на Лукрецию: только бы ей под силу было подменить заклинание! Переплет легонько кольнул пальцы, и фея машинально захлопнула книгу.

– В чем дело? – с подозрением нахмурилась мачеха.

– Комар укусил, – соврала Белинда, вновь открывая книгу на том же месте.

– Странно, мне показалось, что это заклинание начиналось по-другому, – процедила ведьма, испытующе глядя на падчерицу.

– А ты не знала разве, что «Букварь» постоянно меняет содержание своих страниц? – невозмутимо ответила фея, скрывая ликование.

– Что-то слышала, – проворчала Сюзанна, припомнив одну из сплетен, ходивших о великой книге. – Что ж, надеюсь, что ты не врешь. Иначе твоей крестнице не поздоровится.

Ведьма медленно зачитала заклинание, лепя в ладонях искрящийся зеленоватый шар огня, и одним движением бросила его в Марту, попав девушке в грудь. Магическое свечение оплело девушку тугим коконом и растаяло без следа. Белинда, все это время стоявшая ни жива ни мертва, незаметно выдохнула: рога у крестницы не прорезались, а большего она в сумерках с расстояния в несколько шагов различить не могла. Но, судя по реакции Сюзанны, которая обошла столбом стоящую девушку и придирчиво оглядела ее лицо, заклинание сработало в соответствии с заявленным результатом. До Белинды донеслись глухие бормотания ведьмы:

– Кожа порозовела, на щеках румянец, глаза сияют, волосы как будто завились... Что ж, неплохой результат, Ядвига обрадуется.

Переплет вновь кольнул пальцы Белинды, и книга раскрылась на странице с буквой «М», указав на заклинание могущества. Похоже Лукреция, ставшая заложницей переплета, подавала фее знак, как одолеть ведьму.

– А чего ты вообще хочешь от «Букваря»? – окликнула фея мачеху.

– Как это чего? – усмехнулась та. – Власти, могущества, богатства, славы!

Сюзанна сладко зажмурилась и кошачьей походкой приблизилась к падчерице.

– Подумаешь, слава, могущество! – презрительно наморщила нос фея, искушающе трясая перед ведьмой разворотом с подходящим заклинанием. Та не устояла – с жадностью уставилась на страницу, обещавшую исполнение ее заветных мечтаний.

– Это заклинание действует? – пытливо спросила она.

– Откуда мне знать? – пожала плечами Белинда. – Я им никогда не пользовалась.

– Ну и дура, – фыркнула Сюзанна и прикрикнула на падчерицу: – Держи книгу ровно, прочитай толком не даешь!

– Да ну его, это могущество! – нарочито равнодушным тоном сказала фея. – Посмотри, вон еще сколько всего – мир, мечта, молодость, мастерство, метаморфозы...

– Оставь, где было! – взвизгнула ведьма.

– Ты уверена? – с нескрываемым ужасом спросила Белинда. – Есть еще много других букв и желаний...

– Заткнись! Боишься того, что я с тобой и с девчонкой сделаю, когда могущество обрету? – самодовольно оскалилась Сюзанна.

– Марту хоть отпусти, – тихо попросила фея. – Она здесь ни при чем.

– И отпущу, – неожиданно благодушно согласилась ведьма. – Должен же кто-то рассказать эльдорцам, кто теперь самая могучая ведьма в королевстве!

– Да что в королевстве, – с несчастным видом пробормотала себе под нос Белинда, подставляя мачехе нужную страницу, – во всем мире.

И скорбно сгорбилась. Переплет мгновенно кольнул пальцы. Переборщила, испугалась фея и с опаской глянула на мачеху. Но та, не заподозрив подвоха, уткнулась в книгу и с ликованием принялась выкрикивать слова заклинания. Белинда замерла, гадая, к какому результату приведет заклинание, измененное Лукрецией. С последним словом, произнесенным Сюзанной, фея скорчилась от сильной судороги и выронила книгу из рук.

Заломило кости, Белинда физически ощутила, как заledenела в жилах кровь, к горлу подкатила тошнота – реакция на привкус крови во рту. Что происходит? Заклинание пошло не так, как планировала Лукреция? Она обернулась к мачехе и с удивлением увидела, как та в бессилии заламывает руки, выкрикивая самые страшные заклятия, но ни гром, который она надрывно призывала на голову падчерицы, ни черный смертоносный вихрь не спешили откликнуться на ее зов. Из всего потока ругательств и проклятий, которые как горох сыпались из уст Сюзанны, Белинда с изумлением уловила несколько фраз: мачеха лишилась своей силы, и, судя по ее словам, вся ее магия перешла к падчерице. Неужели под заклинанием могущества Лукреция замаскировала ритуал передачи силы, похолодела фея; но тогда черная магия Сюзанны, потоком мерзости хлынувшая в нее, сломает ее, подчинит себе. Надо быстрее освободить Лукрецию, пока... Это были последние мысли прежней Белинды. Она еще успела махнуть рукой, и лже-«Букварь» распался на две половинки, выпуская главу ОЗФ. Новая Белинда этого уже не видела, она во все глаза рассматривала кожу на руках, ставшую по-юношески гладкой и нежной.

– Ты! – донесся до нее обиженный писк Сюзанны. – Ты помолодела!

Белинда подняла глаза на мачеху и сочувственно усмехнулась. Время, которое так долго сдерживала ведьма, стремилось наверстать свое, прорезывая глубокие складки на лице Сюзанны, нанося на белую кожу некрасивые мазки пигментных пятен, безжалостно прореживая густую шевелюру. Мачеха коснулась лица, отчаянно завизжала, поняв, что с ней происходит, и заметалась по поляне. Фея одним взглядом пригвоздила ведьму к месту и теперь с несвойственным злорадством наблюдала за отчаяньем Сюзанны.

– Как ты это сделала? – Мачеха хватала ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

– Я бы на твоём месте больше интересовалась тем, что я сделаю теперь, – проигнорировала ее вопрос Белинда.

– Ты же не можешь меня убить, – в глазах ведьмы мелькнула надежда, – ты же добрая фея!

– Убить тебя было бы чересчур просто. Нет, – юное лицо Белинды исказила злорадная гримаса, – я хочу, чтобы ты помучилась...

– Лукреция! – испуганно заверещала Сюзанна. – Немедленно прекрати самоуправство своей подчиненной!

– Белинда, что ты задумала? – встревоженно окликнула ее Лукреция, обнимая за плечи Марту. Заклинание, которое она подменила, было единственным способом обезвредить Сюзанну, набравшуюся сил и сделавшуюся практически неуязвимой на Мертвой поляне. И этот способ был весьма рискованным: оставалось только надеяться, что добрая душа Белинды одержит верх над темной стороной магии ее мачехи, иначе королевство рискует получить сумасшедшую и неуправляемую ведьму вместо почти безобидной феи. А уж если Белинда, перейдя на сторону черной магии, разыщет настоящий «Букварь»... Лукреция похолодела от ужаса, осознав, насколько она рискует, доверяя столь мощную силу Белинде.

– Мари, как ты? – Фея впиалась в крестницу глазами.

Марта вздрогнула и отвела взгляд – ей показалось, что она заглянула в глаза чудовища.

– Все хорошо, Бэль, – сдавленно пробормотала она.

– Но все могло обернуться не так хорошо для моей другой крестницы, – зловеще прошипела Белинда, оборачиваясь к помертвевшей Сюзане. – Ты за это ответишь!

– Белинда, что ты хочешь сделать? – испуганно встряла Лукреция.

– Давно хотела опробовать одно заклинание, только сил для него не хватало, – пробормотала фея. – Теперь время пришло.

Белинда простерла руки над головой, и между ее ладоней бешено завертелась небольшая черная воронка. Фея демонически расхохоталась и выбросила руки в стороны: воронка черным кругом повисла на краю поляны.

– Что она делает? – в тревоге прошептала Марта.

– Похоже, пытается открыть ворота в другой мир, – сдавленно пробормотала Лукреция, но мешать подчиненной не решилась. Белинда была во власти темной магии и уже не

владела собой, для нее ничего не стоит и Лукрецию за компанию с мачехой неизвестно куда отправить.

– Я отправлю тебя в мир, полный опасностей, в мир, где на одного человека приходится три страшных чудовища. В мир, где твоя магия будет бессильна, – пророкотала Белинда, не сводя глаз с черного круга. – Нет, – поморщилась она, словно видя что-то в его темной поверхности, – это слишком милосердно для тебя, покажи мне иной мир! И это тоже. Еще! – требовательно велела она кругу, и, наконец, на ее лице появилась злорадная улыбка. – Вот этот в самый раз!

Из черной дыры донесся страшный гул, похожий на рев разъяренного монстра, и Лукреция с Мартой испуганно вцепились друг в друга. А Сюзанна с размаху шлепнулась на землю и попятилась к кустам.

– Нет-нет, я не хочу, не надо! – в ужасе зашептала она, глядя широко раскрытыми глазами в круг, поверхность которого зарябила, покрылась дымкой, а потом стала гладкой. И отразила вначале небо, в котором парила гигантская стальная стрекоза. А затем город, высокие башни которого пронзали свинцовые тучи, и дороги, по которым со страшной скоростью носились многочисленные живые повозки с бешено горящими глазами.

Дымка на поверхности круга надулась, как пузырь, и с грохотом лопнула. Уши заложило от невыносимого рева, в нос ударил резкий запах задымленного воздуха, и воронка стала стремительно затягивать в себя ведьму. Сюзанна отчаянно заверещала и вцепилась в кусты, как утопающий за соломинку, но ее неумолимо потащило к кругу. Затрещали ветки, взрыли землю корни, и ведьма, жалобно голося, подпрыгивая по поляне, как мячик, и прижимая к груди вырванный с корнем куст, унеслась в неизвестность. Марте навсегда запали в память ее выпученные от ужаса глаза и вставшие дыбом волосы.

Проводив мачеху взглядом, фея внезапно пошатнулась, упала на колени и со стоном понеслась к кругу воронки. Лукреция с Мартой бросились на выручку.

– Закрывай ворота! – проорала старшая волшебница, стараясь перекричать сильный гул и оттаскивая подчиненную от опасного круга.

– Не могу, – простонала фея. – Слишком мало сил...

– Должна!!! – рявкнула Лукреция. – Иначе чудовища прорвутся в наш мир, а ты сгинешь в чужом!

– Не могу, – слабо пробормотала фея, – я устала, ослабела, отпусти... Постараюсь закрыть ворота с той стороны.

– Бэль, не смей! – Марта с силой тряхнула ее за плечо. – Как ты можешь пропустить свадьбу Изабеллы? Ну ладно, она еще переживет. А я? Как же я без жениха-то?

Ее слова будто влили в фею недостающие силы. Белинда с громким криком простерла растопыренные ладони к воронке, вышедшей из-под ее контроля, и резко дернула их вниз, словно закрывая воображаемый люк. На поверхности круга задрожала дымка, быстро сменившаяся плотной пеленой. С громким хлопком, оставившим запах гари, воронка исчезла.

Фея зашлась в приступе кашля, согнулась пополам и рухнула в ноги Лукреции.

– Лукреция... помоги... Я не хочу... Не хочу быть, как она...

– Потерпи, потерпи, девонька, – запричитала волшебница, склоняясь над ней с палочкой. – Все уже позади. Ты выбрала свой путь, ты выстояла перед тьмой. Ты снова с нами... Теперь буду тебя лечить от этой гадости. Уж потерпи, потерпи, надо, чтобы вся она из тебя вышла.

С кончика палочки сорвалась золотая ниточка, и к ней от тела Белинды потянулся густой черный дым – остатки магии Сюзанны. Фея с воем каталась по земле, выгибалась в крике, металась в беспамятстве и затихла только тогда, когда палочка Лукреции впитала в себя всю черноту и стала обволакивать Белинду мягким золотым свечением, возвращая привычные морщинки и реальный возраст. Умиротворенная крестная заснула, и Марта с Лукрецией, перетащив ее на мох, просидели на полянке до самой зари. Лукреция – обдумывая происшедшее, Марта – горя о сорвавшемся свидании с Сэмом, накануне

которого ее так некстати похитила Сюзанна, и гадая, что же такого важного хотел сказать ей юноша.

Белинда провалялась в постели еще неделю, восстанавливая силы и приходя в себя. Вопреки опасениям Лукреции, от черной магии Сюзанны, так преобразившей фею в ту ночь на Мертвой поляне, не осталось и следа. Фея даже корила себя за излишнюю жестокость к мачехе, а уж как она сокрушалась, что из-за нее подверглась опасности Марта! Не сходя с постели, Белинда поклялась как можно скорее загладить свою вину и заняться устройством личной жизни крестницы.

Она набросала внушительный список возможных кандидатов в мужа, припомнив всех привлекательных юношей и мужчин подходящего возраста и положения, с которыми ей приходилось встречаться в последнее время. В список феи попали и услужливый ученик ювелира, помогавший ей с эскизом алмазных туфелек, и обаятельный красавчик, владеющий цветочным магазином, которому в числе прочих было поручено отобрать цветы для свадебного торжества, и немолодой, но мудрый и добросердечный парфюмер, создававший новый аромат для невесты, и еще два десятка достойных кандидатов.

Поднявшись с постели, Белинда, минуя дворец, понеслась смотреть кандидатов. Примерно треть списка отпала: к сожалению феи, парфюмер, как и несколько других замечательных мужчин, оказался женатым, еще часть женихов были обручены. Но оставалось, по крайней мере, семнадцать превосходных кандидатур. Потратив почти неделю времени, фея обошла каждого из них с портретом Марты, и почти все были очарованы ее крестницей и выразили готовность познакомиться с ней поближе. Весьма довольная собой, Белинда отправилась в королевский дворец. На подлете к главному входу метла по обыкновению взбрыкнула, ушла резко в сторону и сбросила фею на соломенную крышу низенькой сараюшки. Оглушительно вереща, фея проломила крышу и приземлилась в сноп сена, до смерти перепугав уединившуюся там парочку слуг. Незнакомый юноша с черными, как сливы, глазами едва не поднял фею на вилы, а его подружка, одна из пастушек, тоненько повизгивая и на ходу одергивая юбку, вылетела из сарая.

– Прошу прощения, – смущенно пробормотала Белинда, пятясь к выходу. Как нехорошо вышло! У молодых любовь, а тут фея как снег на голову!

Первой, кого она увидела в замке, была Изабелла.

– Как ты, Бэль? – заворковала принцесса.

– Лучше всех! – ответила растроганная фея.

– Уже поправилась? – ласково уточнила крестница.

– Чувствую себя великолепно! – не чувствуя подвоха, заверила Белинда.

– Вот и славно, – хлопнула в ладоши Изабелла. – Быстро топай к Санчесу да пригрози превратить его в паука, если завтра же алмазы для моих туфелек не привезут во дворец. А потом – бегом к маме, надо разукрасить иллюзиями еще сотню приглашений.

– Извини, Иза, – попятилась крестная, – но у меня есть дела поважней.

– Что может быть важнее моей свадьбы? – Принцесса сложила губки бантиком и приготовилась гневаться. – Тебя не было больше недели, и у тебя опять какие-то дела? А как же я?

– Дорогая, я сделаю все, что в моих силах, но сейчас мне надо позаботиться о Марте, – оборвала ее Белинда.

– Это насчет ее жениха? – неожиданно заинтересовалась принцесса.

– Да, – удивленно кивнула фея.

– Бэль, – схватила ее за руки Изабелла, – как хорошо, что ты здесь! На тебя вся надежда! Сделай что-нибудь!

– Непременно, – с важностью кивнула фея. – Я же ее крестная и обязана проследить за этим.

– Я не хочу, чтобы Марту постигла участь Софи и Элен. – Принцесса имела в виду своих незамужних служанок.

– Не беспокойся, Иза. У Софи и Элен нет такой крестной, как я.
– Как ты намерена поступить? – заинтересовалась Изабелла.
– Для начала поговорю с ней...
– Она ничего и слушать не станет!
– Обрисую перспективы, – озадаченно добавила фея.
– Она поднимет их на смех!
– Перечислю все, что узнала за это время.
– Она тебе не поверит!
– Я же ее крестная!
– Да она даже родителей не слушает! Упрямая, как ослица!
– Думаю, это ее переубедит. – Белинда выудила из-за пояса свиток с именами женихов.
– А что у тебя там?
– Целый список, – с гордостью сообщила фея.
– Список? – ахнула принцесса.
– Семнадцать персон! – раздуваясь от гордости, добавила Белинда.
– Не может быть! И что они?
– Готовы встретиться с ней в любой момент!
– Бедная Марта! – отчего-то ужаснулась Изабелла.
– Я свое дело знаю, – обиделась фея. – Тебе-то вон какого принца сыскала!
– Да при чем здесь Эрик? – с досадой оборвала ее крестница. – Сердце Марты будет разбито!
– Я за каждого из них ручаюсь, – надулась Белинда. – Все женихи как на подбор!
– Женихи? – вытаращила глаза принцесса.
– Ну да! – Фея потянула завязку, раскрывая свиток.
– Но я думала, что это... – Изабелла растерянно скользнула глазами по свитку и запнулась.
– Ты думала что? – поторопила ее Белинда.
– Я думала, это список его возлюбленных, – пробормотала принцесса в смнении. – Я ведь догадывалась, что глупышками Софи и Элен он не ограничится.
– Да кто он-то? – в сердцах воскликнула фея, крайне обиженная тем, что список женихов, отобранных ею для Марты, не произвел на Изабеллу никакого впечатления. А ведь она так старалась!
– Ты что, еще ничего не знаешь? – Принцесса в смнении закусил губу. – Марта тебе ничего еще не сказала?
– Иза, немедленно выкладывай, что тут стряслось в мое отсутствие! – велела крайне заинтригованная фея.
– Марта выходит замуж, – мрачно сообщила Изабелла.
– Как? – ахнула Белинда.
– И ее жених – крайне непорядочный человек, – опасливо добавила принцесса.
Фея схватилась за сердце.
– Кто?!
– Ученик Жюльена, – сообщила Изабелла.
– У него появился ученик? – изумилась Белинда.
– Еще до бала.
– Но Марта мне о нем ничего не говорила во время путешествия!
– Да рассказывать было нечего. Тогда она только помогла ему поступить к Жюльену, но ухаживать он за ней стал уже после вашего возвращения.
– Не прошло и месяца, а она уже невеста? – поразились фея.
– Вчера они родителям о своем решении объявили, – вздохнула Изабелла. – И Марта непреклонна. Ее старики в ужасе! А я как расстроена...
– А ты-то чего?
– Да этот хмырь дурочкам Софи и Элен уже успел головы вскружить, – рассерженно

сказала принцесса. – Я Марте про его похождения рассказываю, а она и слушать ничего не хочет. Мол, мой Сэм – безгрешный, а служанки на него наговаривают из ревности, потому что он их отверг!

– Мне немедленно надо ее видеть!

– Беги к ней, Бэль. Может, хоть тебя она послушает, – на лице Изабеллы отразилось искреннее беспокойство.

Белинда даже растрогалась при виде подобной заботы и, подобрав юбки, поспешила на поиски Марты.

– А потом сразу к Санчесу и моей маме, – крикнула принцесса ей вслед. – У меня же свадьба на носу! Надеюсь, ты помнишь?

Фея обнаружила Марту в ее комнате, где крестница в упоении строчила очередное любовное послание своему суженому. Если бы на последнем балу кто-то сказал ей, что уже через месяц она будет невестой, Марта рассмеялась бы ему в лицо: разве этого времени достаточно, чтобы решиться на такой серьезный шаг? Одно дело – Изабелла и Эрик, которые давно влюблены друг в друга, и другое – она, знавшая о любви только понаслышке. Но все изменилось в тот самый вечер, когда Эрик поцеловал Изабеллу. Сердце Марты вдруг сладко заныло от желания любви, а когда симпатичный Сэм, смущаясь и робея, пригласил ее на прогулку по саду, голова и вовсе пошла кругом... Все во дворце, включая ее родителей, были так увлечены подготовкой к свадьбе Изабеллы, что на них никто не обращал внимания. И для Жюльена и Аннет вчерашнее сватовство Сэма стало настоящим сюрпризом, отчего-то неприятным. Марта нахмурилась и еще быстрее заводила пером по бумаге, заверяя своего возлюбленного в любви и верности.

– Белинда! – Лицо девушки озарилось неподдельной радостью, когда фея постучала в дверь ее комнаты. – Как хорошо, что ты пришла! Я должна сообщить тебе потрясающую новость!

– Мне уже сообщили, – страдальчески кашлянула крестная.

– Иза уже настроила тебя против Сэма? – рассердилась Марта.

– Я торопилась к тебе, несла список женихов, – расстроено махнула рукой фея.

– Бэль! – рассмеялась девушка. – Ну, не огорчайся! Я очень ценю твою заботу, но у меня уже есть Сэм! Тебе он непременно понравится! Когда ты его увидишь, ты поймешь, что он для меня самый лучший!

Три коротких стука в дверь заставили Марту засиять еще больше.

– А вот и он! – Она бросилась к двери и распахнула ее. – Сейчас я вас познакомлю! Сэм, входи! Это моя крестная, я тебе про нее рассказывала.

Белинда замерла на месте, не веря своим глазам. Перед ней стоял черноглазый красавчик с сеновала, и Марта льнула к нему, как кошка. Парень на мгновение окаменел, но тут же взял себя в руки и как ни в чем не бывало улыбнулся ошеломленной фее.

– Счастлив познакомиться с вами!

– Мы уже знакомы, – ядовито напомнила Белинда. – К несчастью.

– Как? – удивилась Марта. – Когда вы успели? Почему – к несчастью?

– Вы что-то путаете, – спокойно парировал нахальный юнец. – Я вас раньше не встречал.

– Мари, ты не можешь выйти за него замуж, – напряженно проговорила фея.

– Все уже решено! – упрямо топнула ногой крестница.

– Я застала его на сеновале с пастушкой, – добавила Белинда.

– Перестань врать! – рассердилась Марта.

– Пожалуй, мне лучше уйти, – попытлся Сэм. – Твоя тетя не в своем уме. Лучше увидимся позднее, милая.

– А это что? – Фея подскочила к юноше и с торжествующим видом выудила из его шевелюры жесткую соломинку.

– Не представляю, откуда она взялась, – и глазом не моргнув, соврал Сэм.

– Прекрати свои дешевые фокусы, – нахмурилась Марта. – Тебе не удастся очернить Сэма в моих глазах.

– Он обманывает тебя, Марта!

– Он любит меня! – с негодованием возразила девушка.

– Люблю, – быстро подтвердил Сэм. – Без памяти!

– Марта, это же я, твоя крестная! Я тебе желаю только добра!

– Лучше уходи, Бэль. Уходи, пока мы не поругались. Если захочешь помочь нам с приготовлениями к свадьбе, буду рада тебя видеть.

– Хорошо, я уйду! И сегодня же засяду за карты звездного неба, чтобы уберечь тебя от ошибки, – с оскорбленным видом пообещала Белинда и кинулась прочь.

Звезды довели фею до мигрени. Мало того, что Сэм категорически не подходил в мужья Марте, так еще и ни одну из ее кандидатур светила не одобрили. Фея не спала несколько ночей, вычисляя идеального кандидата для Марты.

Результат ее огорошил настолько, что двумя флаконами успокаивающего зелья в кладовой феи стало меньше...

– Бэль, ну пойми же ты! – с досадой топнула ногой Марта, когда крестная явилась к ней снова. – Мне не нужен никто, кроме Сэма. Я хочу замуж за него!

– Но, Марта, – чуть не плача, воскликнула фея, – я проверяла вас на совместимость тридцать три раза, при разном положении луны и солнца. Он тебе категорически не подходит! Ты будешь с ним несчастна!

– Но я с ним уже счастлива.

– Ты заблуждаешься!

– Уж скорее заблуждаешься ты.

– Деточка, я желаю тебе только добра!

– Лучше оставь меня в покое, – разозлилась Марта. – Что ты лезешь в мою жизнь? Кто дал тебе право указывать, за кого мне идти замуж, а за кого – нет?

– Я твоя крестная, – с дрожью в голосе напомнила фея. – И моя задача – сделать тебя счастливой.

– Просто не мешай мне быть ею, ладно?

– Но как же совместимость?

– Да глупости это все! Ну, и что твоя совместимость говорит насчет идеального мужа для меня?

Белинда запнулась.

– Молчишь? – усмехнулась крестница и ехидно добавила: – Наверное, звезды нагадали мне рейнского принца или тальского пастуха? И теперь мне следует пуститься в очередное дальней странствие, чтобы отыскать его?

– Нет, ты его знаешь. Ты с ним уже встречалась.

– Неужели? – заинтересовалась Марта. – И кто же это.

– Барон Клермонт, – опутив голову, поведала фея.

– Этот маньяк – супруг, предназначенный мне звездами?! – опешила девушка. – Бэль, ты в своем уме? Он пытался нас убить! Мы еле спаслись из его замка! Или ты уже забыла? И теперь ты на полном серьезе предлагаешь мне отправиться с ним под венец, потому что так тебе сказали звезды?! Бэль, надеюсь, ты шутишь?

– Я проверяла сорок четыре раза, – с несчастным видом сказала фея, теребя край платья и избегая взглядом крестницы. – Ошибки быть не может.

– Ошибка в том, что тебя сделали крестной феей, – не сдержавшись, выпалила Марта. – Ты сама – одна сплошная ошибка!

– Ты совершенно права, – обиженно всхлипнула Белинда, поспешно выхватывая палочку и вознамерившись обвести ею вокруг себя. Но прежде она ткнула концом себе в глаз, отчего разрыдалась еще горше, после чего стукнула себя по лбу и только потом, очертив-таки истеричным зигзагом пространство вокруг, исчезла в дожде серебристых

искорок.

– Бэль! – бросилась к ней Марта, пожалев о своих словах, но поймала в ладони только горсть звездочек, которые без следа растаяли в ее руках.

Глава 18 ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЛЯ МАРТЫ

Дурная привычка у меня одна: привычка жениться.
Артур Клермонт

В замок к барону Клермонту, которого молва уже успела наградить прозвищем Синяя Борода, фея отправлялась в самых расстроенных чувствах. Снова встречаться со злодеем, едва не прирезавшим ее с крестницей, страшно не хотелось. Но надо было расставить все точки над «и», тем более, звезды как будто сговорились и сорок четыре раза подряд подтвердили: барон – идеальный избранник для Марты. К тому же персональный гороскоп барона не указывал ни на какие тревожные признаки – ни жестокостью, ни кровожадностью Артур, вопреки словам Бенуа, не отличался. Завидев впереди замок барона, Белинда не стала снижаться, а направила метлу напрямик во двор – не хватало еще томиться у ворот, умоляя неприступного Бенуа впустить ее в крепость.

Барон с ожесточением, никак не вязавшимся с данными гороскопа, рубил дрова. Щепки летели во все стороны, так что Белинда предпочла остановить метелку в трех метрах от земли и зависла в воздухе, решив начать разговор с безопасного расстояния. Ее предупредительный кашель не сразу был услышан увлеченным работой Артуром и застиг мужчину врасплох.

– Это вы? – На лице барона отобразилась дикая смесь чувств: от удивления и радости до негодования и обиды.

– Нет, мой фантом! – в свойственной ей манере ответила Белинда.

– Значит, точно вы, – заключил Артур. – Чем обязан?

– Вопросы буду задавать я, – оборвала его фея. – Зачем вы добавили сонный отвар в кувшин с водой в гостевой комнате? Хотели нас усыпить?

– Сонный отвар? – в изумлении моргнул барон. – Я ничего про это не знаю.

– То есть вы ни при чем? – с подозрением уточнила Белинда.

– Да я впервые про это слышу! – искренне отозвался Артур.

– Какого демона вы влезли к нам в спальню с кинжалом в руке? – продолжила допрос с пристрастием фея.

– Хотел вас защитить, – нехотя, будто бы через силу, ответил барон.

Волшебница прищурилась: непонятно, то ли врет, то ли говорит правду, изо всех сил противясь заклинанию откровенности.

– От кого? – уточнила она.

– Не знаю, – буркнул барон.

– Как это не знаете? – нахмурилась Белинда.

– Не знаю, – угрюмо повторил Артур.

– Отчего же тогда полезли?

– Объясняю: опасался за вашу жизнь!

– Почему?

– Из-за проклятия.

– Какого еще проклятия?

– Это долгая история.

– А я не спешу.

– А вы так и собираетесь там висеть? – жмурясь от солнца, ярко пылавшего за спиной феи, миролюбиво поинтересовался барон.

– А вы так и не предложите мне приземлиться? – огрызнулась Белинда.

– Пожалуйста, – пожал плечами барон, посторонившись и сделав широкий взмах рукой – мол, весь двор в вашем распоряжении. – Если, конечно, не боитесь, что я вас тут же расчленю, – не выпуская из рук топор, с горькой усмешкой добавил он.

– А у вас есть опыт? – на всякий случай уточнила фея.

– Боюсь вас разочаровать, но нет.

Фея молча направила метлу к земле и сошла с нее. Словам барона можно верить – если, конечно, она в спешке ничего не напутала с заклинанием откровений...

– Марта выходит замуж, – без предисловий сказала она, испытующе глядя на Артура. Его лицо на миг исказила судорога, а в глазах погасли насмешливые огоньки.

– Мои поздравления, – ровно произнес он.

– Вы что, не понимаете? – вспыхнула фея. – Марта выходит замуж за другого.

Барон молчал, глядя куда-то в сторону.

– Что вы сейчас чувствуете? – спросила она, замерев.

– Я не обязан вам отвечать, – Артур передернул плечами.

– Что вы сейчас чувствуете, Артур? – настойчиво повторила Белинда. – Вы ее по-прежнему любите? Вам больно? Вы бы хотели все изменить? Хотите расстроить свадьбу?

– Да, да, трижды да! – взорвался барон.

И фея облегченно вздохнула: заклинание действует, ее визави говорит правду. Именно поэтому он так разгорячился: этому невозмутимому мужчине очень сложно признаваться в своих чувствах, но ее заклинание сильнее, вот он и сердится из-за того, что не может противостоять своим откровениям.

– Идемте в дом, нам нужно поговорить без свидетелей. Вы мне расскажете свою версию гибели жен и всей чертовщины, которая здесь творится.

Заметив удивленный взгляд Артура, фея добавила:

– Версию Бенуа я уже слышала. И она излагает историю далеко не в вашу пользу.

Восемнадцать лет тому назад

Артур запомнил тот день на всю жизнь. Запах прелых листьев, последнее тепло лета, стремительно бегущего прочь от стылой осени, и ослепительный силуэт юной колдуньи в лучах заходящего солнца. Девушка стояла на холме, а он, семнадцатилетний мальчишка, шел к ней по золотым листьям, мягко шуршащим под ногами...

Его первая любовь расцвела с первыми подснежниками, которые протянула ему большеглазая диковатая смуглянка, живущая отшельницей в лесу. В тот день он отбил от своих и заблудился на охоте. С тех пор минуло шесть лунных месяцев, почти каждый вечер из которых он проводил в лесу, с Аурелией. Шесть месяцев сладостных открытий, упоительных объятий, опьяняющих поцелуев. Они никогда не говорили о будущем: оба понимали, что супругами им не быть, слишком велика пропасть между лесной колдуньей и единственным наследником богатого барона. Влюбленные жили настоящим, даря друг другу ласки с таким самозабвением и нежностью, словно каждый поцелуй был последним и каждое прикосновение – первым.

Артур ступал по траве медленно, невольно стремясь оттянуть момент неизбежного объяснения. Он знал – делить его с другой женщиной гордая и самолюбивая Аурелия не станет. Еще недавно, представляя себе финал их отношений, он замирал от ужаса, представляя себе боль в глазах возлюбленной и их прощание. Три дня назад проклинал имя неизвестной Вивианы, дочери графа, когда отец не терпящим возражения тоном объявил ему о скорой женитьбе. Граф Вивальди был старинным приятелем отца, а дочь раньше жила где-то в дальнем королевстве на воспитании тетки. Но теперь эта пигалица неожиданно вернулась и сразу вознамерилась выскочить за него замуж. Как всегда, без него все решили! Артур рвал и метал. Решил про себя говорить с ненавистной невестой сквозь зубы и вести

себя так, чтобы она сама кинулась отцу в ноги с просьбой не выдавать ее замуж. Он еще слишком молод для женитьбы и не готов пожертвовать трепетными свиданиями с лесной чаровницей ради чинных обедов в компании супруги. Но вся его решимость и неприязнь к Вивиане испарилась в тот момент, когда юная прелестница веселой птичкой впорхнула в их гостиную. В ту ночь, едва гости покинули замок, он кинулся к Аурелии. Казалось, наедине с любимой он избавится от наваждения, которое нашло на него. Но вышло наоборот: медно-каштановые кудри колдуньи казались ржавыми на фоне ослепительно-светлых локонов графини. Ее чувственные полные губы потерпели сокрушительное поражение в борьбе с изящным ротиком Вивианы – нецелованным, а оттого во много крат привлекательным. Даже легкий загар, покрывавший лицо и плечи Аурелии, который всегда так нравился Артуру, осуждавшему неестественную бледность знатных дам, потерялся в сравнении с нежно-розовой кожей Вивианы, покрытой россыпью трогательных золотых веснушек. А как красива изысканная прическа графини с вплетенными в косы драгоценностями в сравнении с небрежно распущенными кудрями колдуньи! Да и ее наряд – просто произведение искусства против безыскусного платья Аурелии. От пронизательной колдуньи не укрылось его смятение и то разочарование, которое сменило восхищение в его взгляде, обращенном на нее. Но тогда Артур был полон смятения и не решился открыть ей правду. Сегодня он был уверен в своем решении. Вивиана – его настоящая любовь, женщина, которая станет примерной супругой и матерью его детей. А Аурелия – всего лишь босоногая дикарка, которая все равно рано или поздно ему бы опротивела...

– Вот как? – Плечи колдуньи дрогнули, и она обернулась к нему, подошедшему на расстояние вытянутой руки. – Так вот, значит, что ты обо мне думаешь?

Артур замер на месте. Никогда прежде Аурелия не читала его мыслей. Или делала вид, что не читала?

– Успокойся, раньше я этого не делала, не умела. Это очень сложное заклинание.

«Тогда почему теперь?» – удивился он про себя.

– Потому что я перестала верить тебе, – вслух ответила Аурелия. – Мне надо было знать, что изменилось, почему ты стал таким...

Каждое слово давалось ей с трудом, Артур видел, как выгнулась струной ее спина, как неестественно напряжены руки и сжаты кулаки – словно девушка удерживала внутри себя что-то такое, что вот-вот могло вырваться наружу.

– Скажи, ты любил меня? – глухо спросила она.

– Конечно любил! – ответил он не задумываясь.

– Любил... – печально повторила она. – А теперь любишь ее, эту бледную куклу, которая не способна на настоящие чувства...

Артур промолчал: ему стало жаль бедную и не очень красивую (куда ей до совершенной красоты Вивианы!) девочку, которая жила в глуши и промышляла изготовлением зелий и приворотами.

– Так значит, я для тебя недостаточно хороша? – угрожающе прошипела Аурелия, разжимая кулаки. Артур пошатнулся – как будто невидимая сила ударила его под колени.

– Ненавижу, – прорычала она. – Ненавижу за то, что предал мою любовь!

«Бедняжка, как убивается, – с грустью подумал он. – Того и гляди, грозу вызовет или лес в дожде утопит – она на это способна, моя маленькая колдунья».

– Больше не твоя! – визгливо выкрикнула девушка. – И не смей меня жалеть! Если кого и стоит жалеть, так это тебя!

Артур вздрогнул, словно ледяной ветер прошел сквозь него, стерев из его сердца все светлые чувства. Сердце заныло от тоски и ощущения чего-то страшного.

– Ты не способен на настоящую любовь! – продолжала кричать колдунья.

Странно, ему казалось, что во время их объяснения вокруг будет бушевать ливень и стонать ветер. Аурелия любила демонстрировать свои способности и во время их немногочисленных ссор не раз поливала юношу дождем и подкрепляла свои крики громом. Но на этот раз вокруг стояла полная тишина – такая мертвая, что не было слышно ни шороха

листвы, ни приглушенного пения птиц в лесу, только голос его отвергнутой возлюбленной нарушал это безмолвие. И сама природа замерла: остановилось солнце, притих ветер, прислушиваясь к словам негодующей колдуньи, словно от них зависело будущее этого мира. Не всего мира, а его собственного мира и всей его жизни – это Артур понял потом, намного позже.

– И эта... Вивиана тебя не любит... и никогда не сможет любить даже наполовину, на четверть так сильно, как любила я.

– Аурелия, я не хочу слушать твою истерику, – устало отмахнулся от нее юноша. – Мы с Вив поженимся, я пришел сказать тебе это.

Колдунья расхохоталась так зловеще, что Артуру стало не по себе.

– Вивиана не проживет после свадьбы и полугода! – визгливо выкрикнула она. – И твоя вторая жена, и третья, и четвертая – сколько бы раз ты ни женился! Все, все погибнут!

– Ведьма! – выругался юноша и зашагал прочь.

Ее слова он всерьез не воспринял: кто такая Аурелия? Всего лишь безобидная травница и знахарка. Самое большее, на что она способна, – вызвать дождь или гром. Даже гроза ей не под силу! Сейчас она обижена и уязвлена тем, что ее соперница богата и хороша собой. Будучи бессильной что-то изменить, Аурелия злится и сыплет проклятиями, которым грош цена.

– Ты всю жизнь проживешь бобылем! С этого дня ты не сможешь никого любить! В твоём сердце – лед и пустота! Ты не будешь знать радости и счастья!

Аурелия кричала еще что-то, Артур ее уже не слышал, он был далеко. Он спешил к Вивиане – сегодня с наступлением темноты он обещал быть под ее окнами. Больше всего его волновало, ответит ли Вивиана на его письмо с признанием, которое он передал ей вчера во время ужина. Меньше всего – глупые проклятия отверженной возлюбленной.

Вивиана ответила, но радости от ее ответного признания Артур почему-то не испытал... Накануне свадьбы его терзала тоска, все чаще вспоминались слова Аурелии, которые она выкрикивала в гневе. Артура тяготило то, что сильной любви к невесте он и впрямь не испытывал – как и предрекала колдунья, как будто в тот вечер вся любовь ушла из его сердца. Опасался он и ее мрачных предсказаний. Кто знает, если накануне расставания Аурелия освоила чтение мыслей, может, и проклятия ей сделались по плечу? Артур решил встретиться с ведьмой. Времени прошло достаточно – минуло три полнолуния, страсти улеглись, Аурелия остыла и наверняка нашла утешение в чужих объятиях. Поговорит с ней начистоту, попросит прощения. Если и было какое проклятие, уговорит его снять. А не было – так хоть душу успокоит.

Домик колдуньи занесло снегом так, что Артур не сразу его и заметил. А заметив, похолодел: видно, что в нем давно не жили. Насилу пробравшись к крыльцу, юноша дернул дверь в ожидании самого худшего. Но внутри никого не было. Он прошелся по домику, то и дело натываясь на паутину. Одежда Аурелии была в сундуке, на столе все так же лежали брошенные в беспорядке пучки высохших трав и склянки с зельями, покрывшиеся пылью и паутиной. Колдунья никуда не уезжала, ее дом выглядел так, словно однажды она вышла в лес за травами и не вернулась. Артур вздрогнул – неужели девушку растерзал волк или медведь? Но ведь звери всегда обходили ее стороной. Однажды они вместе гуляли по лесу и встретили волка – тот бежал, поджав хвост. Тогда что могло случиться с колдуньей?

– Где же ты, Аурелия? – произнес он вслух и вздрогнул, услышав ее глухой голос в ответ:

– Артур, ты пришел.

– Аурелия? – Он обернулся по сторонам, но никого не обнаружил.

– Не ищи меня, меня здесь нет, – отстранение произнес голос колдуньи. – Меня вообще больше нет на этом свете, если ты слышишь это послание.

– Ничего не понимаю, – прошептал ошеломленный юноша.

– Удивлен? – усмехнулась колдунья, словно услышав его слова. – Сейчас объясню. Раз

ты здесь – значит, вспомнил обо мне. Возможно, раскаялся. А скорее всего, проклятие вступило в силу, и ты пришел требовать отменить его. К сожалению, этого сделать я не могу. Я всегда была слабой колдуньей, только и умела травы собирать да зелья варить, но, когда появился ты, моя сила стала прибывать. Наверное, от любви, которую я к тебе испытывала, мои снадобья приобрели большую силу, да и способности к знахарству улучшились. Заметив это, я достала колдовские книги, которыми никогда не пользовалась, и попробовала освоить новые заклинания. Кое-что мне начало удаваться, что-то нет... Когда ты появился у меня в тот вечер, после встречи с Вивианой, я сразу почувствовала: что-то изменилось. Ты ничего не сказал, и я бросилась за помощью к книге. Сначала заклинание мне не далось – я мучилась неизвестностью еще две ночи, а потом пришел ты – с мыслями о Вивиане и с жалостью ко мне, и у меня помутился разум...

Аурелия помолчала, потом продолжила:

– Ненависть – самая страшная сила, самая разрушительная. Она многократно усилила мои возможности, и то проклятие, которое я выкрикнула в сердцах, вступило в силу. Оно-то меня и погубило. Я знала из книги, что проклятие становится заупокойной молитвой не только для жертв, но и для самой ведьмы. Но тогда мне было так горько, что не хотелось жить. «Умру, но и соперниц в могилу утяну», – мелькнуло тогда в голове. Потом я, конечно, опомнилась, испугалась, но было поздно. Я еще утешала себя, что ледяной вихрь – знак того, что проклятие вступило в силу, – мне примерещился. И что полный упадок сил, который я тогда испытала, такой, что всю ночь пролежала на земле, подняться не могла – это из-за переживаний, а не из-за колдовства. Но ненависть моя в тот момент была невероятно сильной, а проклятие – многократным, и мое собственное заклинание стало пожирать меня. Я никогда не болела, а тут болезни посыпались на меня одна за другой. Волки перестали бояться меня, однажды я еле унесла ноги, а другой раз всю ночь просидела на дереве, спасаясь от медведя. Меня стали преследовать несчастья: я угодила в охотничий капкан, чуть не утонула в болоте – всего и не перечислишь. Тогда у меня не осталось сомнений – проклятие вступило в силу, и твоей невесте осталось жить не так много времени, а мне – и подавно. Вот ведь как получается, Артур, – Аурелия горько усмехнулась, – из-за тебя и мне умереть придется... Уже пришлось. Если ты слышишь эти слова, меня в живых уже нет. Сейчас я раскаялась в содеянном, злости на тебя у меня нет. Сама виновата. Не надо было тебя так сильно любить и так наивно надеяться, что ради меня ты откажешься от титула и променяешь свой роскошный замок на мою ветхую хижину.

Артур вскинул брови – он и предположить не мог, что Аурелия на это рассчитывала!

– Не смейся надо мной, – тихо продолжил голос колдуньи. – Глупая была, любила до умопомрачения, от этого и все беды. Для меня уже все кончено, а вот у тебя еще есть шанс. Настоящая любовь способна победить проклятие. Если любишь свою Вивиану – женись, может, все обойдется... Но только вряд ли. Я карты раскинула – ты же знаешь, никогда сильна в гадании не была и не знаю, правильно ли на этот раз рассудила. Но постаралась всю силушку собрать, чтобы твое будущее узнать и путь к спасению для тебя найти. Вот что мне карты показали. Четырех жен ты похоронишь, потом долго один будешь, пока не встретишь Ее. Она появится в твоей жизни тогда, когда ты уже отчаешься найти любовь и одолеть проклятие. Девушка эта будет как принцесса, но без титула. Не знаю, как так может быть, но это карты говорят. Живет она в королевском дворце как знатная дама, но происхождения самого что ни на есть простого. Она как-то связана с магией – то ли сама колдунья, то ли ее мать. В общем, она находится под защитой, так что сможет противостоять проклятию. Ты ее сразу узнаешь, у нее глаза редкого цвета – бирюзовые...

Помедлив, Аурелия добавила:

– Только карты говорят, что она твоей не будет. Ты полюбишь ее с первого взгляда, и она к тебе симпатию испытает, только замуж за другого выйдет. Ну да, конечно, как же ты ее замуж возьмешь, когда она – простолюдинка и мать у нее из прислуги? – не без ехидства вставила колдунья. – А ведь она – твое единственное спасение от проклятия.

Аурелия глухо закашлялась.

– Как видишь, болезнь сводит меня в могилу. Не хочу дожидаться, когда старуха с косой за мной явится. Лучше с обрыва брошусь или в речке утоплюсь – не решила пока. Не хочу, чтобы ты, если ко мне придешь, нашел смердящий труп. Не желаю, чтобы ты видел меня такой... Прощай, Артур. Постарайся одолеть заклятие.

Барон вернулся домой в смятении. Как и предрекала Аурелия, любви, такой, как когда-то к колдунье, он к невесте не испытывал – значит ли это, что проклятие уже сбывается? И как быть с Вивианой? Отказаться от женитьбы невозможно – весь свет уже приглашен на свадьбу, скандал будет на все королевство. Но и подвергать опасности жизнь нелюбимой, но очаровательной и милой Вивианы он не хотел. Юноша откровенно поговорил с невестой. Вивиана покривила губки, узнав о связи будущего супруга с лесной ведьмой – той самой, у которой ее верная нянюшка покупала приворотное зелье, на которое так легко попался Артур. Вот ведь как чудно получается: ведьма сама своим ремеслом свою любовь разрушила! И что за байки о глупом проклятии? Верно, зелье закончилось, но Вивиана была уверена, что Артур к ней уже успел привязаться. Неужели разлюбил? И всю эту историю придумал, чтобы от свадьбы ее отговорить? Не бывать этому! Девушка решительно объявила жениху, что ни в какие проклятия не верит, а если оно и есть, то их любовь все одолеет.

...Баронессой она пробыла три дня. Пока на охоте не упала с лошади, свернув себе шею.

Артур перепугался и стал избегать общества девиц на выданье. А вот те преследовали его с изрядной решимостью: молодой красавец с печалью во взоре и трагической любовной историей за плечами – что может быть привлекательней? Желających утешить молодого вдовца и стать баронессой номер два нашлось немало.

Два года Артур стойко противился неизбежному, на третий женился на хорошенькой маркизе. Беата восхитительно музицировала, подбирая юбки, невзначай демонстрировала щиколотки, обтянутые белыми чулками – и барон потерял голову. Прелестница продержалась дольше своей предшественницы – Артур ходил женатым целых пять недель. За это время Беата успела отравиться и благополучно поправиться, ей едва не проломило голову камнем, упавшим с башни, но попрыгунья вовремя успела отскочить. Артур радовался, утешая себя тем, что проклятие отступило, но недолго. Склепом для второй баронессы стал винный погреб.

В тот роковой день к барону приехали гости, и молодежи вздумалось поиграть в прятки. Затейница Беата решила затаиться в винном погребе: они с мужем частенько использовали это место для других забав, и баронесса, видимо, полагала, что Артур ее быстро найдет, а там, пока их ищут другие... По роковой случайности кто-то из слуг запер хозяйку в погребе; по неизвестной причине в погребе возник пожар...

Убитый горем барон отошел от света и поклялся никогда не жениться. Родители, жаждущие внуков, продолжали поставлять ему невест, но невесты, после двух трагических смертей жен, поглядывали на жениха с опаской и связывать себя узами брака не спешили. Равно как и сам Артур.

Прошло время, слухи поутихли. Подросло новое поколение невест, да и Артур все чаще стал бывать в женском обществе. Правда, любовниц у него было достаточно, а жениться он не спешил. До тех пор, пока одна из его пассий неожиданно не натравила на него своего папашу. Скандал был бы знатный, невеста и ее отец были настроены весьма решительно. Известие о проклятии, преследующем жен Артура, будущую баронессу ничуть не смутило. Объявили о помолвке, а вечером того же дня девушка скорострельно скончалась – причину ее смерти так и не установили. Следующую невесту барона нашли мертвой в своей постели за несколько дней до свадьбы. Через несколько лет Артур все же женился. Но не прошло и месяца, как молодую супругу обнаружили с проломленной головой под окнами спальни. «Выбросилась или выбросили?» – гадала прислуга. Устав от шепотков за спиной, от сочувствующих и обвинительных взглядов знакомых, Артур распустил всю прислугу и сделался отшельником в своем замке.

К тому времени родители барона умерли, а братьев и сестер у него не было. С ним остался только старый слуга Бенуа. Артур никого не принимал, никуда не ездил. Единственное исключение сделал для Весеннего бала во дворце короля Эльдорры, куда его пригласили, видимо, из уважения к покойным родителям. Разумеется, он не собирался набиваться в женихи к принцессе – не хватало еще угробить особу королевской крови! Поэтому Артур, прекрасно зная, что за дама перед ним, сделал вид, что не узнал принцессу, и намеренно наговорил ей гадостей. Причина, по которой он согласился приехать, была иной. В душе он надеялся, что найдет во дворце загадочную девушку простого происхождения и с манерами принцессы. Увы, надежды не оправдались, барон вернулся в свой замок, к верному Бенуа. Так они и жили, пока в ворота не постучались девушка с бирюзовыми глазами, при одном взгляде на которую сердце Артура учащенно забилося, и ее крестная фея...

* * *

– Что-то я не пойму, – нахмурилась Белинда. – Вы ухватились за Марту, потому что решили, что она – ваш шанс одолеть проклятие, или вы и в самом деле ее полюбили?

– Вам прекрасно известно, что нужно время, чтобы полюбить человека, но достаточно мгновения, чтобы влюбиться, – медленно проговорил Артур.

– Но, барон, вы же не тащите под венец всех девушек, которым удалось вскружить вам голову?

– Марта – не все, – тихо произнес он. – Я сразу понял, что она и есть та единственная, о которой говорила Аурелия.

– Да эта ваша Аурелия могла наговорить чего угодно в приступе злости!

– Аурелия умерла. Зачем ей это?

– Вы не знаете, на что способна отвергнутая женщина, – со знанием дела изрекла фея.

– Увы, знаю, – плечи барона дрогнули. – Я похоронил четырех жен и двух невест. А Марта выходит замуж за другого. И вы хотите убедить меня, что проклятия не существует?

– За каждым проклятием стоит человек, – задумчиво протянула фея.

– Разумеется, – не стал спорить Артур. – И этот человек – Аурелия!

– Да нет, – возразила Белинда. – Живой человек, самый обычный человек, не маг. Такой, который мог бы ослабить подпругу у лошади или свернуть девушке шею, обставив ее смерть как падение с лошади. Такой, который прекрасно знает все ваши привычки и расположение комнат и помещений. Такой, который видел, как баронесса спряталась в погребе, и запер ее там. Не случайно, а нарочно, предварительно бросив в подвал горящую свечу. Такой, который мог помочь другой баронессе выпасть из окна и разбить голову о бортик бассейна.

– Да кому это нужно?! – не поверил Артур.

– О, охотников может быть много! Отвергнутая женщина, обманутый поклонник, завистливая подруга... Каждая из смертей могла быть и несчастным случаем, и спланированным убийством. Убийц могло быть шестеро, и тогда мотивы у них были разные, а возможно, преступник был один. К сожалению, прошло слишком много времени, чтобы сделать какие-то выводы.

– Что-то я не пойму, к чему вы клоните. По-вашему, проклятия нет, и я могу жениться на Марте?

– А вы можете? – пылливо уставилась на него фея. – Можете жениться на девушке, мать у которой прачка?

– Для меня мнение света давно не играет никакой роли. Самое главное для меня – это то, что Марта мила, умна и образованна. Вы, конечно, понимаете, что я не смог бы связать свою жизнь с птичницей, которая всю жизнь возилась с курами и не имеет понятия о хороших манерах. Марта воспитана так же, как и женщины моего круга, между нами нет серьезных различий, поэтому мне нет никакого дела до того, есть у нее титул и приданое или

нет.

– О приданом-то я позабочусь, – пообещала Белинда, – а вот титул можете дать ей только вы.

Барон помрачнел:

– Я хочу этого больше жизни. Но я не прощу себе, если с Мартой что-то случится по моей вине. В тот день, когда вы приехали, я был настолько очарован Мартой и так страстно поверил в возможность снять заклятие, ведь признаки, которые указала Аурелия, совпали...

Белинда хмыкнула.

– Что? – удивился Артур.

– Мне кажется, Аурелия наговорила вам полную чепуху. Наплела заведомо невозможные признаки, будучи уверенной в том, что ни в одном из ближайших королевств ни тогда, ни двадцать лет спустя не найдется девушки, которая будет жить во дворце, как принцесса, и при этом иметь простонародное происхождение. Разумеется, восемнадцать лет назад Иза с Мартой еще не родились. Да и про происхождение она сочинила только для того, что уязвить вас сильнее. Мол, меня отверг, а единственное твое спасение от проклятия – не в герцогине и не в маркизе, а в простушке из народа.

– Вам легко говорить, вы не пережили того, что пережил я, – с горечью ответил барон.

– Я просто пытаюсь понять, искренни ли ваши чувства к моей крестнице или нет.

– Искренней не бывает! Но что с того?

– Как это что? – подбоченилась фея. – Вы жениться уже передумали? Тоже мне, пустослов! Для меня титулы значения не имеют, – передразнила она его. – А сам на попятную?

– О небо! – воскликнул барон. – Да вы же ее крестная фея, вы Марту защищать должны, а вместо этого на возможную гибель толкаете! А вдруг Аурелия ошиблась, или силы любви окажется недостаточно, чтобы побороть проклятие? Я не хочу рисковать жизнью Марты ради призрачного счастья. И потом, какая может быть женитьба, если она любит другого и выходит за него замуж?

– Марта его не любит, – безапелляционно ответила Белинда. – Она заблуждается. Вы – тот, кто ей нужен. Идеальный избранник.

– Вам-то это откуда известно? – поразился барон.

– Из гадания, – нехотя призналась фея.

– На картах? – скептически хмыкнул Артур.

– Вот еще! – Белинда передернула плечами. – Никогда еще приличные волшебницы не опускались до гадания на картах или на костях. Я узнавала судьбу у звезд.

– И что же говорят звезды?

– Вы – ее судьба. А она – ваша, – провозгласила фея.

– А насчет скорой гибели после свадьбы звезды не говорят? – глухо спросил барон.

– Мы сделаем все, чтобы предотвратить беду, – твердо сказала Белинда.

– Но проклятие... – возразил Артур.

– Проклятия нет! – рявкнула Белинда. – Потому что настоящее проклятие по силам только самым сильным магам, а Аурелия таковой не являлась. Беспомощные колдуны только пугают обидчиков возможным проклятием, сочиняют чушь про всякую порчу и отсроченные смертные приговоры, зная, что человеку теперь будет не по себе, он до конца жизни станет заложником страха, ожидая приближения беды. А как беда приключится, так станет того колдуна вспоминать и его в том винить. Что может быть приятнее для злого волшебника?

– Так вы утверждаете, что все мои жены погибли в результате несчастного случая? – опешил Артур.

– Все? Разумеется нет! – возразила Белинда. – Но одна вполне могла пострадать случайно. А остальных убили.

– Кто?

– Откуда мне знать?

– Но Марте опасность грозит?

– Возможно, – нахмурилась фея. – Если убийца все еще поблизости.

– Поблизости? И кто же это – призрак? – скептически спросил барон. – В замке уже два года, кроме меня и Бенуа, никто не живет.

– А что вы знаете про Бенуа? – вдруг осенило волшебницу. – Между прочим, по его версии, это вы сами убили всех своих жен.

– Не может быть! – опешил барон.

– Как вы думаете, что он мне наговорил, если после его слов я опечатала всю гостевую комнату охранными заклинаниями и пожертвовала сном ради того, чтобы застигнуть вас врасплох? Кстати, это Бенуа посоветовал мне не пить воду из кувшина... Может, он как раз отварчик туда и подмешал, раз так хорошо осведомлен был?

– Бенуа? Не говорите ерунды! – рассердился Артур. – Да я его с детства знаю, он мне как родной. Чудит только в последнее время – вот и вам все сплетни обо мне рассказал, а вы и поверили! Ну да он совсем уж старик стал, сдает потихоньку, а вы все-таки мудрая женщина, – он с укоризной покачал головой и убежденно заявил: – Не мог Бенуа вам всерьез про меня такую ложь сказать, это вы что-то не так поняли! И в его преданности я не сомневаюсь: когда я слуг распустил, он единственный со мной остался, не побоялся.

– А чего ему было бояться? – усмехнулась Белинда.

– Ну, как же, – смутился Артур, – слухи-то какие ходили! Барон – чудовище, барон – убийца, барон всех жен в могилу свел. И не только жен! На меня навесили все несчастные случаи и скоропостижные смерти в замке. Прачка в реке утонула – барон виноват, трубочист с крыши свалился – и тут без барона не обошлось. По одной версии я проклят, и все вблизи меня умирают раньше срока. По другой – я монстр и убийца. По третьей – и вовсе оборотень-людоед.

– И кто-то ведь эти слухи распускал! – навела его на мысль Белинда.

– Ясное дело! – уныло признал барон.

– Должно быть, кто-то авторитетный и приближенный к вам, если ему верили, – теряя терпение, намекнула Белинда.

– У нас прислуги было много, – пожал плечами Артур. – Мало ли кто из баб языком чесать любит... Вот я и говорю, Бенуа со мной даже тогда остался. Я перепугался, что меня, не ровен час, крестьяне на вилы поднимут, и поспешил дать всем слугам расчет; вознаградил достойно, да и распустил. А Бенуа отказался. Несмотря на все слухи, не побоялся со мной остаться.

– Конечно, не побоялся, – ухмыльнулась фея. – А чего ему бояться? Слухи о вашей кровожадности он сам распустил. Притом прекрасно зная, что вы тут ни при чем. Потому что баронесс в могилу свел он, а не вы и не проклятие.

– Что за чудовищная глупость! – вспыхнул Артур.

– А что, у Бенуа не было возможности ослабить подпругу, закрыть погреб, устроив в нем пожар, и помочь последней баронессе разбить голову?

– Теоретически – была, – с негодованием признал барон, – но зачем ему это?

– Вот это вопрос, – признала фея и погрузилась в размышления. – У Бенуа есть семья? – спросила она наконец.

– Нет. Родители его давно умерли, жены и детей у него не было.

– Не было, или вы о них не знаете? – уточнила Белинда.

– Не было, не знаю, – коротко ответил Артур.

– А он знал о вашей связи с Аурелией? – неожиданно заинтересовалась она.

– Он знал, что у меня есть возлюбленная, но я никогда не говорил, кто она и откуда. Да что с того? Все знали, что у меня кто-то есть. Я ведь каждый вечер из дома исчезал – не заметить было невозможно. Слухов много ходило, многих девушек мне в пассиве записывали, но я об Аурелии никогда не распространялся.

– И как Бенуа себя вел? Осуждал вас или одобрял, помогал?

– Он меня часто прикрывал, – припомнил Артур. – И говорил, мол, дело молодое. Шутил: видать, хороша прелестница, если мне так голову вскружила, что я к ней почти

каждую ночь бегаю. Но, в отличие от других, никогда не выспрашивал у меня, кто она.

– Вот! – Белинда даже подпрыгнула на месте. – Зачем ему было спрашивать, если он прекрасно знал, кто она! Ну конечно же! Бенуа – отец Аурелии.

– Ну и фантазия у вас, – опешил Артур.

– У вас сохранилась какая-нибудь вещь Аурелии? – деловито спросила фея, проигнорировав его скептическое высказывание. Хорошо бы, конечно, добыть волосок или ноготь ведьмы да сопоставить его с волосом или ногтем Бенуа, тогда результаты сравнения были бы более точными. Но было бы очень наивно предполагать, что барон восемнадцать лет хранит в сундучке локон бывшей возлюбленной, которая обрекла его на страшное проклятие...

– Вещь? – удивленно моргнул Артур. – Какая вещь?

– Ну там кольцо, браслет, медальон, кружевной платок! – нетерпеливо подпрыгнула фея.

– Шутите? – воскликнул барон. – Аурелия была бедна, из украшений у нее были разве что рябиновые бусы и цветочные венки. Да и откуда кружевной платок у лесной колдуньи?

– Могли бы и подарить, – буркнула Белинда.

– Я и дарил, – огрызнулся Артур. – Мне тогда для нее ничего не жалко было! Да только она не брала – гордая была. Странная она была девушка. Однажды принес ей золотой медальон со своим портретом. Она просияла, портрет вынула, поцеловала и себе оставила, а медальон мне возвращает. Представляете – мой портрет ей дороже золота был! Потом загрустила, что своего портрета у нее нет, хотела мне в ответ подарить. Тогда отрезала прядь волос, вложила в медальон и отдала мне. Носи, мол, на груди, и я у тебя рядом с сердцем буду... Расческу у меня как-то выпросила – у нее так глаза блестели, словно я ей ларец с изумрудами подарил. А гребень-то из простой слоновой кости был, даже без украшений...

– Еще бы! – хмыкнула Белинда. – Знала, что этой расческой вас к себе еще больше привяжет. Тут ей ваши фамильные рубины не помогут!

– Намеряете, что она меня привораживала? – нахмурился барон.

– Намеряю? Да я вам прямо говорю, как волшебница со стажем. Привораживала она вас! С чего там, говорите, любовь ваша началась? Подснежники она вам протянула? А вы взяли?

– Взял, – смутился Артур.

– Тут-то она вас и поймала, – убежденно заключила Белинда. – Для первого приворота достаточно вам было от нее что-либо в подарок взять. А дальше уже ваши личные вещи требовались – расческа, пуговица, ленточка с одежды. Еще лучше – портрет, какой ей самой нет возможности раздобыть.

– Это что же, – тихо спросил барон, – все обман был? Наваждение?

– С ее-то стороны как раз любовь, – вздохнула фея. – Если подарков дорогих не принимала, ей вы нужны были, а не ваши богатства. А вот вы в здравом уме разве обратили бы внимание на лесную отшельницу? Тем более, говорите, и не очень хороша она собой была?

– Это я потом уже понял, а тогда она для меня красивей всех казалась.

– Значит, мастерица была по приворотам, – безжалостно заключила Белинда. – Эх, жаль, не осталось от нее ничего... Ту прядь волос, которую она в медальон вложила, вы, конечно, не сохранили? – без всякой надежды поинтересовалась она.

– А она может помочь? – внезапно оживился Артур.

– Спрашиваете! – подпрыгнула фея, не веря своей удаче.

– Понимаете, какая странность... Волосы ее в медальон словно вросли. Никак я эту прядь из него убрать не мог. Так и забросил медальон в ларец, не носить же его после того, как мы расстались и она мне столько гадостей напоследок наговорила?

– Он здесь, в замке? – замерла Белинда.

– Да, сейчас принесу. А он поможет?

– Еще как! – Фея потерла руки. – Вы ступайте за медальоном, а я пойду добуду волосок

Бенуа. Потом сравнительное заклинание прочитаю – и понятно будет, имеет Бенуа отношение к Аурелии или нет. Если он – отец или родственник, тут и разгадка вашему проклятию и гибели жен.

– Стойте! – Барон замер на пороге. – Но если проклятия нет, то отчего же умерла Аурелия?

– А кто сказал, что она умерла? – усмехнулась Белинда. – Может, она жива и здорова. Несите локон, заодно и это выясним.

Пробираясь по коридорам замка в поисках неуловимого Бенуа, фея припоминала поведение слуги и находила все больше доказательств своей теории. Если Бенуа – отец ведьмы, все объясняется. Видя неподдельное горе дочери, узнав затем о ее словах, брошенных в сердцах, слуга вполне мог возомнить себя мстителем и взять на себя роль исполнителя заклания. А подстроить несчастные случаи с баронессами, имея доступ ко всем хозяйственным помещениям и постоянно находясь в замке, совсем не сложно... Что ж, старик не так прост, но у нее есть преимущество – ведь Бенуа не знает о ее подозрениях, а значит, и не догадывается, что фея представляет для него опасность.

Пламя свечи неожиданно выхватило из темноты лицо слуги, и Белинда вздрогнула, едва не выронив канделябр.

– Бенуа! – дружелюбно окликнула она старика. – Вас-то я и ищу!

– А я-то думаю, куда запропастилась наша гостья, – проскрипел он, изогнув губы в улыбку, и его голос показался Белинде похожим на шипение змеи. – Следуйте за мной, барон велел сопроводить вас в сокровищницу.

«Неужели медальон врос в сундук целиком, если понадобилось спускаться в хранилище?» – удивилась фея, следуя за стариком и выбирая момент, чтобы избавить его блестящую лысину от одной из трех последних волосинок. Увлечшись охотой, Белинда не обратила внимания, что старик уводит ее прочь от жилых помещений, куда-то вниз по темным, пахнущим сыростью и плесенью каменным лестницам. Наконец, удобный момент был найден, фея быстрым движением уцепила волосок возле шеи старика и с силой рванула его на себя. Бенуа дернул головой, охнул и с подозрением повернулся к фее.

– Клоп укусил? – участливо поинтересовалась она, бережно пряча волосок в кармашек.

Не говоря ни слова, Бенуа быстрее зашагал по коридору и толкнул первую попавшуюся дверь, пропуская туда фею. Не ожидая подвоха, волшебница шагнула внутрь и уткнулась взглядом в нагромождение кастрюль и ведер, густо покрытых паутиной.

– Бенуа, вы ошиблись дверью, это не сокровищница, это... – она обернулась к старику и замерла, увидев дикий огонь в его глазах.

– Ты! – подслеповато прищурился он и ткнул в фею крючковатым пальцем. – Зачем ты приехала второй раз? Решила все-таки навязать барону одну из крестниц? Или сама на него глаз положила? Думаешь, если фея, то проклятие разрушить можешь? Ничего у тебя не получится!

Белинда очнулась от замешательства и быстро выхватила волшебную палочку.

– Ха-ха-ха, – скрипуче расхохотался старик. – Думаешь, это меня остановит? Посмотри под ноги. Фея опустила взгляд, и в тот же миг слуга вырвал палочку из ее руки и сломал ее пополам. Но это было не самым страшным. На полу Белинда увидела рассыпанные листья терновника и похолодела. Рядом с кустом терновника начисто глушилась любая магия. А у ее ног лежали тысячи листьев – уже высохших и совсем свежих, делая ее беспомощной, как котенок. Фея зажмурила глаза, пытаясь сконцентрироваться на простейшем заклинании вызывания огня, но с ее ногтей не сорвалось ни искорки...

– Я знал, что ты вернешься, – подал голос Бенуа. – Даже не ожидал тогда, что ты поверишь моим рассказам и так быстро уедешь, а ты поверила. Но что-то мне подсказывало, что ты так просто не сдашься и решишь докопаться до правды... А если не ты, то другая ведьма. Признаться, прежде они в замке не появлялись, и я упустил вашу братию из виду. Хорошо, что ты не вздумала тогда проверить меня заклинанием откровенности, – он

зашелся противным дребезжащим смехом. – А теперь уже поздно – я хорошо подготовился к твоему приезду.

– Почему же поздно? – Белинда расправила плечи. Может, магии она и лишилась, но уж сладить со стариком она, молодая здоровая женщина, как-нибудь сможет. А пока подробно расспросит его обо всех белых пятнах в этой мрачной истории и сполна утолит свое любопытство. – Разве вы не расскажете мне о своей неумехе-дочери и своем непосредственном участии в исполнении так называемого проклятия?

– Аурелия звезд с неба не хватала, – осадил ее Бенуа, – но знахаркой она была умелой и магией по мелочи владела. А перед смертью передала мне кое-что из своего дара.

Старик взмахнул рукой, словно расчерчивая воздух, и злорадно ухмыльнулся.

– Так что можешь даже не думать о том, чтобы одолеть меня. Ты даже приблизиться ко мне не сможешь, глупая фея.

Белинда бросилась вперед, но ее отбросило от невидимой преграды.

– Не веришь старику? – осклабился Бенуа. – Зря!

– Аурелия хотела, чтобы вы за нее отомстили? – потерянно спросила фея. Какая же она была самонадеянная! Даже не проверила старика на способность к магии. А ведь могла бы и догадаться, если бы задумалась: откуда Бенуа, живя отшельником в замке, достал сонный отвар...

– Нет, бедняжка простила Артура и не желала ему зла, – покачал головой старик. – Она заботилась обо мне: я все время нуждался в особых отварах для поддержания здоровья, и Аурелия страшно корила себя за то, что больше не сможет готовить их для меня. Поэтому и решила передать мне часть своего дара. Да что-то напутала в бреду и передала немного больше, чем требовалось. А я, получив такие способности, воспользовался им, чтобы отомстить за нее.

– Зачем вы скрывали, что Аурелия – ваша дочь?

– А к чему рассказывать? – пожал плечами старик. – Она с рождения жила в лесу, с матерью, я служил в замке. Никому дела не было до того, что у меня есть семья на стороне. Когда жена умерла, Аурелии было уже пятнадцать. К тому времени она привыкла к жизни в лесу. Я предлагал ей устроиться на работу в замок, быть ближе ко мне, но она не захотела – ей нравилось уединение. Теперь и барон живет так, как она когда-то. Только для моей девочки уединение было наслаждением, а для барона оно стало проклятием, – Бенуа злорадно ухмыльнулся.

– Никаких проклятий не существует, – взвилась фея. – Мне-то голову не морочьте!

– Глядите, какие мы ученые, – усмехнулся старик. – А вот барон так не считает. Я очень старался убедить его в этом...

– Отчего же тогда умерла Аурелия? – с омерзением глядя на Бенуа, спросила Белинда.

– От любви и от глупости. Бедняжка внушила себе, что наслала на Артура проклятие, и принялась искать в себе признаки смертельной болезни. А кто ищет, тот всегда найдет. Аурелия своими руками свела себя в могилу, а перед смертью оставила послание Артуру.

– Вы о нем знали? – удивилась фея.

– Конечно. Это же я подсказал ей облегчить душу и оставить барону способ спасения... Как бы иначе он поверил в проклятие? Подумаешь, выкрикнула девчонка в пылу гнева несколько слов – да он и забыл бы про них, если бы я ему не напомнил... – Бенуа самодовольно засмеялся, припоминая дела давно минувших дней. – Что-то, господин Артур, вы нынче невеселы, говорил ему я. Вижу, свидание с юной невестой вас не радует? Неужели разлюбили? Молодое дело – оно такое... Помню, как вы спешили к своей таинственной красавице – глаза у вас так и сияли, а сейчас совсем потухли. Уж не сглазили ли вас? Гляжу – задумался барон, вспомнил. Потом в избушку побежал, вернулся сам не свой – прослушал, значит, голубчик, что следовало...

– Раз вы знали о послании, может, раскроете тайну – откуда Аурелия взяла эту чепуху про единственную любовь, способную одолеть проклятие, и про то, что эта девушка живет во дворце как принцесса, но сама из простолюдинов? Это вы ей подсказали наговорить

заведомо невыполнимые условия?

– Ах какой я коварный! – приосанился Бенуа. – Увы, увy... До такого я не додумался. Бедняжка и впрямь раскладывала карты перед смертью, до того как передать мне дар. Она была в бреду, вот и наговорила ерунды. А я ведь тогда и впрямь в проклятие это поверил, – разоткровенничался старик. – Моя девочка в могиле гнила, а я барону на свадьбе прислуживал. Сердце кровью обливалось, а сам все надеялся: вот-вот проклятие в силу вступит. Сперва ждал, что невеста за свадебным столом бездыханная падет, потом – что по дороге к спальне оступится, затем – что поутру не проснется. Какой там – три дня прошло, а молодая баронесса живет всех живых была. Когда молодые на охоту собрались, тут-то во мне обида и выиграла за дочку мою непутевую, которая жизни лишилась, а предателя не наказала. Дай, думаю, подпругу у лошади баронессы ослаблю – хоть ногу сломает, и то радость мне будет. Кто ж знал, что она так удачно на землю грохнется, – зловеще ощерился слуга. – Хоп – и нету баронессы! Барон тогда с ума от горя сходил, а я все недоумевал – почему же проклятие не подействовало? Или я поспешил? Предложил хозяину к искусному магу съездить да посоветоваться, как проклятие одолеть. Тот, наивная душа, подумал, что я о нем радею, да и отослал меня одного...

Рассеянно слушая старика, фея перебирала в уме все простые заклинания, доступные без волшебной палочки, но ни одно не работало. Даже привычный вызов метлы не отзывался теплом в ладонях – дело было совсем плохо. А старик меж тем все бубнил и бубнил:

– Тогда-то я и выяснил, что нету никакого проклятия – не по силам оно такой заурядной знахарке, как моя дочка была. Оказалось, что только высшим черным магам такие ритуалы подвластны. «Но ведь Аурелия умерла!» – возразил я магу. «Внушение – великая сила, – равнодушно ответил тот. – Ваша дочь, убежденная в неизбежности наказания, сама на себя порчу все это время и насылала». Я тогда Артура еще больше возненавидел. Вернулся в замок, развел руками – мол, никакого спасения от такого сильного проклятия не найти, тут лучшие маги бессильны. А сам стал для него этим проклятием. Зря ты о своих подозрениях барону рассказала, ведьма, – покачал головой старик. – Теперь твое исчезновение так просто не объяснишь. Придется и барона на покой отправить... Жаль, было таким наслаждением наблюдать, как день за днем он хоронит себя заживо в этом замке, как казнит за гибель женушек и зло, причиненное Аурелии. Боюсь, ад после той жизни, которую устроил ему я, покажется барону благодатью.

Бенуа швырнул в Белинду пригоршней огня, и листья под ее ногами вспыхнули, отгородив высокими языками пламени от сумасшедшего старика. Тот попятился к двери, и фея, похолодев, метнулась через огонь к нему. Если старик запрет ее в комнатухе, пожираемой магическим пламенем, она отсюда уже не выберется. Окон тут нет, дверь, если Бенуа запечатает ее заклинанием, ничем не открыть. Воздух ударил ее плотной стеной, в глазах потемнело, до слуха донесся злорадный смехок старика:

– Гори, ведьма!

Белинда застонала от безысходности, глядя, как Бенуа, не сводя с нее безумного взгляда, дошел до двери и прислонился к ней спиной. Пламя уже кусало ноги, глаза слезились от дыма и от обиды. Как глупо все получилось! Невозможно поверить, что она добровольно загнала себя в ловушку, недооценив возможностей Бенуа. Сквозь пелену слез Белинда видела, как старик с наслаждением таращится на огненный круг, в котором она оказалась заперта. Пламя пока лишь кружило вокруг, почти не касаясь ее, вероятно следуя прихоти старика. Но стоит ему только выйти за дверь, как оно обрушится на нее всей своей мощью... Бедные девочки! Она ведь так и не выдала их замуж!

– Счастливо оставаться! – Бенуа махнул рукой и толкнул дверь спиной, на мгновение замерев на пороге, словно не в силах оторваться от приятного зрелища.

Этого мгновения Белинде хватило, чтобы увидеть свою непутевую метелку, нетерпеливо пританцовывающую в коридоре. Первым делом метла втолкнула замешкавшегося старика обратно в комнату и с размаху огрела его по голове. Тот как подкошенный упал на пол и, к радости Белинды, затих. Метла еще пару раз поддала ему

помелом и бесстрашно влетела в круг огня, который не на шутку разбушевался, вырвавшись из-под контроля Бенуа.

– Хорошая моя, – растроганно шепнула фея, запрыгивая на метлу, и сжала кулачки: только бы вышло! Если метле удалось получить ее сигнал и сохранить волшебные свойства в комнате, полной терновника, может, и невидимую преграду, запершую Белинду в огне, им вместе преодолеть удастся?

Фея не успела и оглянуться, как метла уже вынесла ее из круга пламени на безопасное расстояние и стряхнула на пол в коридоре. Белинда схватила с пола обломок волшебной палочки, подкатившийся к порогу, и поспешила захлопнуть дверь, успев увидеть, как огонь с хищным шипением набросился на скорчившегося на полу Бенуа. Тут же за ее спиной раздался глухой стук – это упала на пол метла, лишившаяся последних сил в комнате с терновником. Ну конечно, осенило фею, терновник не смог полностью погасить волшебные свойства метлы, потому что она уже была заговорена ранее, но стремительно разрядил ее.

С нежностью подхватив обессилевшую метелку, Белинда поковыляла прочь. Все кончено. Магический огонь, покончив со стариком, погаснет без следа и не причинит вреда замку. Теперь следовало найти барона и доложить ему о том, что его преданный слуга сгорел на работе.

Интересно, где носит этого Артура?

– Ты не знаешь, где носит нашу крестную? – тем временем интересовалась Изабелла у Марты. Девушки, облаченные в свадебные платья, стояли перед зеркалом в комнате принцессы. Портнихи принесли наряды на последнюю примерку, и подружки не отказали себе в удовольствии покрасоваться друг перед другом.

– Не знаю, – пробурчала Марта, сосредоточенно глядя на свое отражение и поправляя корсаж на груди. – В тот день, когда мы поссорились, она вылетела от меня как ошпаренная, и с тех пор от нее ни слуху ни духу. Как думаешь, она придет на мою свадьбу?

– На мою она придет точно, – хмыкнула принцесса, оттесняя подругу от зеркала и разглаживая юбку своего роскошного наряда. – А ты еще не передумала выходить замуж за день до меня? Если перенесешь дату хотя бы на пару дней после, сможешь помириться с Белиндой во время нашего свадебного пира. Некрасиво как-то выходить замуж без ее одобрения.

– С ее одобрения я должна стать женой этого душегуба-барона! – с негодованием возразила Марта. – Она утверждала, что он – идеальный супруг для меня!

– Быть может, в сравнении с Сэмом так и есть? И барон – меньшее из зол? – подколола ее Изабелла.

– Иза, ты опять за свое! – рассердилась Марта.

– А я от своего и не отступалась. Говорила, и буду говорить – Сэм тебе не пара. Наплачешься ты с ним, сестренка, помани мое слово!

– И слушать тебя не хочу, заноза! Лучше скажи, как тебе мое платье.

– Честно? По сравнению с моим... – лукаво начала Изабелла.

– Ясное дело – с твоим по красоте ни одно другое не сравнится.

– Оно тебе правда понравилось?

– Иза, платье – просто чудо, а ты в нем – ангел!

Принцесса закусила губу.

– Надеюсь, что Белинда права и после свадьбы у меня и характер станет ангельским...

– О, Иза, знала бы ты, как на это надеются все во дворце, хоть и не знают всей правды о черной метке! – со смешком добавила Марта. – Ты так и не сказала, как тебе мое платье.

– Ты в нем похожа на принцессу, – искренне улыбнулась Изабелла.

Марта порозовела от радости и порывисто обняла подругу.

– Пойду покажусь маме! – шепнула она и выскользнула за дверь.

Королевский этаж она миновала без свидетелей, но стоило спуститься на этаж прислуги, где располагался кабинет отца и комната родителей, как она нос к носу

столкнулась с Сэмом.

– Марта?!

– Сэм! – чуть не разрыдалась девушка. – Немедленно закрой глаза! Ты не должен меня видеть!

– Что за глупости! – возмутился Сэм, во все глаза разглядывая невесту.

– Это плохая примета! – воскликнула Марта, подбирая юбки и припускаясь по коридору к комнате родителей.

– Марта, постой, да постой ты! – неся ей вслед голос жениха.

На шум выглянула обеспокоенная Аннет.

– Что случилось? Дочка, ты прекрасно выглядишь!

Марта толкнула мать в комнату и заметалась между окном и дверью, кусая губы и невольно комкая в кулаке ткань юбки.

– Плохая примета, это плохая примета!

– Белинда, вы ничего не забыли? – Артур красноречиво подергал себя за синюю бороду. – Боюсь, моей будущей жене это украшение не понравится. А бороться с ним самому мне не под силу: борода отрастает в течение нескольких минут после того, как я ее сбрею.

Белинда польщенно зарделась: так и было задумано! Это тот редкий случай, когда задуманное исполнилось в точности, как она и замышляла. Только бы теперь не перепутать обратное заклинание... Фея поводила обломком палочки над бородой барона, и та сменила цвет на ярко-малиновый. Барон, не знакомый с причудливой магией Белинды, от неожиданности закашлялся. Фея страшно смутилась и сосредоточенно замахала половинкой палочки – борода сделалась оранжевой, как апельсин.

– Я согласен на синюю, – подавленным голосом сказал Артур. – В темноте ее от черной не отличишь...

Волшебница еще больше сконфузилась и еще быстрее задвигала палочкой, едва не угодив барону в глаз. Артур предусмотрительно отшатнулся и, скосив глаза, отметил, что борода исчезла. Белинда чуть в ладоши не захлопала и взглянула на него с победным видом – мол, получите! Но барон повел себя в крайней степени странно: он провел рукой по щекам и с удивленным видом опустил ее ниже, поглаживая воздух так, словно нащупал несуществующую бородку.

– Что-то не так? – нахмурилась фея.

– Белинда, борода не исчезла, – едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, сказал Артур. – Она просто сделалась невидимой.

Крестная, не сдержавшись, рассерженно вскрикнула. Барон расхохотался – уж больно смешной была волшебница в гневе! Его смех разрядил напряженную атмосферу и заставил улыбнуться и саму Белинду.

– Вы не подумайте, что со мной всегда так, – виновато улыбнулась она. – Сейчас я все исправлю.

С четвертой попытки (борода барона сперва сделалась видимой и по-прежнему ярко-оранжевой, потом сменила цвет на изумрудно-зеленый, затем и вовсе расправилась веером) фее, наконец, удалось исполнить свое обещание: щетина приобрела натуральный цвет и пропала, повинаясь следующему взмаху волшебной палочки.

– Даже боюсь вас просить о другом одолжении, – с улыбкой сказал барон.

– О каком? – простонала Белинда, утирая взмокший лоб кружевным платочком.

– Может, избавите меня от этого досадного дара, которым вы меня наградили в прошлую встречу?

– То есть вернуть вам способность врать? – напрямик спросила фея. – Вот еще, так будет лучше! Так вы, по крайней мере, не сможете обманывать Марту.

– А вы уверены, что это благо в семейной жизни? – испытующе спросил Артур. – Человек, который всегда говорит правду своему любимому, какой бы неприятной для того

она ни была, должно быть, не очень-то его и любит.

– О чем это вы? – нахмурилась Белинда.

– Да в первую очередь об этих ваших женских штучках! – возвел глаза к небу барон. – Спросит меня Марта: «Дорогой, тебе не кажется, что я располнела?» А я ей что скажу в ответ? Брякну: «Нет, дорогая, мне не кажется, так и есть»? Даже если я потом триста раз повторю, что люблю ее и красивее ее для меня нет на всем свете, скандал обеспечен. И хорошо еще, если она будет дуться на меня только до вечера, ссора может надолго затянуться!

– Не может, Марта отходчивая, – буркнула фея, обдумывая слова барона. Действительно, если бы у нее самой был муж, хотела бы она слышать от него правду и ничего, кроме правды? Тем более если бы она была обидной для нее? Ни за что на свете! Меньше знаешь – крепче спишь. Решившись, Белинда ткнула в барона палочкой.

– Всё? – уточнил тот.

– А вы попробуйте соврать, – поддела его фея. – Как вас зовут?

– Король Гарнитур, – радостно хохотнул Артур. – А можно, я буду вас называть тетей? – дурашливо добавил он. – Ведь вы крестная фея моей будущей жены, значит, когда мы поженимся, я смогу по праву называть вас тетушкой.

– К сожалению, как только вы поженитесь, я перестану быть крестной феей Марты, – сникла Белинда.

– Но ведь вы можете остаться другом семьи? – приободрил ее Артур.

– Конечно могу! – воспрянула духом фея. – Только сперва надо устроить эту самую семью.

– Так почему мы еще здесь? Лично мне не терпится назвать Марту своей женой!

– Боюсь, моя метла не вынесет двоих, – крикнула Белинда. – Особенно, если второй – такой крупный мужчина, как вы.

– Вы бросаете меня? – расстроился Артур. – Мне ехать на лошади, а вы полетите вперед?

– Мне ни к чему торопиться, – поникла волшебница. – Меня там никто не ждет.

– Тогда поедem на лошадях, – обрадовался барон. – А по дороге вы мне расскажете все-все о моей будущей жене... Надеюсь, мы не опоздаем, и она не выйдет замуж раньше, чем мы доберемся до дворца?

– Свадьба Марты состоится за день до свадьбы Изабеллы. Сколько отсюда дней пути?

– На бал я тогда добирался примерно три дня, – припомнил Артур.

– Тогда мы прибудем как раз в утро свадьбы.

За день до свадьбы Марта проснулась ни свет ни заря: все не выходила из головы плохая примета. Уж и ругала себя, и убеждала: глупый предрассудок! Достаточно было поглядеть на восхищенного ее видом Сэма, на его горящие глаза, чтобы понять – никакие дурные приметы их счастьем не помеха. Жених ее любит, это же очевидно! Но все же не давало покоя нехорошее предчувствие, захотелось разыскать Сэма, поговорить с ним, развеять все опасения.

– А зятка на месте нет, – не скрывая своей неприязни, сообщил Жюльен, когда Марта заглянула в его кабинет. – Ушел в лес за кудрявником.

– Папа, – укорила его Марта. – Зачем нагружать Сэма накануне свадьбы? Что, нельзя было пару дней обойтись без кудрявника?

– Отчего же нельзя, можно. Да только это не я его послал, а твой суженый сам в лес засобирались. Не иначе как любовное зелье, которым он тебя приворожил, заканчивается.

– Да что ты говоришь! – в сердцах воскликнула Марта и выскочила в коридор, не видя ничего вокруг.

Опомнилась она уже за воротами замка. В стороне зеленел лес, и девушка уверенно направилась по протоптанной тропинке. Она не раз помогала отцу собирать полезные травы и знала места, в которых они растут. А уж влаголюбивый кудрявник рос только в одном

месте, у ручья. Она без труда разыщет Сэма и поможет жениху скорее справиться с работой. Вскоре Марта уже вышла к источнику, где в изобилии произрастал кудрявник, и растерянно оглянулась. Бело-розовые соцветия кудрявника сплошным нетронутым ковром раскинулись по траве. Сэм здесь нет и не было, иначе то тут, то там виднелись бы оборванные стебли. Странно, он же ушел из дворца раньше нее. Неужели заблудился? Девушка сложила руки рупором, собираясь позвать жениха, как вдруг ветер донес до нее залиvistый женский смех и топот ног.

– Стой, я тебя все равно поймаю! – послышался отдаленный голос Сэма.

Марта на мгновение окаменела: точно так же убегала по лесу от Сэма она сама, а потом они без сил падали в заросли земляники и кормили друг друга с руки, набирая полные ладони сладкой ягоды. Топот приближался, далеко между деревьев мелькнули светлые силуэты. Марта машинально нырнула за густые кусты орешника и прильнула к просвету между ветвей. Вскоре на поляну выбежала незнакомая раздумавшаяся крестьяночка, а за ней следом – запыхавшийся Сэм. Девушка с жадностью припала к роднику, а Сэм... Сэм повалил незнакомку на нежные цветы кудрявника и принялся осыпать ее щеки и шею пылкими поцелуями. Девушка хохотала, но попыток освободиться не делала, а Сэм осмелел и запустил ей руку за ворот рубахи. У Марты помутилось в глазах: она подобные вольности жениху никогда не позволяла и представить себе не могла, что он может вести себя подобным образом. Сэм, ее Сэм, который так робел, приглашая ее на первую прогулку! Неужели и его робость была игрой, обманом? Словно во сне до нее донеслись голоса, и Марта, страхнув оцепенение, вновь прильнула к просвету между листьев.

– Как гулять, так со мной, а как жениться – на другой? – ревниво выговаривала кавалеру девушка.

– Ну, Мари, ну ты же меня с детства знаешь, – заканючил Сэм. – Я только тебя люблю. Даже невесту выбрал с похожим именем, чтобы не путаться.

Девушка довольно расхохоталась.

– А она что же, ничего не подозревает?

– Да что ты! Сейчас набью сумку этими цветиками, захвачу для нее букет ромашек – она и не догадается, что я в лес не за тем ходил.

– Любит тебя? – ревниво уточнила подруга детства.

– Влюблена в меня, как кошка! Даже привораживать не пришлось. Ты бы ее видела!

– Она хорошенькая? – надула губки Мари.

– Ничуть! С тобой и не сравнится!

– Ох, не ври, знаю я тебя! – сощурилась девушка. – Поди, положил на нее глаз?

– Мари, я тебе уже сто раз объяснял, это все только ради нашего счастья! – закатил глаза Сэм. – Старик меня недолюбливает, а девчонка с первого взгляда влюбилась, помогла мне на теплое местечко устроиться. Куда бы я без нее? Она мне с обучением помогает, секреты своего отца потихоньку выбалтывает, а после свадьбы, глядишь, и старый хрыч ко мне подобрееет да все свои тайны выложит. Если я на ней не женюсь, могу быстро из дворца вылететь, так и не доучившись. А женитьба – это гарантия того, что я королевским лекарем стану. Старикан через год-два на покой уйдет, а я тебя во дворец перевезу, и заживешь со мной, как королева.

– А как же жена? – нахмурилась подруга детства.

– Уж к тому времени я найду способ от женушки постылой избавиться, – ухмыльнулся Сэм. – Да так, что ни одна душа меня в злодействе не заподозрит. Я уже вызнал про некоторые травки...

Дальше Марта слушать не стала. Осторожно, чтобы не наступить на сухие ветки и не обнаружить себя, она проскользнула по мягкой траве, прочь от этого кошмара, быстрее во дворец.

– Моя дорогая! – Белинда объявилась во дворце в утро несостоявшейся свадьбы.

Сэм еще накануне вечером без объяснения причин был изгнан из дворца. Марта не

решилась рассказать Жюльену всю правду, сказала только, что убедилась в том, что жених обманывает ее, и лекарь без всяких разговоров выставил ученика вон. Но фея об этом не знала – она так спешила расстроить свадьбу, что первым же делом понеслась к крестнице, не теряя времени на то, чтобы узнать последние сплетни. Барона, замаскировав заклинанием невидимости, она оставила за дверью, а сама ворвалась в комнату Марты, решительно настроившись на то, что оттуда крестница выйдет невестой Артура или не выйдет вообще.

– А почему ты еще не одета к церемонии? – удивилась фея, не застав Марту в свадебном платье.

Девушка, обрадовавшаяся появлению феи и с радостью бросившаяся ей навстречу, мигом помрачнела и сощурила глаза:

– Ты пришла позлорадствовать? Что ж, твое право. Ведь ты предупреждала меня и всячески отговаривала от свадьбы с Сэмом.

– Девочка моя! – всплеснула руками Белинда. – Что случилось?

– Тебе еще не донесли? Свадьбы не будет.

– Хвала небесам! – как и следовало ожидать, обрадовалась фея.

– Я же говорила! – всхлипнула Марта. – Могла бы, как моя крестная, хотя бы проявить сочувствие!

– Прости, – повинулась Белинда и обняла крестницу.

Сквозь слезы девушка поведала о подслушанном разговоре в лесу, доверив крестной то, что не решилась сообщить родителям.

– Ну, ему это так просто с рук не сойдет! – разбушевалась фея. – До конца жизни жалеть будет, что во дворец свой нос сунул!

– Что ты задумала, Бэль? – испугалась Марта. – Не надо, оставь его...

– Вытри слезы, Мари, и выбрось этого негодяя из головы. Теперь это моя забота. А ты пока приведи себя в порядок и покажи мне свое свадебное платье.

– Зачем? – изумилась девушка.

– У тебя же сегодня свадьба, ты забыла?

– Бэль, ты чего? Я тебе только что объяснила...

– Дорогая, я еще в своем уме. Свадьба состоится, только жених у тебя будет другой.

– Что за глупости! – рассердилась Марта. – Я тебе, конечно, благодарна за заботу, но замуж за неизвестного ювелира, или кого ты мне там припасла, я не пойду.

– А кто сказал, что он тебе неизвестен? – подмигнула фея.

– Бэль! – осенила ужасная догадка Марту. – Только не говори, что ты привела сюда этого душегуба-барона!

– Никакой он не душегуб, – успокоила ее фея и коротко, насколько это было возможно, пересказала историю Артура и объяснила его поведение в их первую встречу. По мере рассказа Марта то вспыхивала, как маков цвет, то бледнела от ужаса, то горячо сочувствовала барону. – А теперь он здесь и просит твоей руки, – закончила свое повествование Белинда.

– Как, он здесь? – заволновалась Марта.

– За дверью.

От такой близости барона девушка разволновалась еще больше.

– Ты ведь к нему равнодушна, Мари? – прозорливо предположила фея, глядя на порозовевшую крестницу. – Он ведь тебе еще в тот день в душу запал?

– Я думала, он убийца, – сконфуженно пролепетала Марта. – Я запретила себе думать о нем.

– Это понятно, – кивнула Белинда. – Но что это за история с Сэмом? К чему эта спешка со свадьбой? Ты была влюблена в него?

– Да... – промямлила Марта. – Нет... не знаю! Он был такой красивый, ухаживал за мной... за мной ведь никто никогда не ухаживал! Он писал мне трогательные письма, клялся в любви, говорил, что утопится с горя, если я не отвечу ему взаимностью. А тут еще Иза прямо расцвела от счастья, делилась со мной своими сердечными делами... И все во дворце

только и твердили о свадьбе, о любви... Мне тоже хотелось, чтобы меня любили, понимаешь? А Сэм мне нравился, и он казался таким искренним. Он так настаивал на свадьбе, и мне, глядя на приготовления к свадьбе Изабеллы, тоже захотелось стать невестой. А сейчас я уже ни в чем не уверена...

– Надеюсь, ты еще не передумала стать невестой? – приободрила ее фея. – Я, как твоя крестная, крайне озабочена твоим будущим! Сейчас я позову Артура, вы поговорите, и если достигнете согласия, свадьбу отменять не будем, договорились?

– Нет! – вскрикнула Марта.

– Но почему?

– Не хочу, чтобы он видел меня такой... заплаканной.

– Нашла беду! – улыбнулась фея и, поколдовав над кувшином с водой, велела: – Умывайся, будешь как свежая роза! А я пока жениха позову, а то уже измаялся, поди.

Глава 19 СВАДЕБНЫЙ ПЕРЕПОЛОХ

Утро свадьбы добрым не бывает...

Принц Эрик

Артур ловко вскарабкался по яблоне, так кстати примыкавшей к окну Марты, и, заглянув в комнату, чуть не разжал руки, в прямом смысле ослепленный красотой невесты. Девушка стояла у зеркала, разглаживая рукой складки воздушного платья, и ткань, усыпанная мелкими прозрачными камушками, переливалась всеми лучами солнца. Артур был готов поклясться: сияло и лицо невесты под плотной фатой. Солнечный свет, обнимавший девичий силуэт, золотом отражался на волосах, которые казались светлей, чем обычно. Барон потрясенно ахнул и рыбкой нырнул в приоткрытую раму. Невеста обернулась на шум и попятилась к двери, не признав жениха в незнакомце в темном плаще с капюшоном, надвинутым на лицо.

– Я буду кричать! – пригрозила девушка охрипшим голосом.

– Марта, это же я. – Артур откинул капюшон с лица и виновато сказал: – Замаскировался, чтобы повидать тебя перед церемонией.

Невеста молча покачала головой.

– Не хочешь меня видеть? – расстроился жених.

– Еще не время, – сдавленно пробормотала она. – Уходи.

– Дай мне хоть полюбоваться на тебя! – взмолился Артур, протягивая руку к фате.

Девушка неожиданно стукнула его по руке и шикнула непривычно низким голосом:

– До свадьбы нельзя!

Волнуется, понял Артур.

– Хорошо, я уйду, – согласился он. – Но сперва я должен тебе кое-что сказать...

Тем временем принц Эрик тенью скользнул по коридору, отделяющему его от комнаты невесты и, воровато оглянувшись, шмыгнул внутрь. Он действовал вопреки всем правилам этикета, но желание увидеть Изабеллу было сильнее. Конечно, не пристало воспитанному принцу ломиться в личные покои благородной принцессы, но, волк его раздери, принцесса через несколько часов станет его женой, так что побоку все нелепые условности! К счастью, Изабелла была одна, ни суетливых портних, ни докучливых горничных в покоях не крутилось. Принц беспрепятственно преодолел три проходных комнаты и, обнаружив невесту в последней, в восхищении замер в дверях. Изабелла была прелестна в узком белом платье. Тоненькая и хрупкая, она была похожа на лилию, а юбка, повторяющая контур перевернутого цветка, еще больше усиливала сходство. Услышав шаги, она быстро обернулась, и принц чуть не застонал от досады – прекрасное лицо любимой закрывала

плотная вуаль. Он невольно подался вперед, желая сорвать с ее лица фату, но Изабелла испуганно отшатнулась и коротко вскрикнула.

– Прости, не хотел тебя напугать, – виновато пробормотал он, пожирая невесту глазами. Ему казалось, что принцесса равнодушна к драгоценностям, и от ее свадебного платья он ожидал слепящего блеска бриллиантов и пышности кружева, но Изабелла удивила его своим выбором. Простое и на первый взгляд безыскусное, оно великолепно подчеркивало пленительные изгибы фигуры и служило лучшей оправой для красоты его возлюбленной.

– Ты прекрасна, – только и смог вымолвить влюбленный принц.

– Ваше высочество! – Низкий голос Изабеллы зазвенел от негодования. – Что вы здесь делаете? Вы не должны видеть невесту до церемонии.

– Не сердись на меня, – заворковал Эрик. – Я ужасно соскучился.

– Немедленно уходите, – взбеленилась Изабелла, подчеркнуто величая его на «вы», и ее напряженный голос показался ему чужим. – Иначе случится беда.

– Я умру, если не побуду рядом с тобой еще чуть-чуть. Изабель, мое сердце разорвется от тоски...

– Я не... – начала было невеста, но закашлялась и проговорила: – Увидимся на церемонии. Пожалуйста, уходи.

– Любимая, не гони меня! Дай хотя бы обнять, – принц порывисто бросился к невесте и успел сжать кончики ее пальцев, но девушка бабочкой выскользнула из его рук. От прикосновения к ее ладони у Эрика от счастья потемнело в глазах, и на мгновение ему показалось, что под фатой мелькнул темный, как шоколад, локон.

– Ты хочешь, чтобы я ушел?

Изабелла молча кивнула.

– Что ж, – поник Эрик, – ты права, увидимся на церемонии.

Принцесса согласно закивала головой, так что фата чуть не слетела с волос.

– Но прежде чем уйти, я прочту тебе стихотворение, которое сочинил только что, – твердо заявил принц и, упав на одно колено, восторженно продекламировал: – Сегодня солнце ты затмила, перед тобой бледна луна, как я хочу, чтоб ты любила всегда лишь одного меня.

– Так-так! – раздался злой голос Изабеллы у него за спиной. – Я смотрю, тебя, женишок, оставлять одного нельзя, начинаешь волочиться за каждой юбкой!

– Изабелла? – Эрик потрясенно оглянулся. Принцесса стояла в дверях, уперев руки в бока белоснежного платья, и ее щедро усыпанная драгоценностями юбка слепила глаза своим блеском. Сомнений не было – эта Изабелла была настоящей. Тогда кому же он читал стихи? Марта, а это была именно она, откинула фату с лица и воскликнула:

– Ах, Иза, ты все не так поняла!

– А я вообще не хочу ничего понимать! – завелась Изабелла и, невзирая на браслет, впившийся в кожу всеми шипами, рывкнула на Эрика: – Вон отсюда! Свадьбы не будет!

– Но, любимая, – растерялся Эрик.

– Ваше высочество, вам правда лучше уйти! – Марта подхватила его за локоть и потащила к выходу, шепча по дороге: – Принцесса очень нервничает перед свадьбой. Она еще не до конца готова к церемонии и страшно огорчена, что вы увидели ее в неприбранном виде.

– Она прекрасна! – горячо возразил принц и в растерянности поинтересовался: – А почему вы притворялись ею, Марта?

– Да потому что невесту до свадьбы видеть нельзя, – сердито шикнула на него девушка. – А если бы вы знали, что перед вами я, вы бы все равно не успокоились, пока не увидели Изу, ведь так?

– Ну что за глупые предрассудки! – вздохнул Эрик.

– Потерпите, скоро Изабелла будет вашей! – мило улыбнулась Марта, выставив его за дверь. Не объяснять же юноше, что чары, наложенные Дружиллой, могут рассорить

влюбленных еще до свадьбы? Поэтому она и решила подыграть принцу, притворившись Изой, чтобы спокойно выставить его за дверь и избежать неминуемого скандала в том случае, если бы Эрик наткнулся на настоящую принцессу.

– А она точно не передумает? – с тревогой спросил принц.

– Я за этим прослежу, – успокоила его Марта и, собравшись уже юркнуть обратно за дверь, задала мучивший ее вопрос: – Скажите, ваше высочество, как так получилось, что альбом с вашими стихами попал в руки маркиза Спейси?

Эрик недовольно нахмурился:

– Хотел бы я знать! Я везде возил книгу с собой, чтобы в случае чего вписать в нее новое стихотворение, – смущенно пояснил он. – На одном из балов я случайно оставил ее в садовой беседке. Видимо, там ее и подобрал маркиз.

Марта хмыкнула. Учитывая самомнение Спейси и его уверенность в том, что рано или поздно Изабелла примчится к нему, чтобы умолять взять ее замуж, все становилось понятно. Маркиз подобрал альбом стихов, посвященных Изабелле, чтобы при случае выдать их за свои и уверить невесту в своей искренности. Руперт не учел одного: принцесса уже слышала стихи Эрика и легко уличила бы его в обмане.

Как только Марта вернулась, на нее налетела уже раскаявшаяся в своих словах Изабелла.

– Он ушел? Он не вернется? Он отменил свадьбу?

– Перестань нести чепуху! Он без ума от тебя и ждет не дождется, когда сможет объявить тебя своей женой.

– Как ты думаешь, чары спадут? – с надеждой поинтересовалась принцесса. – Все-таки черная метка оказалась фальшивкой, вдруг ее действие со свадьбой не прекратится?

– Прекратится, – уверенно успокоила ее Марта. – Со свадьбой теряют силу все прежние магические воздействия, мне Белинда рассказывала.

– Мари, я так волнуюсь! – Принцесса порывисто обняла ее.

– Решила-таки задушить меня за то, что твой жених читал мне стихи? – засмеялась Марта, высвобождаясь из ее объятий.

– Вот еще! Мы квиты!

– Что?

– Пока ты ворковала с Эриком, твой жених объяснялся мне в любви, – самодовольно призналась Изабелла. – Да так красиво, что я просто онемела и не смогла его прервать, пока не дослушала.

– Ты врешь! – С лица Марты мигом сошла вся краска.

– Дурочка! Он же думал, что я – это ты. Я пошла искать тебя, зашла в твою комнату, тебя не нашла, а тут твой кавалер в окно ломится – в плаще и капюшоне. Я уж испугалась, что меня похитить хотят, только потом поняла, что я в твоей комнате, в свадебном платье и в фате, и что жених по твою душу явился.

– А я тебя пошла проведать! – со смехом поведала Марта. – Как только мы с тобой разминулись? Наверное, ты ко мне в комнату проскользнула, когда я к маме заглянула. А потом я обошла все твои покои, собралась уходить, и тут принц возник в дверях и давай соловьем разливаться...

– Что он тебе говорил? – ревниво сощурилась Изабелла.

– Что ты у него самая красивая и что он сгорает от любви, – успокоила ее Марта.

– Все-таки он милый, правда? – просияла принцесса.

– Ой! – спохватилась Марта. – А где сейчас Артур?

– Я его спровадила, велела раньше церемонии носу не показывать, – усмехнулась Изабелла. – Я же знаю, как ты веришь приметам.

– Я очень боюсь, что все может сорваться, – призналась Марта. – Вдруг он передумает?

– Я ему передумаю! – пригрозила Белинда, шагнув к крестницам из вихря золотых искр. – И одному, и второму! О ком, кстати, речь? С кем провести воспитательную беседу? Пользуйтесь случаем, пока я еще ваша крестная.

И с расстроенным видом фея добавила:

– Недолго осталось.

Белинда растроганно всхлипнула и приложила к глазам платочек, переводя взгляд с одной крестницы на другую. Красивые, с сияющими глазами, с взволнованным румянцем, в белоснежных свадебных платьях, ее девочки были прекрасны. Изабелла вчера проявила неожиданное упрямство, заявив, что свадьба Марты должна состояться непременно в тот же день, что и ее, и что свадебный пир у них будет один на двоих. Тем более что все гости Артура и Марты (Жюльен, Аннет и Белинда) и без того были приглашены на королевское торжество. Конечно, Марта понимала, что это праздник принцессы и внимание всех гостей будет приковано к ней, а их с Артуром церемония состоится при нескольких свидетелях и на пиру об их паре вряд ли скажут хотя бы пару слов, но ей этого и не нужно было. А вот для Белинды этот день должен стать настоящим праздником и признанием ее профессиональной пригодности. Сегодня она впервые скрепит магией союз двух влюбленных пар! Только бы новая волшебная палочка не подвела, а то фея еще не успела к ней привыкнуть...

Несколькими часами позже Белинда, взволнованно глотая слова, вопрошала:

– Марта, согласна ли ты взять в мужья Артура?

– Да, – кротко согласилась невеста.

– Артур, согласен ли ты взять в жены Марту?

– Я-то?

– Ты, – прошипела фея.

– Да никогда! – с негодованием возразил жених.

– Это еще почему?!

– Да потому что я никакой не Артур, – заржал Фергюс. – А это, – он мотнул мордой в сторону стоящей рядом Грациэллы, нацепившей на голову кружевную ленту, – никакая не Марта.

– Ну я же тебя просила! – простонала Белинда. – Мне скоро церемонию вести, надо потренироваться! Представь себе, что она – твоя невеста.

– Эта? – фыркнул Фергюс и насмешливо присовокупил: – Конечно, кому-то и кобыла – невеста.

– Между прочим, я когда-то была ангелом, – оскорбленно заметила Грациэлла.

– До встречи с Белиндой все были другими, – покладисто кивнул Фергюс и громко заржал: – Бэль, твой портрет впору на столбах вешать с предупредительной надписью: «Осторожно, встреча с доброй феей перевернет вашу жизнь с ног на голову».

– Ты будешь играть роль Артура? – рассердилась волшебница.

– Что я тебе – лицедей?

– Фергюс! – укорила его Грациэлла, сердито притопывая копытом.

– Ладно-ладно, – нехотя согласился конеангел и кивнул фее. – Начинай.

На этот раз репетиция прошла без эксцессов. Грациэлла повторила клятву за Марту, Фергюс с недовольным видом процедил: «Ладно уж, уговорили, беру!»

– А теперь скрепите ваш союз магией поцелуя, – растроганно проговорила Белинда.

– Сразу бы так! – оживился Фергюс и наклонился к «невесте».

Но тут неожиданно заартачилась Грациэлла:

– Мне целовать этого коня?! Никогда!

– Да что ж это такое! – чуть не заплакала фея. – Вы что, сговорились меня довести?

– Целоваться я всегда согласен, – с готовностью отозвался Фергюс.

– Про поцелуй речи не было, – противилась Грациэлла. – Не буду с ним целоваться ради репетиции, это недостойно!

– А если я вас пожению, это достойно? – сорвалась Белинда.

– Ну... – Грациэлла внезапно смешалась, – не знаю, он же мне предложения не делал...

– А что? – встрепенулся конеангел и застенчиво предложил: – Мы с тобой уже семнадцать лет неразлучны, куда ты, куда и я. Может, того, заверим наш союз магией?

Грациэлла смущенно рыла копытом поверхность стола.

– А кого нам еще искать? – принялся убеждать ее Фергюс. – Я – это ты, ты – это я, мы вросли друг в друга наполовину. Мое туловище так подходит к твоей голове, – неловко добавил он.

– Вот спасибо! – вспыхнула Грациэлла. – Не могу сказать того же о своем теле. Оно в сравнении с твоей лошадиной мордой как... как...

– Как не пришей кобыле хвост, – услужливо подсказала фея.

– Вот именно! – с радостью ухватила за подсказку Грациэлла.

– Да, а характер у тебя совсем не ангельский, – неодобрительно заржал Фергюс.

– Так вы будете целоваться? – рывкнула Белинда, теряя терпение.

– Вот еще, – фыркнул Фергюс.

– Да! – одновременно с ним выкрикнула Грациэлла.

– Ну ладно, – пошел на попятную конеангел, – беру тебя в жены.

– Больно надо! – взбрыкнула Грациэлла. – Теперь уже я не хочу!

– Да когда же это кончится?! – простонала фея. – Все, нету больше моих сил, придется неподготовленной церемонию вести.

Она вскочила из-за стола и кинулась вон из комнаты.

– Стой! – хором вскричали существа и, переглянувшись друг с другом, добавили: – Мы согласны!

– Будете целоваться? – недоверчиво уточнила Белинда.

– Будем! – радостно заверил Фергюс, а Грациэлла застенчиво опустила глаза. – И жениться тоже.

– Но вы же такие разные, – с сомнением сказала фея.

– Зато каждый из нас – наполовину другой, – философски заметил конеангел. – Это сближает.

– Я бы могла попытаться вернуть вам прежний вид, – неуверенно предложила Белинда.

– Не надо! – хором воскликнули существа.

– Я уже привыкла, – пояснила Грациэлла.

– А мне так нравится летать, – признался Фергюс.

– Ну, хорошо! Тогда начнем...

Белинда в точности повторила церемонию, только на этот раз называя существ своими именами. Фергюс не стал ерничать и просто сказал «да», а потом парочка сложила губы в первом робком поцелуе.

– Объявляю вас мужем и женой, – с облегчением провозгласила фея и вытерла пот со лба. Если репетиция прошла в таких муках, чего следует ожидать от настоящей церемонии?

– Объявляю вас мужем и женой! – как в полусне донеслось до Марты, и их с Артуром охватило сияние – знак того, что их союз скреплен магией.

Часом позже в саду такие же клятвы повторили Изабелла и Эрик в присутствии трех сотен гостей из двух королевств. Прежде чем сесть за праздничный стол, девушки подошли к крестной, которая как ни лучилась от счастья, все-таки немного грустила оттого, что отныне перестала нести ответственность за судьбу крестниц.

– Спасибо тебе, Бэль! – крепко обняла ее Марта. – Если бы не ты, я бы никогда не стала женой Артура.

– И от меня спасибо, – шепнула принцесса, снимая алмазные башмачки и с наслаждением переобуваясь в мягкие шелковые туфельки. – За Эрика. Вам обоим!

– Не появилось еще желание устроить ему скандал? – подмигнула фея.

– Что ты! – воскликнула Изабелла. – С меня словно пелена спала, я на Эрика совсем новыми глазами после церемонии взглянула. Он у меня – лучший!

– Ну что ж, – притворно радостно прочирикала Белинда. – Теперь у вас есть мужья, и в моем попечительстве вы больше не нуждаетесь...

– Бэль, ты навсегда останешься нашей любимой крестной! – заверила ее Изабелла.

– И мы очень надеемся, что ты согласишься быть крестной наших дочек, – застенчиво

предложила Марта.

– Девочки, – сдавленно пролепетала фея, обнимая невест, – я буду счастлива, если вы доверите мне своих крошек! Я для них все сделаю, все-все! Уж поверьте мне, я их жизнь в мед превращу!

Белинда взволнованно всплеснула руками, выронив палочку, и та, описав круг, угодила в розовый куст. Желтые соцветия неожиданно сорвались с веток, в воздухе покрылись черными полосками, скукожились и зажужжали, превратившись в пчел.

– Я сейчас все исправлю! – пролепетала фея, ныряя в куст за палочкой.

Не дожидаясь, пока пчелы кинутся на них, девушки подхватили юбки и побежали вслед за гостями к замку.

– Не слишком ли мы погорячились? – с сомнением пропыхтела Марта.

– Надеюсь, у меня будет мальчик! – горячо воскликнула Изабелла.

ЭПИЛОГ

Чертыхаясь и выдергивая из шеи шипы, фея вылезла из куста, крепко сжимая в руке волшебную палочку, и огляделась. Пчелы пропали, а желтые розы как ни в чем не бывало покрывали куст.

– Примерещилось, что ли? – удивленно моргнула Белинда и заморгала еще больше: над кустом воспарил желтый, туго скрученный свиток.

Оглядевшись по сторонам, она протянула руки к свитку, и тот послушно лег в ее ладонь. Красная ленточка, которой он был перевязан, сама собой слетела на землю, и ноздри Белинды защекотал запах фиалок – знакомый с детства аромат духов ее матери. Фея порывисто развернула свиток и уставилась на строки, написанные знакомым почерком.

«Моя дорогая девочка!

Если ты читаешь эти строки, значит, ты пошла против моей воли и проявила изрядное упорство, несмотря на все свои неудачи. Не удивляйся, откуда мне известно о них, ведь я сама их для тебя приготовила. Надеюсь, ты простишь свою мать, а я постараюсь объяснить тебе, почему так поступила.

В своем кругу я считаюсь сильной волшебницей. Меня многие уважают и многие мне завидуют. Завистники списывают мой успех на «Букварь» – особую магическую книгу, которая передается в нашем роду по наследству. Немало волшебниц мечтает завладеть ею. Мне предлагали за нее большие деньги, мне не раз угрожали, но с книгой я не рассталась. Я поклялась своей матери, что буду беречь ее от чужих глаз и сдержу обещание, пусть даже ценой своей жизни. Если кто и будет читать ее после меня, то только ты. Но я не желаю тебе подобной доли, для этого я слишком люблю тебя, моя девочка. Это опасная книга: когда ты читаешь ее впервые, она содержит лишь простейшие добрые заклинания и раскрывает секреты эффектных иллюзий. Когда читаешь второй раз, заклинания усложняются и перестают быть безобидными, и так с каждым разом. На каждую букву алфавита – свое понятие. Поначалу это составляющие счастья, сокровенные желания человека. Например, А – альтруизм, Б – богатство, В – везение и верность. Потом к ним прибавляются обратные понятия – слагаемые несчастья, и А превращается в авантюризм и алчность, Б – в бедность и болезни, В – во вспыльчивость. К радости прибавляется ревность и разруха, к любви – ложь, к счастью – сомнение. «Букварь» очень коварен, он вызывает к низменным чувствам человека. Тот, кому недостаточно богатства, ищет радости в бедности других. Те, кому не хватает радости, находят ее в разрушении чужих жизней. Книга завладевает своим читателем, и ты не можешь остановиться, чтобы не читать ее вновь и вновь, с каждым разом скатываясь в бездну и приближая свой конец.

Об этих качествах «Букваря» известно только мне, остальные же уверены, что он – ключ к исполнению заветных желаний. Не знаю, откуда ходят такие слухи. Вероятно, кто-то из прежних владельцев книги не очень внимательно следил за ней, и кому-то постороннему

удалось заглянуть в нее.

Я объявила всем, что уничтожила книгу, но мне, конечно, не поверят. «Букварь» продолжат искать после моей смерти, но не найдут, потому что он надежно спрятан. Тогда предположат, что я передала его тебе. Если ты начнешь делать успехи в магии – а иначе быть не может, ведь в тебе течет моя кровь, – их спишут на чтение «Букваря», твоя жизнь подвергнется опасности... Я долго думала, как убереечь тебя от тех испытаний, которые выпали на мою долю. Я не хочу, чтобы ты повторила мою судьбу, и желаю тебе только счастья. Поэтому я пришла к единственному решению, которое кажется мне спасительным. Я не хочу, чтобы ты была волшебницей, не хочу, чтобы ты читала «Букварь», и боюсь подвергать тебя опасности, связанной с обладанием им. Поэтому книгу я спрятала, твоему отцу строго наказала не рассказывать тебе правды обо мне, по крайней мере, до того момента, когда ты сама не проявишь свои способности к волшебству. Тебя же саму, моя крошечка, я заговорила особым заклинанием, которое будет менять результат твоего волшебства таким образом, чтобы не причинять тебе и другим людям вред, но заставить тебя отказаться от его применения. В случае опасности и жизненной важности оно тебе мешать не будет, но, когда ты станешь пользоваться магией ради развлечения или по пустячному поводу, оно себя проявит сполна. Прости, что обрекаю тебя на насмешки и неудачи, но это меньшее из зол, которое тебе грозит. И самым лучшим для тебя будет отказаться от магии, прожить обычную жизнь и никогда не читать этих строк.

Однако я знаю, как трудно противиться магии, которая течет у тебя в крови, и оставляю тебе лазейку. В том случае, если ты проявишь значительное упорство в овладении магией и применении ее на практике, заклятие спадет. Это случится в тот день, когда ты исполнишь свою первую серьезную волшебную клятву. Раз ты читаешь это письмо, значит, такой день настал. Поздравляю тебя, моя упрямая девочка. Отныне магия перестанет преподносить тебе сюрпризы и будет покорной твоему слову.

В моей смерти никого не вини, я виновата сама – не смогла вовремя остановиться. «Букварь» завладел мной, я пыталась избавиться от его власти – ушла из объединения фей, отказалась от применения магии, но было слишком поздно. Книга притягивала меня к себе и тянула из меня силы. Если бы я стала практиковать черную магию, которой на тот момент были полны ее страницы, я бы прожила долго. Быть может, даже обрела бессмертие ценой чужих жизней. Но такое существование не для меня, лучше смерть. После того как меня не станет, «Букварь», благодаря силе, которую он у меня отнял при жизни, будет поддерживать заклинание, наложенное на тебя. Его хватит на много лет.

Теперь о главном. Доченька, я не хочу, чтобы ты открывала «Букварь», но я дала клятву своей матери, что книга после меня перейдет к моим детям, и обязана ее сдержать. Я спрятала его в надежном месте и оставила ряд зашифрованных подсказок, по которым ты можешь его разыскать. В конце письма ты найдешь первую из них. Она приведет тебя ко второй, та – к третьей.

Всего подсказок шесть. Мне бы очень хотелось, чтобы ты не дошла до последней, которая приведет к тайнику. В этом случае моя душа будет спокойна оттого, что ты не получила «Букварь», и клятва моя будет формально выполнена, ведь я указала тебе, как его получить.

Погладь за меня мою верную метелку. Надеюсь, она по-прежнему с тобой. Я просила нянюшку Рину передать ее тебе в том случае, если ты пойдешь по моим стопам и вздумает изучать магию. В метлу я тоже вложила частичку себя – быть может, она сможет выручить тебя, когда это будет необходимо.

Я люблю тебя, моя хорошая, и горжусь тобой. Надеюсь, ты простишь свою маму.

Э.»

Белинда трижды перечитала письмо и четырежды – первое зашифрованное указание на тайник. Она сразу поняла, о чем идет речь, но ни мгновения не сомневалась в том, что вторую подсказку искать не будет. «Букварь» погубил ее мать, из-за него едва не погибли

Изабелла и Марта. Где бы ни спрятала его мама, фея искренне надеялась, что там он и сгниет, больше не найдя ни одного читателя.

Свиток рассыпался пылью в ее руках, унося с собой тайну первой подсказки, и Ядвига, затаившаяся в кустах, так и не узнала, что за послание читала ее сводная сестричка. Достойная дочь Сюзанны еще долго копалась в пыли и ругала Белинду почем зря, грозя отомстить за мать. Но ее угрозы ушей обидчицы не достигли: фея шла по розовой аллее к дворцу, из распахнутых окон которого неслись шумные поздравления молодым, прижимала к груди палочку и улыбалась.

Она была счастлива, как никогда в жизни. Ее крестницы, несмотря на всё сопротивление заклинания, наложенного Эстель, вышли замуж. Вероятно, ее мать и предположить не могла, что первой магической миссией дочери станет попечение девочек, которое растянется на долгие семнадцать лет и завершится только со свадьбой. Если бы Белинда пополнила ряды знахарок или вольных волшебниц, ее первой волшебной задачей стало бы создание нового лечебного отвара или спасение человеческой жизни. Тогда ее злоключения закончились бы гораздо раньше и, вероятнее всего, не продлились бы и пары лет. Но она выбрала для себя другую стезю и все это время изо всех сил противилась воле матери, доказывая свое право называться феей. И доказала!

Идя вдоль аллеи, фея рассеянно помахивала палочкой, и по пути ее следования распускались пышным цветом едва наметившиеся бутоны и оживали высохшие ростки, воздух наполнялся упоительным ароматом роз, пением птиц и стрекотом кузнечиков.

Белинда улыбалась: теперь она устроит на свадьбе настоящие чудеса!

...Гости безмятежно пировали, не ведая о планах доброй феи.